Боборыкин П.Д.
т.10

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

65010

№ 10. 1897

СБОРНИКЪ
„НИВЫ“
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ ЖУРНАЛУ „НИВА“

СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ,
ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

П. Д. БОБОРЫКИНА.

Въ 12 томахъ.

Томъ X.

ОКТЯБРЬ 1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897 г.

ТОЛЬКО ЧТО ОТПЕЧАТАНО И ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

большое иллюстрированное изданіе **А. Ф. МАРКСА:**

„ПО СѢВЕРО-ЗАПАДУ РОССІИ".

Соч. К. К. Случевскаго.

двухъ объемистыхъ томахъ, XX+XII+1064 страницы боль-ого 8°, съ двумя картами сѣвернаго и западнаго края, отпе-чатанными въ 6 красокъ, и съ 305-ю рисунками.

Авторъ этого капитальнаго сочиненія имѣлъ счастье сопутство-ть Е. И. В. В. К. Владиміру Александровичу въ его путешествіяхъ 84 — 88 годовъ по сѣверу и западу Россіи. Собранныя во время ихъ шести путешествій, въ многочисленныхъ посѣщенныхъ городахъ мѣстностяхъ, разнообразныя и обширныя свѣдѣнія, провѣренныя, работанныя и дополненныя впослѣдствіи данными изъ другихъ источ-ковъ, а равно непосредственныя наблюденія автора и послужили теріаломъ для вновь изданной книги, первыя изданія которой (1886 1888 гг.), подъ заглавіями „По Сѣверу Россіи" и „Балтійская Сто-на", нынѣ совершенно распроданы.

Въ новомъ, второмъ изданіи выключены всѣ подробности, имѣвшія шь временный интересъ, и, напротивъ, сохранены и отчасти допол-ны существенныя части книги.

Вслѣдствіе исключительно благопріятныхъ условій, въ которыхъ аходился авторъ, ему представлялась возможность ознакомиться съ аиболѣе выдающимися достопримѣчательностями посѣщенныхъ мѣстъ видѣть многое, что для другихъ путешественниковъ рѣдко бываетъ ступно. Благодаря этому, книга К. К. Случевскаго заключаетъ въ бѣ чрезвычайно разнообразный и обильный матеріалъ историческаго, ографическаго, этнографическаго и т. п. содержанія, изложенный йтомъ въ легкой, интересной формѣ, съ присущимъ автору талантомъ.

Текстъ книги иллюстрированъ множествомъ видовъ городовъ и хъ достопримѣчательностей, воспроизведенныхъ въ художественно сполненныхъ гравюрахъ и автотипіяхъ съ рисунковъ и фотографи-ческихъ снимковъ.

Изданіе отпечатано на превосходной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. ПБ. 1897 г.

Цѣна изданія, несмотря на его большой объемъ и на обиліе люстрацій, назначена весьма умѣренная—**7 руб. за оба тома,** пересылкою—**8 руб.**

Съ требованіями обращаться **въ контору изданій А. Ф. Маркса:**

С.-Петербургъ, Малая Морская, № 22.

СОБРАНІЕ

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ

П. Д. БОБОРЫКИНА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

65010

Приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1897 г.

АБ Ирбитская городская ЦБС

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

Тип. А. Ф. МАРКСА, Ср. Подъяч., № 1.

Публичная
Городская
Либ
А5

ПОУМНѢЛЪ.

(повѣсть.)

I.

На Рыбной улицѣ, тамъ, гдѣ перекрестокъ поднимается немного на изволокъ, противъ церкви Алексѣя Митрополита, протянулся деревянный одноэтажный домъ и по улицѣ, и по Зыбину переулку, идущему подъ гору, къ кузницамъ и къ задамъ запущеннаго, когда-то роскошнаго барскаго сада князей Токмачъ-Пересвѣтовыхъ.

Домъ выкрашенъ въ сизо-розоватую краску, еще часто попадающуюся въ губернскихъ городахъ. Красили его уже давно и кое-гдѣ, вдоль стѣнъ, краска отколупилась и старое побурѣлое дерево выглядывало наружу. Оконъ тѣснилось много, штукъ до десяти, вдоль уличнаго фаса, все съ зелеными ставнями и лѣпными украшеніями фризовъ на старо-дворянскій манеръ.

Подъѣздъ былъ, однако, придѣланъ уже позднѣе, когда пошла мода на подъѣзды съ улицы,—прежнее крыльцо съ длиннымъ вырѣзаннымъ навѣсомъ помѣщалось на дворѣ, съ переулка.

Снѣжокъ покручивалъ по перекрестку часу въ четвертомъ послѣ обѣда. Только что ударили къ вечернѣ. Тутъ же, на перекресткѣ, стояло нѣсколько извозчиковъ: двое мѣстныхъ лихачей, на рѣзныхъ санкахъ, съ толстогрудыми битюгами, безъ полостей, сами нарядно одѣтые, и „Ванька“ въ кафтанѣ изъ мужицкой дерюги. Его пошевни, низенькія, лубочныя, покрывалъ коврикъ изъ суконныхъ покромокъ, внутри лежало сѣнцо.

Ѣздоковъ не видать что-то еще было ни откуда, ни со стороны площади, гдѣ стоялъ судъ, ни отъ спуска по переулку, гдѣ издали бѣлѣли полные инея липы и клены барскаго запущеннаго сада.

Ванька поднялъ высокій воротникъ своего кафтана, надѣтаго поверхъ полушубка, и морщился отъ снѣга, попадавшаго ему на щеку. Тѣ двое лихачей съ нимъ не знались, и когда онъ тутъ остановился, только переглянулись между собою на особый ладъ: „вотъ, молъ, пожаловала ворона на первую въ городѣ биржу“.

Одинъ—толстый, затянутый кушакомъ съ наборомъ изъ серебра съ чернью, въ котиковой шапкѣ—перевелъ голубыми вожжами и выговорилъ тономъ зажиточнаго мѣщанина, знающаго хорошихъ господъ:

— Александръ Ильичъ изъ правленія покатитъ, поди, вскорѣ?

— Не раньше, какъ въ исходѣ четвертаго.

Другой извозчикъ смотрѣлъ еще очень молодымъ парнемъ. Курчавый и веснущатый, онъ ушелъ головой въ триковый ваточный картузъ; изъ-подъ стоячаго воротника синяго кафтана выглядывала розовая рубашка. Шарфа онъ не носилъ.

— Да онъ и завсегда сидитъ по правилу, а седни у нихъ день особенный, суббота, больше народу бываетъ.

— Это точно,—подтвердилъ толстый лихачъ.

Они помолчали. Слышно было только похрапываніе одной лошади, сѣрой въ яблокахъ, норовившей достать языкомъ свою товарку, бурую... Лошади были въ дружбѣ, хотя и стояли на разныхъ дворахъ.

— Балуйся! — далъ на нее окрикъ молодой парень. — Меринъ несуразный!

И онъ ударилъ вожжей по широкому крупу своего сѣраго.

Опять они помолчали. Толстый глядѣлъ въ ту сторону, гдѣ стояло зданіе присутственныхъ мѣстъ. Къ вечернѣ отблаговѣстили. Съ послѣднимъ ударомъ онъ вдругъ почему-то перекрестился, приподнялъ котиковую шапку и показалъ свой черепъ, совсѣмъ лысый, бѣлый, съ маленькою прядью темныхъ волосъ напереди, черепъ умнаго плута-дворника, круглый и съ выпуклостями лобной кости. Отъ него пошелъ сейчасъ же легкій паръ.

— Господи Іисусе Христе! — чуть слышно выговорилъ лихачъ.

Молодой парень покосился на него и спросилъ:

— Папиросочки не соблаговолите, Ефимъ Иванычъ?

Онъ говорилъ толстому „вы“, а тотъ ему „ты“.

— Нешто я курю?.. Ишь, что выдумалъ!—брезгливо и съ усмѣшкой сказалъ Ефимъ.

— Ужли на старую вѣру повернули?

— Мели еще!

Ванька въ мужицкомъ кафтанѣ началъ прислушиваться къ ихъ разговору. Его пошевни стояли поодаль отъ саней молодого парня. На эту биржу заѣхалъ онъ покормить лошадь и уже подвязалъ ей торбу... Онъ замѣчалъ, что лихачи на него косятся, и уѣхалъ бы, да надо было дать лошаденкѣ пожевать овсеца.

Извозничалъ онъ въ губернскомъ городѣ первую зиму, былъ изъ сосѣдняго уѣзда, городскіе порядки еще мало зналъ и выручки у него не спорились. Только на чугунку да съ чугунки приводилось довезти путевого сѣдока, а такъ, по городу, цѣлыми часами никого или за самую нищенскую цѣну. Особенно барыни! Тѣ и на вокзалъ норовятъ за гривенникъ доѣхать; да гривенникъ еще ничего, а то восемь, семь копеекъ.

Вотъ сейчасъ онъ конецъ сдѣлалъ, порядочный кончикъ, за четыре копейки. Тоже въ салопѣ, старушка.

Идетъ да кричитъ:

— Ванька, хочешь двѣ семитки?

Онъ было совѣстить ее началъ. Она идетъ себѣ, палочкой постукиваетъ по тротуару. И онъ за ней по улицѣ плетется.

Посадилъ!

Мужикъ онъ тихій, не молодой, подслѣповатый, немножко хворый. Кабы не выдалась осень такая — сына угнали, да другого женить пришлось, да неурожай льну— ихъ главный промыселъ, онъ бы не поѣхалъ въ городъ... Думалъ: „прокормлюсь, по́дать привезу“.

Но рубля въ день онъ не наколачивалъ. Не то, что тѣ двое лихачей. Каждый изъ нихъ либо два съ полтиной, либо три и три съ четвертакомъ привезетъ. Толстый-то самъ хозяйствуетъ, а молодой—работникъ, такъ тотъ изъ выручки себѣ откинетъ не меньше двухъ двугривенныхъ.

Положеніе такое: двадцать копеекъ конецъ по городу, на чугунку—тридцать, съ багажомъ—сорокъ. Такъ ему, Ванькѣ, никто этой „такціи“ не дастъ, а чуть заикнется— на смѣхъ поднимаютъ:

— Ну, ты, гужеѣдъ желтоглазый, туда же—такція!

Когда и при городовомъ на вокзалѣ—и городовой смѣется.

А тѣ двое за таксу не двинутся. На нихъ все такіе господа ѣздятъ, безъ ряда. И всегда выше таксы отвалятъ.

Такъ перебиралъ про себя деревенскій, поглядывая больше на обоихъ лихачей, чѣмъ на прохожихъ. Ему было тутъ жутко, да и зябнуть онъ началъ въ плоховатомъ полушубкѣ и старыхъ, невысокихъ валенкахъ.

И толстый извозчикъ, Ефимъ, думалъ почти въ томъ же родѣ. Стоялъ и онъ безъ дѣла больше часу и спрашивалъ себя: прогадалъ онъ или нѣтъ тѣмъ, что отъ гостиницы отъѣхалъ?.. По утрамъ, послѣ чугунки, онъ тамъ стоялъ. Гришка—молодой парень—тоже. У нихъ у обоихъ одинъ и тотъ же кругъ ѣзды, только Ефимъ выбиралъ народъ постепеннѣе.

Отъ гостиницы онъ уѣхалъ потому, что ничего стоящаго тамъ не было. И тамъ простоялъ зря. Время тугое. Проѣздъ средній, больше мелкій купецъ. Помѣщики съѣзжаться начнутъ позднѣе, недѣли черезъ три. Къ святкамъ подойдутъ и выборы.

Ефимъ ѣздитъ около тридцати лѣтъ, и вся жизнь губернскаго города уложилась у него въ головѣ, и знаетъ онъ ее такъ, какъ никакому полицейскому не знать.

Вотъ длинный розовый домъ. Паренькомъ помнитъ онъ его сѣрымъ и въѣзжали въ ворота, къ крыльцу съ навѣсомъ. Предводителей онъ былъ. Такъ изъ рода въ родъ. Сначала отецъ, потомъ сынъ. Жили широко, пріемы, вечера, игра большая. И все расползлось... Отъ фамиліи званія нѣтъ, въ уѣздѣ гдѣ-то никакъ одна дочь замужемъ. Домъ продали... Много годовъ жилъ пароходчикъ, изъ разночинцевъ какой-то, въ гору шелъ, заводъ желѣзный завелъ, потомъ перебрался въ столицу. Въ розовомъ домѣ послѣ него контора была. Да и весь городъ къ тому времени изъ помѣщичьяго сталъ на дѣловой купеческій ладъ: конторы пошли, банки, склады. Однако, отъ этого ѣзды хорошей не прибавилось. Господъ мало. Если бъ не судейскіе, да не инженеры, не съ кѣмъ и разсчитывать на хорошую выручку. Ну, налетитъ изъ Москвы адвокатъ, тороватый, особливо коли охотникъ до теплыхъ мѣстъ... Такъ для этого есть вонъ „лодыри“, въ родѣ Гришки... И каждый разъ, когда Гришка ему разсказываетъ, гдѣ

онъ съ заѣзжимъ сѣдокомъ побывалъ, [illegible]мъ непремѣнно скажетъ:

— Охальники!.. Какъ есть охальники!

Все пожалось. И губернатора-то не признаешь, не будь онъ генералъ: такъ себѣ старикъ, живетъ одинъ, лошадей держитъ пару, плохонькихъ, часто извозчика беретъ... Его губернаторъ зоветъ по имени-отчеству.

Вообще, господъ настоящихъ, съ вотчинами, коренныхъ,—одинъ, другой, да и обчелся.

Ефимъ доволенъ хоть тѣмъ, что въ розовомъ домѣ опять живетъ баринъ какъ слѣдуетъ, уже третій годъ, хотя и этотъ баринъ занимается не дворянскимъ дѣломъ, не предводителемъ служитъ, а въ правленіи частнаго общества.

Про него-то они сейчасъ и говорили съ Гришкой.

II.

— Ефимъ Иванычъ! — окликнулъ Гришка. — Вотъ и Гаяринъ катитъ изъ правленія.

— Кто?—переспросилъ Ефимъ, смотрѣвшій въ другую сторону.

— Александръ Ильичъ Гаяринъ, говорю, на вороной... Лошадка-то рѣзвая, съ побѣжкой. Чьего она будетъ завода?

— Должно-быть, собственнаго.

— А нешто у нихъ свой заводъ?

— Заводъ, въ женіной вотчинѣ, въ дальней округѣ, тамъ луга...

— Сама-то изъ богатенькихъ... Какъ, бишь, ее?..

— Антонина Сергѣевна... Извѣстно, изъ богатенькихъ... Не бѣднѣе его... И рода княжескаго... Мать-то ея, Елена Павловна... Я и ту помню...

— Тѣхъ вонъ?.. Пересвѣтовыхъ?

Гришка указалъ глазами по направленію къ Зыбину переулку, откуда, изъ-подъ изволока, виднѣлась верхушка большого сада.

— Извѣстно... Князь-то приходится ей дядей, только врядъ ли роднымъ.

Ванька съ самаго начала этого разговора сталъ прислушиваться, чего лихачи не замѣчали.

Лошадка его поѣла. Онъ снялъ торбу и пододвинулся къ Гришкѣ.

— Вы про какòва барина баете? — спросилъ онъ жиденькимъ, чисто-крестьянскимъ теноркомъ.

Гришка не сразу ему отвѣтилъ и сначала переглянулся съ Ефимомъ.

— Ты чего гоношишь?

— Про барина, молъ, какòва?..

Сани съ полостью, на ворономъ рысакѣ, уже поровнялись съ дальнимъ угломъ розоваго дома. Въ саняхъ видна была фигура барина, въ ильковой шубѣ и бобровой шапкѣ-бояркѣ.

— А тебѣ что? — спросилъ черезъ Гришку Ефимъ и повелъ, на особый манеръ, своими толстыми властными губами.

— Про Гаярина баяли!.. Коли это Александръ Ильичъ... то мы его довольно знаемъ... Мы завьяловскіе... барыни... супруги ихъ, значитъ... Отъ папеньки вотчина досталась. И ее знаемъ... Еще когда маленькая была... по лѣтамъ-то у насъ больше живали... Вотъ мнѣ про кого!..

— Ишь ты!—насмѣшливо выговорилъ Гришка и сталъ глядѣть вбокъ на Ваньку. — А ты, дяденька, намъ отрапортуй: правда ли, что Александръ Ильичъ, какъ еще молоденькій былъ, чѣмъ тамъ ни на есть проштрафился въ Питерѣ, и какъ, ровно слыхали мы, подъ присмотромъ жилъ у себя въ вотчинѣ?.. Еще передъ тѣмъ, какъ ему жениться...

Мужичокъ не сразу отвѣтилъ.

Сани уже подкатили къ подъѣзду, и баринъ въ ильковой шубѣ быстро поднялся на крыльцо, обернулся лицомъ къ кучеру, что-то сказалъ ему и позвонилъ.

— Онъ, онъ и есть, — выговорилъ Ванька, прищурившись вдаль.—Немного и постарѣлъ-то...

— Такъ какъ же, дяденька,—разспрашивалъ Гришка,— враки это все или такое съ нимъ истинно попритчилось?

Ефимъ тихо улыбался, повернувъ голову въ ихъ сторону, но самъ въ разговоръ не вступалъ. И онъ слыхалъ кое-что въ такомъ родѣ про Гаярина, но не любилъ зря болтать.

— Это точно,—выговорилъ Ванька и забавно тряхнулъ головой.

Въ немъ виденъ былъ большой добрякъ, и онъ только смотрѣлъ „михрюткой“, а въ его подслѣповатыхъ глазахъ проглядывала смекалка и даже юморъ.

— Надо такъ сказать, это вѣрно,—продолжалъ онъ уже

гораздо посвободнѣе.— Вотчина-то дальняя, его, значитъ, собственная, поблизости отъ нашей... Красный Плесъ прозывается... Пріѣхалъ онъ въ тѣ поры младъ-младешенекъ... баяли, за мѣсто наказанія его туда отправили изъ Питера. И спервоначалу чудилъ, паря...

— А что?—смѣшливо спрашивалъ Гришка.

— Да по-мужицки одѣваться учалъ, и какъ слѣдуетъ— рубаха, портки... Чуть сѣнокосъ, али жнитво—ремешокъ на голову вздѣнетъ и пошелъ самъ косой отмахивать. Однакожъ, и въ этомъ его ограничили... Потому присмотръ былъ строгій.

— Вотъ оно что,—какъ бы про себя вымолвилъ Ефимъ, не проронившій ни слова.

— Строгій...— протянулъ Ванька, — то и дѣло исправникъ наѣзжалъ.

— Значитъ, и до мужиковъ былъ хорошъ?

— Извѣстное дѣло, паря, коли самъ такимъ манеромъ...

— Ну, теперь, любезный другъ, косить не пойдетъ въ ремешкѣ,—выговорилъ вполголоса Ефимъ и поглядѣлъ на одно изъ оконъ розоваго дома.

— Извозчикъ! — сзади изъ переулка раздался крикъ и такъ внезапно, что даже Ефимъ вздрогнулъ.

Оба лихача вразъ ударили вожжами и покатили вперебивку на зовъ.

Ванька такъ и остался съ недоконченнымъ разсказомъ про барина, жившаго въ розовомъ домѣ.

Баринъ нашелъ въ передней, кромѣ двоихъ лакеевъ во фракахъ при бѣлыхъ галстукахъ, еще какого-то малаго, въ родѣ посыльнаго или артельщика.

Пока одинъ человѣкъ снималъ съ него легкую, очень дорогую ильковую шубку, другой доложилъ тономъ дрессированнаго лакея, что̀ нынче рѣдкость, особенно въ провинціи:

— Изъ правленія, съ депешей, Александръ Ильичъ... Сейчасъ принесли.

— Послѣ меня принесли?—спросилъ баринъ и, не снимая шапки, поглядѣлъ на адресъ телеграммы и вскрылъ ее тутъ же.

На его лицѣ, блѣдномъ, очень тонкомъ, съ красиво подстриженною черною бородой, раздѣленною на двѣ пряди, и въ темно-сѣрыхъ острыхъ глазахъ не выразилось ничего: ни досады, ни безпокойства. Только на бѣломъ, высокомъ, но сдавленномъ лбу, гдѣ плоскіе, лосня-

щіеся волосы лежали еще густою прядью, чуть замѣтно обозначилась одна линія, надъ самымъ носомъ, крѣпкимъ, нѣсколько хрящеватымъ, породистымъ. Усы онъ поднималъ надъ волосами бороды, и концы ихъ немного торчали.

— Хорошо, скажи тамъ, что я вечеромъ дамъ отвѣтъ.

— Слушаю-съ,— выговорилъ артельщикъ и поклонился быстрымъ наклономъ головы, характернымъ жестомъ мѣстныхъ мѣщанъ и купцовъ.

Въ дверяхъ залы Александръ Ильичъ остановился, взглядѣлъ вбокъ и назадъ и спросилъ:

— Антонина Сергѣевна у себя?

— У себя-съ,—отвѣтили разомъ оба лакея.

— Никого нѣтъ на той половинѣ?

— Никого нѣтъ-съ.

Онъ прошелъ изъ залы, какія еще сохранились въ губернскихъ городахъ, сейчасъ же налѣво, въ дверку, спустился двѣ ступеньки и черезъ темный коридорчикъ попалъ въ свое отдѣленіе—двѣ обширныхъ комнаты, ниже остальной части дома, выходившія окнами въ садъ.

Прежде, когда домъ принадлежалъ Порфирьевымъ, бывшимъ изъ рода въ родъ предводителями, цѣлыхъ семь или восемь трехлѣтій, это были „дѣтскія“.

И къ нимъ вели ступеньки въ ту и другую комнату. Первую Александръ Ильичъ отдѣлалъ себѣ подъ кабинетъ. По нѣкоторымъ подробностямъ можно было распознать покой стариннаго помѣщичьяго дома: по косякамъ оконъ и дверей, по притолкамъ и потолкамъ и по тому, какъ стоятъ печи. Въ кабинетѣ уже недавно устроили каминъ изъ темнаго сѣвернаго мрамора; въ спальнѣ — угловой, съ четырьмя окнами—печь, въ изразцахъ, занимала добрую четверть всего пространства. Тамъ нарочно было мало мебели, для воздуха, обои свѣтлые, на окнахъ короткія драпировки, по полу натянуто зеленое сукно, кровать желѣзная, узкая, съ байковымъ одѣяломъ, на стѣнѣ собраніе ружей, два шкапа, кушетка, обширный умывальный столъ съ педалью и туалетный со множествомъ разныхъ щетокъ и щеточекъ. По стѣнамъ — гравюры, старинныя, англійскія, съ кирпичнымъ оттѣнкомъ краски, перевезенныя сюда изъ усадьбы, какъ и всѣ почти остальныя вещи.

Кабинетъ смотрѣлъ уже совсѣмъ по-новому: тяжелыя гардины, мебель, крытая шагреневою кожей, съ большими монограммами на спинкахъ, книжный шкапъ рѣзного

дуба, обширное бюро, курильный столикъ, много книгъ и альбомовъ на отдѣльномъ столѣ, лампы, бронза, двѣ-три масляныя картины съ рефлекторами и въ углу—токарный станокъ.

Вся эта комната была устлана восточными коврами и въ ней звукъ шаговъ совершенно пропадалъ. Запахъ дорогихъ сигаръ и какихъ-то тонкихъ духовъ, доходившій изъ спальни, куда вела стеклянная низкая дверь, подходилъ къ убранству этого не очень высокаго, но помѣстительнаго покоя, драпированнаго, по-заграничному, темно-краснымъ сукномъ.

Въ кабинетѣ Гаяринъ подошелъ къ бюро, выдвинулъ одинъ изъ ящиковъ и положилъ въ него депешу. На письменномъ столѣ и по всей комнатѣ замѣчался порядокъ, рѣдко бывающій у самыхъ аккуратныхъ русскихъ. Каждая вещь лежала и стояла на своемъ мѣстѣ, но безъ жесткости и педантства, какъ будто даже съ нѣкоторою небрежностью, но надъ всѣмъ былъ неизмѣнный надзоръ острыхъ, темно-сѣрыхъ глазъ хозяина.

Неслышными шагами прошелъ онъ въ спальню. Передъ обѣдомъ, онъ, по-аглицки, мѣнялъ туалетъ и одѣвался одинъ, безъ прислуги.

III.

На другомъ концѣ дома, въ угловой комнатѣ — по-старинному „диванная“, — раздѣленной пополамъ перегородкой съ драпировками, у маленькаго письменнаго столика сидѣла и дописывала письмо, въ полутемнотѣ, не зажигая свѣчи, жена Александра Ильича Гаярина, Антонина Сергѣевна.

Въ ея будуарѣ, за перегородкой, помѣщалась постель, все смотрѣло скромно и немножко суховато: старинная мебель, бѣлаго дерева, перевезенная также изъ родовой усадьбы, обитая ситцемъ съ крупными разводами, занавѣски изъ такого же ситца, люстра той же эпохи, бѣлая, съ позолотой, деревянная, въ видѣ лебедя, обои и шкапчикъ съ книгами, экранъ и портреты, больше фотографіи, по стѣнамъ и на письменномъ бюро. Никакихъ ненужностей и никакой склонности къ новому жанру: превращать свои комнаты не то въ музеи, не то въ аукціонныя залы.

Между отдѣлкой этой бывшей диванной и личностью женщины чувствовалось соотношеніе. Ни въ ней, ни на ней не было ничего ненужнаго, съ претензіей, крикли-

ваго... Наружность Антонины Сергѣевны, въ зимнихъ сумеркахъ, выходила полутонами. Пепельные волосы уже сѣдѣли, но казались какъ бы напудренными, очень просто, совсѣмъ не по модѣ, зачесанные за уши, съ маленькой косой, прикрытою чернымъ кружевомъ. Никакихъ золотыхъ вещей, ни серегъ, ни браслетъ; худенькій, узкій въ плечахъ корсажъ свѣтло-сѣраго, хорошо сшитаго платья, со стоячимъ воротничкомъ; ростъ средній, худыя, тонкія руки и на правой рукѣ одно только обручальное кольцо.

Голову она, по близорукости, низко наклоняла надъ листкомъ бумаги и водила стальнымъ перомъ быстро-быстро. Щеки ея, кверху, подъ вѣками, слегка покраснѣли. Обыкновенно, лицо было безкровное, желтоватое, съ чертами утомленія, вдоль носа, которому вырѣзъ ноздрей, неправильный, но своеобразный, придавалъ несомнѣнную плѣнительность. Промежутокъ между носомъ и верхнею губою удлиненный, съ рѣзкимъ желобкомъ, и когда она говорила, эта особенность усиливала выраженіе большихъ, совсѣмъ темныхъ глазъ, очень молодыхъ по игрѣ и цвѣту. Зубы не успѣли еще пожелтѣть — небольшіе и блестящіе, бѣлизны цѣльнаго молока.

Отъ всей фигуры этой почти сорокалѣтней женщины— ей пошелъ уже тридцать восьмой—отдѣлялся неуловимый запахъ необычайной чистоплотности, рѣдкой даже у нашихъ свѣтскихъ женщинъ, и что-то нетронутое, цѣломудренное и дѣйствительно скромное проявляли ея жесты, обороты головы, движеніе пишущей руки и поза, въ какой она сидѣла.

Письмо было дописано. Она его не стала перечитывать, ей не хотѣлось еще звонить, чтобы зажгли лампу, не хотѣлось и зажигать свѣчей на своемъ столѣ; она любила эти зимнія сумерки въ ясные дни, съ полосой ярко-пурпурнаго заката, видной изъ ея оконъ, въ сторону переулка, позади извозчичьей биржи.

Она заклеила конвертъ и выпрямилась, не глядя на то, что написала, поставила адресъ и прошлась по комнатѣ.

Въ простѣнкѣ висѣло узкое зеркало въ рамѣ, обитой тѣмъ же ситцемъ. Она мелькомъ взглянула въ него, не нужно ли ей причесаться, прилично ли все на головѣ.

Если „прилично“, больше ей не нужно. Она не любила и не желала „рядиться“ ни для себя, ни для другихъ. Одѣвалась она хорошо, выписывала свои туалеты

изъ Москвы, кое-что дѣлала здѣсь. Но заказы ея сводились къ тремъ зимнимъ и тремъ лѣтнимъ платьямъ неизмѣнно. На балы она не ѣздила.

Для пріемовъ, къ обѣду и вечеру, она любила свѣтло-сѣрый туалетъ, бывшій на ней и сегодня.

По звонку и шагамъ черезъ залу, она подумала о мужѣ. Онъ прошелъ къ себѣ и переодѣвался. Можетъ-быть, онъ найдетъ, что она слишкомъ просто одѣта.

Ничего! Платье отъ Шумской и носитъ она его всего съ прошлаго поста... Но ей представилось, когда она отошла отъ зеркала, блѣдное, красивое и значительное лицо ея мужа и его темно-сѣрые глаза съ извѣстнымъ ей выраженіемъ внутренняго контроля.

Подъ этимъ взглядомъ она постоянно чувствуетъ себя неловко. До сихъ поръ, по прошествіи шестнадцати лѣтъ замужества, еще не умерло въ ней чувство влюбленности.

Она не хочетъ и въ такихъ пустякахъ противорѣчить тому, что онъ считаетъ приличнымъ, обязательнымъ для жены такого человѣка, какъ онъ.

„Il faut se devoir à sa position“,—приходитъ ей на умъ его фраза.

Прежде онъ подобныхъ фразъ не употреблялъ, тамъ, въ деревнѣ, въ первые годы ихъ супружества.

Будетъ обѣдать губернаторъ. Онъ простой старикъ, умный, безъ всякихъ претензій. Кто еще обѣдаетъ, она не знаетъ. Александръ Ильичъ вскользь сказалъ ей:

— У насъ сегодня гости, къ обѣду.

Распоряжается столомъ онъ, а не она, заказываетъ, и даже любитъ это, повару Василію, ихъ деревенскому, и отдаетъ приказанія старшему лакею, Левонтію, исправляющему должность дворецкаго.

Отъ всѣхъ этихъ заботъ она не отказывалась, но мужъ давно уже началъ заниматься и домовымъ хозяйствомъ, еще въ деревнѣ. Она стала болѣзненна, послѣ того какъ сама выкормила дѣтей, и сына Сережу, и дочь Лили. Вести хозяйство было ей иногда въ тягость. Онъ это замѣтилъ и устранилъ ее.

Теперь, въ городѣ, съ того времени, какъ она осталась безъ дѣтей, досугу у ней очень много... Она рада была бы войти въ хозяйство, но такъ ужъ заведено, а Александръ Ильичъ не любитъ, чтобы мѣнялось то, что разъ заведено. Съ этою чертой его характера, и не съ нею одной, бороться трудно, да она и не желаетъ.

Въ немъ, съ годами, развилась особаго рода уклончивость, онъ избѣгаетъ всякаго повода къ столкновеніямъ съ нею, даже въ пустякахъ... А хозяйство всегда даетъ къ этому поводъ... Все идетъ въ домѣ по часамъ, безъ малѣйшей зацѣпки, во всемъ чувствуется его властная рука, его умъ, забота, тактъ, выборъ.

Въ домѣ она точно почетная жилица или начальница какого-нибудь важнаго учрежденія, которая не входитъ въ мелочи хозяйства... И досугъ начинаетъ тяготить ее. Ее тянетъ въ Петербургъ, къ дѣтямъ. Въ концѣ зимы она поѣдетъ, но раньше Александру Ильичу это не понравится. Онъ говоритъ, что дѣтей надо оставлять однихъ, въ ихъ заведеніяхъ, одного въ лицеѣ, другую въ институтѣ, не волновать ихъ постоянными свиданіями, иначе они не научатся никогда „стоять на своихъ ногахъ“.

Прежде, когда они были еще маленькія, и рѣчи никогда не заходило о томъ, чтобы отдать ихъ въ привилегированныя заведенія, особенно сына въ лицей, въ тотъ лицей, гдѣ отецъ самъ учился и откуда вынесъ самое недружелюбное отношеніе къ такимъ „мѣстамъ систематической порчи“,—такъ онъ тогда выражался... И объ институтахъ онъ не иначе говорилъ, какъ съ насмѣшкой.

А когда подошелъ имъ возрастъ „готовиться“, явились на очередь и „лицей“, и „институтъ“. Она, впервые, сильно протестовала и не отстояла своего протеста. Это желаніе отца было первымъ признакомъ того, что прежній Гаяринъ, тотъ человѣкъ, въ котораго она увѣровала дѣвушкой, чьею женой стала послѣ тяжкой борьбы, уже покачнулся.

Внутри она близка къ убѣжденію, что это такъ, но ничего не можетъ схватить рѣзкаго, крупнаго, такого, чтобы нельзя уже было ему не сознаться...

Въ чемъ?

Вотъ этого-то слова она сама и не произноситъ... Ей жутко, хоть она и готова становиться на его мѣсто, желаетъ выгораживать его передъ собою, передъ тою Антониною Сергѣевной, на судъ которой онъ когда-то любилъ отдавать свои мысли, чувства, упованія, поступки.

И въ дѣлѣ воспитанія дѣтей вышло такъ, что онъ, не прибѣгая къ спорамъ и окрикамъ, безъ грубаго противорѣчія съ тѣмъ, что говорилъ когда-то вслухъ, приводилъ

при ней разныя соображенія и дѣлалъ это исподволь, долго, цѣлый годъ.

Вышло такъ, что Сережа попалъ въ подготовительное училище, а Лили въ тотъ же годъ отвезена была въ Смольный,—разумѣется, въ дворянское отдѣленіе, а не въ Елизаветинское.

Сейчасъ она писала о дѣтяхъ кузинѣ, княгинѣ Мухояровой, лучшему своему другу. Сестра ея живетъ тоже въ Петербургѣ, но съ ней она никогда не была дружна. Она даже не очень любитъ, чтобы Сережа ходилъ къ теткѣ по воскресеньямъ на цѣлый день.

Но и въ кузинѣ, въ томъ, какъ она живетъ, каковъ у ней кругъ знакомыхъ, что читаетъ, во всемъ этомъ уже больше двухъ лѣтъ замѣчаетъ она перемѣну, хотя и не совсѣмъ въ такомъ же родѣ, какъ въ своемъ мужѣ.

И эти думы все чаще и чаще захватываютъ ее по нѣскольку разъ на дню.

Вотъ и теперь она такъ задумалась посрединѣ комнаты, что даже съ удивленіемъ увидала, какъ сгустились сумерки.

Она сама зажгла свѣчи на письменномъ столѣ и позвонила.

Все-таки лучше было узнать, на сколько приборовъ накрываютъ,—обѣдали они въ залѣ,—и спросить у Александра Ильича, можно ли ей остаться въ томъ же платьѣ? Она узнаетъ и то, кончилъ ли онъ переодѣваться. Къ нему она не входитъ въ спальню, когда онъ занимается своимъ туалетомъ, да и въ кабинетѣ не любитъ ему мѣшать неожиданнымъ приходомъ.

Прежде это было иначе, совсѣмъ иначе.

IV.

Туалетъ Александра Ильича Гаярина подходилъ къ концу. Онъ охотно надѣлъ бы сегодня фракъ, но въ губернскомъ городѣ это можетъ показаться ненужною претензіей. Губернаторъ—человѣкъ, не любящій никакой парадности, явится, навѣрное, въ сюртукѣ съ погонами, а не въ эполетахъ. Другой гость—пріѣзжій, правда, много жившій и въ Петербургѣ, и за границей, но знаетъ губернскіе порядки и во фракѣ не явится.

Англійскій обычай—обязательность парадnаго туалета для мужчинъ и женщинъ—считаетъ онъ и красивымъ, и самымъ порядочнымъ. Надо же поднимать чѣмъ-нибудь

будничный строй жизни, особенно въ Россіи, въ провинціи, гдѣ все за послѣднія двадцать лѣтъ такъ опустилось, впало въ такую распущенность, дошло до полнаго отсутствія всякаго декорума, при грубомъ франтовствѣ разночинцевъ.

Въ спальнѣ, сидя уже одѣтымъ передъ туалетнымъ зеркаломъ, Александръ Ильичъ медленно расчесывалъ бороду, раздѣляя ее на двѣ большія пряди. Даже и при такихъ занятіяхъ онъ не могъ не думать... Фатовства въ немъ не было. Онъ видѣлъ въ зеркалѣ красивое лицо мужчины съ тонкимъ профилемъ, еще молодое, способное произвести впечатлѣніе не на одну женщину...

Но о женщинахъ онъ всего меньше думалъ. Если его потянуло изъ деревни, то ужъ, конечно, не за тѣмъ, чтобы искать здѣсь нетрудной интриги съ какою-нибудь мѣстною дамой... Имѣть въ числѣ знакомыхъ тонко воспитанную женщину для „чашки чая“ по вечерамъ было бы пріятно, но такая „чашка чая“ что-то не представлялась. Довольствоваться кое-чѣмъ онъ не хотѣлъ. Это значило бы искать связи, показывать, что ему скучно дома, что онъ удовлетворяется первою попавшеюся губернскою барынькой, что онъ вульгарный развратникъ.

Отъ всего этого онъ далекъ, и ему не трудно будетъ сохранить свою теперешнюю репутацію человѣка чистаго по этой части. Онъ отлично видитъ, что здѣсь, во всемъ городѣ, нѣтъ мужчины интереснѣе его, значительнѣе, съ большими правами на всякаго рода успѣхи. За нимъ уже волочились, да и теперь двѣ-три „gommeuses du cru“, такъ онъ ихъ называетъ про себя, готовы были бы сойтись съ нимъ.

Къ чему?

Свое чувство къ женѣ Александръ Ильичъ уже давно не разбираетъ. Онъ не можетъ не видѣть, что Антонина Сергѣевна еще не остыла. Для нея онъ все еще тотъ же властитель ея думъ, за которымъ она пошла безъ колебаній, сумѣла отстоять свой выборъ.

Тогда она привлекла его милымъ, неправильнымъ лицомъ, лаской глазъ, задушевностью своего теплаго голоса и еще больше трогательнымъ преклоненіемъ передъ его личностью, передъ всѣмъ, что было въ немъ и что исходило отъ него. Ни тогда, ни теперь онъ не хотѣлъ заглянуть поглубже въ душу этой женщины и распознать: полно, одно ли влеченіе къ блестящему мужчинѣ рѣшило

ея судьбу, а не другое что, не то, *чѣмъ* онъ былъ въ ту пору? Въ головѣ, а не въ сердцѣ Гаярина смутно всплывать этотъ вопросъ сталъ уже гораздо позднѣе, здѣсь, когда ему надо было во многомъ если не передѣлывать Антонину Сергѣевну, то доводить ее до согласія.

И во всемъ онъ до сихъ поръ успѣвалъ.

Онъ не помнитъ, чтобы когда-нибудь у нихъ доходило до крупнаго спора, до сцены, до размолвки. Да онъ и не позволилъ бы себѣ дѣйствовать круто, выказывать право на авторитетъ мужа. Это хорошо для невоспитанныхъ и неумныхъ людей.

Его совѣсть не давала и не даетъ ему поводовъ смущаться и укорять себя.

Въ немъ происходитъ естественный ходъ развитія сильной и своеобразной личности, который на философскомъ языкѣ называется „эволюціей“.

Не даромъ Гербертъ Спенсеръ былъ когда-то его любимымъ мыслителемъ. И онъ можетъ не безъ гордости сказать, что хорошо его штудировалъ даже въ подлинникѣ. Теперь у него нѣтъ столько времени, чтобы перечитывать, съ карандашомъ въ рукахъ и книжкой замѣтокъ, своихъ любимыхъ авторовъ, какъ бывало въ деревнѣ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ; но ему кажется, что именно въ книгахъ этого британца онъ и нашелъ бы объясненіе и оправданіе всему, что исподволь стало проситься наружу и отводить его все больше и больше отъ прежней программы жизни.

Антонина Сергѣевна осталась—онъ это видитъ слишкомъ ясно—все тою же экзальтированною барышней, изъ семьи, набитой чванствомъ. Дочь барыни, которая до сихъ поръ на визитныхъ карточкахъ неизмѣнно ставитъ во второй строкѣ „рожденная княжна Токмачъ-Пересвѣтова“, кроткая, сдержанная, „нутряная“ дѣвушка, носила въ себѣ, до встрѣчи съ нимъ, запретный плодъ великодушныхъ, „красныхъ“, по-тогдашнему, идей, порываній и сочувствій. И года, дѣти, напоръ и потравы жизни не настолько ее придавили, чтобы голова перестала возбуждаться на прежнія темы, именно голова, а не сердце; такъ онъ разсуждалъ уже давно, хотя вслухъ и въ особенности въ рѣзкой формѣ еще никогда не говорилъ ей, и съглазу-на-глазъ.

Разумѣется, голова! У сердца есть всегда довольно пищи. Она — мать, она — членъ общества, жена почетной

65010
АБ Ирбитская городская ЦБС

особы въ городѣ, можетъ выбирать себѣ какую угодно отрасль благотворительности. Дѣтей, правда, уже нѣтъ при ней и за ихъ отдачу въ заведеніе стоялъ онъ; но это временно: да, вдобавокъ, она къ нимъ ѣздитъ, ихъ берутъ на зимнія и лѣтнія вакаціи. Какъ женщина передовыхъ идей, — Александръ Ильичъ слово „передовой“ произносилъ про себя съ легкою усмѣшкой,—она должна же понимать, что любовь къ дѣтямъ для себя есть не „альтруизмъ“, а чистѣйшее себялюбіе, что дѣтей только испортишь, держа при себѣ слишкомъ долго, подъ давленіемъ черезчуръ высокой температуры материнскихъ заботъ, страховъ, волненій и пристрастій.

Кажется, она все это и уразумѣла, наконецъ... По крайней мѣрѣ, она уже не возвращается съ нѣкотораго времени къ этой чувствительной темѣ.

Да, онъ развивался и развивается, а она—все на томъ же концѣ шестидесятыхъ годовъ. Когда онъ думаетъ съ прибавкою мѣткихъ французскихъ фразъ, онъ называетъ это: „enkylosée dans les idées d'il y a vingt-ans“.

Иначе и быть не можетъ. Мужчина — сила активная. Женщина—сила воспринимающая, пассивно пластическая. Какою ее замѣсятъ, такою она и остается всю жизнь: святошей, тщеславною бабенкой, чванною дворянкой, нигилисткой, простою самкой.

На этомъ законѣ природы Александръ Ильичъ все крѣпче и крѣпче утверждался, и какъ разъ въ ту минуту, когда его бѣлая, немного сухая рука провела въ послѣдній разъ серебряною щеткой по волосамъ, мозгъ его далъ заключительный аккордъ его неторопливымъ мыслямъ.

Онъ зналъ впередъ, что Антонина Сергѣевна выйдетъ къ гостямъ одѣтой не такъ, какъ бы онъ хотѣлъ. Но это она измѣнитъ — не нынче, такъ завтра, съ новою перемѣной его положенія. Объ этой перемѣнѣ онъ не мечталъ, какъ мелкій честолюбецъ. Предстоящіе выборы непремѣнно принесутъ съ собой очередной вопросъ о самомъ достойномъ кандидатѣ въ губернскіе предводители.

Самый достойный, конечно, онъ. Надъ нимъ уже не тяготѣетъ прежняя опека. Выборъ его въ первые мѣстные сановники по сословному представительству будетъ означать, что онъ теперь совсѣмъ чистъ въ мнѣніи высшихъ сферъ.

И все это сдѣлалось исподволь, безъ скачковъ, безъ

всякихъ интригъ, безъ ухаживаній, безъ которыхъ не обходится никто, кому хочется прочистить себѣ дорогу къ серьезной власти.

Фата онъ въ себѣ не чувствуетъ и по части своего нравственнаго превосходства. Это слишкомъ очевидно. Ни въ уѣздахъ,—онъ знаетъ прекрасно весь личный составъ дворянъ,—ни въ городѣ нѣтъ ни чиновника, ни дѣльца, ни помѣщика, который самъ бы не сказалъ во всеуслышаніе:

— Александръ Ильичъ Гаяринъ у насъ первый номеръ!

О злоязычіи, клеветѣ и диффамаціи онъ никогда не думалъ, а теперь способенъ, менѣе чѣмъ когда-либо, смущаться ими. Онъ выработалъ себѣ такой тонъ со всѣми, что у него не было съ тѣхъ поръ, какъ онъ переѣхалъ изъ деревни,—не то, что „исторіи“, а даже простого недоразумѣнія. Да и въ деревнѣ было то же самое.

Гаяринъ всталъ, отряхнулся, прошелъ въ кабинетъ, позвонилъ два раза и, остановясь у окна, приложилъ указательный палецъ къ правой брови: онъ соображалъ, приказать ли дворецкому подать послѣ супа марсалы, или особенной, привезенной еще изъ деревни, очень сухой мадеры: „dix ans de bouteille“.

V.

Въ гостиной, огромной, жесткой и неуютной комнатѣ, освѣщенной ярче, чѣмъ это дѣлается въ провинціи въ „порядочныхъ“ домахъ, сидѣлъ уже гость, когда Александръ Ильичъ отдавалъ приказаніе насчетъ вина.

Лакей, исправляющій должность дворецкаго, доложилъ ему, что пріѣхалъ губернаторъ и прошелъ къ барынѣ.

Около дивана, гдѣ на углу, въ молодой и неловкой позѣ, присѣла хозяйка, весь ушелъ въ кресло средняго роста старичокъ, въ плохо сшитомъ сюртукѣ съ генеральскими погонами, немного сутулый, совсѣмъ сѣдой. Онъ запустилъ бороду и голова его не имѣла въ себѣ ничего военнаго, лысая, съ морщинистымъ черепомъ умнаго человѣка, много имѣвшаго на своемъ вѣку болѣзней, заботъ и огорченій. Голубые, потерявшіе блескъ глаза, съ раздраженными вѣками, грустно улыбались сквозь порѣдѣлыя рѣсницы. Тонкій носъ книзу темнѣлъ, губъ не видно было изъ-подъ усовъ. Кожа на щекахъ лежала продольными складками отъ худобы.

Онъ не носилъ ни шпоръ, ни штрипокъ и ноги пере-

крутилъ, сидя вбокъ, съ лицомъ, обращеннымъ больше въ уголъ, чѣмъ къ хозяйкѣ дома.

— Начинаютъ полегоньку съѣзжаться,—продолжалъ онъ разговоръ о близости выборовъ.

У него не было переднихъ зубовъ; онъ ихъ не вставлялъ и давно получилъ старческій выговоръ.

— Вы любите, генералъ, когда городъ немного оживляется!

— Еще бы!.. А то даже на вашей, самой бойкой улицѣ, отъ зданія присутственныхъ мѣстъ до острога, простымъ глазомъ можно сосчитать всѣхъ пѣшеходовъ и сѣдоковъ.

Онъ тихо засмѣялся и повелъ нервно правымъ плечомъ,—у него это было родъ тика.

— А театра такъ и не будетъ?

— Такъ и не будетъ, — отвѣтилъ онъ на ея вопросъ почти уныло.

Его обижало за городъ, что не можетъ здѣсь установиться постояннаго театра, да и скучалъ онъ, живя одинъ безъ семьи, по вечерамъ. Въ карты игралъ онъ только отъ скуки, читать по вечерамъ ему было запрещено. Бумаги читалъ ему правитель канцеляріи.

— И къ выборамъ не будетъ?

Антонина Сергѣевна разспрашивала объ этомъ, чтобы доставить ему удовольствіе. У ней совсѣмъ не было привычки къ зрѣлищамъ.

— Предлагало какое-то сосіетѣ, — они такъ нынче величаютъ свои товарищества,—да, кажется, дрянцо какое-то... Обѣщали гастролеровъ, будто бы и Ермолову, и еще кого-то на нѣсколько спектаклей получатъ... Но субсидію запросили сразу. А нашъ лордъ-мэръ и обыватели на это очень крѣпоньки... Въ театрѣ полы расшатались давно, да и крыша кое-гдѣ течетъ... Ужъ, право, и не знаю,—кончилъ онъ съ усмѣшкой, — чѣмъ мнѣ по вечерамъ развлекать господъ дворянъ?

Глаза свои онъ перевелъ тутъ же на лицо хозяйки дома, и въ нихъ что-то мелькнуло. Онъ подумалъ о ея мужѣ, о томъ, пойдетъ ли Александръ Ильичъ въ предводители.

„Конечно, пойдетъ“,—рѣшилъ онъ уже не въ первый разъ. Онъ считалъ Гаярина не на мѣстѣ. Ему извѣстно было его прошедшее, онъ чувствовалъ въ немъ человѣка, который осторожно и ловко пробирается вверхъ. Положе-

ніе директора частнаго общества временное. Обыкновеннымъ дѣльцомъ Гаяринъ не будетъ.

Съ Антониной Сергѣевной губернаторъ еще никогда не заводилъ разговора о карьерѣ ея мужа. Его удерживало сложное чувство. Въ немъ притаилась горечь неудачника. Въ супружеской жизни онъ былъ очень несчастенъ. На мѣстѣ его забыли, больше пятнадцати лѣтъ даже чиномъ не побаловали. А онъ начиналъ блистательно, какъ офицеръ генеральнаго штаба, былъ нѣсколько лѣтъ военнымъ attaché одного изъ посольствъ. Въ лицѣ Гаярина передъ нимъ вставала личность, созданная для успѣховъ въ теперешнее время, онъ ему не завидовалъ, но и не преклонялся передъ такими людьми. Себя считалъ онъ болѣе достойнымъ настоящаго уваженія. Насколько можно было на административномъ посту, онъ старался быть вѣрнымъ тому, что считалъ, еще молодымъ человѣкомъ, „просвѣщеннымъ“ и „гуманнымъ“, полезнымъ для своего отечества.

Въ женѣ Гаярина онъ распознавалъ нѣчто родственное себѣ; но его удерживала деликатность: узнать ея взгляды на карьеру мужа.

Съ другой стороны, онъ былъ бы радъ скоротать свой вѣкъ, имѣя около себя такой предводительскій домъ, какъ Гаярины, находилъ Александра Ильича самымъ виднымъ и дѣльнымъ кандидатомъ, мечталъ о томъ, что онъ въ предводительшѣ найдетъ друга, способнаго оцѣнить его житейскія испытанія, усладить тяжесть одинокой старости.

Отъ женщинъ, въ смыслѣ корыстнаго ухаживанья, даже и въ подчиненныхъ сферахъ, генералъ Варыгинъ давно уже отказался: „сложилъ оружіе“,—говаривалъ онъ.

— Выборы у насъ будутъ интересные,—сказалъ губернаторъ и повелъ на особый ладъ усами.

Антонина Сергѣевна не поняла его намека и поглядѣла на него вопросительно, безъ всякой задней мысли.

О томъ, что мужъ ея пробирается въ предводители, она еще ни разу не подумала, какъ о близкомъ фактѣ. Съ ней онъ уже давно не мечталъ вслухъ, не сообщалъ ей своихъ плановъ, избѣгалъ всякихъ разговоровъ о личныхъ интересахъ.

— Сословіе желаютъ поднять,—продолжалъ старикъ и передернулъ правымъ плечомъ.—Что жъ, хорошее дѣло, если только въ прокъ пойдетъ.

И въ глазахъ, отуманенныхъ годами и горечью жизни, проползла струйка иронiи.

— Надежда плохая!—сказала Антонина Сергѣевна.

У ней на этотъ счетъ взгляды давно установились. Она не любила громко обличать и разносить; но на свое сословiе она была точно такихъ взглядовъ, какъ ея мужъ, пятнадцать лѣтъ назадъ, когда онъ жилъ въ деревнѣ подъ присмотромъ.

— Какъ бы капиталы новаго банка не пошли туда же, куда и блаженной памяти выкупныя свидѣтельства.

Она усмѣхнулась и ея улыбка ясно говорила: „можно ли въ этомъ сомнѣваться?“

Этого умнаго и простого старика, забытаго на губернаторскомъ посту, она считала „своимъ“ человѣкомъ, которому только его должность не позволяетъ высказываться посильнѣе. И не столько должность, сколько другое время. Лѣтъ пятнадцать-двадцать передъ тѣмъ онъ, навѣрное, былъ менѣе сдержанъ. Ему Антонина Сергѣевна прощала. Онъ весь свой вѣкъ служилъ, старался быть честнымъ, оставался вѣренъ нѣкоторымъ идеямъ общественной правды. Чего же больше требовать отъ него? Было бы печальнѣе, если бъ онъ либеральничалъ на словахъ, а на дѣлѣ былъ ретроградъ и черствый честолюбецъ или тайный измѣнникъ своей присягѣ.

Ея мужъ смотритъ на него сверху внизъ, считаетъ его „запаснымъ“, не разъ уже проговаривался, что на такомъ мѣстѣ, какъ постъ начальника губернiи, надо иначе держать себя, имѣть другой тонъ, больше „инiцiативы“ и „авторитета“.

Эти фразы странно звучали для нея въ устахъ Александра Ильича. Правда, онѣ выходили у него легко и ловко, кстати и съ неуловимымъ двойственнымъ оттѣнкомъ. Такъ могъ говорить и радикально мыслящiй человѣкъ.

— Мѣсто предводителя никогда у насъ не пустовало,— замѣтилъ губернаторъ и опять кинулъ на нее боковой взглядъ.—А теперь вотъ второй годъ пустуетъ.

— Охотники найдутся, — вымолвила она и почувствовала, что онъ намекаетъ на мужа.

— Александру Ильичу, можетъ-быть, хочется,—потише сказалъ онъ, — чтобы ему шарики на тарелкѣ поднесли, какъ въ доброе старое время?

— Александру Ильичу? — переспросила она и начала краснѣть,—ей стало вдругъ очень неловко.

Она хотѣла бы возразить: „Помилуйте, съ какой стати пойдетъ онъ въ предводители даже и теперь, когда хотятъ поднимать сословіе?“ Но ея всегдашняя честность не позволила ей такого протеста. Ручаться за него она уже не могла, и это ее смутило и опечалило.

Старичокъ послѣ своей фразы сидѣлъ все въ той же перекошенной позѣ и ему казалось забавнымъ, что черезъ какихъ-нибудь пять-шесть недѣль онъ будетъ посылать ея мужу официальные пакеты съ надписью: „Его превосходительству господину губернскому предводителю дворянства“, и увидитъ его въ соборѣ, въ табельные дни, въ бѣлыхъ панталонахъ съ галуномъ.

Давно ли онъ, какъ начальникъ губерніи, долженъ былъ давать свѣдѣнія о помѣщикѣ такого-то уѣзда, владѣльцѣ такого-то имѣнія, проживавшемъ въ своей усадьбѣ подъ надзоромъ?.. Ему вспомнилось обычное полушутливое выраженіе правителя канцеляріи, называющаго этотъ отдѣлъ свѣдѣній, отбираемыхъ отъ уѣзднаго начальства, „кондуитъ“.

И въ эту минуту въ дверяхъ гостиной онъ увидалъ стройную, еще очень молодую фигуру Александра Ильича, затянутую въ сюртукъ, съ его темною расчесанною бородой, въ высокихъ модныхъ воротничкахъ, съ тихою, значительною улыбкой сжатаго энергичнаго рта.

Антонина Сергѣевна быстро взглянула на мужа, еще не освободившись отъ своего смущенія, и ее пронизала мысль:

„Да, онъ мѣтитъ въ предводители и скрываетъ это отъ меня!“

— Какъ поживаете, генералъ? — раздался отъ двери ласково-почтительный вопросъ, и двѣ руки протянулись, на ходу, къ гостю.

VI.

Въ началѣ восьмого пили кофе и курили въ будуарѣ хозяйки.

Кромѣ губернатора, былъ тутъ и другой гость, нѣсколько опоздавшій къ обѣду, нѣкто Ахлёстинъ, Степанъ Алексѣичъ, чиномъ отставной гвардіи штабъ-ротмистръ, холостякъ лѣтъ подъ пятьдесятъ. Плотно остриженная, еще не сѣдая голова его давала ему видъ очень неста-

раго человѣка—и маленькая бородка, и короткая жакетка, и свѣтлый атласный галстукъ. Онъ одѣвался по-заграничному. Въ Россіи жилъ онъ только по лѣтамъ; на этотъ разъ запоздалъ и хотѣлъ остаться на выборы. Онъ уже больше двадцати лѣтъ проживалъ на югѣ Европы, не служилъ, не искалъ службы и досуги свои употреблялъ на то, что сочинялъ проекты по вопросамъ русскаго государственнаго хозяйства и управленія, задѣвалъ и общія соціальныя темы, печаталъ брошюры по-французски и по-русски, разсылалъ ихъ всѣмъ „власть имѣющимъ“ на Западѣ и въ Россіи. Его считали вездѣ чудакомъ; иные думали, что подо всѣмъ этимъ таится нѣчто другое, чего, въ сущности, не было... Онъ никого не дурачилъ.

И теперь, за кофеемъ, Ахлёстинъ, немного запинаясь въ рѣчи, высокимъ голосомъ, съ манерой говорить москвича, на которую житье за границей не повліяло нисколько, разсказывалъ про то, какимъ онъ особамъ разослалъ послѣднюю свою брошюру: „О возможныхъ судьбахъ Европы въ виду грядущихъ соціальныхъ переворотовъ и неизбѣжныхъ войнъ“.

— На Западѣ двое мнѣ, какъ порядочные люди, отвѣтили... настоящими письмами, — весело крикнулъ онъ. — Остальные... благодарили.

— А сколько вы разослали экземпляровъ? — спросилъ губернаторъ.

— Да ужъ, ей-Богу, не помню... Въ одной Россіи штукъ триста. Такъ по адресъ-календарю и валялъ!

— И, разумѣется, у насъ всѣ промолчали?

— То-есть — pardon, Антонина Сергѣевна! — хоть бы плюнулъ кто.

— Ну, а эти двое европейцевъ? — возбужденно допрашивалъ старичокъ.

Хозяинъ дома сидѣлъ поодаль и неопредѣленно улыбался.

— Покойникъ Биконсфильдъ и донъ-Педро.

— Императоръ Бразиліи?

— Онъ самый.

— Зато какова парочка!

— Да! Дизраэли даже удивилъ меня. „Совершенно, — пишетъ,—согласенъ съ вашимъ взглядомъ“. А я насчетъ Индіи предлагаю примирительную систему. „Всѣмъ великимъ націямъ, говорю я, будетъ достаточно дѣла въ тѣхъ странахъ, гдѣ онѣ призваны господствовать“.

Хозяинъ продолжалъ молчать и отхлебывать изъ маленькой плоской чашки черный, очень крѣпкій кофе. В глазахъ его мелькала улыбка. Онъ слушалъ гостя и думалъ полуиронически, полусерьезно о томъ, какую роли играютъ у насъ проекты и докладныя записки тамъ, въ Петербургѣ, гдѣ всякій „чинушъ“ норовитъ отличиться, бьетъ тревогу, доказываетъ неминуемую гибель общества, если не послушаютъ его.

Худощавая, своеобразная фигура Ахлёстина выдѣлялась передъ нимъ на фонѣ кресла, обитаго свѣтлою старинною матеріей. Онъ часто двигалъ свободною правою рукой; лицо его смѣялось, а въ глазахъ была какая-то смѣсь мечтательности и юмора съ чисто-русскимъ оттѣнкомъ.

„Мнѣ, молъ, все равно; я не бьюсь ни изъ чиновъ, ни изъ окладовъ... Пускай на меня свысока смотрятъ всѣ власть имѣющіе“.

И онъ тотчасъ же прибавилъ, точно возражая кому-нибудь изъ присутствующихъ:

— Я ни къ какой кучкѣ не принадлежу!.. Одни считаютъ меня ретроградомъ, чуть не ярымъ крѣпостникомъ, другіе — тайнымъ нигилистомъ... Кто-то даже Катилиной обозвалъ... хе-хе-хе!

Смѣхъ у него былъ высокій, дѣтскій.

Губернаторъ тихо разсмѣялся вслѣдъ за нимъ.

— Ей-Богу! Всѣ личину носятъ и тянутъ только въ свою сторону, а я такъ разсуждаю: пусть въ моихъ немудрыхъ писаніяхъ много вздору; но если есть хоть крупица дѣла на пользу общую, и этою крупицей воспользуется кто-нибудь власть имѣющій, больше я ничего и не желаю. Надо понять, я стою за поднятіе того сословія, въ которомъ родился, только затѣмъ, чтобы всѣмъ было хорошо, чтобы народъ не несъ лишнихъ тягостей, не пропился и не избаловался бы въ лоскъ.

— Трудно, — выговорилъ губернаторъ, какъ бы думая про себя, — очень трудно, — протяжно повторилъ онъ, — влѣзть въ кожу мужика, въ то, что онъ долженъ выбить изъ земли сохой или заступомъ.

Его добрые, затуманенные глаза обратились къ Антонинѣ Сергѣевнѣ; она встрепенулась и быстро кивнула ему головой.

Изъ троихъ собесѣдниковъ ему больше всего она вѣрила, къ нему была ближе душой. Мужа она совсѣмъ не

увствовала сегодня, въ этомъ разговорѣ, и давно уже не слыхала, чтобы онъ высказался прямо, смѣло, какъ прежде... Его блуждающая улыбка и уклончивая молчаливость смущали и печалили ее.

Во взглядѣ старичка она прочла признаніе человѣка съ сердцемъ, которому долгая губернаторская служба дала отличное знаніе того, какъ выбиваются, по уѣздамъ, годами накопившіяся недоимки. Она вспомнила, что разъ, въ этомъ же будуарѣ, онъ сильно повелъ правымъ плечомъ и у него вырвалось восклицаніе:

— Вотъ на это и клади всю душу! Выбивай недоимки! И съ каждымъ годомъ все хуже и хуже!

Даже Ахлёстинъ,—она считала его, все-таки, защитникомъ сословныхъ взглядовъ, — казался ей искреннѣе и цѣльнѣе Александра Ильича. Она не могла отличить въ немъ привычки къ извѣстнаго рода дилетантству отъ убѣжденности человѣка, имѣющаго свои взгляды, способнаго вдумываться въ судьбы всего человѣчества и своей родины. Брошюръ его она не читала.

— Да почему же вы думаете, генералъ, — вдругъ еще весёлѣе заговорилъ Ахлёстинъ,— что я не проходилъ черезъ настоящую мужицкую работу?.. И очень!.. Позвольте вамъ разсказать одинъ такой экспериментъ. Давненько это было. Я уже вышелъ въ отставку и гостилъ у тетки, въ деревнѣ... Знаете, тогдашнею модой насчетъ хожденія въ народъ я не зашибался.

Эту фразу онъ сказалъ просто, между прочимъ, но Антонину Сергѣевну кольнуло, и она не могла не взглянуть въ сторону мужа. Тотъ сидѣлъ съ неподвижнымъ лицомъ и съ тою же усмѣшкой на тонкихъ губахъ.

„Онъ даже забылъ про это,—съ горечью подумала она,— или уже привыкъ носить маску?“

— Нѣтъ, не зашибался, — повторилъ разсказчикъ.— А съ мужичками ладилъ, ничего. Ну, и времени много было свободнаго. У тетки копали прудъ. И плотину надо было соорудить здоровую... А, главное, копать... Пришли землекопы... Артель человѣкъ въ восемь-десять. Я съ ними въ знакомство вступилъ... „Тары-бары... Хорошъ табачокъ“... Хожу, посматриваю, какъ они дѣйствуютъ... И, знаете, на третій, кажется, день разобрала меня охота... Отчего мнѣ не поработать?.. Только чтобы до конца довести вмѣстѣ съ ними...

— И выдержали?—съ живостью спросилъ губернаторъ.

— И выдержалъ! Пиджакъ и штиблеты съ себя поснималъ, даже волосы ремешкомъ пристегнулъ... Вставалъ съ пѣтухами, ѣлъ съ рабочими изъ одной чашки,— еще постъ Петровскій пришелся,—хлѣбъ, лукъ, каша съ коноплянымъ масломъ, тюря... Отлично!.. И повѣрите, когда, къ концу первой недѣли, перестало въ поясницѣ ныть и руки я достаточно намозолилъ,—такое, я вамъ скажу, душевное настроеніе... Никогда въ жизни ничего подобнаго не испытывалъ! Ей-Богу!.. Это что-то совсѣмъ особенное... Одна забота, одна мысль—вотъ этотъ пластъ земли уничтожить, а потомъ другой, а потомъ третій... И верхъ благополучія—все выкопать, плотину утрамбовать въ наилучшемъ видѣ и воды напустить!..

— Такъ ужъ это помѣщичье чувство!—перебилъ губернаторъ.

— Ни Боже мой!.. Я все забывалъ: кто я, гдѣ живу... что баринъ я, гвардіи штабъ-ротмистръ, племянникъ помѣщицы... Мало того, всякія дѣла тамъ, въ Европѣ!.. Въ то время Испанія въ ходу была... Королева Изабелла, генералъ Примъ, кортесы, потомъ претенденты на престолъ... Все это вдругъ показалось мнѣ такою пустяковиной! Работа!.. Одна работа!.. Вотъ какая притча!

— И вы увѣрены, что и землекопы такъ же чувствовали?—не сдавался губернаторъ.

— Непремѣнно! Нельзя иначе чувствовать, когда работа держитъ васъ въ своихъ клещахъ!.. Лучшаго душевнаго настроенія нѣтъ и быть не можетъ!

— Однако, вы въ немъ не остались?

— Это уже другой вопросъ, ваше превосходительство! Всякому свое... Что вы, Александръ Ильичъ, на это скажете?

— А скажу то, что надо черезъ это пройти, но не затѣмъ, чтобы забывать обо всемъ другомъ...

„О чемъ?“—стремительно спросила про себя Антонина Сергѣевна и сдержала желаніе посмотрѣть на мужа.

Ахлёстинъ началъ уже прощаться, торопливо, точно онъ опоздалъ куда. Его удерживали. Онъ объявилъ, что долженъ въ Москву, съ вечернимъ поѣздомъ, и, уходя, въ дверяхъ, сдѣлалъ дурачливую мину и сказалъ:

— Все корректура донимаетъ. Пріятелямъ нельзя поручить, наврутъ!

Хозяинъ пошелъ его провожать. Губернаторъ перешелъ

со своего кресла на диванъ, поближе къ Антонинѣ Сергѣевнѣ.

VII.

Александръ Ильичъ вернулся очень быстро, въ дверяхъ остановился немного и оглянулъ и гостя, и жену.

— Уѣхалъ? — спросилъ его губернаторъ и вытянулъ ноги.—Господинъ реформаторъ?

Слово „реформаторъ“ произнесъ онъ съ замѣтною улыбкой.

— Да, реформаторъ,—повторилъ Гаяринъ и сѣлъ опять на свое мѣсто, въ той же позѣ, съ тѣмъ же лицомъ, и взялъ опять со столика недопитую чашку.

— Этакіе-то не опасны, — продолжалъ губернаторъ и повелъ слегка плечомъ,—по крайней мѣрѣ, ничего не хотятъ истреблять и ни подо что тайно не подкапываются!.. Разсылаютъ свои писанія во всѣ концы свѣта.

— Какъ сказать? — заговорилъ, наконецъ, Гаяринъ и выпрямился.—Эта игра въ спасители человѣчества только подрываетъ кредитъ тѣхъ, кто дѣйствительно хотѣлъ бы вложить свою лепту въ общее дѣло.

Эту фразу произнесъ онъ съ остановками, ища словъ, чего съ нимъ не бывало никогда. Точно будто ему не хотѣлось ни въ какомъ смыслѣ высказываться въ присутствіи своей жены.

Антонина Сергѣевна такъ это и поняла и продолжала сидѣть въ неловкой позѣ, съ опущенными глазами. Она съ радостью взяла бы папиросу и закурила, но мужъ ея, съ нѣкоторыхъ поръ, не любитъ, чтобы она курила, особенно при гостяхъ.

— Эхъ, Александръ Ильичъ, кто у насъ читаетъ?.. Вѣдь онъ самъ же сейчасъ говорилъ, что ему ни единая душа не отвѣтила, изъ трехсотъ человѣкъ, которые значатся въ адресъ-календарѣ.

— Что жъ, онъ, все-таки, живетъ для идеи и вѣренъ себѣ,—съ внезапнымъ блескомъ въ глазахъ сказала Антонина Сергѣевна и повернула голову въ сторону мужа.

Она не могла сдержать въ себѣ начала какой-то, совсѣмъ новой тревоги, потребности проявить, вотъ сейчасъ, свою личность, заставить мужа бросить уклончивый тонъ и начать высказываться откровеннѣе... Минута казалась ей самою подходящей. Губернаторъ поможетъ ей въ этомъ направленіемъ разговора.

— Такихъ реформаторовъ,—продолжалъ старичокъ,—я бы не промѣнялъ на тѣхъ господъ, которые проживаютъ у меня на попеченіи.

Онъ оглянулся на Антонину Сергѣевну. Намекъ его она тотчасъ же поняла.

Въ городѣ находилось нѣсколько человѣкъ, присланныхъ на житье. Одни попали прямо изъ столицы, другіе изъ дальнихъ губерній, двое изъ-за Урала. Ими Антонина Сергѣевна интересовалась постоянно. Между ними было два писателя-беллетриста и сотрудникъ толстыхъ журналовъ по философскимъ вопросамъ Ихменьевъ. Онъ былъ вхожъ въ ихъ домъ или, лучше, она съ нимъ познакомилась и принимала у себя... Александръ Ильичъ позднѣе узналъ объ этомъ отъ нея, но самъ не пожелалъ поближе сойтись съ Ихменьевымъ. Она помнитъ и чуть примѣтную гримасу, съ которой онъ сказалъ ей:

— Смотри, Нина, эти господа непремѣнно будутъ просить о чемъ-нибудь нелегальномъ и впутаютъ въ исторіи...

И тотчасъ же удалился, оставивъ ее подъ впечатлѣніемъ этой фразы.

— Развѣ они подводятъ васъ... подъ непріятности? — спросила Антонина Сергѣевна, и легкая дрожь прошла у ней внутри, хотя въ комнатѣ было не меньше пятнадцати градусовъ.

Она чего-то ждала и на что-то напрашивалась.

— Подводятъ-съ, — выговорилъ съ полукомическимъ вздохомъ старикъ и опять принялъ свою изломанную позу.—Кажется, я крутымъ надзоромъ никогда не отличался...

Александръ Ильичъ сдѣлалъ кивокъ головой въ знакъ согласія.

— Прежде и намъ было поудобнѣе... И насъ меньше безпокоили... да и народъ другой былъ... А нашъ городъ, хотя онъ и къ центру имперіи принадлежитъ, сдѣлали дурную привычку, тамъ, — онъ повелъ рукой, — избирать мѣстомъ болѣе легкаго изгнанія, въ родѣ какого-то чистилища... Прежде каждаго изъ этихъ господъ опредѣлить было не такъ трудно... А теперь, Богъ его знаетъ, что у него тамъ, подъ его долгою гривой, въ мозгу шевелится. Проживаетъ-то онъ на моемъ попеченіи за одно, а, можетъ, высиживаетъ въ себѣ совсѣмъ другое... и, вмѣсто того, чтобы пользоваться своимъ житьемъ въ городѣ, откуда ему разрѣшается и въ Москву съѣздить иной разъ,

и въ Петербургъ, онъ продолжаетъ сношенія съ самымъ, уже что ни на есть, нелегальнымъ народомъ, и въ Россіи, и за границей. А губернатору нахлобучка, да нахлобучка!.. Хе-хе!

Все это было выговорено шутя: ни стариковской горечи, ни чиновничьей строгости не слышалось въ тонѣ. Антонина Сергѣевна схватила взглядъ мужа. Его острые глаза отливали стальнымъ блескомъ, точно говорили:

„Самъ ты, старичокъ, виноватъ... Слишкомъ долго любилъ драпироваться въ либерализмъ, читалъ запрещенныя книжки, потакалъ всякимъ, явно-нелегальнымъ попущеніямъ, заигрывалъ со всѣмъ этимъ народомъ, ждалъ отъ нихъ выдачи себѣ похвальнаго листа за гражданскія чувства. Вотъ теперь и кусай локти".

Она прочла все это въ его красивыхъ глазахъ, съ отблескомъ стали, въ которыхъ, когда-то, видѣла другой огонь—порываній и сочувствій, отошедшихъ куда-то въ глухую темь.

— Удивляюсь, — началъ вдругъ Александръ Ильичъ и поставилъ чашку на столикъ,—удивляюсь я одному: какъ у этихъ господъ нѣтъ профессіональной честности! А, вѣдь, это,—подчеркнулъ онъ,—превратилось какъ бы въ профессію... Я иду напроломъ, умышляю противъ извѣстнаго порядка вещей, сознательно призываю на себя неизбѣжное возмездіе, неизбѣжное, — повторилъ онъ съ оттяжкой, — въ каждомъ правильно организованномъ государствѣ, и потомъ возмущаюсь послѣдствіями моихъ дѣяній, хитрю, пускаюсь на мелкіе обманы, не хочу отбыть срока своего наказанія, какъ порядочный человѣкъ, понимающій смыслъ народной поговорки: люби кататься, люби и саночки возить!

Онъ еще что-то хотѣлъ сказать, но оборвалъ свою рѣчь. Антонина Сергѣевна быстро взглянула на него, и, должно-быть, этотъ взглядъ помѣшалъ ему докончить.

Нервная дрожь не проходила въ ней. Она сама чувствовала, что должна быть блѣдна. Ей захотѣлось возразить, сразу поставить что-то ребромъ.

Но губернаторъ всталъ и пошелъ въ другой конецъ комнаты за фуражкой.

— Это вѣрно, профессіональной честности не хватаетъ! — выговорилъ онъ. — Интересная тема, Антонина Сергѣевна, не правда ли? И ваше мнѣніе желательно бы выслушать, да я уже засидѣлся... У меня сегодня ко-

миссія... и скучнѣйшая. Что дѣлать!.. Какъ это по-латыни? Caveant consules? Такъ, кажется, Александръ Ильичъ? На своемъ посту все надо быть.

Онъ подошелъ къ хозяйкѣ и взялъ ея руку.

— Позволите?—спросилъ онъ тономъ военнаго.—Вашъ супругъ пока еще вольный гражданинъ. Днемъ посидитъ тамъ, въ правленіи, а вечеромъ... не знаетъ никакихъ комитетовъ и комиссій, и подписыванія исходящихъ. Дайте срокъ! Мы и его впряжемъ.

Антонина Сергѣевна спросила его глазами:

„Во что впряжете?“

— И вы у насъ будете скоро штатскою генеральшей... Вѣдь, вы съ мужемъ вашимъ занимаете историческій домъ... Здѣсь испоконъ вѣку жили губернскіе предводители. Много было тутъ пропито и проѣдено, проиграно въ карты... Плясъ былъ большой... и всякое дворянское благодушіе. Пора немножко и стариной тряхнуть... И вамъ пора, Антонина Сергѣевна, принять надъ нами власть. Вы у насъ первая дама въ городѣ, недостаетъ только официальнаго титула.

Онъ еще разъ поцѣловалъ ей руку и молодцовато повернулся въ сторону мужа.

Александръ Ильичъ стоялъ ближе къ ней. На его лицѣ она ничего не прочла, но вся фигура его говорила:

„Да, мнѣ пора въ губернскіе предводители. Я это знаю, и мнѣ должны поднести шары на блюдѣ“.

— Такъ ли?—спросилъ его, уходя, губернаторъ.

— Я не судья! — отвѣтилъ Гаяринъ и съ жестомъ почтительной ласки слегка взялъ старика за плечо и пошелъ съ нимъ въ гостиную.

„Не судья...—повторила мысленно Антонина Сергѣевна, вся охваченная возрастающимъ чувствомъ, которому она должна была дать ходъ, — не судья... въ своемъ дѣлѣ? Всѣ этого хотятъ! Значитъ, ты все самъ подготовилъ и ждешь первой ступени туда, гдѣ въ тебѣ умретъ прежній Гаяринъ!“

VIII.

Въ передней Александръ Ильичъ сказалъ еще нѣсколько лестныхъ словъ гостю и, на прощанье, посовѣтовалъ поднять воротникъ шинели.

— Вѣтеръ рѣзкій, берегитесь, генералъ.

Ему сначала не захотѣлось возвращаться къ женѣ. Онъ

не желалъ проводить вечеръ дома, съ-глазу-на-глазъ, или одному, у себя въ кабинетѣ, за первою попавшеюся книжкой. Давно Александръ Ильичъ не читалъ женѣ вслухъ, какъ бывало въ деревнѣ, длинными осенними и зимними вечерами, когда онъ усиленно развивалъ ее, въ первые годы ихъ брачной жизни. Читалъ онъ ей на четырехъ языкахъ, и на всѣхъ одинаково хорошо. У него была даже страстишка къ красивому чтенію, и одно время онъ считалъ себя декламаторомъ. Тогда прочитывались цѣлые томы Спенсера, Мишле, популярныхъ нѣмецкихъ сочиненій по естествознанію, „Мизерабли“ Гюго, англійскіе радикальные журналы, всего чаще „Fortnightly Review“, книги Джона Морлея, Ренана, Кине и соціальныхъ писателей сороковыхъ годовъ, романы Джоржа Элліота и Ямбы Барбье... Все тогда шло въ прокъ...

Теперь охоты нѣтъ, а если бы онъ что и прочелъ ей, то не изъ прежнихъ авторовъ и не съ тою цѣлью.

Лучше онъ поѣдетъ сегодня въ клубъ... Начинаютъ съѣзжаться дворяне. Надо почаще показываться. Можетъ-быть, онъ сыграетъ роббера три съ кѣмъ-нибудь изъ уѣздныхъ предводителей. И губернаторъ изъ своей комиссіи, навѣрное, заѣдетъ въ клубъ, съѣсть, по своей привычкѣ, порцію холодной ветчины и немножко повинтить, а то такъ просто посидѣть около играющихъ.

Въ клубъ надо поѣхать!.. Но это еще успѣется. Онъ подавилъ въ себѣ малодушное, на его взглядъ, нежеланіе вернуться къ женѣ и пошелъ болѣе рѣшительнымъ шагомъ черезъ гостиную.

Разговоръ о господахъ, находящихся, какъ выражался губернаторъ, на его „попеченіи“, подсказалъ ему рѣшеніе дать Антонинѣ Сергѣевнѣ добрый совѣтъ уклониться отъ дальнѣйшаго знакомства „съ господиномъ Ихменьевымъ“,—выговорилъ онъ про себя и съ особымъ движеніемъ своего красиваго рта. Лучше сдѣлать это сейчасъ, а не откладывать на завтра.

— Morgen, Morgen, nur nicht Heute, sagen alle faule Leute, — произнесъ онъ вполголоса, проходя черезъ опустѣвшую гостиную.

Видъ этой комнаты показался ему до-нельзя тусклымъ и бѣднымъ. Надо ее заново отдѣлать. И, вообще, оживить эти просторныя барскія хоромы, сдѣлать домъ открытымъ. Это будетъ необходимо съ перемѣной положенія. Да и пора прекратить теперешній странный образъ

жизни... Точно они какіе-то поднадзорные... или люди опаснаго образа мыслей, не желающіе сближаться съ городомъ.

Все это идетъ отъ Антонины Сергѣевны. Она не любитъ, въ сущности, ни женскаго, ни мужского общества. До сихъ поръ она, точно у себя въ усадьбѣ, читаетъ книги, пишетъ безконечныя письма, мечтаетъ Богъ знаетъ о чемъ, не хочетъ заняться своимъ туалетомъ, играть въ городѣ роль, отвѣчающую положенію мужа.

Впервые Гаяринъ испытывалъ особое раздраженіе противъ жены, не похожее на ту сдержанную уклончивость, съ которой онъ велъ съ ней постоянную борьбу, передѣлывалъ ее на новый ладъ.

— Нина, ты здѣсь?—окликнулъ онъ въ будуаръ изъ-за портьеры.

— Здѣсь, — отвѣтила она изъ-за перегородки, куда ушла перемѣнить туалетъ, надѣть свой любимый фланелевый капотикъ полосками.

— Et la femme de chambre est là?

— Je suis seule.

Въ отвѣтѣ жены Александру Ильичу послышалось нѣчто новое. Не было неизмѣнной прибавки „mon ami“ или „мой другъ“, безъ которой она никогда не обращалась къ нему.

Это его поставило насторожѣ, но не измѣнило его рѣшенія—поговорить съ женой на щекотливую тему.

— Ты легла?

— Нѣтъ, я сейчасъ переодѣнусь.

И это ему не очень-то понравилось. Можетъ кто-нибудь пріѣхать невзначай, а хозяйка дома въ халатѣ. Никогда, такъ ему казалось теперь, не поощрялъ онъ ее къ этой русско-деревенской распущенности. Она опрятно себя держитъ, но никакой заботы объ изяществѣ, о красивыхъ деталяхъ туалета, преувеличенная склонность къ своего рода мундиру скромности и радикализма.

Слово „радикализмъ“ онъ очень отчетливо произнесъ про себя и взглядъ его со стальнымъ отблескомъ остановился на портьерѣ перегородки. Даже и это ему не нравилось, что жена его спала въ той же комнатѣ, гдѣ и сидѣла цѣлые дни, гдѣ и принимала иногда гостей.

Да, она въ своемъ фланелевомъ халатикѣ, который старилъ ее на десять лѣтъ, и даже сняла кружево съ головы. Отъ этого сѣдина гораздо больше стала серебриться и на вискахъ, и на темени.

АБ Ирбитская городская ЦБС
65010

Къ своей женѣ онъ, какъ мужчина, началъ незамѣтно охладѣвать въ послѣднія пять лѣтъ, но никогда не разбиралъ своего чувства къ ней, не возмущался, не жаловался ни самому себѣ, ни въ дружеской бесѣдѣ. Да у него и не было друга... Онъ принималъ это какъ неизбѣжность „эволюціи“ супружеской связи, и свою честность, то, что не обзавелся любовницей, считалъ онъ высшимъ доказательствомъ уваженія къ женщинѣ, отъ нея не требовалъ никакихъ порывовъ и желалъ подтянуть ее въ туалетѣ вовсе не за тѣмъ, чтобы подогрѣвать свое чувство къ ней.

Всего сильнѣе избѣгалъ онъ поводовъ къ „восторженности“—тоже новое для него слово въ оцѣнкѣ характера Антонины Сергѣевны и ихъ взаимныхъ отношеній. Слѣдовало бы и сегодня отклонить опасность щекотливаго разговора, но онъ надѣялся выйти изъ него безъ всякаго „психическаго осложненія“.

— Tu as à me parler?—спросила Антонина Сергѣевна все еще изъ-за перегородки и опять какъ бы не своимъ тономъ.

По-французски она не любила говорить съ-глазу-на-глазъ и вообще неохотно вела разговоръ на этомъ языкѣ, между тѣмъ какъ Александръ Ильичъ, съ переѣзда въ городъ, сталъ пріобрѣтать привычку, которую двадцать лѣтъ назадъ считалъ „нелѣпою“ и даже „постыдною“.

— Oui, chérie.

Слово „chérie“ было выговорено имъ сладковато, болѣе тонкимъ голосомъ. Этотъ звукъ дѣйствовалъ на нее съ нѣкоторыхъ поръ, точно кто проводитъ при ней ногтемъ по глянцовитой бумагѣ.

— Сейчасъ!—откликнулась она уже по-русски.

Онъ сѣлъ къ столику и вбокъ взглянулъ на нѣсколько писемъ, лежавшихъ тутъ адресами вверхъ. Зрѣніе у него было превосходное, и онъ схватилъ глазами адресъ кузины Антонины Сергѣевны, княгини Мухояровой.

„Изліянія,—подумалъ онъ,—и кисло-сладкія сѣтованія на что-то“.

Вслѣдъ затѣмъ онъ поправилъ сюртукъ и выпрямился. Къ объясненію онъ приготовился вполнѣ.

Онъ не сразу замѣтилъ, что она стоитъ позади въ портьерѣ перегородки, оправляетъ воротникъ ночной кофты, обшитой кружевцемъ, въ фланелевомъ полосатомъ халатикѣ, и смотритъ возбужденно, съ блуждающею, не-

Публичная городская библ. АБ

много жалобною улыбкой и давно небывалымъ острымъ блескомъ въ ея добрыхъ, мечтательныхъ глазахъ.

Никогда она еще такъ не глядѣла на него, на эту умную, красивую голову, съ лоснящимися волосами и слегка рѣдѣющею маковкой, на стройную, очень молодую фигуру, на значительный тонкій профиль барскаго лица, и не влюбленными глазами глядѣла она.

Въ первый разъ заползло въ ея душу настоящее чувство тяжкой неловкости, назойливой, властной потребности убѣдиться: тотъ ли это человѣкъ, за которымъ она кинулась изъ родительскаго дома, какъ за героемъ, за праведникомъ, передъ которымъ стояла на колѣняхъ долгіе годы, или ей его подмѣнили, и между ними уже стѣна, если не хуже, если не оврагъ, обсыпавшійся незамѣтно и перешедшій въ глубокую пропасть?

Припомнилось все ея собственное поведеніе за послѣдніе три-четыре года, когда она изъ влюбленности къ нему, по ослѣпленію и дряблости натуры, поддавалась ему во всемъ, дѣлалась добровольно участницей въ его ренегатствѣ.

„Да, ренегатствѣ“, — шептали беззвучно ея губы еще до его прихода, когда она за перегородкой, у постели, застегивала вздрагивающими пальцами пуговки своего пеньюара.

И въ эту минуту въ ея взглядѣ сидѣлъ страшный вопросъ: того ли человѣка найдетъ она въ своемъ красавцѣ-героѣ, въ Александрѣ Ильичѣ Гаяринѣ, пострадавшемъ за свои убѣжденія и симпатіи, или кандидата въ губернскіе предводители, честолюбца, карьериста, готоваго завтра же надѣть ливрею и красоваться въ ней?

Александръ Ильичъ, оправляя свой шитый у француза сюртукъ, никакъ не предчувствовалъ, что его жена готовитъ ему такой допросъ... Онъ уже былъ заранѣе убѣжденъ, что его дипломатіи хватитъ на то, чтобы не дать Антонинѣ Сергѣевнѣ и повода протестовать или возмущаться.

— Это ты? — спросилъ онъ ее, не поворачивая головы и даже глазъ.

— Это я,—вздрагивающимъ звукомъ отвѣтила она.

IX.

Онъ тогда быстро повернулъ къ ней голову и прошелся взглядомъ по всей ея фигурѣ, какъ будто что-то неладное почуялось ему.

— Tu as le migraine?—спросилъ онъ ее больше тономъ безпокойства, чѣмъ заботы.

— Я совершенно здорова, — сказала отрывисто Антонина Сергѣевна.

Мужъ ея сейчасъ догадался, что она не желаетъ говорить по-французски. Въ такихъ пустякахъ можно было уступить ей. Но уклоняться отъ темы разговора онъ не хотѣлъ.

Пора ей быть съ нимъ солидарной и понять, что пришло время жить настоящими интересами, а не фрондировать безплодно, портить себѣ все замашками какихъ-то заговорщиковъ, „кажущихъ кукишъ въ карманѣ".

— Если ты утомлена, я оставлю разговоръ до другого раза.

— Я нисколько не утомлена.

Ея голосъ и отрывочность тона показывали, что она не можетъ овладѣть собою и только не знаетъ, съ чего ей начать, какъ выразить ея чувство.

— Видишь, мой другъ, я хотѣлъ тебя предупредить... Мнѣ пришло это на мысль по поводу нашей бесѣды... о тѣхъ господахъ, которые живутъ здѣсь подъ надзоромъ... Къ выборамъ начнутъ съѣзжаться... бывать у насъ. Ты понимаешь, вдругъ одинъ изъ этихъ господъ пожалуетъ къ тебѣ... Напримѣръ, этотъ... философъ... Я ничего не говорилъ тебѣ до сихъ поръ, но, право, лучше бы было воздержаться...

Она не дала ему докончить, сѣла у своего письменнаго столика, но очень близко къ нему, подалась къ нему всѣмъ своимъ сухощавымъ тѣломъ, вытянула руки и оперлась ладонями въ колѣна.

— Александръ...—заговорила она, и приступъ нервности зазвучалъ въ ея голосѣ. Ея дыханіе, горячее и порывистое, доходило до его лица. Зрачки были расширены.—Александръ, я прошу тебя не продолжать въ этомъ направленіи. Я и безъ того настрадалась сегодня, видя, какъ ты позволяешь себѣ, не стыдишься, — она съ трудомъ находила нужныя ей слова,—не стыдишься говорить такія вещи, которыя тебя возмущали бы десять лѣтъ тому назадъ... И это подтверждаетъ то, что я начинаю чувствовать... Такъ нельзя, такъ нельзя!—вдругъ оборвала она на рѣзкой нотѣ, схватила себя обѣими худыми руками за голову и откинулась на спинку низкаго кресла.

Александръ Ильичъ молчалъ. Что жъ ему отвѣчать на

ея тираду, и въ такой неожиданной и неумѣстной формѣ?

Выходка жены была выраженіемъ чего-то накоплявшагося. Онъ не могъ не думать о томъ, что̀ могло происходить въ послѣдніе годы въ душѣ Антонины Сергѣевны. Но сознаніе своего превосходства и постепенность сдѣлокъ съ своимъ *я* не давали ему предчувствія такого взрыва.

Онъ не узнавалъ ея. Откуда этотъ взглядъ, возбужденность жестовъ и тона? „Восторженность“ ея проявлялась прежде иначе, сентиментально, мечтательно, въ разныхъ идеяхъ и стремленіяхъ, во фразахъ, которымъ онъ же ее научилъ, въ привычкѣ обо всемъ говорить „съ направленіемъ“. Но тутъ зазвучало нѣчто иное. И, все-таки, онъ не хотѣлъ сейчасъ же отвести ударъ, а ждалъ, къ чему она придетъ.

— Ты меня точно не понимаешь, — еще возбужденнѣе спросила она, — или ты хочешь свести все, какъ это сказать, на нѣтъ, замолчать то, что̀ я вижу въ тебѣ?

— Съ какой стати, мой другъ, затѣваешь ты подобное объясненіе? — выговорилъ онъ, наконецъ. — Точно мы не живемъ вмѣстѣ, не видимся каждый день. Если я мѣняюсь, то на твоихъ глазахъ. И странно было бы требовать отъ меня все тѣхъ же увлеченій, какія извинительны были въ мальчикѣ. Да и что за экзамены между мужемъ и женой, привыкшими уважать другъ друга?

— Въ томъ-то и дѣло, Александръ Ильичъ,—перешла она на вы, — что я боюсь потерять къ вамъ уваженіе. Боюсь! Оно виситъ на волоскѣ.

— Нина, это слишкомъ! Ты будешь раскаиваться въ твоихъ словахъ.

Онъ всталъ и выпрямился во весь ростъ. Щеки поблѣднѣли и лобъ раздѣлила пополамъ складка, обыкновенно незамѣтная.

— На волосокъ!.. — повторила Антонина Сергѣевна и тоже поднялась.—Я давно хотѣла сказать тебѣ, какъ ты предаешь все твое прошедшее, сожигаешь твои корабли...

— Пожалуйста, безъ шаблонныхъ фразъ!

— Оставьте меня говорить такъ, какъ я хочу!—крикнула она и заходила между перегородкой и письменнымъ столикомъ.—Я сама каюсь во всемъ томъ, что я уступила вамъ. Вы умѣли опутывать вашею діалектикой, вы отняли у меня дѣтей, отдали ихъ Богъ знаетъ куда, сдѣлали меня сообщницей или, по крайней мѣрѣ, потакательни-

цей въ устройствѣ своей карьеры. Да, прежній Гаяринъ умеръ. Его нѣтъ, я вижу. Черезъ три недѣли вы попадете въ предводители. Это вамъ нужно для дальнѣйшихъ комбинацій.

У ней вырвался истерическій смѣхъ. Онъ все блѣднѣлъ и стальной взглядъ красивыхъ глазъ темнѣлъ замѣтно.

— Я не могу вести разговоръ въ такомъ тонѣ; и я не узнаю тебя, Нина,—глухо сказалъ онъ.

— Не смѣйте говорить мнѣ *ты*! Я не жена вамъ, не подруга! Вы должны были сейчасъ же сознать всю правду моихъ словъ и сказать мнѣ, если въ васъ теплится хоть капля прежнихъ убѣжденій: „Да, Нина, я падаю, поддержи меня!“ А что я вижу? Вы и теперь хотите обращаться со мной точно съ сумасшедшей. Господи!

Она опустилась на диванчикъ и закрыла руками лицо. Но плакать она не могла: ее душило. Когда она готовилась къ этому объясненію, въ ней была надежда на то, что она ошибается, что ея Александръ вовсе не ренегатъ, что онъ только на опасномъ пути и не достаточно слѣдитъ за собою.

А тутъ съ первыхъ его словъ она почувствовала безповоротно, что прежній Гаяринъ дѣйствительно умеръ. И вдругъ ей стало тошно, пусто, точно она въ гробу лежитъ, живымъ еще покойникомъ, засыпаннымъ землей.

Порывисто подбѣжала она къ нему.

— Ну, скажите, что я клевещу на васъ, скажите!.. Съ чѣмъ вы сами пришли ко мнѣ сейчасъ? Отдать въ мягкой формѣ приказъ, чтобы я отказала отъ дома Ихменьеву? Вы отлично знаете, что онъ не опасенъ, что онъ пострадалъ изъ-за самаго пустяка, что занимается онъ не политикой, а своими книжками. Но вы кандидатъ въ губернскіе сановники! Въ вашемъ домѣ такихъ господъ не должны встрѣчать. Вотъ что! Вы сами не могли бы выбрать лучшаго доказательства того, во что вы обращаетесь теперь!..

— Нина! я не позволю никому относиться такъ ко мнѣ и мотивамъ моего поведенія.

— Мотивамъ!—подхватила она и близко-близко пододвинулась къ нему, съ лицомъ, искаженнымъ натискомъ страстной горечи и негодованія.—Такъ я вамъ объявляю, что я вижу ваши мотивы насквозь. И презираю ихъ,—слышите? — отъ глубины души моей презираю! И буду принимать кого мнѣ угодно. Довольно рабствовать передъ

вашею личностью. Я здѣсь, въ этомъ домѣ, такая же хозяйка, какъ и вы.

— Вы этого не сдѣлаете!—властно выговорилъ онъ.

— Вы увидите.

— Тогда я попрошу васъ выбрать для этого такіе часы, когда ни меня, ни моихъ гостей не будетъ. И разъ навсегда: если вамъ угодно, Антонина Сергѣевна, подвергать меня моральному допросу, вы будете это дѣлать про себя. Вы остались со старыми идеями во всей ихъ ограниченной нетерпимости. Я живу и умственно расту, и куда я иду, вы могли бы это лучше уразумѣть, да недостаетъ, видно, многаго въ вашей душевной организаціи.

Облако застлало ей глаза. Она рванулась къ нему, подняла обѣ руки и, съ подергиваньемъ въ углахъ рта, кинула ему прямо въ лицо:

— Отступникъ!.. Ренегатъ!.. Бездушный лицемѣръ!

Александру Ильичу показалось, что она хочетъ нанести ему болѣе тяжкое оскорбленіе. Онъ схватилъ ея правую руку своею твердою, цѣпкою рукой, отвелъ и этимъ жестомъ оттолкнулъ отъ себя.

— Стыдитесь! Вы съ ума сошли; вы недостойны того, чтобы я говорилъ съ вами.

Онъ круто повернулся и вышелъ въ гостиную, не ускоряя шага. И ему сдѣлалось неловко отъ мысли, что ихъ сцена на русскомъ языкѣ могла дойти до людей въ передней. Стыдно стало и за себя, до боли въ вискахъ, какъ могъ онъ допустить такую дикую выходку? Помириться съ нею онъ не въ состояніи. До сихъ поръ онъ былъ глава и главой долженъ остаться. Но простого подчиненія мало, надо довести эту женщину, закусившую удила, и до сознанія своей громадной вины.

Антонина Сергѣевна лежала на постели и сквозь душившія ее слезы повторяла:

— Кончилось, кончилось, все кончилось... Возврата нѣтъ!

X.

Второй часъ ночи. На Рыбной улицѣ повѣваетъ только метель, поднявшаяся къ полуночи. Ни „Ваньки“, ни пѣшехода. Въ будкѣ давно погасъ огонь. Отъ дома дворянскаго клуба, стоящаго на площади, въ той же сторонѣ, гдѣ и окружный судъ, проѣдутъ изрѣдка сани, везутъ кого-нибудь домой послѣ пульки въ винтъ. Фонари, кероси-

новые и довольно рѣдкіе, мелькаютъ сквозь снѣжную крупу, густо посыпающую крыши, дорогу, длинные заборы.

За перегородкой своего будуара, на кровати, но въ томъ же фланелевомъ капотикѣ, лежала Антонина Сергѣевна. На письменномъ столѣ горѣла лампа.

Она лежала такъ уже больше трехъ часовъ.

Душевная острая боль и трепетъ всего внутренняго существа смѣнились теперь изумленіемъ. Какъ могла она, Антонина Сергѣевна Гаярина, допустить себя до такой неистовой выходки, чуть не съ кулаками броситься на любимаго человѣка, на мужа, оставшагося ей вѣрнымъ? Въ этомъ она не сомнѣвалась.

Она, постоянно развивавшая въ себѣ начала терпимости и широкаго пониманія всего человѣческаго, даже порока и преступленія?.. Вѣдь, если онъ и не прежній ея Александръ, блестящій лицеистъ, жившій одно время въ общеніи съ простымъ народомъ, опальный помѣщикъ, заподозрѣнный, хотя и несправедливо, въ замыслахъ противъ „существующаго порядка вещей“, то, вѣдь, онъ не преступникъ, не парія, не подлая душа! И подсудимымъ позволяютъ держать защитительныя рѣчи, не кричатъ на нихъ, не оскорбляютъ ихъ.

А она! Нѣсколько разъ она закрывала руками лицо, охваченная стыдомъ.

И подъ этимъ чувствомъ сидѣло нѣчто болѣе глубокое и властное. Она любила его. Въ ней не могла сразу умереть ни подруга, молившаяся на него столько лѣтъ, ни мать *его* дѣтей.

Уйти! Жить одной!.. Гдѣ, съ кѣмъ?.. Она ни на минуту не остановилась на этомъ серьезно, даже въ первые полчаса по его уходѣ, когда ее всю трясло отъ негодованія и страстной потребности обличить его, показать ему, во что́ онъ превращается.

Да, она имѣетъ право отстаивать свою личность... Постыдно было бы рабски преклонять передъ нимъ шею, когда онъ сказалъ: „Ты такого-то господина не будешь принимать“, или отвѣчать, какъ крѣпостная: „Слушаю, Александръ Ильичъ, какъ вамъ угодно“.

Постыдно трусить, поддѣлываться подъ то, что́ теперь въ почетѣ, и отказывать отъ дому такому безобидному человѣку, какъ этотъ Ихменьевъ, хворому, оторванному отъ всего, чѣмъ онъ жилъ, щекотливому, какъ всѣ люди въ ненормальныхъ условіяхъ.

Нѣтъ, она должна отстоять свои права. Но развѣ она не могла это сдѣлать иначе? Безъ крика, безъ приподнятыхъ кулаковъ, безъ громовыхъ приговоровъ, безъ оскорбительныхъ обличеній?..

Впервые испугалась она своей натуры, не возлюбила женщину въ ея способности на преувеличеніе всего: чувствъ, идей, требованій, подозрѣній...

Почему она, съ тѣхъ поръ, какъ въ мужѣ ея начала происходить его „эволюція“,—она знала это слово Александра Ильича,—не предостерегала его исподволь, умно, съ тактомъ, не будила въ немъ, умѣло и настойчиво, тѣхъ идеаловъ, которыми онъ жилъ несомнѣнно, и не одинъ годъ, а всю свою молодость? Потому, что она платила дань чувственности, мужчина преобладалъ надъ нею, боязнь потерять его, лишиться навсегда его ласкъ удерживала ее.

И теперь тотъ же инстинктъ говоритъ въ ней, и съ нимъ надо бороться, помнить, что время страсти прошло, что у ней сѣдые волосы, что мужъ только снисходитъ къ ея женской слабости, а любви въ немъ къ женщинѣ уже нѣтъ, и не огорчаться этимъ.

Прежде чѣмъ ставить на карту супружескую судьбу свою, вмѣстѣ съ будущностью дѣтей, вотъ такими взрывами необузданной нервности, надо было больше проникать въ душу Александра Ильича, заручиться фактами, стать на его мѣсто, убѣдиться, что̀ въ немъ дѣйствуетъ: пошлое ли честолюбіе, суетное стремленіе къ расшитому мундиру, или же потребность въ дѣлѣ, во вліяніи, хандра, овладѣвшая человѣкомъ сильнымъ, способнымъ на какую угодно видную роль?..

Она должна была сознаться, что никогда не думала въ этомъ именно направленіи, а только огорчалась, недоумѣвала или затаивала въ себѣ наплывы недовольства и недоумѣній.

Въ гостиной бронзовые часы на мраморномъ консолѣ пробили половину.

Это была половина второго. Антонина Сергѣевна приподнялась, спустила ноги, встала и перешла въ будуаръ.

Спать она не могла. Въ которомъ бы часу онъ ни вернулся, она пойдетъ къ нему, и какъ бы онъ ни принялъ ее, она должна ему сказать, что виновата, что ея выходка недостойна ея.

Чѣмъ ближе подходила эта минута, тѣмъ трепетнѣе дѣлалось ея желаніе прильнуть къ нему, вызвать въ немъ

чувство пониманія того, что подготовило въ ней взрывъ. Кто знаетъ? Быть-можетъ, это заново сблизитъ ихъ, и онъ покажетъ ей опять глубину своей души, и они опять будутъ какъ одно существо... Кто знаетъ?..

Звонокъ въ передней заставилъ ее вздрогнуть, — она ходила взадъ и впередъ,—и оправить свой туалетъ. Дверь отворили не сразу, должно-быть, дежурный человѣкъ задремалъ. Но ее удержало стыдливое чувство, она не пошла окликнуть его.

Вотъ его шаги, мягкіе, въ калошахъ, и потомъ въ сапогахъ, по залѣ, до двери въ коридорчикъ и кабинетъ... Онъ раздѣвается всегда одинъ, и шаги лакея послышались позднѣе, когда тотъ пришелъ убрать стѣнную лампу.

И все замолкло. Она не могла дольше ждать и, быстрыми, легкими шагами, перешла обѣ большія комнаты.

На порогѣ его кабинета она остановились, постучаться не посмѣла и тихо отворила дверь, думая, что онъ уже въ спальнѣ.

Александръ Ильичъ, совсѣмъ еще одѣтый, стоялъ у стола и клалъ на него бумажникъ. Только одна свѣча была зажжена, въ широкомъ подсвѣчникѣ, подъ бронзовымъ щиткомъ. Коверъ глушилъ ея шаги, но онъ быстро обернулся и даже чуть замѣтно вздрогнулъ.

— Это вы?—спросилъ онъ спокойно и безстрастно.

Она подошла къ нему, взяла за обѣ руки, припала головой къ его плечу и неудержимо заплакала. Все ея существо отдавалось, противъ ея воли, этому человѣку. Быть брошенной имъ сейчасъ было страшнѣе всего...

— Прости!—прерывающимся воплемъ вырвалось у нея.

Не отрывая отъ нея рукъ, онъ посадилъ ее на диванъ и самъ сѣлъ.

Ей слышался его ровный голосъ, слова человѣка, который не можетъ иначе отнестись къ ней, какъ съ чувствомъ недосягаемаго превосходства. Она проситъ пощады, онъ ее даетъ, но предваряетъ ее, что еще такая же „безумная выходка“—и онъ навсегда оградитъ свою личность.

Полегоньку она перестала плакать.

— Да,—выговорила она съ усиліемъ,—ты меня жалѣешь, только, не больше, а я...

Она хотѣла сказать: „безъ тебя жить не могу“, но не сказала этого; даже удивилась, почему эти слова не вышли наружу.

— Ты меня любишь? Но любовь разная бываетъ, Нина.

Постарайся получше понять твоего мужа и доказывать, что его личность для тебя предметъ уваженія, а не дикихъ обличеній.

Онъ помолчалъ и, не перемѣняя позы, добавилъ:

— Я повторю то же, что сказалъ тебѣ тамъ. Если тебѣ угодно принимать господъ Ихменьевыхъ, пускай они будутъ твои гости. Даже и въ эпоху моихъ крайнихъ увлеченій я не очень-то льнулъ къ такимъ полукомическимъ мученикамъ, въ которыхъ, правда, мало опаснаго, да и героическаго еще меньше... А теперь... пора спать. Поздно...

Она подставила ему свой горячій лобъ, и онъ прикоснулся къ нему концомъ своихъ усовъ. Это прикосновеніе дало ей почувствовать, что ничего не сдѣлано... Душа этого человѣка не раскрылась передъ нею... Ея любовь не согрѣла его до возможности горячихъ изліяній.

Онъ великодушно простилъ ее, какъ провинившуюся дѣвочку, и только.

— Прощай!—выговорила она подавленнымъ звукомъ.

Въ темномъ коридорѣ она остановилась и ощупью нашла ступени и дверь въ залу; она не хотѣла возвращаться и безпокоить его просьбой посвѣтить ей.

Она прошла темными большими комнатами на свѣтъ отъ лампы въ ея будуарѣ, и засвѣжѣвшій воздухъ старыхъ предводительскихъ хоромъ далъ ей физическое ощущеніе дрожи.

Тутъ черезъ недѣлю будутъ обѣды и пріемы... Тутъ же будутъ пить здоровье новаго предводителя и за столомъ говорить разныя нынѣшнія слова, обдающія ее запахомъ чего-то тупо-хищнаго и злорадно-самодовольнаго. И представителемъ всѣхъ этихъ воскресшихъ замашекъ и поползновеній будетъ Александръ Ильичъ Гаяринъ, первая голова въ губерніи, которому давно уже простили его крестьянскую рубаху и ремешокъ вокругъ головы и всѣ идеи, прозванныя, со временъ Фамусова, „завиральными“.

Еле дотащилась она до постели.

XI.

— Господинъ Ихменьевъ желаютъ васъ видѣть... прикажете принять?—доложилъ лакей Антонинѣ Сергѣевнѣ въ дверяхъ ея будуара.

Она сидѣла съ книгой у окна. Но сумерки совсѣмъ уже понадвинулись. Ей хотѣлось дочитать главу.

— Просите,—сказала она безъ всякаго колебанія.

Этого визита она уже нѣсколько дней ждала и знала, что Ихменьевъ приходитъ обыкновенно около трехъ, въ тотъ часъ, когда Александра Ильича еще нѣтъ дома, особенно теперь, во время выборовъ... Гаяринъ часто обѣдалъ въ гостяхъ. У нихъ тоже было уже два званыхъ обѣда на одной недѣлѣ.

Это имя—„Ихменьевъ"—значило для нея совсѣмъ не то, что десять дней назадъ. Онъ былъ поводомъ той ужасной сцены... Но Антонина Сергѣевна, принимая его, исполняла свой долгъ передъ собственной совѣстью.

— И подайте лампу,—приказала она лакею, отложила книгу и прошлась взадъ и впередъ по комнатѣ.

Съ тѣмъ, что мужъ ея готовитъ себѣ предводительство, она должна была помириться. Она теперь понимала его игру, всѣ оттѣнки его ловкаго поведенія, гдѣ онъ хотѣлъ прельстить и ее тактомъ и выдержкой... Точно будто выборы совсѣмъ его лично не касаются, а онъ принимаетъ въ нихъ участіе, какъ первый попавшійся дворянинъ своей губерніи. Съ нею онъ ни разу не говорилъ, съ-глазу-на-глазъ не будировалъ ее, не дѣлалъ никакихъ многозначительныхъ минъ. Но она чувствовала, что между нею и собой онъ вывелъ стѣнку и, быть-можетъ, навсегда ушелъ отъ нея въ свое „я".

— Мое почтеніе, Антонина Сергѣевна,—раздался жидковатый теноръ слабогрудаго человѣка.

Ихменьевъ поклонился ей, еще въ дверяхъ, длинный, съ впалою грудью, въ скромной сюртучной парѣ. Черные, рѣдкіе волосы висѣли у него широкими прядями на вискахъ, маленькій носъ и близорукіе глаза давали его лицу наивное, нѣсколько пугливое выраженіе, обликъ былъ немного калмыцкаго типа, съ рѣдкою бородкой.

Ей этотъ тихій труженикъ мысли пришелся очень по сердцу среди чуждаго ей губернскаго общества. Она его сразу приласкала. Въ ней, какъ женѣ Гаярина, онъ ожидалъ встрѣтить мыслящую женщину, очень близкую къ его взглядамъ, судя по тому, какъ наслышанъ былъ о прежнемъ Александрѣ Ильичѣ. Но за послѣдній годъ онъ увидалъ, во что превращается Гаяринъ, и его посѣщенія дѣлались все рѣже и рѣже, хотя до разговора объ этомъ у нихъ съ Антониной Сергѣевной не доходило.

— Очень рада,—встрѣтила она его дѣйствительно радостнымъ возгласомъ и протянула ему руку.

— Я съ морозу... Руки у меня холодныя, перчатокъ я не ношу,—выговорилъ онъ, не рѣшаясь пожать.

— Ничего, я не боюсь!.. Садитесь... вотъ сюда...

Тонъ ея съ нимъ былъ все такой же, простой и задушевный, даже съ какимъ-то новымъ оттѣнкомъ вниманія и сочувствія.

Это его очень тронуло и огорчило. Ихменьевъ пришелъ объясниться совсѣмъ въ другомъ смыслѣ.

— Здоровьицемъ довольны? — мягко спросилъ онъ и тотчасъ сталъ гладить ладонями свои колѣни.

— Я что-то перестала думать о здоровьѣ и съ тѣхъ поръ гораздо бодрѣе себя чувствую,— отвѣтила она и тихо разсмѣялась.

И въ этомъ смѣхѣ она сама подмѣтила смущеніе... Значитъ, его присутствіе у ней въ домѣ стѣсняетъ ее послѣ сцены съ мужемъ... Она хочетъ настроить себя на независимо дружескій тонъ, а внутри начинается другой процессъ.

Это заставило ее замѣтнѣе смутиться. Ей стало больно за себя, оскорбительно.

— Левъ Андреичъ,—возбужденно заговорила она, подавляя свою тревогу,—вы меня забываете... Это не хорошо... Прежде вы захаживали каждую недѣлю, просвѣщали меня, приносили хорошія книжки... Можетъ, нездоровилось вамъ?

— Нѣтъ, Антонина Сергѣевна, я былъ здоровъ, насколько мнѣ полагается.

Онъ началъ щипать бородку и низко наклонилъ голову.

— Стало-быть, совсѣмъ не хотѣлось видѣть меня и говорить со мною... Вы знаете, я готова всегда принять самое живое участіе...

Фраза показалась ей такою банальной, что она не докончила. Ихменьевъ сидѣлъ все въ той же позѣ и такъ же усиленно дергалъ концы своей бородки.

— Вѣрю, вѣрю-съ!—наконецъ вымолвилъ онъ, и обѣ пряди волосъ спустились ему на худыя щеки съ подозрительнымъ румянцемъ.—Но что жъ дѣлать? Не сами люди иногда виновны въ томъ, что должны разойтись, а время, обстановка, обязательныя отношенія...

— Вы что же хотите этимъ сказать? — живо спросила она и покраснѣла.

— Антонина Сергѣевна, позвольте быть совершенно откровеннымъ... Теперь я въ вашемъ домѣ не ко двору...

Супругъ вашъ уже давно еле удостоиваетъ меня поклона, когда случайно встрѣтится со мной на улицѣ... Въ городѣ идетъ толкъ, что не дальше, какъ завтрашній день, его выберутъ въ губернскіе предводители... Это, конечно, его дѣло... Но Александръ Ильичъ изволилъ, не дальше, какъ на той недѣлѣ, громогласно выразиться насчетъ нашего брата, что, видите ли, у насъ никакой профессіональной честности нѣтъ, онъ такъ изволилъ выразиться... Конечно, вы назовете это сплетнями... Но я знаю это отъ человѣка, достойнаго всякой вѣры... Да и вамъ теперешнее міровоззрѣніе супруга вашего должно быть извѣстно... Видимое дѣло, куда это идетъ... Зачѣмъ же я буду ставить васъ въ неловкое положеніе?.. Да и меня-то пощадите... Поддерживать Александра Ильича я не могу, а рисковать услышать отъ него, вотъ здѣсь, такія сентенціи... увольте...

Руки у него вздрагивали и голосъ прерывался. На лбу выступилъ потъ.

Онъ не сплетничалъ, не выдумывалъ. Мужъ ея точь-въ-точь то же говорилъ недѣлю назадъ при губернаторѣ.

Ей слѣдовало бы остановить Ихменьева, взять его за руку, показать ему, что она возмущена не менѣе его, излиться ему, какъ женщина, страдающая отъ потери уваженія къ мужу.

И она промолчала. У ней недоставало словъ. Она боялась быть неискренней, лгать и ему, и себѣ.

На губахъ уже было восклицаніе: „Но чѣмъ же я виновата?“

И его она не произносила, сидѣла, какъ виноватая, съ зардѣвшимся лицомъ, въ приниженной позѣ... Значитъ, что-то въ ней самой было уже надломлено... Она не нашла въ себѣ смѣлости выступить явно противъ своего мужа и настоять на томъ, чтобы этотъ честный неудачникъ ни подъ какимъ видомъ не отдалялся отъ нея.

— Простите,—говорилъ Ихменьевъ все тѣмъ же прерывистымъ голосомъ.—Не обвиняйте меня! Не называйте это болѣзненною щепетильностью... Такое время, Антонина Сергѣевна; зачѣмъ же и васъ подводить?.. Вы завтра будете женой официальнаго лица... Но каждый изъ насъ имѣетъ право и даже обязанъ уклоняться отъ даровыхъ оскорбленій.

И на это она не нашла что сказать. Все, что прихо-

дило ей въ голову, не разрѣшило бы ничего и ничему не помогло бы.

— Ужъ до чего дошло, что на-дняхъ одинъ слѣтокъ... съ парижскихъ бульваровъ... Самое послѣднее слово охранительной молодежи... Сынокъ здѣшней одной богачки... Ростовщица она завѣдомая... мадамъ Лушкина...

„Наша знакомая“,—должна бы была сказать Антонина Сергѣевна, и опять промолчала.

— Такъ вотъ этотъ самый экземпляръ губернатору въ клубѣ сталъ выговаривать: „какъ, молъ, вы, mon général, допускаете, чтобы этотъ народъ—то-есть мы, грѣшные—бывалъ тамъ же, куда и мы ѣздимъ?..“ Видите, куда пошло? Точно таракановъ, извините, хотятъ истребить, загнать въ холодную избу...

Онъ закашлялся и отеръ лобъ платкомъ.

— Стало-быть, Левъ Андреичъ,—чуть слышно сказала она,—вы пришли прощаться со мной?

— Такъ лучше будетъ, Антонина Сергѣевна.

— Вы и меня,—продолжала она, охваченная тяжелымъ волненіемъ,—и меня будете считать солидарной со всѣми этими...

Словъ ей недоставало.

— Зачѣмъ же-съ?.. Каждому свой крестъ... Вы мужа любите, дѣтей также... Бороться женщинѣ, въ вашемъ положеніи, слишкомъ трудно, да и безплодно...

— Вы это говорите?

— Я-съ! Что жъ? Я человѣкомъ дѣйствія никогда не былъ! Да и здѣсь-то очутился,—онъ смѣшливо тряхнулъ головой,—знаете, въ „Игрокахъ“ Гоголя говоритъ Замухрышкинъ: „Купецъ попался по причинѣ своей глупости“. Такъ и вашъ покорный слуга.

Онъ хотѣлъ ей позолотить пилюлю, но его прощаніе съ ней значило, что онъ и ее видитъ на той же наклонной плоскости, какъ и ея мужа.

Вдругъ между ними оборвался разговоръ. Какъ-то неприлично стало разспрашивать про его занятія, про надежду уѣхать отсюда... Онъ былъ сконфуженъ своимъ объясненіемъ и опять началъ нервно утюжить ладонями колѣни.

Никогда еще ничего подобнаго она не испытывала. Горячее слово, смѣлое душевное движеніе не являлось. Она пассивно страдала и... только.

— Что жъ?—наконецъ выговорилъ онъ и взялъ шапку

съ сосѣдняго стула.—Дифференціація происходитъ теперь и пойдетъ все гуще забирать. Прогрессъ-то, Антонина Сергѣевна, не прямой линіи держится, а спирали, и—мало еще—крутой спирали.

— Да,—со вздохомъ отвѣтила она, и поняла, что въ ея „да“ было нѣчто постыдно-подчиненное.

XII.

— Анна Денисовна Лушкина съ сыномъ,—раздался въ дверяхъ докладъ лакея.

Ихменьевъ весь опять съежился и еще ниже опустилъ голову.

Прежде чѣмъ Антонина Сергѣевна сказала лакею: „просите“, въ гостиной уже раздались грузные шаги и свистящій звукъ тяжелаго шелковаго платья.

— Позвольте мнѣ удалиться,—почти шопотомъ сказалъ Ихменьевъ и всталъ.

Она поглядѣла на него все еще съ покраснѣвшими щеками и тихо выговорила:

— Пожалѣйте меня... Я должна принимать такихъ барынь...

И эти слова отдались у нея внутри чѣмъ-то двойственнымъ, тягостнымъ.

— Ахъ, chère Антонина Сергѣевна,—раздался рѣзкій, низкій голосъ толстой дамы, затянутой въ узкій корсажъ, въ высокой шляпкѣ и боа изъ песцовъ. Щеки ея, порозовѣвшія отъ морознаго воздуха, лоснились, брови были подведены, въ ушахъ блестѣли два „кабошона“, зубы, бѣлые и большіе, придавали ея рту, широкому и хищному, непріятный оскалъ.

Въ быстромъ боковомъ взглядѣ Ихменьева на эту даму Антонина Сергѣевна могла прочесть что-то даже въ родѣ испуга.

За матерью шелъ сынъ, такого же сложенія, жирный, уже обрюзглый, съ женскимъ складомъ туловища, одѣтый въ обтяжку; бѣлокурая и курчавая голова его сидѣла на толстой, бѣлой шеѣ, точно вставленной въ высокій воротникъ. Онъ носилъ шершавые усики и маленькіе бакенбарды. На пухлыхъ рукахъ, безъ перчатокъ, было множество колецъ. На видъ ему могло быть отъ двадцати до тридцати лѣтъ. Безкровная бѣлизна лица носила въ себѣ что-то тайно-порочное. и глаза, зеленоватые и круглые, дышали особаго рода дерзостью.

— А вотъ и мой Никсъ... Рекомендую... вы его совсѣмъ еще не знаете... Прямо съ перваго представленія „Théâtre libre“, гдѣ давали и „Власть тьмы“... Bonjour!..

Толстуха пожимала руку хозяйки и шумно усаживалась. На Ихменьева она взглянула вбокъ и даже не поклонилась ему. Онъ уже ретировался къ двери, держа свою шапку неловкимъ жестомъ правой руки.

Никсъ тоже не поклонился ему и только оправилъ свой узкій пиджакъ, выставлявшій его жирныя ляжки.

Для хозяйки минута была самая тягостная. Она не могла представить Ихменьева. Но и удерживать его не рѣшалась. Ее разбиралъ страхъ, какъ бы гостья или ея сынъ не спросили ее: кто этотъ страннаго вида господинъ и какъ онъ попалъ къ ней? Тогда пришлось бы выслушать что-нибудь злобно-пошлое или нахальное, или давать объясненія, которыя для нея были бы слишкомъ унизительны.

Довольно уже и того, что она должна принимать эту Лушкину, ростовщицу, которой полгуберніи должна, извѣстную и въ Петербургѣ, гдѣ она даетъ деньги и подъ закладъ разныхъ „objets d'art“, а оцѣнщикомъ ей служитъ сынъ.

Давно ли Александръ Ильичъ говорилъ о ней, какъ о презрѣнной личности, возмущался тѣмъ, что ей повсюду почетъ и пріемъ, а теперь — она ихъ гостья. И онъ съ ней любезенъ, потому что она очень вліятельна въ губерніи; если бы хотѣла, могла бы кого угодно провести въ какую угодно выборную должность... А объ этомъ Никсѣ мужъ ея выражался какъ о „гадинѣ“ и подозрѣвалъ его въ несказуемыхъ тайныхъ порокахъ.

И вотъ она сама пожимаетъ руку этой ростовщицы, а затѣмъ и руку ея сына, господина Андерса. Онъ былъ ея сынъ отъ перваго брака за богатымъ желѣзнодорожникомъ. Вдовѣетъ она во второй разъ. Лушкинъ—мѣстный домовладѣлецъ и помѣщикъ—оставилъ ей въ пожизненное пользованіе нѣсколько имѣній, два винокуренныхъ завода и подмосковную дачу.

Съ такими-то средствами она не пренебрегала и мелкимъ ростомъ, брала, говорятъ, по пяти процентовъ въ мѣсяцъ съ замотавшихся офицеровъ и купчиковъ, съ малолѣтковъ, и даже черезъ завѣдомыхъ плутовъ—своихъ агентовъ.

По тону, языку, туалетамъ и манерамъ она—настоящая

русская барыня дворянскаго круга. Съ нею всѣмъ ловко, она умѣетъ найти, съ кѣмъ хотите, подходящій разговоръ, знаетъ все, что дѣлается въ Петербургѣ, въ высшихъ и всякихъ другихъ сферахъ, знакома съ заграничною жизнью, какъ никто, живетъ и въ Монте-Карло, и въ Біаррицѣ, и въ Парижѣ, гдѣ ея сынъ наполовину и воспитывался, читаетъ все модное, отличается даже новымъ вкусомъ къ литературѣ, не боится говорить про романы и пьесы крайняго натуралистическаго направленія. При этомъ, когда нужно, льстива на особый манеръ, терпима къ уклоненію отъ седьмой заповѣди и въ мужчинахъ, и въ женщинахъ.

— Type d'une proxénète classique!— опредѣлялъ ее еще недавно Александръ Ильичъ.

Гостья съ сыномъ расположили свои мясистыя туловища и начали отдуваться.

— Quelle tête! — полугромко выговорилъ Никсъ и кивнулъ матери головой по направленію къ двери, куда скрылся Ихменьевъ.

— Какой-нибудь... просящій, — отозвалась Лушкина и, приблизивъ свою громадную грудь къ хозяйкѣ, добавила:— Вы вѣдь ангельской доброты... васъ всякіе народы должны осаждать... и вы никому не можете отказать...

Это было сказано тономъ, какимъ люди трезвые и воздержные говорятъ про сластолюбцевъ.

Но ни мать, ни сынъ не полюбопытствовали узнать фамилію ушедшаго гостя. Лушкина нигдѣ не встрѣчала Ихменьева, а Никсъ мало зналъ городъ.

Антонина Сергѣевна уже и этому была рада, но ей приходилось играть роль любезной хозяйки. Она не могла ни миной, ни словомъ выразить, какъ визитъ этой женщины противенъ ей. У ней уже складывалась, помимо ея воли, особаго рода улыбка для пріема гостей, и эту улыбку она разъ подмѣтила въ зеркалѣ, стала попрекать себя за такое иранье комедіи и кончила тѣмъ, что перестала слѣдить за собой.

Лучше уже носить маску, чѣмъ выставлять напоказъ свою душу передъ такими созданіями, какъ вліятельная знакомая Александра Ильича.

— Отъ такихъ господъ нынче никуда не спасешься,— заговорилъ Никсъ и повелъ красными губами чувственнаго рта. — Je présume, madame, que ce n'est pas un anarchiste... Здѣсь вѣдь и такіе обрѣтаются... Я на-дняхъ

позволилъ себѣ прочесть почтительную мораль нашему старичку-простяку за то, что онъ этихъ господъ слишкомъ распустилъ. Удовольствіе сидѣть съ такимъ индивидомъ въ столовой клуба и видѣть, какъ онъ, pardon, чавкаетъ и въ антрактахъ бросаетъ на васъ „des regards scrutateurs et corrosifs“.

Очень довольный обоими французскими прилагательными, Никсъ хлопнулъ себя по ляжкѣ и улыбнулся матери.

Она громко расхохоталась низкими нотами и сейчасъ же протянула свою, обтянутую длинною перчаткой, руку къ колѣнямъ Антонины Сергѣевны.

— Вы, chère, выше всякихъ житейскихъ чувствъ... Вы у насъ святая. Но и вамъ надо быть немножко построже... Отдѣлять овецъ отъ козлища. Вотъ, дайте срокъ. Завтра вы будете уже не Антонина Сергѣевна, tout court, а ея превосходительство Антонина Сергѣевна Гаярина... Вы знаете... Никсъ, онъ у меня на выборахъ... одинъ изъ gros bonnets, несмотря на молодость лѣтъ. Никсъ предлагалъ уже прямо поднести вашему мужу шары на тарелкѣ, какъ это дѣлалось въ доброе старое время, когда у всѣхъ господъ дворянъ стояли скирды на гумнѣ за нѣсколько лѣтъ и хлѣбъ не продавали на корню. Вы на меня смотрите, точно я вамъ разсказываю un conte à dormir debout. Ха-ха-ха! Вы, кажется, голубушка моя милая, ни разу не показывались на хорахъ? Не были ни разу?

— C'est d'un grand tacte!—замѣтилъ важно и любезно Никсъ и наклонилъ голову по адресу хозяйки съ жестомъ пухлой руки, покрытой кольцами.

— О, да! Это такъ! Она у насъ себѣ на умѣ! Подъ шумокъ за всѣмъ слѣдитъ. Вы знаете, добрая моя, je me tue à démontrer, что Александръ Ильичъ, хоть онъ и ума палата, и ученъ, и энергиченъ, безъ такой жены, какъ вы, не былъ бы тѣмъ, что онъ есть! N'est-ce pas, petit?— спросила гостья сына и, не дожидаясь его отвѣта, опять прикоснулась рукой къ плечу хозяйки.

Ту внутренно поводила худо скрываемая гадливость, но она способна была начать кусать себѣ языкъ, только бы ей не выдать себя.

Никогда она еще такъ не раздваивалась. И ее, быть-можетъ, впервые посѣтило такое чувство рѣшимости— уходить въ свою раковину, не мирясь ни съ чѣмъ пошлымъ и гадкимъ, не открывать своей души, не протесто-

вать, не возмущаться ничѣмъ, а ограждать въ себѣ и отъ мужа то, чего никто не можетъ отнять у нея. Только такъ она и не задохнется, не разобьетъ своей души разомъ, сохранитъ хоть подобіе вѣры въ себя и свои идеалы.

И она вынесла прикосновеніе жирной руки раздутой ростовщицы и не крикнула имъ:

„Подите вонъ отъ меня!“

XIII.

— А! вотъ и виновникъ завтрашняго торжества!—вскричала Лушкина и завозилась въ креслѣ всѣмъ своимъ ожирѣвшимъ корпусомъ. — Александръ Ильичъ! Arrivez! Recevez mes félicitations anticipées!

Къ матери присоединился и сынъ. Онъ шумно всталъ и, подойдя къ Гаярину, началъ трясти ему, по-англійски, руку.

— Hourrah! Hoch!—крикнулъ онъ.

Александръ Ильичъ остановился около дверей, сдержанная улыбка скользила подъ усами, глаза съ веселою важностью глядѣли на всѣхъ. Взглядовъ жены своей онъ не избѣгалъ.

— Откуда вы?—спросила Лушкина.—Изъ какой-нибудь комиссіи? Сегодня вѣдь пауза? Общихъ выборовъ нѣтъ?

— Гдѣ я былъ?—сказалъ Гаяринъ, подавая ей руку и присаживаясь.—У преосвященнаго.

— Chez monseigneur Léonce?—смѣшливо переспросила гостья.

— Да-съ,—отвѣтилъ полусерьезно Гаяринъ,—и провелъ у него очень интересныхъ полчаса. Старика я до сихъ поръ почти не зналъ. Оригиналенъ и уменъ, хотя и смотритъ мужикомъ.

Этотъ визитъ архіерею не изумлялъ Антонины Сергѣевны. Какъ же иначе? Вѣдь онъ уже считаетъ себя, наканунѣ выборовъ, губернскимъ сановникомъ. Безъ визита преосвященному нельзя обойтись, если желаешь полной „реабилитаціи“.

Она этими словами и подумала.

— Bonjour, Nina,—онъ обернулся въ ея сторону,—мы съ тобой еще не видались,—и онъ добавилъ, обращаясь къ гостямъ: —Цѣлый день, съ девяти часовъ, я все разъѣзжаю... Не успѣлъ даже завернуть въ правленіе.

— Vaus lâchez la boutique?—спросилъ Никсъ.

— Разумѣется, — отвѣтила гостья за Гаярина. — Але-

ксандръ Ильичъ не будетъ... какъ это нынче говорятъ?.. совмѣстителемъ. Да этого и нельзя на такомъ посту...

— Pardon,—остановилъ онъ ее жестомъ своей руки,— вы обо мнѣ говорите, какъ будто я уже ѣздилъ въ соборъ присягать.

— Ахъ, полноте, Александръ Ильичъ, вы приняли кандидатуру... Чего же больше? Васъ выберутъ единогласно! Въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ... Да если бъ вы упирались, васъ насильно надо бы выбрать... Но вы упираться не будете. C'est vieux jeu! Знаете, какъ когда-то самые умные политики... Ха-ха!.. Борисъ Годуновъ... Василій Шуйскій... Всѣмъ народомъ ходили къ нимъ и били челомъ. Тогда безъ этого нельзя было... Да и пора намъ имѣть настоящаго предводителя сословія, которое желаютъ поднять! Вы знаете,—повернулась она къ Антонинѣ Сергѣевнѣ, — вы живете въ домѣ испоконъ вѣку предводительскомъ...

— C'est prédestiné!..—вырвалось у Никса.

— C'est ça! — подтвердила мать и громко перевела духъ—корсетъ давилъ ей грудь и щеки стали изсиня-красныя.

Антонина Сергѣевна не обронила ни одного звука. Да ей и не нужно было занимать гостей. Они оба—и мать, и сынъ—взапуски болтали. Не хотѣла она и дѣлать наблюденій надъ своимъ мужемъ. Развѣ онъ не чувствуетъ себя въ своей тарелкѣ, и въ присутствіи той самой Лушкиной, которую считалъ,—наравнѣ съ ея сынкомъ,—еще года три тому назадъ, „гадиной"? Она не видитъ его лица, но слышитъ голосъ и можетъ отвѣтить за него, что онъ настроенъ превосходно: принимаетъ поздравленія, наканунѣ выбора съ джентльменскою скромностью дѣлаетъ официальные визиты. Никакихъ у него нѣтъ ни колебаній, ни раздвоеній. Онъ себѣ вѣренъ.

Эта фраза: „онъ себѣ вѣренъ" пришла ей сейчасъ, и она чуть не засмѣялась вслухъ,—до такой степени слова эти выражали то, что̀ теперь представлялъ собою Александръ Ильичъ.

О чемъ-то еще шелъ шумный разговоръ, съ возгласами Никса, вставлявшаго свои бульварныя словечки, и удушливою переборкой дыханія его матери. Но о чемъ они говорили—она не слыхала.

— Nina! — вывелъ ее изъ полузабытья гибкій голосъ мужа.

Гостья уже поднялась и протягивала ей руку. Мужъ глядѣлъ на нее недоумѣвающе-холодными глазами. Ей стало стыдно и она что-то пробормотала на прощаніе и матери, и сыну.

Но провожать ихъ не пошла. Александръ Ильичъ, съ особенно изысканными интонаціями, говорилъ гостьѣ, проходя съ ней по гостиной, какія-то любезности.

Къ женѣ Гаяринъ не вернулся. Онъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Ему надо было наскоро переодѣться. Усталости онъ не чувствовалъ, хотя цѣлый день былъ на ногахъ, и даже забылъ о завтракѣ.

Въ клубѣ давали ему обѣдъ — онъ зналъ, съ какою цѣлью. Устроителями обѣда были трое уѣздныхъ предводителей. И это придавало особенно лестный характеръ этому банкету. Значитъ, естественные кандидаты на мѣсто губернскаго предводителя не считали себя настолько достойными занимать эту должность, насколько былъ достоинъ онъ.

И каждый изъ нихъ отлично знаетъ, что Александръ Ильичъ Гаяринъ не пускалъ въ ходъ ни малѣйшей интриги. Его приглашаютъ, о немъ всѣ говорятъ, какъ объ „единственномъ“ человѣкѣ въ губерніи, способномъ „держать высоко знамя“. Въ него всѣ вѣрятъ и никто не позволяетъ себѣ самаго невиннаго намека на его недавнее прошлое, не то что въ глаза, но, вѣроятно, и за глаза.

Передъ зеркаломъ, надѣвая на себя бѣлый галстукъ, Александръ Ильичъ обдумывалъ остовъ своего спича. Къ нему, конечно, будетъ обращена рѣчь одного изъ хозяевъ обѣда. Что бы ни сказали ему, отвѣтъ долженъ быть въ общихъ чертахъ готовъ. До сихъ поръ онъ только на земскихъ съѣздахъ имѣлъ случай говорить. Его всегда слушали съ большимъ вниманіемъ, и онъ обладалъ несомнѣнною способностью къ импровизаціи. Но на экспромты онъ смотрѣлъ какъ на игру, на взбиваніе пѣны. Онъ гораздо выше ставилъ краснорѣчіе съ серьезною подготовкой, постройку стройныхъ періодовъ, полныхъ фактическихъ данныхъ.

Въ послѣдніе два года, сидя въ правленіи промышленнаго общества, онъ не могъ дать ходъ своему ораторскому дарованію. Цифры, балансы, конторская корреспонденція, изрѣдка дѣловой споръ, и только. Все это было рѣшительно ниже того, къ чему онъ считалъ себя призваннымъ,—къ крупной общественной роли.

Туалетъ былъ оконченъ. Пора и ѣхать. Заставлять себя дожидаться считалъ онъ величайшею непорядочностью. Заходить къ Антонинѣ Сергѣевнѣ не зачѣмъ. Обѣдалъ ли у ней кто-нибудь—онъ не зналъ. О томъ, что онъ приглашенъ сегодня, ей извѣстно.

Но онъ, все-таки, повернулъ изъ дверки коридорчика не направо, къ передней, а налѣво.

Пускай она увидитъ его въ парадѣ. Уѣхать не простившись—это какъ бы избѣгать ея нравственнаго контроля надъ собою, или признавать его, дѣлать что-нибудь исподтишка.

Этого онъ не хотѣлъ. Пускай она привыкаетъ къ тому, что законно и естественно происходитъ въ ея мужѣ.

— Нина! ты здѣсь?—окликнулъ онъ ее посрединѣ гостиной.

— Я здѣсь,—отвѣтила она отъ своего письменнаго стола.

— Я ѣду на обѣдъ. И боюсь опоздать... Ты никого не ждешь къ себѣ?

— Никого.

По звуку ея голоса онъ ничего не могъ распознать, тревожна она или спокойна.

Да и пора бросить это постоянное распознаваніе душевныхъ настроеній Антонины Сергѣевны.

Онъ дошелъ до дверей ея будуара. Антонина Сергѣевна писала письмо.

„Вѣчныя изліянія въ письмахъ,—подумалъ онъ.—Нѣтъ никакой нормальной программы жизни“.

Александръ Ильичъ долженъ былъ бы прибавить: „Нѣтъ дѣтей, и въ этомъ виноватъ я“, но этой прибавки онъ не сдѣлалъ.

— Прощай, мой другъ,—сказалъ онъ, смягчая свой голосъ, и подошелъ къ столу.—Обѣдъ затянется.

— Его даютъ тебѣ?—спросила она глухо, но довольно спокойно.

Онъ ничего не отвѣтилъ и поцѣловалъ ее въ лобъ.

И когда его шаги затихли, Антонина Сергѣевна приложила ладонь руки ко лбу и подумала съ упрекомъ себѣ:

„Зачѣмъ я его спросила насчетъ обѣда? Какъ это не умно и мелко!“

Она тутъ же дала себѣ слово отнынѣ не дѣлать никакихъ замѣчаній вслухъ, уйти въ себя, а наружно исполнять все, что будетъ отъ нея требовать новое общественное положеніе Александра Ильича.

По крайней мѣрѣ, она сохранитъ незапятнанной свою „святая-святыхъ“. И тогда только выступитъ изъ этой пассивной роли, когда личность мужа совсѣмъ погибнетъ, на ея оцѣнку.

Она продолжала письмо къ своей матери въ Петербургъ, гдѣ въ объективномъ тонѣ разсказывала про успѣхи Александра Ильича. Она знала, что ея матери все это было чрезвычайно пріятно... Прежній Гаяринъ скрылся навсегда, для тщеславной и набитой сословностью жизни.

XIV.

Лихачъ Ефимъ Иванычъ только что отвезъ сѣдока изъ дворянскаго собранія и вернулся на свою биржу покормить лошадь. Сегодня ѣзды было порядочно, даже его бурый упрѣлъ немножко.

И опять притащился тотъ Ванька, что съ недѣлю передъ тѣмъ стоялъ тутъ и вступилъ въ разговоръ насчетъ Александра Ильича Гаярина.

На этотъ разъ самъ Ефимъ Иванычъ окликнулъ его:

— Ты, паря, — полунасмѣшливо обратился къ нему, — баринъ-то,—и онъ показалъ кнутомъ на розовый домъ,— Александръ-то Ильичъ... Гаяринъ...

— Нешто?—отозвался мужичокъ.

— Въ предводители седни выбрали... въ губернскіе... Чуешь?

— Такъ, такъ.

— Сейчасъ расходиться начало... собраніе-то. Мнѣ баринъ одинъ сказывалъ... отвозилъ я его въ гостиницу.

— Въ гору, значитъ, пошелъ?

— Надо полагать.

Больше Ефимъ Иванычъ ничего не сказалъ, а воззрился вдоль улицы и сталъ распознавать, чьи господскія сани ѣдутъ по направленію къ перекрестку, тоже отъ собранія.

— Лушкиной сынокъ катитъ,—выговорилъ онъ. — Экъ жиру-то нагулялъ! Въ мать!

Это былъ, дѣйствительно, Никсъ. Онъ полетѣлъ поздравить Антонину Сергѣевну съ избраніемъ Александра Ильича.

Мать его осталась еще на хорахъ, гдѣ собралось давно небывалое количество дамъ. Всѣ удивлялись тому, что не было Гаяриной. Въ городѣ знали про ея „красныя“ идеи, не прощали ей домосѣдства, малаго желанія принимать у себя, считали странной и надутой, жалѣли, что у та-

кого блестящаго мужчины, какъ Александръ Ильичъ, такая поблекшая и неэффектная жена.

Никсъ сильно позвонилъ, не спросилъ у лакея, принимаетъ ли Антонина Сергѣевна, далъ стащить съ себя узкое, на пуху, пальто и безъ доклада пробѣжалъ залу и гостиную. Его заграничная обувь издавала скрипъ.

— Chère madame!—крикнулъ онъ въ гостиной.—Je vous félicite! Pardon, что такъ вламываюсь къ вамъ, но я хотѣлъ первымъ принести вамъ радостную вѣсть!

Антонина Сергѣевна лежала на кушеткѣ. Съ утра она страдала припадками невралгіи, но съ этими приступами своей обычной болѣзни она давно помирилась, не сказывалась изъ-за нихъ больной и въ постель никогда не ложилась.

На хоры она не ѣздила съ самаго начала выборовъ, и Александръ Ильичъ ни разу не спросилъ ее, отправляясь поутру изъ дому, думаетъ ли она побывать въ собраніи. Невралгія давала ей законный поводъ не выходить изъ спальни именно сегодня, но она не сдѣлала этого нарочно.

Появленіе нестерпимо-противнаго ей сына Лушкиной было началомъ сегодняшнихъ испытаній. Она поздоровалась съ нимъ любезно, съ разъ навсегда установленною улыбкой, даже извинилась, что принимаетъ полулежа.

— Ваша невралгія должна пройти!— вскричалъ онъ, разсаживаясь около нея. — Ей наши дамы не повѣрятъ. Нѣкоторыя находятъ, что вы должны бы участвовать въ торжествѣ вашего мужа, тамъ, наверху... Но мы съ maman нашли ваше поведеніе какъ нельзя болѣе тонкимъ.. Вы—большой дипломатъ, Антонина Сергѣевна!

Жирный смѣхъ заколыхалъ его женоподобное пухлое тѣло, затянутое въ дворянскій мундиръ. Шитый золотом красный воротникъ подпиралъ его двойной подбородокъ. Мундиръ былъ застегнутъ.

— Вы видите, я устремился къ вамъ въ полной парадной формѣ. Александра Ильича еще не скоро выпустятъ... Сегодня мы съ maman у васъ обѣдаемъ. Вы этого не знаете? Ха-ха-ха! Vous serez complimentée par toute une députation!

Голова у ней все сильнѣе разбаливалась, но она продолжала принимать гостей, перешла изъ будуара въ гостиную и сѣла на диванъ, говорила очень мало, всѣмъ улыбалась. Передъ ней мелькали женскія и мужскія лица,

нѣкоторые мужчины подходили къ рукѣ, пріѣхалъ и старичокъ-губернаторъ, и до шести часовъ въ гостиной гудѣлъ разговоръ, кажется, подавали чай. Чувствовалось большое возбужденіе... Незадолго до обѣда явился Александръ Ильичъ, тоже въ мундирѣ... Она помнитъ, какъ въ туманѣ, что онъ ее поцѣловалъ, пожалъ руку и сказалъ:

— Mercі, chérie!

За что онъ ее благодарилъ—она не знала. Лицо у него было блѣдное, благодушно-привѣтливое, и глаза блестѣли.

Потомъ былъ обѣдъ человѣкъ на двадцать... Половину мужчинъ она видѣла въ первый разъ... Кажется, это были все уѣздные предводители... Губернаторъ тоже остался обѣдать, сидѣлъ рядомъ съ нею, посрединѣ стола, противъ Александра Ильича.

Много тостовъ выслушала она... Ея здоровье пили нѣсколько разъ... Говорили и застольныя рѣчи. Какой-то уѣздный предводитель запутался и никакъ не могъ найти подходящаго выраженія, краснѣлъ, отдувался, расплескалъ вино... И хозяину пришлось отвѣчать настоящимъ спичемъ на англійскій манеръ.

Слушала она его, точно совсѣмъ чужого, даже голосъ казался ей страннымъ, и никакъ не могла схватить ни одной опредѣленной мысли. Все ускользало отъ нея, расплывалось. Какое-то актерство въ манерѣ говорить и выраженіи лица подмѣчала она, однако, когда ея взглядъ доходилъ до него черезъ столъ.

Благодаря головной боли, не позволявшей ей ни во что хорошенько вслушиваться и къ чему-либо присматриваться, она не испытывала никакихъ новыхъ непріятныхъ ощущеній. Но къ десерту ей стало такъ плохо, что сидѣвшій рядомъ съ нею губернаторъ спросилъ ее:

— Антонина Сергѣевна, что съ вами? Вы перемогаетесь... Пошли бы вы отдохнуть.

Въ его добрыхъ глазахъ она могла бы прочесть сожалѣніе о женской слабой натурѣ, не совладѣвшей съ радостнымъ волненіемъ. И онъ вѣрилъ въ то, что она сердцемъ сливается съ мужемъ въ одномъ чувствѣ успѣха и всеобщаго признанія его достоинствъ.

Но будь она и совсѣмъ здорова, сиди онъ у ней одинъ и выскажись въ такомъ именно смыслѣ, она не стала бы разубѣждать его.

Наконецъ, и мужъ замѣтилъ ея мертвенную блѣдность и растерянный видъ и черезъ столъ тихо спросилъ ее:

— Tu te sens mal, Nina?

Она покачала головой и готова была сидѣть, но губернаторъ привсталъ и, обратившись къ хозяину, сказалъ:

— Вы позволите?

За нимъ поднялись и всѣ остальные.

Она совсѣмъ уже не помнила, какъ очутилась, одѣтая, за перегородкой, на постели. Никогда съ ней не бывало обмороковъ, даже и отъ сильнѣйшихъ головныхъ болей.

Невралгія начала ослабѣвать, перешла изъ брови и праваго глаза къ затылку. Но у ней все вылетѣло изъ головы: визиты, поздравленія, спичи. Только минутъ черезъ десять она вспомнила, что Александръ Ильичъ — губернскій предводитель,

Дверь въ ея будуаръ затворили, но до слуха ея доносились мужскіе голоса... Должно-быть, играютъ въ залѣ, на нѣсколькихъ столахъ. Помѣщичья жизнь начиналась... Такъ будетъ теперь каждый день. Домъ у нихъ долженъ быть „открытый“.

Изъ дверки, выходившей въ коридоръ, показалась ея горничная. Въ полутемнотѣ она не сразу узнала ее.

— Это вы, Маша?

— Я-съ. Вамъ не угодно раздѣться, барыня?

Она ее называла прежде „Антонина Сергѣевна“, а потомъ „барыня“. Почему же не „ваше превосходительство“? Вѣроятно, лакеи уже такъ говорятъ ея мужу.

— Нѣтъ, Маша,—слабымъ голосомъ отвѣтила она,—я такъ полежу. Который часъ?

— Скоро десять.

— Я позвоню... Ступайте!

Она лежала одна, и это одиночество не пугало ее. Съ нимъ надо помириться на всю жизнь. Дѣтей ей не возвратятъ... Когда они кончатъ курсъ, она не найдетъ въ нихъ того, о чемъ мечтала... Во всемъ городѣ у ней нѣтъ ни одной пріятельницы, и въ домѣ она теперь будетъ добровольною изгнанницей.

Дверь изъ гостиной позади портьеры тихо отворилась.

Антонина Сергѣевна узнала шаги мужа и тотчасъ же закрыла глаза.

— Какъ ты себя чувствуешь? — спросилъ онъ, подходя на цыпочкахъ къ кровати. — Не послать ли за докторомъ?

— Мнѣ лучше... Не безпокойся.

Онъ нагнулся надъ нею и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Бѣдная,—снисходительно выговорилъ онъ, — ты не привыкла къ такимъ шумнымъ пріемамъ.

— Привыкну,—прошептала она и опять закрыла глаза.

Въ этомъ словѣ „привыкну“ онъ не почувствовалъ иронiи. Ему хотѣлось вѣрить, что въ его женѣ, послѣ недавней бурной сцены, произошла благодѣтельная реакція.

„Она умна, — думалъ онъ, — и должна была кончить этимъ“.

— Тебя гости не безпокоятъ... изъ залы?

— Нисколько.

— Засиживаться они не будутъ.

— Пускай играютъ, — выговорила она такимъ тономъ, что Александръ Ильичъ вышелъ совершенно довольный ею.

XV.

Поѣздъ подходилъ къ Петербургу. Въ отдѣленiи вагона перваго класса Антонина Сергѣевна ѣхала одна. Мужъ ея любилъ вагоны съ креслами. Она проснулась еще до свѣта. И мысль о скоромъ свиданiи съ дѣтьми заставила ее подняться съ триповаго дивана.

Еще какихъ-нибудь два-три часа — и она увидитъ на вокзалѣ Сережу. Онъ уже большой мальчикъ, носитъ треугольную шляпу. Лили не пустятъ... У нихъ теперь повѣтрiе „свинки“ — неизбѣжная институтская болѣзнь. Она недавно только оправилась.

Но отчего же въ ней нѣтъ захватывающей радости?.. Скорѣе тревога, точно она ждетъ какой-нибудь бѣды. Эта поѣздка случилась, вѣдь, гораздо раньше, чѣмъ она разсчитывала въ началѣ зимы.

Да; но такъ понадобилось Александру Ильичу. Онъ, по утвержденiи въ должности, — ей извѣстно, *какъ* онъ трусилъ, что его не утвердятъ, — на радостяхъ рѣшилъ тотчасъ же ѣхать „представляться“.

Ей онъ предложилъ сопровождать его, повидаться съ дѣтьми, съ матерью, сестрой, кузиной. Въ домѣ кузины, княгини Мухояровой, они и остановятся. Нашлась цѣлая квартира съ мебелью, надъ бельэтажемъ.

Этой поѣздкѣ она очень обрадовалась; а теперь вотъ сидитъ, въ полутьмѣ зимняго хмураго разсвѣта, тревожная и недоумѣвающая. Она видитъ впередъ, съ какими людьми, въ какихъ разговорахъ она проведетъ цѣлый мѣсяцъ. И въ кузинѣ она не найдетъ уже прежней своей

Жени, съ которой переписывалась годами,—чуткой, способной сочувствовать всѣмъ ея завѣтнымъ идеямъ и стремленіямъ. Главный нервъ ея души точно оборвался. Все идетъ мимо ея воли, и она ничего не можетъ ни остановить, ни измѣнить. Тотъ человѣкъ, кому она отдала всю себя, потому что увѣровала въ него и черезъ него поняла смыслъ жизни, „ѣдетъ въ другомъ вагонѣ". Это сравненіе пришло ей еще вчера, когда она очутилась одна въ своемъ отдѣленіи и заперла изнутри дверку. Одинъ поѣздъ мчитъ ихъ, но ѣдетъ онъ, а она только при немъ, какъ какой-то ненужный придатокъ...

Когда свѣту прибавилось, она занялась своимъ туалетомъ: поправила прическу, освѣжила голову одеколономъ, уложила опять свои вещи въ дорожный мѣшокъ и сидѣла у полузаиндивѣлаго окна.

Къ ней постучались на станціи, гдѣ послѣдній буфетъ. Лакей-татаринъ принесъ ей чаю, — прислалъ его Александръ Ильичъ.

Мужъ передъ отъѣздомъ былъ къ ней особенно внимателенъ, съ какимъ-то новымъ оттѣнкомъ уклончивой снисходительности, точно онъ хочетъ показать ей, что считаетъ ее достойною сожалѣнія истеричною женщиной, съ которою онъ не можетъ уже ставить себя на одну доску.

Вотъ и Петербургъ. Поѣздъ замедлилъ ходъ, вошелъ подъ навѣсъ... Въ вагонъ ворвались нѣсколько артельщиковъ.

На платформѣ ее обняла кузина.

— Жени!.. Милая!..

Жени, въ бархатной шубкѣ, съ накладкой завитыхъ волосъ, въ открытой шляпѣ; на видъ еще очень молодая, съ запахомъ пудры. Но, обнимая ее, Антонина Сергѣевна не чувствовала своей прежней кузины.

Сережа, въ шинели съ бобрами и треугольной шляпѣ, бросился сначала къ отцу. У нея онъ поцѣловалъ руку и все тыкалъ ее своею треуголкой.

Ни мать, ни сестра не выѣхали ее встрѣтить.

— Grand maman, — говорилъ ей Сережа, — не совсѣмъ здорова... Tante Lydie хотѣла быть.

Сережа сталъ похожъ на отца, волосы его темнѣли, онъ смотрѣлъ почти юношей; голосъ у него срывался съ низкихъ нотъ на высокія.

— Какъ же мы ѣдемъ?—спросилъ Александръ Ильичъ,

свѣжій и нарядный въ своей ильковой шубѣ и бобровой шапкѣ.

— Папа, я съ тобой! — запросился Сережа. — Мы въ парныхъ саняхъ.

Онъ опять поцѣловалъ руку у матери жестомъ молодого человѣка и побѣжалъ за отцомъ. Ее пронизала мысль: „моего въ немъ ничего нѣтъ“. И вся жизненная дорога этого мальчика была передъ ней какъ на ладони. Но онъ прямо начнетъ съ того, чѣмъ отецъ его кончаетъ.

— Какъ я рада тебя видѣть, Нина... Ты утомилась?

Возбужденный голосъ кузины раздался внутри кареты.

Онѣ держали другъ друга за руку... Княгиня Мухоярова улыбалась ей. Эта улыбка что-то не согрѣвала ее. Ей бы надо было прильнуть къ кузинѣ, но она не могла.

Плакать... изливаться... Въ чемъ? Новый, еще никогда ею не испытанный стыдъ удерживалъ ее.

— Какъ я рада, — продолжала говорить княгиня своимъ тонкимъ, немного простуженнымъ голосомъ,—какъ я рада, что вы будете жить у насъ! Мужъ твой — великолѣпенъ! Какъ онъ еще хорошъ!.. И какая представительность! Конечно, ему надо было въ предводители!

— Ты думаешь?—спросила Антонина Сергѣевна и поглядѣла на кузину.

— Разумѣется, милая. Такъ мало людей съ желаніемъ служить обществу... Это надо цѣнить... Всѣ только кидаются въ дѣла... Вотъ и мой мужъ... Никакой роли, никакого высшаго честолюбія. Деньги и деньги, биржа, расширеніе оборотовъ... Но для этого довольно и купцовъ, разныхъ спекулянтовъ, жидовъ!.. Ахъ, Нина,—княгиня сентиментально вздохнула,—on finit toujours par un grand vide. Во мнѣ ты найдешь теперь... какъ это сказать?.. une crise, vrai!..

Она уже знала, что кузина съ нѣкоторыхъ поръ изучаетъ какія-то „теозофическія“ науки, но въ своихъ письмахъ избѣгала вдаваться въ это, спрашивать ее подробно, что̀ это за науки.

— Une crise? — переспросила она по-французски и поглядѣла опять на пополнѣвшее и слегка напудренное лицо кузины.

„Неужели и я ударюсь во что-нибудь? — подумала она вслѣдъ затѣмъ, — въ редстокизмъ, въ буддизмъ или въ столоверченіе?“

— Ты еще должна быть счастлива!.. У тебя мужъ— крупная личность. И мнѣ кажется, Нина, ты къ нему начинаешь относиться... слишкомъ односторонне.

— Можетъ-быть, — кротко выговорила Антонина Сергѣевна.

— Ты какъ была восторженною дѣвушкой двадцать лѣтъ назадъ, такъ и осталась. C'est sublime, mais c'est trop simpliste.

— Simpliste?—повторила Гаярина.—Простà?—перевела она по-русски.

— Нѣтъ, не простà. Но... какъ это нынче пишутъ?... прямолинейна! Voilà le mot!

Привычка пересыпать русскую рѣчь французскими фразами и прежде водилась за ея кузиной, но теперь это рѣзче бросалось и придавало разговору непріятный ей, суетный оттѣнокъ.

— И, наконецъ, Нина, милая, когда уйдешь душой въ такія сферы, откуда все кажется ничтожнымъ и тлѣннымъ, нельзя никого винить въ извѣстныхъ превращеніяхъ...

Послѣ маленькой паузы княгиня ниже наклонилась къ ней и спросила:

— Ты развѣ не допускаешь возможности перехода существъ? Одною жизнью еще не кончается бытіе.

„Что это такое?—спросила про себя Гаярина,—шутовство или блажь?“

— Тебѣ кажется дикимъ, что̀ я говорю?.. Ахъ, Нина, нельзя быть довольной обыкновенными объясненіями жизни... всего... Ты понимаешь?... Только ты не подумай, что я хочу тебѣ что-нибудь навязывать. Я не изувѣрка!... Я ищу просвѣта!... L'audelas!

Княгиня полузакрыла глаза, привлекла къ себѣ Гаярину и поцѣловала ее.

Въ этой ласкѣ опять сказалась ея мягкая натура, но весь ея тонъ былъ уже таковъ, что Антонина Сергѣевна не могла заговорить съ ней, какъ съ испытаннымъ другомъ.

— Ты очень обсидѣлась, — продолжала кузина,—тамъ, въ твоемъ губернскомъ городѣ. У меня теперь бываетъ много народу, гораздо больше, чѣмъ прежде... Я, вѣдь, въ родѣ тебя, была simpliste, нетерпима. А теперь... все это—вопросы направленія, цвѣта не важны... въ моихъ глазахъ. Вездѣ, и за границей, въ Англіи, во Франціи, мы видимъ, что общество ищетъ совсѣмъ другого.

— L'audelas?—спросила Антонина Сергѣевна.

— Нина, милая! Нельзя быть безъ просвѣта. Надо вѣрить въ чудо вселенной. Особенно въ наши лѣта, когда молодость прошла! Il faut la grande synthèse!..

Княгиня не договорила, еще разъ обняла Гаярину и поглядѣла въ окно.

— Твоя maman... немножко простудилась. Она боится инфлуэнцы... Хочешь къ ней заѣхать сейчасъ, или ты перемѣнишь туалетъ и немного отдохнешь? Maman очень обрадована! Все повторяетъ, что ея beau fils a trouvé son chemin de Damas! Ты ужъ ей не противорѣчь.

— Я никому не противорѣчу!—сказала Антонина Сергѣевна и прибавила: — Къ maman я поѣду передъ обѣдомъ. Она вѣдь любитъ, чтобы я была всегда въ туалетѣ... И для нея теперь слишкомъ рано.

Карета, остановившись, прервала ихъ разговоръ. Швейцаръ уже высадилъ Александра Ильича и Сережу.

XVI.

Въ парныхъ саняхъ отецъ и сынъ, когда ѣхали отъ вокзала, поглядывали одинъ на другого. Они другъ другу нравились. Александръ Ильичъ видѣлъ, какъ Сережа дѣлается все похожѣе на него. Тотъ, за одинъ годъ, сильно возмужалъ. Треуголка сидитъ на немъ молодцовато, надѣтая немного вбокъ. Бобровый воротникъ офицерской шинели покрываетъ ему на половину розовыя уши, на виски начесаны густые темно-каштановые волосы.

Такимъ былъ и онъ, въ его лѣта, такъ же на бокъ надѣвалъ треуголку и укутывался въ шинель съ бобровымъ воротникомъ движеніемъ правой руки. Но тогда онъ уже началъ читать разныя „неподходящія книжки“. Или, быть-можетъ, годомъ раньше. На нѣкоторыхъ изъ его класса, въ томъ числѣ на него, нашло точно какое-то повѣтріе. Изъ фанфаронства, — такъ онъ объясняетъ это теперь,—стали они щеголять другъ передъ дружкой, добывать запрещенныя изданія, вести между собою тайныя бесѣды, кичиться своими „идеями“. Только держались они приличнo, даже франтовато, не считали нужнымъ выказывать свое „направленіе“ въ неряшливости, запущенныхъ волосахъ и грязныхъ ногтяхъ.

Онъ зарвался больше всѣхъ остальныхъ. Съ тѣхъ *это* очень скоро соскочило, и всѣ почти сдѣлали карьеру.

Только онъ одинъ очутился у себя въ деревнѣ съ запрещеніемъ выѣзжать изъ нея.

Сережа не тѣмъ смотритъ. Учится онъ не очень блестяще, но идетъ не изъ послѣднихъ; зато здоровъ, отлично ѣздитъ верхомъ, мило танцуетъ, французскій и англійскій акцентъ у него безукоризненный, — обѣщаетъ быть вполнѣ уравновѣшеннымъ юношей.

— Ты надолго, папа? — спросилъ онъ отца, повернувъ къ нему свое красивое лицо съ большими, болѣе плутоватыми, чѣмъ добрыми глазами.

— Недѣли три-четыре поживу, — ласково отвѣтилъ Гаринъ.

— Ты вѣдь утвержденъ въ предводителяхъ?

— Какъ же, мой другъ!

— Ну, то-то!

Это восклицаніе Сережи вырвалось у него особеннымъ звукомъ, и онъ слегка повелъ плечомъ.

— А что?—спросилъ отецъ, заинтересованный.

— C'est que, vois-tu...

Сережа заговорилъ по-французски и потише. Но его что-то затрудняло.

Александръ Ильичъ это сейчасъ же понялъ. Онъ замѣтилъ сыну, въ тонѣ сентенціи, что съ нимъ онъ долженъ всегда и во всемъ быть откровеннымъ.

Сережа, по-французски же, сообщилъ ему, что у нихъ въ классѣ уже давно ходили разные толки, — онъ даже одного своего товарища проучилъ, — будто Александръ Ильичъ „неблагонамѣренный“,—онъ такъ и выразился этимъ русскимъ словомъ,—и былъ когда-то лишенъ всякихъ правъ, какъ заговорщикъ. Сережа употреблялъ слово „conspirateur“, а теперь, когда онъ всѣмъ сталъ разсказывать, что отца выбрали единогласно въ предводители, то Поль Кучкинъ громко крикнулъ: „никогда его не утвердятъ!“ — и это такъ возмутило Сережу, что онъ хотѣлъ дать Полю Кучкину пощечину.

— Ce serait une violence inutile!—остановилъ его Александръ Ильичъ, но ему этотъ порывъ сына пришелся очень по душѣ.

Мальчикъ будетъ съ чувствомъ достоинства, сумѣетъ отстаивать свои права и окажется устойчивымъ въ борьбѣ за жизнь. И въ то же время ему стало жутко отъ разсказа сына. Вотъ чему онъ подвергалъ Сережу въ стѣнахъ заведенія, гдѣ завязываются связи, гдѣ одинъ какой-

нибудь нелѣпый слухъ, разошедшійся между товарищами, можетъ повредить всей карьерѣ молодого человѣка.

Этотъ инцидентъ не мѣшаетъ, при случаѣ, разсказать Антонинѣ Сергѣевнѣ.

— Такъ тебя утвердили?— произнесъ Сережа, уже по-русски, радостными глазами взглянулъ на отца и закутался плотнѣе въ шинель.

Александръ Ильичъ не былъ въ Петербургѣ около двухъ лѣтъ. Онъ смотрѣлъ на длинную ширь Невскаго, на два ряда все тѣхъ же домовъ, и чувствовалъ, что у него нѣтъ внутри прежнихъ протестовъ, въ головѣ готовыхъ восклицаній. Онъ уже не повторялъ, какъ бывало прежде: „Какая казенщина! Нѣтъ ни оригинальности, ни климата, ни красоты, ни оживленія!“

Не цитировалъ онъ вслухъ и стиха Пушкина:

„Скука, холодъ и гранитъ!“

Напротивъ, городъ казался ему чрезвычайно бойкимъ, съ достаточною долей европеизма; его наполняло особое, неизвѣданное имъ ощущеніе какой-то связи съ тѣмъ, что составляетъ нервъ Петербурга. Въѣзжалъ онъ въ него не фрондирующимъ, полуопальнымъ помѣщикомъ, а особой, представителемъ сословія цѣлой губерніи, человѣкомъ, въ душѣ котораго перегорѣло все ненужное, глупо тревожное, всякій нечистоплотный и вредный задоръ.

Тогда онъ изводилъ себя на безплодное умничанье. Что жъ? Тотъ лицеистикъ, который назвалъ его въ лицо сыну „заговорщикомъ“, un conspirateur — правъ. Но *какимъ* онъ былъ, въ сущности, заговорщикомъ? Самымъ жалкимъ! Вѣдь онъ просидѣлъ въ деревнѣ болѣе десятка лѣтъ въ унизительной роли, которая одной восторженной Антонинѣ Сергѣевнѣ представлялась мученичествомъ. И не возьмись онъ за умъ, до сихъ поръ тянулось бы нелѣпое прозябаніе въ усадьбѣ, когда каждая жилка въ немъ трепещетъ потребностью быть на виду.

— Вотъ мы и дома!— крикнулъ Сережа и распахнулъ полость саней.

Двѣ кареты съ дамами и багажомъ отстали отъ нихъ.

Домъ стоялъ на набережной, трехъэтажный, барскій, съ монументальнымъ подъѣздомъ. Швейцаръ высадилъ ихъ, въ ливреѣ, бритый, съ брюшкомъ, очень важный. Но и онъ, снимая картузъ передъ Гаяринымъ, на особый ладъ осклабился и выговорилъ отчетливо и вкусно:

— Съ пріѣздомъ имѣю честь поздравить, ваше превосходительство!

Слова „ваше превосходительство“ схватилъ Сережа и покраснѣлъ отъ удовольствія.

Да, онъ будетъ теперь сыномъ особы четвертаго класса и надписывать на своихъ письмахъ отцу и матери: „его или ея превосходительству“.

— Во второй этажъ пожалуйте,—доложилъ швейцаръ, пошелъ впередъ и позвонилъ у квартиры, приходившейся надъ помѣщеніемъ ихъ кузины.

Эту квартиру занималъ семейный иностранецъ изъ посольскихъ, долженъ былъ внезапно уѣхать за границу и отдавалъ ее съ мебелью и посудой за четыреста рублей въ мѣсяцъ.

Цѣну Александръ Ильичъ счелъ умѣренной и, начиная съ передней, гдѣ ихъ встрѣтилъ лакей въ бѣломъ галстукѣ, изъ нѣмцевъ, оставленный при квартирѣ, онъ нашелъ все чрезвычайно красиво отдѣланнымъ и удобнымъ.

Сережа уже знакомъ былъ съ квартирой и повторялъ:

— Здѣсь отлично! Ты будешь доволенъ, папа.

Поваръ и вторая горничная были уже наняты княгиней Мухояровой.

Кабинетъ смотрѣлъ комнатой, откуда только что вышелъ хозяинъ, и показался Александру Ильичу изящнѣе, свѣтлѣе и уютнѣе его кабинета тамъ, на Рыбной улицѣ, да и вообще вся квартира, хотя она и была гораздо меньше.

Никогда онъ не испытывалъ такого пріятнаго возбужденія, какъ теперь, въ этотъ пріѣздъ, и боялся одного, какъ бы Антонина Сергѣевна не испортила ему расположенія духа видомъ мученицы, которую привезли на цѣлый рядъ терзаній.

— Поди, встрѣть maman,—сказалъ онъ Сережѣ.—Карета должна уже пріѣхать. Помоги ей разобраться въ вещахъ...

Сережа выбѣжалъ изъ кабинета; Александръ Ильичъ сѣлъ на широкій низкій диванъ, вытянулъ ноги, сладко зѣвнулъ и закрылъ глаза.

Почти двадцать лѣтъ жизни потерялъ онъ изъ-за сумасброднаго задора и надо ихъ наверстать въ два-три года.

Ему пошелъ сороковой годъ... Но какой это возрастъ для человѣка, такъ прекрасно сохранившагося? На видъ онъ въ полномъ смыслѣ молодой мужчина.

И невольно мысль его перебѣжала къ женѣ.

„Она уже старенькая“,—мягко выразился онъ про себя.

Это сравненіе наполнило его, не въ первый разъ, чувствомъ своего нравственнаго превосходства надъ всѣми знакомыми мужчинами. Всѣ обманываютъ женъ, держатъ любовницъ или поступаютъ еще грязнѣе... А онъ—нѣтъ. Къ женѣ онъ чувствуетъ только жалость и разумное расположеніе, какъ къ матери его дѣтей и женщинѣ *по-своему* преданной ему.

Долго ли онъ удержится въ такомъ цѣломудренномъ направленіи? Ему хотѣлось бы пройти черезъ новые соблазны незапятнаннымъ. Удастся ли это? Лучше сказать „прости“ не заснувшимъ еще потребностямъ въ женской ласкѣ и красотѣ, чѣмъ подать поводъ къ законнымъ обвиненіямъ въ обманѣ и распутствѣ!..

XVII.

— Генеральша въ угловой,—доложилъ Антонинѣ Сергѣевнѣ выѣздной въ ливреѣ, съ жилетомъ желтыми и черными полосами и въ гороховыхъ штиблетахъ.

Опять, попадая въ домъ своей матери, она испытываетъ то же стѣсненіе, точно она въ чемъ-нибудь провинилась, ждетъ выговора и наказанія. До сихъ поръ, по прошествіи почти двадцати лѣтъ, при встрѣчахъ съ матерью, она чувствуетъ въ себѣ непокорную дочь, увлекшуюся „Богъ знаетъ какими идеями“, противъ воли влюбившуюся въ „мальчишку-нигилиста“, какого-то полуссыльнаго, продолжавшаго и послѣ того, какъ былъ наказанъ, „отвратительно“ вести себя.

Она знала, что Елена Павловна Бекасова — женщина безъ характера, вся сотканная изъ противорѣчій и минутныхъ настроеній, слишкомъ поглощенная заботами о туалетѣ, барыня съ болѣзнью надвигающейся старости, суетными волненіями вдовы сановника, съ постояннымъ страхомъ, какъ бы ее не забыли и не обошли. Но въ ней жило не умирающее сословное и служилое тщеславіе и составляло ея единственную религію. Ни однимъ своимъ предразсудкомъ не поступалась она и ни одною претензіей. И передъ этимъ-то свойствомъ Антонина Сергѣевна ощущала жуткую неловкость, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, когда „maman“ дѣлала ей ежедневныя замѣчанія насчетъ тона, турнюры, прически. манеры ходить и держаться въ обществѣ.

Вотъ и сейчасъ ее тянуло къ дочери, въ институтъ, но она поѣхала сначала сюда, боясь того, какъ бы мать не обидѣлась, узнавъ, что не къ ней былъ ея первый визитъ.

Цѣлый рядъ все тѣхъ же темноватыхъ и узковатыхъ высокихъ комнатъ открывался передъ нею,—комнатъ, заставленныхъ множествомъ ненужныхъ вещей. И отовсюду смотрѣло что-то молодящееся и немножко старомодное, напоминавшее то время, когда Елена Павловна плѣняла въ этихъ комнатахъ своихъ „habitués“, тянулась въ рюмочку, пѣла романсъ „Il bacсio“ и пускала въ ходъ интонаціи дѣланной наивности, вмѣстѣ съ ахами отъ пѣнія Тамберлика и игры Бертона-отца, тогдашняго перваго сюжета Михайловскаго театра. Ни одного сердечнаго воспоминанія не будилъ этотъ домъ-особнякъ въ душѣ Антонины Сергѣевны. И личность отца не оставила въ ней ничего, кромѣ суховатой, чопорной отеческой манеры обращенія съ дочерьми. Мать, какъ овдовѣла, разливалась и въ разговорахъ, и въ письмахъ о высокихъ качествахъ покойнаго; но это сводилось больше къ „министерской“ пенсіи, которую ей выхлопотали, и къ званію особы „второго класса“. Въ своей матери Антонина Сергѣевна видала часто и что-то дѣтски-суетное, неисправимую безсознательную рисовку, иногда страдала за нее, иногда, про себя, улыбалась, но не могла ей серьезно противорѣчить, даже въ письмахъ, взять тонъ женщины съ твердыми правилами и опредѣленными идеалами, боялась вызвать въ матери раздраженіе или обидчивость.

Выѣздной пошелъ впередъ и въ портьерѣ доложилъ:

— Антонина Сергѣевна пріѣхали, ваше высокопревосходительство.

Елена Павловна сидѣла подъ балдахиномъ изъ китайской матеріи, съ огромнымъ японскимъ вѣеромъ, развернутымъ подъ угломъ на широкомъ диванѣ, въ родѣ кровати, гдѣ въ изголовьѣ валялось множество подушекъ и подушечекъ, шитыхъ золотомъ, шелкомъ, канаусовыхъ и атласныхъ, расписанныхъ цвѣтами, по модѣ послѣднихъ трехъ-четырехъ зимъ.

— Nina! Mon enfant! Тебя ли я вижу?

Она встала и медленно приближалась къ дочери, съ протянутыми руками, виднаго роста, въ корсетѣ подъ шелковымъ капотомъ съ треномъ, въ бѣлой кружевной косынкѣ, покрывавшей и голову. На лицо падала тѣнь,

и она смотрѣла моложаво, съ чуть замѣтными морщинами, со слоемъ желтой пудры; глаза, узкіе и близорукіе, пріобрѣли привычку мигать и щуриться; на лбу лежали кудерки напудренныхъ волосъ; зубы она сохранила и щеголяла ими, а всего больше руками замѣчательной тонкости и бѣлизны, съ дюжиной колецъ на каждой кисти.

На аршинъ разстоянія отъ матери Антонина Сергѣевна почуяла ея духи, отзывающіеся пятидесятыми годами,— пачули, отъ которыхъ ей бывало слегка тошно.

Онѣ обнялись. Елена Павловна поцѣловала ее два раза, въ щеку и въ лобъ, и придержала за талію.

— Совсѣмъ расклеилась,—говорила она высокимъ, немного шепелявымъ голосомъ.—Вотъ три дня, какъ сижу взаперти... Какое-то повѣтріе... Страшная боль въ затылкѣ... Не могу закинуть головы назадъ... Поди, поди сюда, садись, вотъ рядомъ. Какъ я рада!

Дочь заслышала въ ея тонѣ больше ласки. Это относилось не къ ней, а къ Александру Ильичу, къ его превосходительству.

— На видъ ты молодцомъ,—выговорила Антонина Сергѣевна, взглянувъ еще разъ на мать.

Она ей говорила „ты“ и матери нравилось это мѣстоименіе, оно ее молодило, да она и въ самомъ дѣлѣ смотрѣла старшею сестрой Антонины Сергѣевны.

— Какъ ты худа! — со вздохомъ выговорила Елена Павловна, оглядывая дочь. — И сѣдыхъ волосъ сколько! Зачѣмъ ты это допускаешь?

— Что?—разсѣянно спросила дочь.

— Это небрежность!

Опять ей дѣлали выговоръ за „manque de tenue“.

— Надо слѣдить! Нынче есть прекрасныя косметики... Allen... или Melanogène... А лучше всего пудрить... Къ тебѣ пойдетъ... Cela repose le teint.

И туалетомъ своей дочери Елена Павловна не осталась вполнѣ довольна, нашла, что дочь одѣвается слишкомъ траурно.

— Кто тебѣ дѣлалъ это платье?

— Шумская, maman.

— Какая это Шумская?

— Извѣстная... въ Москвѣ.

— Est-ce qu'on s'habille à Moscou?

Елена Павловна сдѣлала гримасу и продолжала оглядывать туалетъ дочери.

— Нынче уже нѣтъ гладкихъ рукавовъ... На плечахъ надо буффы... И талія слишкомъ длинна... И складки... Montre moi... Сзади ужъ совсѣмъ не такъ... Надо вѣеромъ... tu comprends?.. вѣеромъ, въ нѣсколько складокъ, чтобы онѣ лежали плотно и только къ самому низу расходились бы...

Антонина Сергѣевна молчала. Она опять сознавала себя дѣвочкой, которой читаютъ нотаціи по части туалета.

— А твой мужъ?—спросила Елена Павловна.

Она въ разговорѣ должна была безпрестанно перескакивать съ предмета на предметъ. Иногда это у ней доходило до болѣзненныхъ размѣровъ.

— Онъ будетъ сейчасъ... Его задержалъ мужъ Жени.

— Вы хорошо помѣстились?.. Я очень рада... А цѣна?

— Четыреста рублей.

— За одинъ мѣсяцъ?.. Это ужасно дорого!

Для Елены Павловны все было „ужасно дорого“, что не шло на нее самое, ея туалетъ и разныя „бездѣлушки“, какъ она выражалась. Расточительная и мелочная, она вобрала въ себя характерное свойство русскихъ барынь—транжирство съ грошовымъ расчетомъ и полнымъ отсутствіемъ правильной оцѣнки вещей.

— Это не дорого, maman, — позволила себѣ возразить Антонина Сергѣевна.—Цѣлая квартира... Александръ нашелъ, что въ отелѣ неудобно и выйдетъ дороже.

— Конечно, мой другъ... Il faut représenter!

И, точно спохватившись, Елена Павновна измѣнила выраженіе своего дѣтски-подвижного лица, немного сдвинула подрисованныя слегка брови и прилегла на кучу подушекъ.

— Твоимъ мужемъ я не нахвалюсь,—начала она другимъ тономъ.—И здѣсь имъ очень, очень довольны... Еще третьяго дня... мнѣ говорили, qu'il est très bien vu! Что жъ? Лучше поздно, чѣмъ никогда... И тебя хвалю, мой другъ, что не теряла времени... tu t'es convertie, je l'espère, à d'autres idées... и на мужа повліяла...

„Ахъ, Боже мой!“—про себя вздохнула Антонина Сергѣевна и смущенно опустила голову. Вотъ какъ родная мать понимала ее, какую роль приписывала въ „эволюціи“ Александра Ильича!

— Пора!—продолжала Елена Павловна.—Cela devenait scandaleux!.. И будущность вашихъ дѣтей!.. Они очень милы... Ты уже видѣлась съ Лили?

— Нѣтъ еще, maman, я хотѣла быть у тебя...

— Благодарю тебя, мой другъ,—перебила Елена Павловна, приподнялась и привлекла ее къ себѣ.—Не скрою отъ тебя... столько лѣтъ я за васъ обоихъ страдала и боялась... Теперь все идетъ... какъ надо для людей... de notre bord... Lydie,—она назвала вторую свою дочь,—est adorée de son mari... Онъ, правда, не особенно блестящъ, но идетъ въ гору исполинскимъ шагомъ... На линіи товарища министра... Надѣюсь, что и Александръ черезъ нѣсколько лѣтъ получитъ постъ здѣсь же... Нынче предводительство — прекрасный дебютъ. On les cajole beaucoup, les maréchaux de noblesse. И отъ него будетъ зависѣть быть скоро камергеромъ.

„Онъ объ этомъ только и мечтаетъ“,—чуть не вырвалось у дочери.

— И внуки мои... здѣсь же... Я хвалю васъ обоихъ... Ты слишкомъ скромна... но я вижу твое вліяніе...

Смущеніе Антонины Сергѣевны росло. Мать ея опять опустилась на груду подушекъ и кокетливо оправила кружевную косынку.

XVIII.

Къ дочери Антонина Сергѣевна такъ и не попала въ этотъ день.

Она-было собралась проститься съ матерью, но Елена Павловна взяла ее за обѣ руки и усадила въ кресло.

— Погоди, Нина!.. Минуточку... Я не успѣла сказать тебѣ... Твой дядя... князь Григорій Александровичъ... долженъ быть скоро... Я его просила передъ отъѣздомъ заглянуть... И про вашъ пріѣздъ ему извѣстно... Я очень хотѣла бы, чтобы и Александръ засталъ его у меня.

Князь Григорій Александровичъ приводился Еленѣ Павловнѣ троюроднымъ братомъ, но она его выдавала иногда за родного дядю, иногда за „cousin germain“. Онъ былъ старый и закоренѣлый холостякъ, съ огромнымъ состояніемъ, родни не любилъ, въ Россіи жилъ мало. Всѣ родственники, ближніе и дальніе, охотились за нимъ, но никому онъ не оказывалъ расположенія. И Александръ Ильичъ, въ послѣдній годъ, заговорилъ о князѣ Григоріи Александровичѣ, воспользовался какимъ-то дѣловымъ письмомъ его, чтобы предложить ему свои услуги по продажѣ того запущеннаго сада, что стоитъ въ глубинѣ переулка, тамъ, у нихъ, въ губернскомъ городѣ.

Эти заигрыванья огорчали Антонину Сергѣевну. Князя видѣла она всего одинъ разъ въ жизни и неохотно вспоминала о немъ, — до такой степени онъ былъ ей несимпатиченъ.

— Ты понимаешь, — зачастила полушопотомъ Елена Павловна, — онъ, кажется, совсѣмъ не вернется въ Россію... Всѣ свои имѣнія онъ продалъ. У него, должно-быть, милліоновъ пять... Разумѣется, онъ переведетъ ихъ въ заграничные банки...

— Это его дѣло, maman...

— Помилуй, Нина, что ты говоришь? Въ своемъ родѣ онъ послѣдній. У меня братьевъ не было... Есть еще другіе Токмачъ-Пересвѣтовы... но они—бѣдные. Ужъ для нихъ-то онъ, конечно, ничего не сдѣлаетъ. Tu es sa nièce... Наконецъ, съ какой стати такое громадное состояніе и пропадетъ тамъ, за границей?.. Или, какъ всѣ холостяки, il finira par une drôlesse!..

Брови Елены Павловны задвигались, и она еще долго бы говорила на эту тему, если бъ не визитъ князя.

Она пришла въ новое волненіе, встала, перешла на другое мѣсто, оправила свою кружевную косынку и, когда лакей, доложившій о пріѣздѣ князя, скрылся за портьерой, шепнула дочери:

— Reçois le, chérie...

Антонина Сергѣевна послушно исполнила это и пошла навстрѣчу князю.

Къ ней приближался, короткими шажками, маленькій человѣчекъ, въ синей жакеткѣ и очень узкихъ свѣтлыхъ панталонахъ. Онъ казался неопредѣленныхъ лѣтъ; бритое, пухлое лицо, сдавленный черепъ, съ жидкими, сильно рѣдѣющими темными волосами, зачесанными съ одного бока, чтобы прикрыть лысину, — все это было такое же, какъ и нѣсколько лѣтъ назадъ... Онъ точно замариновалъ себя и не мѣнялся... Ему было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ.

— Здравствуйте, князь,—сказала она ему и протянула руку.

Дядей она его не назвала, да онъ и самъ не любилъ никакихъ родственныхъ подъѣзжаній.

— Bonjour, bonjour, — скороговоркой отвѣтилъ князь, пожалъ ея руку и оглядѣлъ ее своими смѣющимися глазками восточнаго типа.—Maman тамъ?

Онъ указалъ рукой.

— Она васъ проситъ туда.

— Давно здѣсь?—на ходу спрашивалъ ее князь.

— Только сегодня.

— Съ мужемъ?.. Читалъ, читалъ... Утвержденъ губернскимъ предводителемъ... Хочетъ наверстать!.. Не поздравляю.

Она ничего на это не сказала. Послѣдняя фраза „не поздравляю“ не удивила ее въ князѣ.

Елена Павловна встрѣтила его подъ балдахиномъ, на грудѣ подушекъ, и слабымъ голосомъ жаловалась на то, что она „toute patraque“, но тона этого не выдержала и начала передъ нимъ слишкомъ явственно лебезить.

— Неужели совсѣмъ покидаете насъ? — спросила она полужалобнымъ звукомъ.

— Оплакивать меня никто не будетъ, а дѣлать мнѣ больше нечего... Климата я не переношу, услугъ отечеству никто отъ меня не проситъ и не ждетъ... Довольно я дѣлалъ опытовъ... терялъ и здоровье, и время, коптѣлъ, по доброй волѣ, въ земствѣ, думалъ, что можно у насъ что-нибудь толковое провести... Слуга покорный!

Онъ вытянулъ характернымъ движеніемъ свои короткія ноги и широко развелъ руками.

— И вы ваши чудныя имѣнія всѣ продали? — заныла Елена Павловна.

— Продалъ!.. И это единственное толковое дѣло, какое мнѣ удалось исполнить въ предѣлахъ любезнаго отечества...

Брезгливая усмѣшка поводила ротъ князя, и глазки его не скрывали, какъ ему всѣ эти дамскіе ахи и охи надоѣли.

— Но позвольте, князь, — остановила его Антонина Сергѣевна.—Я не понимаю, почему вы такъ недовольны... вѣдь, теперь людямъ вашихъ идей...

Выраженіе не давалось ей. Она уже попеняла себѣ за такую тираду.

— Вовсе нѣтъ! — съ непріятнымъ полусмѣхомъ досказалъ за нее князь.

— Nina, veut dire...—вмѣшалась Елена Павловна.

— Весьма хорошо понимаю, что̀ ваша дочь хотѣла сказать, — довольно безцеремонно остановилъ ее князь и продолжалъ въ сторону Антонины Сергѣевны:—Если бы слушались людей, ничего не желающихъ, кромѣ блага, своему отечеству, каждый изъ насъ, независимыхъ лю-

дей,—людей охранительныхъ началъ въ лучшемъ смыслѣ слова...

— Vous aviez toujours des idées anglaises!—звонко проронила Елена Павловна.

— Давно я изъ англомановъ вышелъ! — небрежно кинулъ ей князь. — Не съ Англіи намъ надо обезьянить, а смотрѣть въ оба на то, какъ ближайшіе наши сосѣди, нѣмцы, пруссаки, у себя справляются со своими внутренними дѣлами.

— Le prussien! C'est l'ennemi! — не могла утерпѣть Елена Павловна, хотя изъ кожи лѣзла, чтобы говорить князю только пріятное.

— Кто это сказалъ? Я этого никогда не говорилъ... У нихъ намъ надо брать умѣнье вести внутренній распорядокъ. Нужды нѣтъ, что тамъ конституція... Не этимъ они сдѣлались первоклассною державой и задаютъ тонъ всѣмъ... Авторитетъ власти, служилаго сословія, чувство іерархіи—вотъ на чемъ у нихъ все зиждется.

Маленькое тѣло князя выпрямилось, онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ сначала на мать, потомъ на дочь.

— Вашего мужа,—обратился онъ въ сторону Антонины Сергѣевны, — не поздравляю... Весьма ему признателенъ за его вниманіе ко мнѣ, но искренно поздравлять его не стану.

„Даже и такой человѣкъ видитъ его насквозь“,—подумала она и отвела голову. Какъ ни мало она сочувствовала торійскимъ или юнкерскимъ взглядамъ князя, но все-таки въ немъ она распознавала послѣдовательность и отсутствіе замаскированнаго хищнаго честолюбія.

— Почему же?—спросила съ грустью Елена Павловна.— Alexandre на прекрасной дорогѣ.

— Да! Коли ему хочется подачки!—выговорилъ князь съ презрительнымъ движеніемъ нижней губы.—Чтобы обѣлить себя окончательно...

Щеки Антонины Сергѣевны начали краснѣть. Ей дѣлалось все тяжелѣе отъ участія въ этомъ разговорѣ. Но не могла она защищать своего мужа. Пускай бы онъ самъ взялъ на себя эту роль, но онъ, какъ нарочно, не являлся.

— Mais il est très bien vu! — восклицала Елена Павловна.

— Что эта фраза значитъ?—перебилъ ее князь и опять засмѣялся своимъ нехорошимъ смѣхомъ. — Развѣ вашъ beau-fils въ состояніи будетъ принести хоть крупицу прак-

тической пользы своему отечеству, если онъ и пожелаетъ плясать по той же дудкѣ?.. Или лучше: сегодня повторять одно, а завтра другое?

Елена Павловна стала жалостно улыбаться. Она никакъ не могла направить разговоръ въ родственно-интимномъ духѣ, боялась, какъ бы дочь ея не сказала чего-нибудь лишняго, и начала тревожно взглядывать на дверь, не покажется ли тамъ Александръ Ильичъ.

Но и мужчины могли вступить въ непріятный споръ. Князь ядовитъ. Зять ея горячъ и щекотливъ. Глаза ея перебѣгали отъ двери къ креслу, гдѣ сидѣла ея дочь, и говорили ей:

„Ахъ, Нина, ты меня совсѣмъ не поддерживаешь! Нѣтъ у тебя никакого умѣнья привлекать къ себѣ мужчинъ!“

Князь вынулъ часы, поморщился, взялъ шляпу и сказалъ въ сторону Антонины Сергѣевны:

— Не знаю, увижу ли вашего мужа. Я ѣду завтра... Онъ найдетъ меня утромъ дома... Вамъ нездоровится... Не хочу васъ утомлять,— прибавилъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ.—А! вотъ и Александръ Ильичъ!

Въ дверяхъ стоялъ Гаяринъ.

XIX.

— Ah! Alexandre... Soyez le bienvenu!

Елена Павловна обняла зятя нѣжнѣе, чѣмъ дочь.

Князь поздоровался съ нимъ, какъ съ добрымъ знакомымъ—не больше.

— Поздравляю! Поздравляю! Господинъ маршалъ! Благодарю за ваше неоставленіе... Добрые мужички такъ вѣдь говорятъ?

Косая усмѣшка повела некрасивый ротъ князя вмѣстѣ съ словами: „добрые мужички“.

Не могла Антонина Сергѣевна не взглянуть на мужа, когда тотъ подавалъ руку князю. Онъ улыбался своею теперешнею условной улыбкой, но маленькая черта, складка надъ бровью, хорошо ей знакомая, показывала, что Александру Ильичу не совсѣмъ пріятенъ тонъ поздравленія.

— Такъ, такъ,— согласился Гаяринъ и подошелъ къ рукѣ Елены Павловны, чего онъ, сколько помнилось женѣ его, не дѣлалъ прежде.

— Cher Alexandre, садитесь сюда!.. Хотѣла ѣхать васъ встрѣтить, но ужасная невралгія—всю ночь мучилась...

Vous arrivez bien à propos. Вотъ я сейчасъ убѣждала князя, безъ всякаго успѣха... Совсѣмъ насъ покидаетъ... Богъ знаетъ, когда мы его увидимъ... Чудесныя свои имѣнія продалъ... On dirait qu'il en horreur notre patrie!..

— Да что вы ко мнѣ пристали? — фамильярной нотой перебилъ князь Елену Павловну.—Лучше вотъ о вашемъ зятькѣ потолкуемъ, заставимъ его изложить намъ свое profession de foi.

Взглядъ, брошенный опять на мужа, доложилъ женѣ его, что Александру Ильичу не хотѣлось бы садиться „sur la selette“ и выслушивать полусаркастическіе выговоры князя.

Онъ кивнулъ ей и тихо сказалъ, садясь между нею и Еленой Павловной:

— Serge me plait beaucoup!

Антонина Сергѣевна не могла раздѣлить его чувство: она не успѣла хорошенько разглядѣть сына, но эта похвала почему-то не порадовала ее:

— Такъ, значитъ, въ сословное представительство впряглись себя? — спросилъ съ короткимъ смѣхомъ князь и рѣзко повернулся въ сторону Гаярина.

— Какъ видите, — особенно сдержанно отвѣтилъ Александръ Ильичъ.

— И вы въ это вѣрите?

— Во что, князь?

— Да вотъ въ поднятіе сословія... Вѣдь это такъ называется теперь высокимъ слогомъ? Мнѣ васъ, mon cher, искренно жаль...

— Cher prince!—стремительно воскликнула Елена Павловна.—Какъ же можно такъ говорить?

— Присмотритесь,—продолжалъ князь въ сторону Гаярина, — къ тому, какіе нравы развелись у насъ, послушайте умныхъ заѣзжихъ иностранцевъ... Въ прошломъ году я, на водахъ, въ Висбаденѣ, участвовалъ въ одномъ разговорѣ. Разные были нѣмцы... Майоръ, знаете, неизбѣжный major de table d'hôte, англичане, нѣмки-старушенціи, alte Schachtel. И, между прочимъ, одинъ англизированный нѣмецъ... изъ крупныхъ аферистовъ... Человѣкъ ѣзжалый... Живетъ въ Лондонѣ, составилъ себѣ состояніе въ Америкѣ, ѣздилъ два раза въ Центральную Азію... И къ нашему отечеству достаточно присмотрѣлся... Вотъ онъ и говоритъ мнѣ: „послѣ Америки ваша страна самая демократическая“...

— Такъ что же изъ этого? — почти строго возразилъ Гаяринъ.

— Нѣмецъ долженъ былъ бы прибавить: никакой у васъ нѣтъ ни общественной дисциплины, ни того, что во всемъ мірѣ называется охранительными началами. И сословность-то мнимая, кажущаяся. Для близиру, какъ мужички говорятъ! Одна нивеллировка!.. Всѣхъ подвести подъ одну линію... всѣхъ превратить въ разночинцевъ безъ роду-племени, безъ традицій! Вѣдь это кукольная комедія, mon cher, для людей съ принципами и въ здравомъ разсудкѣ, въ земствѣ ли толкаться, или по сословнымъ выборамъ служить! Какъ же это возможно, когда каждый изъ васъ превосходно знаетъ, что самый фундаментъ, — собственность, — давнымъ-давно подкопанъ, что владѣть землей, лѣсомъ, чѣмъ хотите, — это играть роль какого-то комическаго узурпатора?

— Позвольте, князь, — остановилъ Гаяринъ характернымъ жестомъ правой руки,—ваше отношеніе къ крестьянамъ чисто субъективное.

— Я его вотъ этимъ мѣстомъ испробовалъ!

Князь рѣзнулъ себя по затылку ребромъ ладони.

— Не вы одни!.. Вы сами еще не такъ давно изволили и говорить, и даже писать, что вся бѣда — въ отсутствіи обязательной службы, требовали, чтобы владѣтельный классъ людей образованныхъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ, въ родѣ того, какъ это было въ сословіи служилыхъ людей Московскаго государства.

— И никто меня, небось, не послушалъ! А потомъ на смѣхъ подымали, и когда я записки на выборахъ читалъ, и когда я брошюры печаталъ... Никакихъ сословныхъ рамокъ я не предлагалъ... Аристократическаго духа у насъ никогда не было и не будетъ!.. Просто кусокъ земли, собственность полагалъ я въ основу всего, а она-то и находится въ осадномъ положеніи. И съ каждымъ днемъ все хуже и хуже!

Короткая фигура князя завозилась въ креслѣ.

— Въ осадномъ положеніи!—повторилъ Гаяринъ.—Это остроумно, но парадоксально!.. Вѣдь и я, князь, безвыѣздно прожилъ около пятнадцати лѣтъ въ деревнѣ... И съ мужиками не одинъ куль соли съѣлъ, а до такихъ отчаянныхъ итоговъ, какъ вы, не дошелъ... Мы ладимъ и до сихъ поръ и съ бывшими собственными крѣпостными, и съ другими сосѣдскими крестьянами.

Говоря это, Гаяринъ сдѣлалъ движеніе головой въ сторону Антонины Сергѣевны.

— Ну, ужъ, пожалуйста!—закричалъ задорнѣе князь.—Вы всегда ублажали мужичка... и супруга ваша также!.. Не знаю, какъ теперь... но лучше ужъ не упоминать о томъ, что было пятнадцать лѣтъ!.. Кажется, вы, любезный другъ, съ тѣхъ поръ значительно... какъ бы это сказать... побѣлѣли?..

Александръ Ильичъ закусилъ губы, — это движеніе не укрылось отъ его жены,—выпрямился и прошелся рукой по волосамъ.

— Это ужъ... argumentum ad hominem, — сказалъ онъ перехваченнымъ голосомъ.—Моихъ взглядовъ на крестьянство я,—прошу васъ вѣрить, князь,—въ существенномъ не измѣнилъ... Его нельзя предоставлять самому себѣ... Но такъ какъ вы сами изволили сейчасъ сказать, что сословнаго духа у насъ на Руси нѣтъ и развиваться ему нельзя, то служба по представительству есть какъ разъ та гражданская повинность передъ страной, о которой проповѣдывали вы, князь,—повинность имущаго и болѣе просвѣщеннаго класса!

И съ послѣднимъ словомъ Гаяринъ всталъ во весь свой большой ростъ и сдѣлалъ жестъ правой рукой.

— N'enfourchons pas le dada!—взвизгнулъ князь.—Мнѣ все это теперь трынъ-трава!.. Довольно преній. Вотъ и я здѣсь непомѣрно запоздалъ.

— Ахъ, господа!—тревожно заговорила Елена Павловна. — Зачѣмъ эти споры?.. Вы оба—одного лагеря—и не можете столковаться. Вотъ у насъ всегда такъ, всегда такъ!.. Но я нахожу, что Alexandre, по-своему, правъ... N'est-ce pas, Nina?

Вопросъ матери вызвалъ въ Антонинѣ Сергѣевнѣ почти испуганное выраженіе лица.

Промолчать она не могла или отдѣлаться банальною фразой. Но ей хотѣлось вѣрить, что мужъ ея не напускалъ на себя фальшиваго тона. Съ тѣмъ, что онъ возражалъ князю, она готова была согласиться.

Въ ней, когда она слушала его, поднялся рядъ вопросовъ: „полно, понимаетъ ли она его? Почему онъ не можетъ честно служить общему дѣлу въ званіи сословнаго представителя, если онъ не измѣнился въ главномъ — въ своемъ отношеніи къ народу?“

А она не имѣетъ права считать его такимъ же нена-

вистникомъ крестьянъ, какъ этотъ князь. Конечно, онъ не тотъ, какимъ былъ пятнадцать лѣтъ назадъ, но нельзя его назвать ни хищникомъ, ни эксплуататоромъ...

Въ общемъ, этотъ неожиданный обмѣнъ русскихъ дворянскихъ взглядовъ настроилъ ее иначе.

Она, все-таки, ничего не отвѣтила на вопросъ своей матери. И это прошло незамѣченнымъ. Князь шумно всталъ, торопливо простился и въ дверяхъ погрозилъ Гаярину пальцемъ.

— Vous faites le malin, mon cher!.. Но я-то травленый волкъ!

Эти двѣ фразы долго звучали въ головѣ Антонины Сергѣевны, и она опять заслышала въ нихъ откликъ того, что̀ сама чувствовала съ того времени, какъ перестала увлекаться личностью Александра Ильича.

XX.

Передъ Антониной Сергѣевной, на низкомъ креслицѣ, дочь ея Лили, отпущенная изъ института, только оправившаяся отъ простуды, блѣдненькая, узкая въ плечахъ, стройная и не по лѣтамъ большая. Въ ней было маленькое сходство съ матерью, въ глазахъ и усмѣшкѣ, волосы ея не темнѣли, а пріобрѣтали золотисто-красноватый оттѣнокъ; въ тонкой и прозрачной кожѣ, около глазъ, пріютились чуть замѣтныя веснушки.

Туалетъ, городской, сидѣлъ на Лили съ англійскимъ „cachet“. Изъ-подъ полудлинной юбки виднѣлись нѣсколько большія ноги въ лаковыхъ башмакахъ съ темными шелковыми чулками. Въ ея фигурѣ и манерѣ одѣваться было уже нѣчто опредѣленное, немного чопорное, вплоть до привычки нѣтъ-нѣтъ проводить кончикомъ языка по губамъ, при чемъ зубы, крупные и отлично вычищенные, сверкали тонкою полоской.

Мать она любила; но Антонина Сергѣевна, при встрѣчѣ съ нею, послѣ полугодовой разлуки, ожидала не того. Лили не ласкалась къ ней попрежнему, по-дѣтски. И разговоръ ея измѣнился: она стала говорить черезчуръ отчетливо, медленнѣе, съ какими-то новыми, очевидно, дѣланными интонаціями.

Вотъ и теперь она, разсказывая про жизнь института, употребляла эти, чуждые для ея матери, звуки.

— Мы ихъ совсѣмъ не знаемъ!—сказала она съ ужимкой, и это не понравилось Антонинѣ Сергѣевнѣ.

Рѣчь шла о другомъ отдѣленіи института; его до сихъ поръ зовутъ „мѣщанскимъ“.

— Какъ ты это выговорила, Лили! — замѣтила Антонина Сергѣевна.

— А что, maman?

— Да точно онѣ не такія же твои подруги.

— Разумѣется, не такія...

— Но, вѣдь, и тамъ... дочери людей... совершенно достойныхъ.

— Принимаютъ и купеческихъ дочерей.

— Можетъ-быть; но заведеніе — одно и всѣхъ васъ равняетъ.

Лили глядѣла на мать своими узковатыми, близорукими глазами, и этотъ взглядъ вызывалъ въ Антонинѣ Сергѣевнѣ неловкость.

— Ахъ, maman,—сдержанно и повернувъ голову вбокъ, возразила Лили, — разница большая... Тамъ всѣ... и дочери классныхъ дамъ... и нѣмки всякія... и даже изъ гостинаго двора... Enfin... c'est très mêlé.

Это слово „mêlé“ было выговорено совсѣмъ уже чужою интонаціей. Лили отъ кого-нибудь усвоила ее себѣ, отъ классной дамы или отъ воспитанницъ старшаго класса.

И почему-то Антонина Сергѣевна не находила въ себѣ такихъ нотъ, которыя бы дали сразу отпоръ тщеславію, въѣдающемуся въ молодую душу ея дочери. Именно авторитетныхъ нотъ не хватило ей... А обыкновенный искренній тонъ скользилъ по Лили. Быть-можетъ, она и прежде заблуждалась насчетъ этой дѣвочки. Она рѣдко бывала ею недовольна; но уже лѣтъ съ семи Лили была слишкомъ безукоризненна и не по возрасту разсудительна.

— Во всякомъ случаѣ,—сказала Антонина Сергѣевна,— не слѣдуетъ развивать въ себѣ такія...—она хотѣла сказать: „сословныя“,—чувства.

Но Лили поглядѣла на нее недоумѣвающими глазами и повернула вбокъ голову опять отъ кого-то заимствованнымъ жестомъ.

Ей очень хотѣлось съ отцомъ и съ братомъ на бѣгъ, на Семеновскій плацъ. Удержала ее мать, побоялась новой простуды, да и желала побыть съ нею наединѣ.

Ихъ бесѣда не пошла дальше, была прервана пріѣздомъ сестры Антонины Сергѣевны, Лидіи Сергѣевны Нитятко, жены тайнаго совѣтника, завѣдующаго „отдѣльною частью“, дѣлового чиновника, на прямой дорогѣ къ самому высо-

кому положенію, о какомъ только можно мечтать на гражданской службѣ. Она вышла за него молодою вдовой, бездѣтною. Первый ея мужъ былъ блестящій военный, унесенный какою-то острою, воспалительной болѣзнью.

Лидія Сергѣевна была вылитая мать, двадцать пять лѣтъ назадъ, рослая, съ чудеснымъ бюстомъ, но еще красивѣе. Овалъ лица, вырѣзъ глазъ, значительный носъ, полный подбородокъ и посадка головы на мягко спускающихся плечахъ носили гораздо болѣе барскій отпечатокъ, чѣмъ у старшей сестры. Она двигалась медленно, плавно, говорила лѣнивымъ контральтовымъ голосомъ, смотрѣла спокойно и нервности отъ своей матери не унаслѣдовала; но унаслѣдовала зато, кромѣ внѣшности, такую же постоянную заботу о туалетахъ и выѣздахъ.

И сегодня она обновила туалетъ, изъ-за котораго разъ десять заѣзжала къ Абакидзе обсуждать подробности отдѣлки. Тутъ были шитье, тесьма, мѣховая опушка, въ переливающихся цвѣтахъ, отъ свѣтло-дымчатаго до цвѣта резеды. Шляпка, вся укутанная перьями и лентами, сидѣла на ея живописной круглой головѣ съ тѣмъ „fini“, какой не дается иначе, какъ цѣною долгихъ соображеній.

Съ сестрой Антонина Сергѣевна никогда не имѣла общей жизни. Дѣтство провели онѣ врознь — Лидію отдали въ тотъ институтъ, гдѣ теперь Лили, замужъ она выходила, когда Гаяринъ засѣлъ въ деревнѣ; ея перваго мужа сестра даже никогда не видала. И второй ея бракъ состоялся вдали отъ нихъ. Она почти не разставалась съ Петербургомъ, ѣздила только за границу, на воды, и въ Біарриць, да въ Парижъ, исключительно для туалетовъ.

Отъ Александра Ильича случалось Антонинѣ Сергѣевнѣ слыхать, что Лидія „проста“. Но сама она не произносила такого приговора, въ письмахъ Лидіи не видала ничего — ни умнаго, ни глупаго, считала ее „жертвой суеты“, но очень строго не могла къ ней относиться. Да и вообще она не признавала за собою способности сразу опредѣлять—кто уменъ, кто глупъ. Репутація умниковъ и умницъ доставалась часто тѣмъ, въ комъ она не видала никакихъ „идей“, а безъ идей она ума не понимала.

Лидія вошла въ угловую комнату, гдѣ сидѣли мать съ дочерью, своею величавою и лѣнивою поступью и на ходу пустила низкою нотой:

— Bonjour, Nina!.. Tu vas bien?

Это было ея непремѣнное привѣтствіе. Такъ же привѣтствовала она и племянницу, къ которой благоволила и часто навѣщала ее.

— Bonjour, petite!.. Tu vas bien?

Лили быстро встала, подошла къ теткѣ, когда та поцѣловалась съ сестрой, протянула ей руку и слегка присѣла.

— Mercі, chère tante!

Такъ онѣ подходили одна къ другой, что Антонина Сергѣевна невольно усмѣхнулась про себя и подумала:

„Съ такой maman моей Лили было бы куда веселѣе“.

— Ты не выѣзжала, сестра? — спросила Лидія, опускаясь на диванъ. — Хорошо дѣлаешь! Воздухъ рѣзкій... Но я собралась на бѣгъ. Твой мужъ тамъ? Я не знала... Но одной какая же охота, а Нитятко не можетъ... У него сегодня экстренный докладъ.

Мужа она называла „Нитятко“, какъ водится между нѣкоторыми петербургскими дамами. Съ нимъ ей было вообще скучно... Онъ съ утра до вечера работалъ и коекогда провожалъ ее на вечеръ, еще рѣже въ театръ. Въ жену свою онъ былъ упорно влюбленъ, къ чему она оставалась равнодушна, хотя и пошла за него замужъ подъ давленіемъ этой страсти сухого, но добраго петербуржца, засидѣвшагося въ холостякахъ. Его положеніе, репутація „отлично-умнаго“, честнѣйшаго человѣка, по-своему, щекотали ея тщеславіе.

— Сегодня ты у Мухояровыхъ?

— Да,—кротко отвѣтила Антонина Сергѣевна.

— На цѣлый день?

— Кажется.

— Меня тоже звали... Это не очень весело, — протянула Лидія и старательно оправила на груди какіе-то городки и одну изъ складокъ корсажа, шедшихъ вбокъ, что еще выгоднѣе оттѣняло контуры ея эффектной груди со строгими линіями.

— Я еще не знакома съ ея обществомъ.

— Ахъ, душа моя!—Лидія охотно переходила къ русскому языку, — все какіе-то уроды... Она теперь вдалась въ эту... какъ она называется?.. въ теозофію. Гости князя, мужчины, des gros bonnets... довольно скучные. И у ней свои какіе-то habitués... Разумѣется, лучше, чѣмъ дома сидѣть.

— Ты развѣ много сидишь?

— Господи, ужасно! Un mari comme le mien, — и она взглянула на Лили; но это ее не заставило перемѣнить разговора.— Tout dans ses paperasses.

— Онъ тебя очень любитъ?—потише выговорила Антонина Сергѣевна.

— Я не жалуюсь... только... — Лидія улыбнулась простовато глазами и своимъ большимъ ртомъ, — il a mal choisi.

Лили это слышала и поняла, но сидѣла въ сторонкѣ, въ безукоризненной позѣ дѣвочки-подростка, которую не высылаютъ, зная, что она умненькая и лишняго не должна понимать.

Такъ начинала свое петербургское утро Антонина Сергѣевна.

XXI.

У ея кузины, къ часу обѣда, собирались гости.

Въ гостиной, пышно отдѣланной и холодноватой, гдѣ свѣтъ двухъ лампъ разгонялъ мглу только по самой срединѣ комнаты, княгиня Мухоярова куталась въ короткую бархатную мантильку, опушенную соболемъ, и томно вела разговоръ съ двумя мужчинами.

Она ихъ представила Антонинѣ Сергѣевнѣ, какъ только та вошла въ гостиную. Лили явилась позднѣе, съ теткой; Лидія заѣхала за ней еще разъ и повезла ее кататься по Дворцовой набережной.

— Monsieur Тебетѣевъ — поэтъ и философъ, — указала кузина сперва на мужчину, сидѣвшаго по лѣвую руку отъ нея.

Блѣднолицый, бритый, гладко причесанный, въ темныхъ усахъ, вытянутыхъ тонкими прядями, неопредѣленныхъ лѣтъ, онъ показался ей похожимъ на иностранца. И онъ, и другой гость были во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ.

— Порфирій Степановичъ Столицынъ,—назвала кузина мужчину, сидѣвшаго справа, который тоже смахивалъ на иностранца, среднихъ лѣтъ, какъ и первый, небольшого роста, пухлый, бѣлокурый, довольно красивый, причесанный по-модному, съ моноклемъ и подстриженною бородкой.

— Ты знаешь этихъ господъ по ихъ сочиненіямъ,— въ полтона прибавила кузина.

Но Антонина Сергѣевна не читала ни того, ни дру-

гого, не могла даже сказать, кто этотъ Столицынъ, какъ писатель, въ какомъ родѣ онъ пишетъ.

— Моя кузина,—отрекомендовала гостямъ хозяйка, и, повернувъ опять голову къ Антонинѣ Сергѣевнѣ, продолжала:—Вотъ monsieur Тебетѣевъ сейчасъ передавалъ содержаніе письма, полученнаго имъ отъ виконта Бассъ-Рива... Ты, конечно, наслышана о немъ.

— Бассъ-Ривъ?—переспросила Антонина Сергѣевна съ большимъ недоумѣніемъ въ голосѣ.

— Какъ? Вы не знаете имени великаго Бассъ-Рива?— съ ироническою улыбкой спросилъ Столицынъ, освободилъ свой глазъ и прищурилъ его на Антонину Сергѣевну.— Вѣдь княгиня считаетъ его настоящимъ пророкомъ.

Его манера говорить отзывалась чѣмъ-то дѣланнымъ, вплоть до неестественной картавости. Въ этой гостиной онъ игралъ роль скептическаго умника и подсмѣивался надъ „теозофическими“ идеями княгини. Онъ считалъ себя настоящею европейскою извѣстностью съ тѣхъ поръ, какъ въ „Figaro“ его назвали „l'éminent historien russe“. По службѣ ему не повезло, и онъ уже болѣе пяти лѣтъ печаталъ этюды, за границей и въ Россіи, на политическія темы, осуждалъ всего сильнѣе антинаціональное направленіе дипломатіи и находился какъ бы въ личныхъ счетахъ съ княземъ Бисмаркомъ и маркизомъ Салисбюри.

Его этюдовъ Антонина Сергѣевна не читала, но сразу на нее повѣяло и отъ этого „éminent historien“, и отъ поэта съ наружностью итальянскаго баритона чѣмъ-то для нея подозрительнымъ, чуждымъ. Пятнадцать лѣтъ назадъ въ гостиной кузины она, конечно, не встрѣтила бы этихъ господъ.

— Пожалуйста, m-r Столицынъ, я вамъ не позволю такъ говорить про Бассъ-Рива.

Возгласъ княгини прозвучалъ такъ же манерно, какъ и тирада ея гостя. Поэтъ молчалъ и сладимо улыбался. Въ немъ для Антонины Сергѣевны было что-то еще менѣе привлекательное, чѣмъ въ Столицынѣ.

И у ней пропала сразу всякая охота принять участіе въ разговорѣ. Точно сквозь дымку, видѣла она ихъ лица и слышала фразы.

Тебетѣевъ раскрылъ ротъ и что-то тихо сказалъ насчетъ парижскихъ кружковъ, гдѣ занимаются „изотерическими“ вопросами.

„Изотерическими“,—повторила про себя Антонина Сергѣевна, и слово навело на нее родъ гипноза. Ей захотѣлось зѣвать, и она всѣ усилія своей воли направила на то только, чтобы истерически не раскрывать рта.

Кузина заволновалась, разсказывая про какого-то индійскаго владѣтельнаго князя, признавшаго опять въ томъ же виконтѣ Бассъ-Ривѣ предтечу и главу всесвѣтнаго ученія, которымъ долженъ обновиться весь вѣрующій міръ и гдѣ преобразованному ученію Будды предстоитъ объединить всѣ вѣрованія и толки.

Тебетѣевъ раскрылъ ротъ и съ косою усмѣшкой напомнилъ, что въ одной своей брошюрѣ виконтъ Бассъ-Ривъ выдѣлялъ нѣмцевъ изъ семьи народовъ, способныхъ на высшую культуру. Они—тѣ же гунны, и послѣ ихъ временного торжества, когда всѣ просвѣтленные народы индоевропейскаго происхожденія сплотятся между собою, они будутъ изгнаны, приперты къ морю, куда и ринутся, какъ стадо свиней евангельской притчи.

Это ученіе виконта о нѣмцахъ смягчило Столицына. Онъ одобрительно засмѣялся и началъ длинную рѣчь о томъ, какъ постыдно идти на буксирѣ „шёнгаузенскаго помѣщика“, и вошелъ въ рядъ доводовъ изъ дипломатической исторіи, показавъ въ концѣ своей рѣчи, что вывести Россію съ этого пагубнаго антинаціональнаго пути можетъ только онъ, Столицынъ.

Гипнозъ Антонины Сергѣевны продолжался вплоть до пріѣзда Лидіи съ Лили и офицеромъ большого роста, съ бѣлою фуражкой въ рукахъ. Она его, кажется, и прежде видала у кузины; можетъ-быть, онъ приходился княгинѣ дальнимъ родственникомъ.

Офицеръ вошелъ въ гостиную развалистою походкой кавалериста. Ему на видъ было уже сильно за тридцать. Длинные усы падали на щеки, коротко остриженная голова уже начинала сѣдѣть. Сюртукъ сидѣлъ умышленно-мѣшковато, какъ и рейтузы.

Лидія съ офицеромъ сѣли около Антонины Сергѣевны. Лили отошла въ сторонку, сдѣлавъ продолжительно-церемонный поклонъ съ присѣданьемъ. Ея тетка продолжала разговоръ съ офицеромъ. Онъ держался, какъ въ домѣ родственниковъ: не спросилъ позволенія у хозяйки закурить толстую папиросу въ пѣнковой трубкѣ и заговорилъ сиплымъ баскомъ.

Антонина Сергѣевна стала прислушиваться къ тому, что онъ разсказываетъ.

— Курьезный это народъ,—говорилъ офицеръ и смѣшливо поводилъ усами.—Особую выучку проходятъ съ малолѣтства... Ѣдутъ въ маленькихъ санкахъ и поросенка съ собой везутъ... И вдругъ гдѣ-нибудь, гдѣ овражекъ или колдобина, свернется на бокъ и выпадетъ изъ санокъ, какъ мѣшокъ съ мукой, и совсѣмъ совмѣстится съ плоскостью... И полушубки у нихъ бѣлые, точно мѣломъ вымазаны, отъ снѣга-то и не отличишь...

Лидія какъ будто слушала офицера, но глаза ея лѣниво переходили отъ одного предмета къ другому. Она довольна была хоть тѣмъ, что сидитъ около нея нестарый военный съ бѣлою фуражкой, и она не обязана поддерживать тошнаго разговора кузины и тѣхъ двоихъ мужчинъ.

Черезъ пять минутъ она спросила что-то о Михайловскомъ театрѣ.

— Я года два не былъ тамъ,—сказалъ военный и затянулся изъ своей пѣнковой трубки.

— Быть не можетъ!

— Тоска!.. Это, вѣдь, въ родѣ наряда по службѣ... дежурство какое-то... Такъ оно хорошо въ оберъ-офицерскихъ чинахъ.

Антонина Сергѣевна сообразила, что онъ въ полковничьемъ чинѣ: на погонахъ у него были двѣ красныхъ полоски и вензель.

— И на вечерахъ васъ нигдѣ не видно, — замѣтила Лидія.

— Слуга покорный! У насъ въ полку тридцать пять человѣкъ сверхкомплектныхъ. Такъ пускай они эту службу несутъ... Есть между ними настоящіе мученики... Хоть бы корнетъ Прыжовъ... Тотъ третьяго дня говоритъ мнѣ: „Повѣрите ли, полковникъ, въ субботу долженъ былъ на трехъ вечерахъ быть и на двухъ котильонъ водилъ“... Совсѣмъ подвело бѣднягу.

Разговоръ полковника немного освѣжилъ Антонину Сергѣевну. Онъ говорилъ не спѣша, съ паузами, тонъ у него былъ простоватый и безъ претензіи. По крайней мѣрѣ, онъ не боялся выражать своихъ вкусовъ. И то, что онъ не безъ юмора разсказалъ сейчасъ про корнета Прыжова, жертву танцовальной эпидеміи, давало вѣрную ноту зимняго Петербурга.

Она подумала, что салонъ кузины съ ея толками объ ученіи виконта Бассъ-Рива еще слишкомъ серьезенъ для того, чѣмъ живетъ столица, сбросившая съ себя давнымъ-давно всякую игру въ „вопросы“.

Обидно ей стало за себя: она сидитъ тутъ, пришибленное, выбитое изъ колеи, жалкое существо... И надо будетъ высидѣть еще цѣлый обѣдъ и вечеръ.

Пришелъ и хозяинъ дома, мужъ кузины, коренастый брюнетъ, толстый, рѣзкій въ движеніяхъ, совсѣмъ не похожій на свой титулъ, смахивающій скорѣе на купца средней руки. Онъ предложилъ закусить. Въ кабинетѣ у него сидѣло еще трое мужчинъ. Ждали Гаярина и дядю княгини, графа Заварова, недавно поступившаго на покой, — одну изъ самыхъ крупныхъ личностей прошлаго десятилѣтія.

Но обѣдать сѣли не раньше половины седьмого.

XXII.

Въ кабинетѣ хозяина, почти такомъ же обширномъ, какъ и гостиная, мужчины курили послѣ обѣда, пили кофе и ликеры.

Александръ Ильичъ Гаяринъ сидѣлъ на диванѣ рядомъ съ графомъ Заваровымъ. У стола, гдѣ былъ сервированъ кофе, примостился Ахлёстинъ, попавшій къ Мухояровымъ наканунѣ возвращенія на южную зимовку.

Сидѣли тутъ Столицынъ, полковникъ съ пѣнковою трубочкой и еще трое мужчинъ, изъ которыхъ одинъ—худой брюнетъ, бородатый, лысый, съ остатками запущенныхъ волосъ—смотрѣлъ музыкантомъ, но былъ извѣстный Вершининъ—юристъ, дѣлающій блестящую судебную карьеру, когда-то вожакъ университетскихъ сходокъ, „пострадавшій“ и во-время измѣнившій до корня своему студенческому credo. Гаяринъ встрѣчался съ нимъ въ Петербургѣ, лицеистомъ, считалъ „подвижникомъ“ и „трибуномъ“. Съ тѣхъ поръ они никогда и нигдѣ не видались вплоть до этого обѣда. Начали они новое знакомство взаимнымъ зондированіемъ во время обѣда и другъ друга не то ловили, не то подсиживали, но говорили въ согласномъ тонѣ, обѣгая всего, что могло имъ напомнить ихъ прошлое. Въ лицѣ Вершинина Александръ Ильичъ видѣлъ вѣскій примѣръ того, какъ дорожатъ способными людьми, когда они возьмутся за умъ и желаютъ наверстать все то, что̀ теряли изъ-за „глупыхъ“ увлеченій... По воспитанію, роду

и связямъ онъ сортомъ покрупнѣе Вершинина, на котораго смотрятъ все-таки какъ на разночинца, продавшагося за дорогую плату.

Гаярина гораздо больше интересовалъ графъ Заваровъ. Когда-то онъ его ненавидѣлъ, считалъ однимъ изъ главныхъ гасильниковъ, не признавалъ въ немъ ничего, кромѣ непомѣрнаго властолюбія и мастерства запутывать нити самыхъ безпощадныхъ интригъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ этотъ нѣкогда могущественный „случайный“ человѣкъ очутился въ сторонѣ отъ главной машины внутренняго управленія и самъ Александръ Ильичъ началъ свою „эволюцію“, личность графа представилась ему въ другомъ свѣтѣ.

Но онъ не имѣлъ случая присмотрѣться къ нему, послушать его, опредѣлить, съ какими взглядами простился тотъ съ прежней ролью и пріѣхалъ доживать въ складочномъ мѣстѣ сановниковъ, сданныхъ на покой.

Графъ еще не глядѣлъ старикомъ, только гнулся и сильно похудѣлъ въ послѣдніе два-три года. Военный сюртукъ носилъ еще онъ молодцовато, усы и подстриженные волосы блондина, посѣдѣвшаго поздно, смягчали красивый овалъ лица. Голубые-изсѣра глаза, уже потерявшіе блескъ, всматривались съ постоянною добродушно-тонкою усмѣшкой. Бороды онъ не носилъ и всѣмъ своимъ обликомъ и манерой держать себя напоминалъ объ истекшей четверти вѣка. Говорилъ онъ тихо, немного картаво, съ чрезвычайно пріятнымъ барскимъ произношеніемъ.

За обѣдомъ онъ сидѣлъ между хозяйкой и Антониной Сергѣевной, въ общемъ разговорѣ почти не участвовалъ, ѣлъ мало, но довольно много пилъ. Передъ нимъ стояла бутылка его любимаго бургонскаго, которую онъ и опорожнилъ, и къ концу обѣда сталъ краснѣть розовымъ румянцемъ. Князя онъ звалъ просто „mon cher“ и говорилъ ему „ты“. И въ прежнее время онъ бывалъ запросто у Мухояровыхъ, оказывалъ поддержку князю, пустившемуся въ разныя подрядческія предпріятія, и ничѣмъ отъ этого не пользовался. Въ этомъ домѣ онъ позволялъ себѣ, за обѣдомъ, выпить лишній стаканъ вина — привычка, про которую много злословили, раздувая ее до степени порока.

Присутствіе графа не отражалось на тонѣ гостей. Онъ не въ первый разъ чувствовалъ, по возвращеніи въ Петербургъ, какъ мало у насъ почета тѣмъ, кто уже не стоитъ болѣе на прежней высотѣ. Съ этимъ онъ мирился

и своимъ мягкимъ обращеніемъ и прежде ободрялъ каждаго, кто являлся къ нему съ тайнымъ трепетомъ. Эту черту его натуры объясняли всегда лицемѣріемъ и привычкой носить маску.

— Не прикажете ли, графъ, холодненькаго?—спросилъ хозяинъ, усвоившій себѣ и въ разговорѣ купеческія интонаціи и слова.

— Нѣтъ, мой милый,—отвѣтилъ графъ.— Но твой Помаръ очень хорошъ. Прикажи подать бутылку.

— Сію минуту,—крикнулъ князь и суетливо позвонилъ.

— А мнѣ водицы зельтерской,—попросилъ Ахлёстинъ.

Онъ прощался съ Петербургомъ до будущей осени и ему хотѣлось, чтобы вышелъ общій интересный разговоръ и онъ увезъ бы съ собою „доминанту“: такъ онъ выражался, музыкальнымъ терминомъ.

И тотчасъ же онъ обратился съ вопросомъ къ Вершинину о судьбѣ новаго проекта, о которомъ весь Петербургъ началъ говорить. Это подняло температуру, и черезъ пять минутъ происходилъ уже перекрестный обмѣнъ слуховъ, восклицаній и сентенцій.

Хозяинъ былъ вообще равнодушенъ къ внутреннимъ вопросамъ, но онъ первый закричалъ:

— Давно пора дать ходъ нашему брату! Давно пора!

И, обратившись къ Гаярину,—они были на *ты*,—спросилъ:

— Небось, и ты почувствовалъ теперь, что необходимо поднять духъ сословія, а?..

— Хорошо, если не ограничатся полумѣрой, — сказалъ сдержанно Гаяринъ и вбокъ посмотрѣлъ на графа Заварова.

— Безъ обязательной службы въ уѣздѣ ничего путнаго, господа, не будетъ,—пустилъ Ахлёстинъ тономъ человѣка, которому извѣстно впередъ, что будутъ говорить его собесѣдники.

— Вотъ еще чего захотѣли! — перебилъ хозяинъ. — И безъ того ѣсть нечего, а тутъ еще обязательная служба, значитъ, и безвозмездная!

— Разумѣется. Иначе, это только переодѣтые чиновники будутъ!.. Статисты администраціи!

Завязался споръ. Въ него втянулись всѣ, кромѣ графа. Онъ сидѣлъ и попивалъ винцо, тихо улыбался и взглядывалъ чуть замѣтно утомленными, добрыми глазами то на того, то на другого изъ спорившихъ.

Между Гаяринымъ и Вершининымъ шло состязаніе совершенно особаго рода: они старались выставлять одни и тѣ же доводы въ пользу новой мѣры, но дѣлали это такъ, чтобы каждому ясно было, насколько они „не одного поля ягода“. Своимъ теперешнимъ охранительнымъ взглядамъ они придавали разную окраску: Гаяринъ—съ сохраненіемъ благородной умѣренности, Вершининъ—во всю.

На нихъ то и дѣло взглядывалъ графъ Заваровъ.

Ему припомнилось то время, когда судьба обоихъ была въ его рукахъ. Онъ видалъ того и другого юными энтузіастами, не забылъ ихъ тогдашнихъ отвѣтовъ, всего поведенія во время сидѣнія взаперти. И они, конечно, не забыли этой эпохи, но его присутствіе точно подзадоривало ихъ, они какъ будто хотѣли показать ему, что имъ уже нечего бояться, что ихъ благонамѣренность внѣ всякаго сомнѣнія и пониманіе интересовъ своей родины неизмѣримо выше того, чѣмъ пробавлялись въ предыдущую эпоху.

Одинъ только Ахлёстинъ, не оставляя своего скептическаго и подмывательнаго тона, держался особо отъ общаго хора, и въ его глазахъ мелькала усмѣшка, говорившая:

„И что намъ ни дай, никакого путнаго употребленія изъ этого мы не сдѣлаемъ“.

Графъ Заваровъ долилъ стаканъ, закурилъ сигару, немного подался впередъ, надъ столомъ, и тихо выговорилъ, воспользовавшись паузой:

— Господа, позвольте и мнѣ сказать два слова.

Всѣ повернулись къ нему и примолкли.

Онъ обвелъ ихъ мягкимъ взглядомъ и перемѣнилъ позу, облокотился о спинку дивана, а правую руку положилъ на его ручку.

Ахлёстинъ задвигался на своемъ креслѣ съ чувствомъ любителя, которому предстоитъ слышать что-нибудь очень хорошее. Послѣдній его вечеръ въ Петербургѣ не пропадетъ даромъ.

Гаяринъ почувствовалъ на себѣ взглядъ графа и наклонилъ голову. Онъ подумалъ:

„Что бы ты ни сказалъ, твоя пѣсенка пропѣта. Ты теперь занимаешься фрондерствомъ потому, что тебя сдали на покой“.

Хозяинъ сталъ у дверей и съ довольнымъ видомъ огля-

дѣлъ весь свой кабинетъ. Чѣмъ бы ни кончился споръ, ему было все равно.

„Только бы безъ карамболей“,—выразился онъ мысленно.

XXIII.

— Извините меня, господа,—началъ графъ Заваровъ и немного прикрылъ глаза.—Я слушалъ вашъ разговоръ,—теперь вѣдь всюду идутъ разговоры въ такомъ же духѣ,—и мнѣ кажется, всѣ эти заботы о подъемѣ руководящаго класса лишены всякаго серьезнаго... какъ бы это сказать?.. базиса, что ли...

— Почему же, графъ?—спросилъ Вершининъ.

Графъ поглядѣлъ на него и чуть замѣтно усмѣхнулся. Глаза его досказали:

„Тебѣ, мой милый, съ твоимъ прошедшимъ, не надо бы такъ усердствовать“.

— Почему?—повторилъ онъ вопросъ.—Съ вами, господа, говоритъ въ эту минуту человѣкъ, предки котораго и въ прошломъ, и въ этомъ столѣтіи послужили своему отечеству... Ихъ имена вошли въ исторію. Они были самыми доблестными сподвижниками нѣсколькихъ царствованій... Я это привожу не затѣмъ, чтобы хвастаться своею родовитостью, но хочу только сказать, что я имѣю не менѣе всякаго другого дворянина право стоять за прерогативы своего сословія...

Гаяринъ встрѣтилъ, поднявъ голову, взглядъ графа и прочелъ въ немъ:

„Ты, мой милый, только считаешь себя аристократомъ, но твой родъ весьма неваженъ: прадѣдъ твой былъ откупщикъ, вышедшій въ дворяне, а сынъ его дослужился до большихъ чиновъ по благотворительнымъ учрежденіямъ“.

— Вы меня понимаете, господа,—продолжалъ графъ.—Я не желалъ ставить вопросъ на личную почву, а заявляю только нѣкоторое право на сословное чувство... И оно во мнѣ нисколько не встревожено... Поднимать наше сословіе?.. Но ему ничего не грозитъ извнѣ... Вся его сила и слабость—внутри, въ немъ самомъ.

— Еще бы!

Этотъ возгласъ вырвался у Ахлёстина. Онъ съ самыхъ первыхъ словъ графа пришелъ въ пріятное возбужденіе и одобрительно кивалъ головой.

— Однако,—возразилъ Столицынъ и сейчасъ же при-

далъ своему рту особое выраженіе, — графъ, согласитесь, что безъ извѣстныхъ учрежденій нельзя оградить прерогативы руководящаго класса.

— Что-нибудь да надо сдѣлать!—крикнулъ князь Мухояровъ все еще съ своего мѣста отъ входной двери въ кабинетъ.

— Милый другъ, — отвѣтилъ ему графъ тономъ старшаго родственника, — скажи мнѣ откровенно, развѣ ты когда-нибудь думалъ серьезно о своихъ сословныхъ правахъ? Пользовался ты своимъ именемъ и происхожденіемъ, чтобы тамъ, на мѣстѣ, въ уѣздѣ, играть общественную роль?.. Конечно, нѣтъ.

— У меня были другія занятія, — возразилъ князь, — крупные интересы...

— Вотъ видишь! Все дѣло, значитъ, въ насъ самихъ!.. Вы изволите говорить,—обратился графъ движеніемъ головы въ сторону Столицына, — прерогативы... Ихъ было очень достаточно больше столѣтія... И даже такое страшное право, какъ крѣпостное...

— Позвольте, графъ,—возвысилъ голосъ Вершининъ,— крѣпостное право тутъ ни при чемъ... Мы это знаемъ... Почему же не пристегнуть кстати и указа о вольности дворянства?

Въ этомъ возраженіи заслышался оттѣнокъ, который поняли всѣ. Такъ Вершининъ не сталъ бы спорить съ графомъ, если бы тотъ не находился уже „на покоѣ".

— Напротивъ, всѣ эти вольности, то-есть, другими словами, права,—и права огромныя,—въ такомъ государствѣ, какъ наше, составляли активъ высшаго класса до и послѣ великой реформы. Употребленіе изъ нихъ было совсѣмъ не такое, какое могло бы быть.

Все это графъ выговорилъ, не возвышая голоса; губы его складывались въ ироническую улыбку, хотя глаза сохраняли добродушное выраженіе.

— Правъ-то всѣмъ хочется, а службы, обязательной и даровой, никто не хочетъ нести!

Слова Ахлёстина, обращенныя ко всѣмъ, бывшимъ въ кабинетѣ, не вызвали возраженія: его считали оригиналомъ и позволяли ему говорить что угодно, но графъ очень ласково поглядѣлъ на него.

— И съ вами я не могу вполнѣ согласиться. Обязательная служба—тяжелая мѣра. Ее можно было оправдывать прежде, когда служилый классъ составлялъ охрану

государства, и потомъ, когда Петръ отдалъ насъ въ науку. Но теперь это было бы только доказательствомъ того, что въ самомъ сословіи нѣтъ внутренняго пониманія своей высокой роли.

— И безъ того нечѣмъ жить!—сказалъ кто.

— Кому?—спросилъ графъ.—Кто не умѣетъ вести своего хозяйства и кому хочется пустой и разорительной жизни въ столицѣ и за границей? Знаете, господа, когда я слышу охи и ахи, жалобы и сѣтованія, то мнѣ сейчасъ представляется депутація изъ Москвы отъ нашихъ коммерсантовъ, которымъ все мало, все еще недостаточно поощряютъ ихъ. „Запретите ввозъ, наложите пошлину повыше, дайте субсидію,—мы стоимъ за процвѣтаніе отечества“... а, прежде всего, я думаю, за возможность брать рубль на рубль тамъ, гдѣ заграничный фабрикантъ и купецъ довольствуются четырьмя процентами.

Онъ тихо засмѣялся. Гораздо громче поддержалъ его смѣхъ Ахлёстинъ, вскочившій съ своего мѣста.

— Это вѣрно, это архивѣрно!—вскрикивалъ онъ и началъ усиленно жестикулировать правою рукой.

— Зачѣмъ,—продолжалъ графъ послѣ маленькой паузы и налилъ себѣ вина,—зачѣмъ, спрошу я, люди съ хорошимъ состояніемъ, съ именемъ продаютъ свое самостоятельное положеніе, идутъ въ чиновники, обиваютъ пороги въ пріемныхъ. Зачѣмъ?.. Прямо изъ одного тщеславія, даже меньше—изъ какого-то добровольнаго холопства...

„Вотъ ты какъ заговорилъ!“—воскликнулъ про себя Гаяринъ и сталъ замѣтно блѣднѣть. Ему захотѣлось пустить что-нибудь ѣдкое по адресу графа, и онъ съ трудомъ сдерживалъ себя.

— Вы такъ изволите опредѣлять государственную службу?—спросилъ злорадно Вершининъ.

— Нѣтъ-съ,—отвѣтилъ графъ брезгливо и значительно, какъ сановникъ, знавшій, что̀ такое власть. — Прошу не перетолковывать моихъ словъ... Служба службѣ рознь. Теперь идутъ въ сословное представительство затѣмъ только, чтобы сейчасъ же перемахнуть въ чиновники... Да еще добро бы нужда заставляла, а то и этого нѣтъ! Какъ же назвать это свойство? Подумайте сами, господа!

Гаяринъ продолжалъ молчать, все такъ же блѣдный, съ блестящими глазами, и отхлебывалъ ликеръ изъ рюмки. Онъ не могъ принять словъ графа на свой счетъ. Это было бы черезчуръ безцеремонно. Графъ считался образ-

цомъ вѣжливости и такта. Но, все-таки, не спроста сказалъ онъ это.

— Государство и должно притягивать къ себѣ все, что ему предано!—пустилъ Вершининъ тѣмъ же тономъ, къ которому графу приходилось привыкать съ тѣхъ поръ, какъ его перестали бояться.

— Согласенъ съ вами,—съ любезнѣйшею улыбкой сказалъ графъ, — оно нуждается во всякихъ уступкахъ, въ почетныхъ и въ весьма печальныхъ.—Онъ сдѣлалъ умышленную паузу. — Но мы говоримъ не о томъ, что̀ выгодно и за что̀ больше денегъ платятъ, а о правахъ и чувствахъ нашего сословія... Были бы только чувства благородныя, а права найдутся!

— Браво, графъ!—крикнулъ Ахлёстинъ.—Рѣдко слышу такія рѣчи въ моемъ отечествѣ. Благодарю васъ отъ души! Вы меня совсѣмъ оживили!

Онъ хотѣлъ-было прибавить: „Позвольте мнѣ завезти вамъ завтра мою брошюру“, но не сказалъ больше ничего.

Гаяринъ сидѣлъ нервный и злой. Онъ страдалъ всего сильнѣе оттого, что считался въ одномъ хорѣ съ этимъ Вершининымъ, котораго онъ презиралъ, не хотѣлъ показать графу, что принялъ его слова на свой счетъ, и не находилъ нужнымъ возражать въ направленіи, пріятномъ остальнымъ господамъ, бывшимъ въ кабинетѣ.

— Значитъ, вы, графъ, противъ новаго проекта?—спросилъ хозяинъ, сохранившій тонъ фрондера, которому, въ сущности, рѣшительно все равно, только бы шли его дѣла безъ запинки и онъ находилъ въ высшихъ сферахъ вліятельную поддержку.

— На это позволь мнѣ ничего не отвѣтить... Проектъ еще не поступилъ на обсужденіе.

И онъ взглядомъ добавилъ: „Пора бы, любезный, имѣть побольше такта“.

Вслѣдъ затѣмъ графъ поднялся, оправилъ сюртукъ и сдѣлалъ общій поклонъ передъ тѣмъ, какъ выйти.

— Спорить съ вами, господа, я не хотѣлъ. Но то, что я сказалъ здѣсь, я повторяю вездѣ и считаю это своимъ долгомъ... Никакой подъемъ немыслимъ, если вотъ здѣсь ничего нѣтъ.

И онъ приложился рукой къ лѣвой сторонѣ груди.

— Торопитесь?—спросилъ его хозяинъ.

— Я пойду раскланяться съ княгиней.

Онъ сдѣлалъ еще поклонъ и вышелъ, немного горбясь на ходу. Князь проводилъ его.

Всѣ молчали съ минуту по уходѣ графа.

XXIV.

Мужъ и жена встрѣтились въ залѣ.

— Ты останешься здѣсь на весь вечеръ? — спросилъ Александръ Ильичъ.

— А ты?

У ней былъ утомленный видъ. Она хотѣла бы пойти къ себѣ, взять съ собой дочь, — Сережа отправился въ циркъ, и отецъ отпустилъ его одного, — надѣть свой халатикъ и поговорить съ нею подольше.

— Тебѣ нездоровится?

Этотъ вопросъ Александръ Ильичъ сдѣлалъ безъ всякой тревоги на лицѣ. Въ Петербургѣ его безстрастная мягкость съ нею получила еще болѣе условный оттѣнокъ.

— Я немного утомилась.

Она сказала ему про желаніе взять Лили и пойти къ себѣ.

— А я долженъ еще попасть на вечеръ.

Куда онъ ѣхалъ, она не знала и не стала узнавать. Она замѣтила, что онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, и тоже не спросила—почему. Такихъ разспросовъ онъ никогда не любилъ и прежде.

Если бъ она слышала разговоръ въ кабинетѣ и побывала въ душѣ своего мужа, прошла бы вмѣстѣ съ нимъ черезъ рядъ подавленныхъ ѣдкихъ ощущеній, она поняла бы, почему онъ былъ такъ блѣденъ.

Въ дверяхъ гостиной показалась Лидія.

— Nina!—окликнула она сестру.—Tu t'en vas?

И вслѣдъ затѣмъ она лѣнивою своею поступью подошла къ нимъ.

— Какія они тамъ все глупости переливаютъ! — довольно громко произнесла она и кивнула взадъ головой на гостиную.—C'est à dormir debout!..

— Вы ѣдете?—спросилъ ее Александръ Ильичъ, бывшій съ ней на „вы“.

Онъ ей улыбнулся и глаза его блеснули.

Въ первый разъ Антонинѣ Сергѣевнѣ пришла мысль:

„А, вѣдь, они пара! — Какіе оба красивые и видные!“

Она даже начала краснѣть отъ этой внезапной мысли.

— И вы обращаетесь въ бѣгство? — шутливо сказалъ

онъ Лидіи тономъ полувопроса.—Домой или еще въ гости?

— Я должна бы заѣхать на минуту домой, но Викторъ Павловичъ, конечно, не пожелаетъ меня сопровождать.

— А онъ дома?—оживляясь, спросилъ ее Гаяринъ.

— Разумѣется.

— Знаете что, Lydie,—заговорилъ онъ, оживляясь все замѣтнѣе. — Я еще его не видалъ... Довезите меня къ себѣ... Я на минутку зашелъ бы къ нему.

— Ѣдемте.

Она тоже оживилась.

— Bonsoir, Nina... Когда же ко мнѣ обѣдать?

— Не знаю, Лидія.

— Да ты совсѣмъ разомлѣла... съ дороги...

И она прибавила, повернувъ лицо къ ея мужу:

— Она у васъ всегда въ эмпиреяхъ! Ха-ха!..

Смѣхъ у Лидіи былъ непріятный, горловой и выказывалъ больше всего ея недальность.

Гаяринъ и Лидія пошли къ передней. Онъ ничего не сказалъ Антонинѣ Сергѣевнѣ; она только кивнула головой. Надо было возвратиться въ гостиную, гдѣ кузина, навѣрное, будетъ удерживать ее. Придется сказать, что у ней начинается мигрень. Лили, кажется, весело сидѣть съ большими и воображать себя дѣвицей... Зачѣмъ лишать ее удовольствія?

Но чего она тутъ наслушается? Зачѣмъ засаривать ея голову всѣмъ этимъ полумистическимъ вздоромъ?

Надо было взять ее съ собой. Антонина Сергѣевна, совсѣмъ разбитая, скрылась за портьерой гостиной.

Въ эту минуту мужъ ея сходилъ съ лѣстницы съ ея сестрой и поддерживалъ ее немного подъ локоть. Онъ въ своей ильковой шубѣ и бобровой шапкѣ, она въ свѣтло-гороховой тальмѣ съ песцовымъ мѣхомъ, — оба видные и барски-пышные,—смотрѣли, дѣйствительно, парой, точно они молодые, выѣзжающіе первую зиму.

До сихъ поръ Лидія побаивалась своего шурина, но въ этотъ пріѣздъ онъ ей показался совсѣмъ другимъ человѣкъ. Она чутьемъ истой дочери Елены Павловны распознала, куда онъ стремится, и ей нечего было больше бояться его. Они понимали другъ друга прекрасно. Вотъ какого мужа ей нужно: блестящаго, съ красивымъ честолюбіемъ, а не Виктора Павловича Нитятко: тотъ, если и будетъ министромъ, все равно не дастъ ей того, что ей

надо было, не превратится въ настоящаго сановника, въ уроженца высшихъ сферъ.

Гаяринъ вбокъ взглядывалъ на свою свояченицу, и ея профиль нравился ему. И ея видный станъ, въ свѣтлой тальмѣ, опушенной дорогимъ мѣхомъ, выступалъ такъ красиво на темномъ атласѣ каретной обивки.

Онъ упрекнулъ себя въ томъ, что слишкомъ высокомѣрно относился къ ней, считалъ почти набитою дурой. А развѣ она въ теперешнемъ его положеніи не годилась бы ему въ жены, гораздо больше, чѣмъ Антонина Сергѣевна?..

Та—поблекла; какъ женщина, она для него почти что не существуетъ, а это въ брачной жизни, для человѣка, полнаго силъ, печально и опасно. Да и помимо того, Антонина Сергѣевна, не желающая „поумнѣть", понять, что̀ онъ теперь и куда идетъ, рядомъ съ нимъ занять почетное мѣсто и тамъ, въ губерніи, и здѣсь, въ томъ кругу, гдѣ онъ будетъ отнынѣ жить и дѣйствовать,—это вѣчная помѣха. Гостиной она не создастъ, связей не поддержитъ, будетъ только всѣхъ отталкивать и пугать, напоминать о его прошедшемъ, вызывать глупые, вредные толки.

Ну, Лидія пуста, не умна... Но для выѣздовъ и знакомствъ у ней есть: барскій тонъ, эффектная внѣшность, умѣнье одѣваться и нравиться мужчинамъ, всѣ свѣтскіе аппетиты... Эта не стала бы ему дѣлать дикихъ сценъ изъ-за того, что его собираются выбирать въ предводители.

Какъ бы отвѣчая на его мысли, Лидія спросила его:

— Alexandre, довольны вы вашимъ назначеніемъ?

Онъ отвѣтилъ, что доволенъ. Разговоръ отрывочно пошелъ на эту тему. Ближе къ дому она сказала ему:

— Вы, конечно, смотрите на предводительство, какъ...

Слово она не сразу нашла.

— Какъ на marchepied?

Онъ только усмѣхнулся въ отвѣтъ. И черезъ минуту спросилъ ее въ свою очередь про мужа:

— Викторъ Павловичъ развѣ не имѣлъ основанія разсчитывать къ новому году на званіе статсъ-секретаря?

— Не знаю, — заговорила она оживленнѣе, и подъ тальмой онъ замѣтилъ, какъ она повела своими крупными плечами. — Онъ, вѣдь, мнѣ не повѣряетъ своихъ... enfin, ses ambitions!.. Конечно, это было бы хорошо... N'est-ce

pas, c'est un titre à vie?.. Въ родѣ генералъ-адъютанта, въ штатской службѣ?

— Въ родѣ,—тихо вымолвилъ онъ и полузакрылъ мечтательно глаза.

— Шитый мундиръ... хоть и не золотомъ, mais tout de même, c'est chic!

— Très chic, — такъ же мечтательно повторилъ онъ и запахнулся въ шубу.

Она попадала на свою любимую зарубку. Мужъ могъ бы давно получить какое-нибудь званіе, дающее ей, какъ свѣтской дамѣ, полный ходъ всюду. Положимъ, она и теперь особа „третьяго класса“ и можетъ являться на большихъ балахъ и выходахъ; но, все-таки, она чиновница, а не дама, принадлежащая къ особому классу, имѣющему доступъ всюду и пріѣздъ „за кавалергардовъ“.

— Викторъ Павловичъ,—сказала она, протягивая слова, что для нея было признакомъ нѣкотораго раздраженія,—давно бы могъ имѣть... une charge honorifique. Но у него какая-то нелѣпая гордость... Il veut être homme d'état et pas autre chose!

— Одно другому не мѣшаетъ,—какъ бы противъ воли и чуть слышно промолвилъ онъ.

Ихъ взгляды встрѣтились въ полутемнотѣ. Они превосходно понимали другъ друга.

— Ce que je me tue à lui démontrer!..

Голосъ у ней какъ бы перехватило, послѣ чего она добавила:

— Вамъ, Alexandre, конечно, надо бить на то, на что ваше предводительство даетъ право.

Александръ Ильичъ ничего не отвѣтилъ и только сдѣлалъ неуловимый жестъ головой. Онъ не сообщилъ ей, что визитъ ея мужу находился въ связи съ ихъ разговоромъ. И то, что она ему сейчасъ сказала о гордости мужа, немного смутило его.

Карета остановилась у широкаго подъѣзда казеннаго зданія. Въ воротахъ, помѣщавшихся рядомъ, темнѣла тяжелая фигура дежурнаго сторожа, укутаннаго въ тулупъ.

— Bonsoir, Alexandre!.. Я васъ выпущу,—очень ласково крикнула ему Лидія, и лакей захлопнулъ дверку.

XXV.

По лѣстницѣ Александръ Ильичъ поднимался медленно. Цѣлая вереница мыслей, связанныхъ съ личностью его

свояка, Виктора Павловича Нитятко, проходила въ его ясной, логической головѣ; но на сердцѣ у него все еще щемило отъ тѣхъ ощущеній, какія заставилъ его испытать графъ Заваровъ въ кабинетѣ князя Мухоярова.

Домъ, куда онъ вступилъ, лѣстница, швейцаръ въ ливреѣ, особый запахъ казенныхъ помѣщеній высшаго разряда настраивали его именно такъ, какъ ему нужно было для перваго разговора съ мужемъ Лидіи.

Нужды нѣтъ, что этотъ „сухарь“ и „дѣловикъ“,—такъ онъ называлъ Виктора Павловича,—съ фанаберіей смотритъ на нѣкоторыя званія, о которыхъ мечтаетъ его жена; это показываетъ только то, что онъ честолюбивъ на особый ладъ... Самъ онъ — человѣкъ не салонный, не родовитый и очень хорошо понимаетъ, что ему никогда не блистать въ высшихъ сферахъ. Онъ попалъ въ ту полосу петербургской служебной жизни, когда наверхъ выплываютъ люди, прошедшіе чиновничью выучку, или ловкіе спеціалисты, такіе, какъ онъ, или даже потусклѣе... Ему, Гаярину, этимъ смущаться нечего. Строй общества остается тотъ же... Не достаточно быть чиновникомъ третьяго и даже второго класса, надо занять сразу мѣсто въ томъ, что составляетъ всѣми признанный высшій слой.

„Il faut être de la maison!“—мысленно выговорилъ онъ на первой площадкѣ и слегка оперся на перила мягко освѣщенной лѣстницы, дожидаясь, чтобы первая дверь направо отворилась.

Швейцаръ уже позвонилъ въ квартиру „генерала“, какъ онъ называлъ Виктора Павловича. Днемъ дверь стояла отворенной. Къ ней велъ снизу коверъ, покрытый бѣлымъ половикомъ.

Отворилъ курьеръ.

— Его превосходительство заняты, — сказалъ онъ на порогѣ.

— Викторъ Павловичъ одинъ? — спросилъ звонко Гаяринъ.

— Одни-съ.

— Доложите... Гаяринъ, Александръ Ильичъ... Я на минуту...

И онъ вошелъ увѣренно въ переднюю, длинную и высокую.

Пока курьеръ ходилъ доложить, Александръ Ильичъ самъ снялъ шубу, увѣренный, что свояк сейчасъ же приметъ его.

Онъ у него не бывалъ съ послѣдняго своего пріѣзда. Тогда Нитятко не занималъ еще теперешней должности и жилъ на частной квартирѣ.

Только казна даетъ такія громадныя помѣщенія. И не алчность заговорила въ Гаяринѣ, когда онъ подумалъ, что всего этого можно достичь только въ Петербургѣ, а скорѣе жажда власти, которая сказывается и въ размѣрахъ квартиръ и домовъ, „присвоенныхъ“ той или иной должности.

— Пожалуйте!.. Его превосходительство въ кабинетѣ!

Надо было пройти огромною залой, освѣщенною одною висячею лампой, съ блестящимъ паркетомъ и старинною бѣлою, съ позолотой, мебелью вдоль стѣнъ.

Кабинетъ, куда онъ вошелъ тихо, притворивъ за собою тяжелую дверь, былъ немногимъ меньше залы, съ каминомъ и бронзой александровскаго стиля; половина мебели отзывалась тою же эпохой.

Въ хозяинѣ Гаяринъ не нашелъ никакой перемѣны, кромѣ сѣдѣющихъ висковъ: средняго роста, очень худой въ туловищѣ, еще не старый, пепельные бакенбарды, бритое лицо, большіе каріе, умные и не злые глаза, рѣдкіе волосы, зачесанные по модѣ конца шестидесятыхъ годовъ, въ двубортномъ черномъ сюртукѣ и темносѣрыхъ панталонахъ. Такимъ былъ онъ, когда влюбился въ Лидію, такимъ и умретъ, только посѣдѣетъ и еще больше согнется.

— Александръ Ильичъ!..

Возгласъ былъ радушный. Они обнялись и поцѣловались.

— Извините, — началъ Нитятко, посадивъ Гаярина на большой диванъ,—не заѣхалъ къ вамъ... И сегодня не могъ...

Онъ указалъ рукой на цѣлую стопу бумагъ въ облокахъ, лежавшую съ края письменнаго стола.

— Понимаю,—ласково отозвался Гаяринъ.—Мученикъ долга!..

— Вся эта недѣля особенная! Завтра засѣданіе въ совѣтѣ... Надо быть...

— Во всеоружіи?

— Именно.

Говорилъ онъ высокимъ теноромъ, но слабо, какъ человѣкъ не особенно здоровыхъ легкихъ. Опредѣленность выговора отзывалась долгою привычкой выражаться точно, докладывать или дѣлать инструкціи подчиненнымъ.

— Позвольте поздравить васъ. Душевно радъ...

Онъ еще разъ обнялъ его, слегка дотрогиваясь концами пальцевъ до обоихъ плечъ.

Александръ Ильичъ только улыбнулся.

— Душевно радъ! — повторилъ Викторъ Павловичъ, и лицо его сложилось сейчасъ же въ условно-серьезную мину, какая обозначала въ немъ интересъ къ собесѣднику.—Теперь всякому двойственному отношенію къ вашей личности насталъ конецъ,—продолжалъ онъ, точно диктуя кому.—Положеніе прекрасное и вы имѣете всѣ шансы быть замѣченнымъ съ наилучшей стороны... И есть полная возможность, — подчеркнулъ онъ, — служить независимо... Пускай къ вамъ придутъ впослѣдствіи и будутъ дѣлать лестныя предложенія, а не вы станете домогаться... какихъ-нибудь подачекъ...

„Вотъ оно что!—подумалъ Гаяринъ.—Ты, мой милый, щеголяешь все тѣмъ же чиновничьимъ фрондерствомъ".

И это ему такъ не понравилось въ своякѣ, что онъ сказалъ, безъ всякихъ смягченій, почти рѣзко:

— Между двухъ стульевъ зачѣмъ же садиться, Викторъ Павловичъ?

— Въ какомъ смыслѣ?

— Мнѣ необходимѣе, чѣмъ кому-либо, сразу поставить себя здѣсь въ такое положеніе, чтобы каждый прикусилъ язычокъ.

— Да, кажется, послѣ вашего утвержденія объ этомъ и рѣчи быть не можетъ?—спросилъ Викторъ Павловичъ все съ тою же условно-серьезною миной.

„Тупица ты,—подумалъ Гаяринъ,—или только притворяешься непонимающимъ?"

Этотъ прямолинейный карьеристъ раздражалъ его: точно будто своякъ желалъ прочесть сейчасъ нравоученіе, чѣмъ слѣдуетъ теперь быть ему, Гаярину, какое честолюбіе высшаго, какое низшаго качества.

И заѣхалъ-то онъ къ нему, чтобы позондировать немного насчетъ одного хода, никакъ не ожидая такого оборота ихъ бесѣды.

— Этого недостаточно, — смѣло, но не повышая тона, выговорилъ Александръ Ильичъ, — мало ли кто можетъ проскользнуть въ предводители.

— Нынче—нѣтъ, не тѣ времена,—возразилъ Нитятко и повелъ губами своего большого, болѣзненнаго рта.

— Но, все-таки, добрѣйшій Викторъ Павловичъ, согла-

ситесь сами, въ Петербургѣ есть одно только общество, дающее тонъ... и кто къ нему не принадлежитъ, тотъ все еще, какъ въ картахъ прежде говорили, подъ сюркупомъ!.. Тутъ происхожденія недостаточно, ни богатства, ни даже высокаго служебнаго мѣста...

— Да, — оттянулъ Викторъ Павловичъ, — вы вотъ на что намекаете...

„Наконецъ-то понялъ!“ — воскликнулъ мысленно Гаяринъ.

И на губахъ своего свояка Гаяринъ уже явственно распозналъ усмѣшку, врядъ ли для него лестную.

— Что же!.. Откройтесь кому надо... Если не сразу, такъ въ два-три пріема добьетесь...

„Обойдусь и безъ тебя“,—утѣшилъ себя Гаяринъ.

Онъ почувствовалъ, что зарвался, показалъ свои карты слишкомъ скоро, да и не тому совсѣмъ, кому слѣдовало.

— Унижаться не буду! — вырвалось у него съ движеніемъ головы.

— Всякому свое, — сказалъ Нитятко и отошелъ къ столу.—Только я не понимаю, Александръ Ильичъ, изъза чего вамъ биться?.. Я, откровенно говоря, разумѣлъ васъ нѣсколько иначе... Увлеченія юности улеглись—прекрасно... Теперь вы здраво взглянули на существующій во всемъ образованномъ мірѣ порядокъ вещей и хотите служить вашей родинѣ, а для того нужна власть, нужно положеніе.

„Все это я и безъ тебя знаю“,—перебилъ его Гаяринъ про себя.

— Власти и признанія своихъ качествъ можно добиться и безъ такихъ, извините меня, суетныхъ мечтаній... Да и Нина Сергѣевна, сколько я ее разумѣю, далека отъ всего подобнаго...

Онъ хотѣлъ прибавить: „Не такъ, какъ моя супруга“.

Вышла длинная пауза. Черезъ пять минутъ Гаяринъ уже сходилъ съ лѣстницы и первая его мысленная фраза была:

„И не нужно! Сухарь ты съ фанаберіей—и больше ничего! Обойдемся и безъ тебя“.

Швейцаръ, котораго онъ послалъ за извозчикомъ, нѣсколько разъ сказалъ ему: „ваше превосходительство“.

XXVI.

Больше двухъ часовъ ѣздитъ Антонина Сергѣевна по городу. И визиты ея еще не кончены. Въ Петербургѣ

она только вторую недѣлю и чувствуетъ уже во всемъ тѣлѣ небывалую усталость и безпробудную тоску... Сѣрое небо, улицы, комнаты, гости, выѣзды, — все давитъ ее съ утра, какъ только она проснется. Она почти съ ужасомъ замѣчаетъ, что и дѣти не скрашиваютъ ей постылой жизни... Видитъ она ихъ два раза въ недѣлю... Съ Лили у ней побольше связи, чѣмъ съ Сережей, но и Лили ускользаетъ отъ нея. Ничего она въ этой дѣвочкѣ не можетъ вызвать—наивнаго или смѣлаго, никакого трогательнаго порыва, ни истинно-дѣтской ласки. Лили говоритъ все сентенціями, помѣшана на „comme il faut“, уже теперь, въ четырнадцать лѣтъ, видитъ себя взрослою дѣвицей и желаетъ, чтобы ея судьба пошла такъ, а не иначе.

Ни она, ни Сережа—совсѣмъ не дѣти. Сережа—настоящій типичный лицеистъ, только и бредитъ тою минутой, когда, вмѣсто серебряныхъ петлицъ, у него будутъ золотыя и потомъ появится шпага, при переходѣ въ старшій лицейскій классъ. И онъ воображаетъ себя чистокровнымъ аристократомъ, постоянно твердитъ о превосходительствѣ отца и не забываетъ того, что бабушка его—урожденная княжна Токмачъ-Пересвѣтова. Онъ не будетъ кутилой и учится недурно, но лучше бы уже изъ него вышелъ повѣса, чѣмъ тотъ высокоприличный салонный „службистъ“,—слово, которое она отъ него же впервые и услыхала.

У ней нѣтъ своей воли. Она точно кукла съ проволокой, за которую дергаетъ штукарь, сидящій позади кулисъ, гдѣ движутся маріонетки... Дергаетъ проволоку ея мужъ... Для него она здѣсь останется еще недѣлю, двѣ, а можетъ-быть, и больше... Съ его знакомыми она должна знакомиться, дѣлать визиты, принимать... У ней нѣтъ духу объявить, что она уѣдетъ раньше... Тамъ ей, все-таки, будетъ полегче. Но и въ губернскомъ городѣ ждутъ ее обязанности предводительши.

Давно, еще въ деревнѣ, она привыкла называть ненужную трату времени на гостей, выѣзды и пріемы французскимъ выраженіемъ „faux frais“.

И вотъ она теперь охвачена этими „лжерасходами“ и видитъ, что ничего вокругъ нея, въ томъ Петербургѣ, куда она попала, и нѣтъ, кромѣ „лжерасходовъ“... Слухи, сплетни, скабрезныя исторіи, благотворительные базары, субботы Михайловскаго театра, Бріанца и Гитри, Фигнеръ и

Медея-Мей, обѣды, балы, балы, балы, вечера, тройки — безъ конца...

Хоть бы чуялось что-нибудь грозно-подавляющее, непреклонное въ своемъ давленіи, по крайней мѣрѣ, она испытала бы сильную горечь или страхъ, или въ душѣ ея произошелъ бы подъемъ самыхъ дорогихъ ея вѣрованій!... Но и этого нѣтъ!..

А мужъ ея ведетъ шахматную игру, и каждый его выѣздъ разсчитанъ. Въ ней развилась необычайная чуткость... Безъ разспросовъ она знаетъ, зачѣмъ ему то или иное вліятельное лицо, съ какимъ расчетомъ ѣдетъ онъ на раутъ или съ визитомъ къ такой-то барынѣ...

Отъ нея онъ ничего не требуетъ, но она какъ бы не въ правѣ отказаться отъ выѣздовъ и пріемовъ.

И ни одному живому существу не можетъ она открыть свою душу... Кузина просто жалка ей,—до такой степени она вдалась въ какую-то дурь, въ то, что французы-психіатры называютъ „manie raisonnante“. Для н. когда она пріѣхала, непостижимо было, какъ могла эта милая женщина, развитая, искавшая всегда дѣятельнаго добра, въ какихъ-нибудь два года уйти въ свою „теозофію“.

Но теперь она начала понимать: Петербургъ сдѣлалъ это и отсутствіе сердечнаго лада въ домѣ. Мужъ давно охладѣлъ къ ней, и всѣ знаютъ, что онъ поддерживаетъ актрису, француженку, роскошную блондинку. Антонинѣ Сергѣевнѣ сама княгиня, въ театрѣ, назвала ее на ухо:

— La bonne amie de mon mari!..

И переселись она съ Александромъ Ильичемъ сюда, черезъ два-три года явится такая же француженка или одна изъ гулящихъ барынь, и она также ударится во что-нибудь, въ родѣ религіи виконта Бассъ-Рива, несомнѣннаго пророка для ея кузины.

На углу Симеоновской и Литейной Антонина Сергѣевна что-то вспомнила и повернула костяную пуговку звонка.

Кучеръ остановилъ лошадей, лакей соскочилъ съ козелъ и отворилъ дверцу.

— Вы куда ѣдете?—спросила она торопливо.

— Вы изволили приказать на Сергіевскую.

— Нѣтъ, я ошиблась. На Гагаринскую. Теперь есть уже пять?

Лакей посмотрѣлъ на свои часы.

— Безъ четверти пять.

— Такъ, пожалуйста, на Гагаринскую!

Онъ сказала ему номеръ дома и, откинувшись въ глубь кареты, ощутила приливъ брезгливаго чувства, близкаго къ стыду.

Къ кому она ѣхала съ визитомъ и даже торопилась, зная, что это день той барыни и она ее непремѣнно застанетъ и у нея—цѣлое общество?

Къ Лушкиной! Къ Аннѣ Денисовнѣ Лушкиной, проводящей всегда конецъ зимы здѣсь, въ постоянной квартирѣ, на Гагаринской.

Иначе нельзя было сдѣлать. Лушкина пріѣзжала къ ней нѣсколько разъ, звала обѣдать. Антонина Сергѣевна отказалась. Но мужъ ея обѣдалъ, и она прекрасно поняла, что послѣ этого обѣда Александръ Ильичъ имѣлъ, вѣроятно, черезъ Лушкину съ кѣмъ-то конфиденціальный разговоръ, нужный ему для главной цѣли его поѣздки.

Недаромъ сказалъ онъ про нее мимоходомъ:

— Cette commère est très habile!

Онъ уже замѣтилъ слегка Антонинѣ Сергѣевнѣ, что нельзя безъ причины манкировать своимъ знакомымъ, и напомнилъ ей, еще сегодня, за завтракомъ, что у Лушкиной, по четвергамъ, „five o'clock tea". Самъ онъ къ ней заѣдетъ пораньше, сдѣлаетъ „une visite de digestion".

Вотъ она и ѣхала теперь на этотъ „five o'clock". Дальнѣйшаго знакомства съ Лушкиной не избѣжать ей и въ губернскомъ городѣ... И съ этимъ, и со многимъ другимъ надо мириться.

Лакей высадилъ ее изъ кареты. Лушкина жила во второмъ этажѣ, въ домѣ стариннаго устройства, съ узкими лѣстницами и сводчатымъ потолкомъ сѣней.

И передняя не имѣла барскихъ размѣровъ. Но въ ней сидѣли уже три выѣздныхъ, въ большихъ медвѣжьихъ воротникахъ. Дверь въ залу была притворена и лакей растворилъ половинку и пропустилъ, но докладывать не пошелъ.

Первая комната, родъ продолговатой залы, была наполнена разными цѣнными вещами: и на стѣнахъ, и вдоль стѣнъ, и даже посрединѣ комнаты стояли и висѣли картины, вазы, консоли, бронзовыя вещи, въ такомъ количествѣ, что комната смотрѣла аукціонной залой.

„Ну, да,—подумала Антонина Сергѣевна,—она—ростовщица, это все заложенныя вещи или оставленныя закладчиками безъ выкупа".

И она вспомнила, что еще на-дняхъ у кузины офицеръ

разсказывалъ про одного извѣстнаго художника: какъ жиды дали ему адресъ „ростовщицы“, у которой есть рѣдкія жирандоли „Louis XVI“, какъ его встрѣтилъ сынъ Анны Денисовны и художникъ чуть не спросилъ его: „Здѣсь живетъ закладчица?“

Но всѣ ее принимаютъ и всѣ ѣздятъ къ ней.

Изъ слѣдующей комнаты, гостиной, доносился громкій разговоръ, гдѣ женскіе голоса преобладали.

Антонина Сергѣевна замедлила шаги. Если бы у ней хватило духа, она убѣжала бы отсюда, не поздоровавшись съ хозяйкой.

Но къ ней навстрѣчу выбѣжалъ Никсъ, въ голубыхъ панталонахъ и такой же жакеткѣ, съ розовыми щеками и краснымъ ртомъ, еще болѣе противный, чѣмъ три недѣли назадъ, когда она его видѣла у себя въ дворянскомъ мундирѣ.

— Ah!.. Chère madame! Maman sera enchantée!.. Наконецъ-то!

Никсъ жалъ ея руку обѣими руками и масляннымъ взглядомъ приторно ласкалъ ее. Они стояли посрединѣ комнаты.

— Сколько у васъ вещей!—не могла она не сказать и пожалѣла, что фраза у ней вышла слишкомъ проста.

Онъ не пожелалъ понять намека и, сдѣлавъ круглый жестъ правою рукой, заговорилъ очень развязно:

— Nous adorons, maman et moi... les belles choses!... Главный экспертъ я, — проговорился онъ и указалъ на уголъ, ближайшій къ гостиной,—вотъ это мои два шкапчика... Les bibelots et les livres!.. Я разоряюсь на рѣдкія изданія и переплеты. Вы къ этому равнодушны? А я отдамъ все за настоящій эльзевиръ!..

Но онъ не подвелъ гостью къ шкапчику, гдѣ у него было замѣчательное собраніе непристойныхъ книгъ, старыхъ и самыхъ новыхъ, какія печатаются тайкомъ въ Парижѣ и совершенно открыто въ Брюсселѣ.

Не выпуская руки Антонины Сергѣевны, Никсъ повелъ ее въ гостиную и на ходу крикнулъ въ дверь:

— Maman!... Cette chère madame Gaiarine!..

XXVII.

Лушкина обняла гостью, и прикосновеніе ея жирнаго тѣла, отъ котораго пахло ирисовою пудрой, заставило Антонину Сергѣевну брезгливо вздрогнуть. Шумно пред-

ставила ей хозяйка дамъ, сидѣвшихъ около чайнаго столика съ тремя этажерками. Серебро и фарфоръ, вазы съ печеньемъ, граненые графинчики покрывали столикъ разнообразнымъ блескомъ. Въ свѣтѣ двухъ большихъ японскихъ лампъ выступали цѣнныя вещи со стѣнъ и изо всѣхъ угловъ: ихъ было такъ же много въ тѣсноватой гостиной, какъ и въ залѣ.

Дамы — фамиліи ихъ Антонина Сергѣевна сейчасъ же забыла—держались какъ близкія пріятельницы Лушкиной. Всѣ три были подъ сорокъ лѣтъ. Одна, густо покрытая пудрой, сухая, съ молодою таліей, въ темномъ; другая подводила глаза и красила губы, полненькая, съ накладкой на лбу, нарядная, распространяющая вокругъ себя запахъ духовъ Chypre; третья—помоложе, менѣе болтливая и рѣзкая въ манерахъ, курила и то и дѣло наводила длинный черепаховый лорнетъ на молодого человѣка, сидѣвшаго рядомъ съ ней, совсѣмъ женоподобнаго, еще безбородаго и подзавитого, въ открытомъ „смокингѣ“ съ шелковыми отворотами.

Было тутъ еще двое мужчинъ: офицеръ въ желтомъ воротникѣ и студентъ, при шпагѣ, черноватый, тонкій и очень развязный. Онъ прислуживалъ полненькой дамѣ съ крашеными губами и запахомъ Chypre.

Лушкина представила и мужчинъ.

— Chère, chère,—говорила она Антонинѣ Сергѣевнѣ, усаживая ее между дамой съ лорнетомъ и сухою блондинкой съ лицомъ, покрытымъ пудрой,—какъ я на васъ сердилась, какъ сердилась! Не хотѣли тогда пріѣхать обѣдать. Сказались больной! C'est vieux jeu, le truc des migraines!

— J'ai la migraine! — произнесъ глухимъ голосомъ Никсъ, и всѣ разсмѣялись, узнавъ интонацію, съ которой ingénue произноситъ эту фразу въ комедіи „Le monde où l'on s'ennuie.“

Этотъ смѣхъ, весь тонъ гостиной, запахъ пудры и крѣпкихъ духовъ, видъ молодящихся барынекъ, рядомъ съ очень молодыми людьми, что-то дрябло-порочное и хищное охватило Антонину Сергѣевну гадливымъ чувствомъ. И пріятельское, почти фамильярное обращеніе Лушкиной поводило ее всю.

— Ея мужъ,—кричала Лушкина, указывая на Гаярину,—гораздо милѣе... Не правда ли, mesdames, ея мужъ... Александръ Ильичъ—одинъ восторгъ?

— О, да!—откликнулись всѣ три дамы, обѣдавшія у Лушкиной съ Гаяринымъ.

Сердце у Антонины Сергѣевны явственно защемило. Она ничего не могла сказать и только оправляла нервно вуалетку шляпки.

Никсъ поднесъ ей чашку чаю и спросилъ:

— Est-ce assez sucré, madame?

Она даже ничего ему не отвѣтила. Ей захотѣлось сейчасъ же убѣжать изъ этой гостиной, гдѣ ея мужъ находилъ нужнымъ бывать для своихъ комбинацій. Салона Лушкиной она не могла переносить, просто физически не могла. Но бѣжать сейчасъ, не посидѣвъ хоть десяти минутъ, невозможно — вызовешь какую-нибудь выходку хозяйки.

— Est-ce sucré, madame?—повторилъ Никсъ.

— Oui,—пролепетала она и стала размѣшивать сахаръ.

Ея приходъ прервалъ шумный разговоръ, и она почувствовала, что имъ всѣмъ при ней сдѣлалось неловко. Она не подходила ни къ ихъ жаргону, ни къ общему настроенію этихъ старѣющихъ грѣшницъ, возбужденныхъ скабрезнымъ разговоромъ съ очень молодыми мужчинами. Въ воздухѣ гостиной носилось нѣчто сродни тѣмъ книжкамъ, которыя Никсъ хранилъ въ одномъ изъ шкапчиковъ залы, въ дорогихъ художественныхъ переплетахъ.

— Такъ какъ это... подъ какую корку?—спросилъ безбородый блондинъ въ смокингѣ у офицера. — Ребровъ... повтори, пожалуйста...

— Мы подъ лимонную корку красили, ваше степенство, а вамъ угодно подъ померанцевую...

— Подъ лимонную корку!—разразился Никсъ и закачалъ, стоя, своимъ туловищемъ.—C'est épatant!

И всѣ разомъ расхохотались; только новая гостья сидѣла съ поникшею головой и вздрагивающими отъ нервности пальцами помѣшивала въ чашкѣ.

Но она поняла, все-таки, что это такое. Уже не въ первый разъ, въ этотъ пріѣздъ, она замѣчала, что вездѣ, гдѣ она бываетъ,—модная забава: подыскивать „словечки“, вычитывать ихъ изъ юмористическихъ листковъ, можетъ-быть, сочинять, передавать другъ другу, записывать, какъ когда-то записывали рецепты для варки варенья или соленья грибовъ.

Вотъ и эта „лимонная корка“ подслушана, вѣроятно, у какого-то маляра, если не выхвачена изъ русскихъ

„nouvelles à la main“—листка мелкой прессы.

Что могла она вставить своего въ такой разговоръ?

Но Лушкина, съ слезинками на масляныхъ глазахъ, отъ припадка смѣха, круто повернула короткую красную шею и спросила черезъ всю комнату безбородаго молодого человѣка:

— Такъ вышелъ большой скандалъ на этомъ обѣдѣ?

По тону вопроса Гаярина поняла, что передъ ея появленіемъ въ гостиной зашла рѣчь о какомъ-то обѣдѣ, и сейчасъ вспомнила прочитанныя ею наканунѣ подробности этой годовщины. Послѣ одной рѣчи, къ десерту, сказанной въ духѣ протеста противъ возрастающей расовой нетерпимости, нашлись участники обѣда, поднявшіе крики и шиканье. Это извѣстіе особенно огорчило Антонину Сергѣевну. Въ ней жило всегда особое, почтительное чувство къ университету, къ студентамъ, къ тѣмъ, кто получилъ высшее образованіе, „настоящее“, какъ она выражалась, а не въ привилегированныхъ, сословныхъ заведеніяхъ. Ничего подобнаго она не могла ожидать, даже и въ то время, которое тянулось вокругъ нея такъ томительно-печально, среди пляса и сутолоки зимняго петербургскаго сезона.

Вопросъ Лушкиной заставилъ ее встрепенуться и поднять голову.

Въ безбородомъ штатскомъ она начала распознавать бывшаго воспитанника того заведенія, гдѣ теперь ея Сережа. Это сказывалось во всемъ, отъ прически до позы и отворотовъ его смокинга.

— Небывалый скандалъ! И въ газетахъ нѣкоторые репортеры... — говорилъ онъ картаво, растягивая слова, — полиберальничали и написали, что шикающихъ было два-три человѣка... Il y avait une forte minorité, presque la moitié...

— И я тоже слышалъ,—подтвердилъ офицеръ въ желтомъ воротникѣ и кивнулъ головой студенту.

Посмотрѣла на студента и Антонина Сергѣевна. Она, какъ только вошла, подумала: „Хорошъ долженъ быть пріятель сынка Анны Денисовны“. Студентъ, на кивокъ офицера, повелъ губами и выговорилъ:

— И я бы шикалъ!

— Я слыхалъ, — оживляясь разсказалъ офицеръ, — что протоколъ требовали составить.

— Какъ протоколъ?—спросила Гаярина, и тонъ ея во-

проса показывалъ, до какой степени она поражена этимъ фактомъ.

— Очень просто,—объяснилъ ей студентъ,—требовали, чтобы тѣ спичи, которые столькихъ возмутили, были записаны.

— Зачѣмъ?—перебила Антонина Сергѣевна.

Она начала краснѣть. Руки ея, державшія чашку, вздрагивали.

— Mais, madame,—вразумилъ ее съ усмѣшечкой умника безбородый молодой человѣкъ.—Pour avoir cela par écrit... Schwarz auf weiss...

— Это...—Гаярина отъ волненія искала словъ,—это... на такомъ обѣдѣ?.. Гдѣ все бывшіе студенты?

— Chère Антонина Сергѣевна! — крикнулъ Никсъ, стоявшій позади кресла своей матери.—Vous n'etes pas fin de siècle. По крайней мѣрѣ, on a le courage de son opinion!.. Ventrebleu! А прежде только напивались и пѣли бурлацкія пѣсни.

— Безобразіе!—выговорилъ студентъ и повелъ плечами.

Какъ захотѣлось ей подойти къ этому студенту, взять за уши и отодрать ихъ. Но она, тотчасъ же послѣ этого взрыва негодованія, испугалась. Развѣ можно выдавать себя въ гостиной Анны Денисовны Лушкиной при этихъ барыняхъ и молодыхъ людяхъ?

Напротивъ, она должна быть благодарна разговору о скандалѣ на обѣдѣ; студентъ далъ ей вѣрнѣйшую ноту того, во что̀ теперь уходитъ Петербургъ и люди высшаго образованія.

„Протоколъ писать хотѣли,—мысленно повторяла она, и въ глазахъ ея показался блескъ; они переходили отъ одной антипатичной для нея физіономіи къ другой.—Протоколъ!.. Schwarz auf weiss... Въ участокъ снести! Чтобы сейчасъ же привлечь къ отвѣту измѣнниковъ своего отечества, дерзнувшихъ говорить въ духѣ терпимости!“

Горло ей уже сдавливалъ спазмъ. Начни она говорить, она не удержалась бы отъ негодующихъ возгласовъ. Она быстро встала, поставила недопитую чашку на мозаичный консоль и выговорила быстро и сухо:

— Я должна ѣхать!

Лушкина съ сыномъ стали ее удерживать, шумно, фамильярно; но она, послѣ общаго поклона остальнымъ гостямъ, скоро-скоро прошла залой, не слушая, что̀ ей го-

ворилъ вдогонку Никсъ, пошедшій проводить ее до передней.

Только въ каретѣ она перевела духъ и опустила окно. Горло продолжало сжимать, и вся кровь прилила къ головѣ.

XXVIII.

Никто не зналъ, куда Антонина Сергѣевна отправилась послѣ обѣда, часамъ къ восьми.

Она не взяла выѣзднаго и приказала везти себя къ Александринскому театру.

Еще три дня назадъ она прочла въ газетахъ, что въ пользу „Фонда“ будетъ вечеръ въ залѣ Кредитнаго общества, посвященный памяти умершаго, за годъ передъ тѣмъ, знаменитаго писателя. Въ программѣ значилось до восьми номеровъ: были стихи, воспоминанія о покойномъ, краткій біографическій очеркъ, нѣсколько отрывковъ въ исполненіи литераторовъ и двухъ актеровъ. Она въ тотъ же день заѣхала въ книжный магазинъ и взяла себѣ одно мѣсто.

Кузинѣ она не желала говорить, приглашать ее съ собою.

Отъ нея она уже слышала фразу:

— Писательскія поминки! Одно и то же... Cela n'a pas de prise sur moi...

Не такъ давно кузина ставила себѣ въ достоинство интересъ къ умнымъ вещамъ, съ передовымъ оттѣнкомъ, ѣздила на публичныя лекціи, даже въ Соляной Городокъ, гдѣ уже совсѣмъ не бываетъ свѣтскихъ людей. И не то чтобы она чего-нибудь испугалась, но „cela n'a pas de prise“ на нее; она ищетъ другого, ее увлекаетъ „теозофія“ и книжки парижскаго и лондонскаго необуддизма, у ней свои умники, въ родѣ философа Тебетѣева.

Кучеру Антонина Сергѣевна назвала домъ Кредитнаго общества, когда карета уже заворачивала съ Невскаго.

Къ ней вернулось молодое чувство запретнаго плода. Для нея, въ ея теперешнемъ положеніи, это была „une escapade“, какъ выразилась бы Елена Павловна. И, въ то же время, грусть, какую знаютъ люди, не желающіе старѣть и дурнѣть, проникла ей въ душу. Она сознавала, что со всѣмъ этимъ надо окончательно примириться, не нынче, такъ завтра.

Когда швейцаръ подошелъ высадить ее изъ кареты,

она оглядѣла подъѣздъ и увидала, что публика прибываетъ, и пѣшая, и въ саняхъ. Сейчасъ чувствовался большой сборъ, и это ее сразу настроило храбро и возбужденно.

Она выскочила на тротуаръ, запахиваясь въ свою мѣховую ротонду, и быстрымъ, молодымъ шагомъ пошла по сѣнямъ, между двухъ рядовъ вѣшалокъ, отдала ротонду этажомъ выше и стала медленнѣе подниматься по лѣстницамъ, съ одной площадки до другой. Ее обгоняли или поднимались позади ея группы мужчинъ и женщинъ. Публика была скромная, много дѣвушекъ, безъ куафюръ, въ просто причесанныхъ волосахъ и темныхъ кашемировыхъ платьяхъ, молодые люди въ черныхъ парахъ, студенты университета и академіи, но не мало и пожилыхъ, даже старыхъ мужчинъ, съ сѣдыми бородами, лысыхъ, худыхъ и толстыхъ, съ фигурами и выраженіемъ лица писателей, художниковъ и особаго класса посѣтителей публичныхъ чтеній и торжествъ, существующаго въ Петербургѣ. Въ этой публикѣ она замѣчала нѣчто совсѣмъ не похожее на то, чѣмъ она здѣсь окружена съ утра до вечера... И эта публика не носила на себѣ печати задорныхъ замашекъ въ туалетѣ, прическѣ, манерахъ, какъ двадцать лѣтъ назадъ. Она была, въ сущности, очень приличная и сдержанная, но не равнодушная, безъ скучающихъ лицъ и вялыхъ разговоровъ, — всѣ шли на что-то особенное, на „поминки“, какихъ давно не бывало.

Гаярина предвидѣла съ радостью, что никакихъ свѣтскихъ знакомыхъ дамъ она не встрѣтитъ; изъ мужчинъ, можетъ-быть... Отъ мужа она не скрыла бы употребленія своего вечера, но ей не хотѣлось никакого разговора о томъ, куда она собиралась. Довольно она наслушается всякихъ разговоровъ со стороны.

У входа, гдѣ продавали билеты, столпилась цѣлая стѣна. Двое мужчинъ еле успѣвали сдавать сдачу и принимать бумажки. Не одни дешевыя мѣста разбирались очень ходко. Гулъ голосовъ и общее возбужденіе охватили ее.

Зала, бѣлая и мягко залитая свѣтомъ, уже на двѣ трети наполнилась, но публика все прибывала. Негромкій, переливчатый гулъ шелъ по рядамъ.

На эстрадѣ высился бѣлый пьедесталъ съ бюстомъ, окруженный растеніями. Тамъ тоже стояли нѣсколько рядовъ стульевъ, наполовину уже занятыхъ. У самаго края

помоста столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, съ графиномъ и стаканомъ.

Эта обычная обстановка всякихъ чтепій и торжествъ была для Антонины Сергѣевны новостью. Она не могла припомнить, случалось ли ей во всю ея жизнь попасть, въ Москвѣ или Петербургѣ, на вечеръ съ такимъ именно характеромъ. Въ Петербургѣ провела она дѣтство и часть дѣвическихъ годовъ; тогда ее въ такія мѣста не возили; потомъ деревня, знакомство съ Гаярнымъ, любовь, борьба съ родителями, уходъ замужъ и долгіе годы обязательнаго сидѣнья въ усадьбѣ.

Только разъ, уже не такъ давно, въ Москвѣ, куда она стала попадать чаще, съ тѣхъ поръ, какъ они живутъ въ губернскомъ городѣ, привелось ей быть въ университетѣ, на утреннемъ засѣданіи, гдѣ читались стихи, статьи и отрывки въ память одного московскаго писателя. Она ожила на этомъ сборищѣ, публика показалась ей чуткой и воспріимчивой, отъ стѣнъ актовой залы вѣяло привѣтомъ стараго наставника. Она представляла себѣ, какъ долженъ былъ говорить со своею аудиторіей Грановскій: личность его оставалась для нея полулегендарной.

Здѣсь ярче чувствовалась столица. Зала сообщала ей болѣе строгое и серьезное настроеніе. Первые ряды креселъ пестрѣли лицами и фигурами пожилыхъ людей съ положеніемъ, что̀ сейчасъ было видно. Она даже удивлялась, что на *такой* вечеръ собралось столько мужчинъ, навѣрное, состоящихъ на службѣ, и собралось не случайно, а съ желаніемъ почтить память любимаго писателя, помолодѣть душой, пережить еще разъ обаяніе его таланта и смѣлаго, язвительнаго протеста.

У стѣнъ толпились не получившіе номерованныхъ мѣстъ. Два распорядителя въ бѣлыхъ галстукахъ бѣгали по проходу.

Часъ начала, указанный въ программѣ, уже прошелъ... Но публика еще не совсѣмъ размѣстилась, и гулъ разговоровъ все поднимался и поднимался..

Въ четвертомъ ряду Антонина Сергѣевна сидѣла между молодою женщиной, худенькою и нервною, въ бѣломъ платьѣ, и полнымъ артиллерійскимъ полковникомъ. Тотъ безпрестанно все наклонялся къ своей дамѣ—вѣроятно, женѣ—и называлъ ей фамиліи литераторовъ, художниковъ, профессоровъ на эстрадѣ и въ рядахъ публики. Онъ дѣлалъ это довольно громко, и она невольно смотрѣла въ

сторону, въ какую онъ кивалъ головой или показывалъ рукой.

Она никого не знала въ лицо.

Но вотъ все притихло. На эстрадѣ, у столика, показалась видная фигура старика съ сѣдою бородой и волосами, причесанными, какъ чесались лѣтъ сорокъ тому назадъ. Антонина Сергѣевна видала его портретъ, похожій съ вѣрно схваченнымъ выраженіемъ, и захлопала.

Она любила этого поэта. На его призывахъ къ борьбѣ и правдѣ воспитывались въ ней ея тайныя упованія. Александръ Ильичъ въ первые дни ихъ знакомства читалъ ей вслухъ его стихотвореніе, затверженное наизусть всею тогдашнею молодежью.

Вотъ онъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, не моложе того покойника, чье чествованіе собрало ихъ сюда, если не старше. Но онъ еще не дряхлый старикъ. Голова съ народнымъ обликомъ не утратила еще своего благообразія, въ глазахъ блескъ, мягкая, вдумчивая усмѣшка придаетъ тонкость выраженія красивому рту.

Стонъ рукоплесканій и кликовъ встрѣтилъ давнишняго любимца публики. И старые, и молодые голоса слились въ одинъ аккордъ.

Благообразный старецъ кланялся, привставалъ съ кресла, опять садился и не могъ нѣсколько минутъ начать свое чтеніе, растроганный этимъ взрывомъ не измѣняющихъ ему симпатій.

Антонина Сергѣевна слушала въ такомъ волненіи, что не могла почти схватывать содержанія, но когда онъ кончилъ, еще горячѣе начала хлопать, а вызовы вокругъ нея и сзади раскатами ходили по залѣ и заставили ее забыть, откуда она попала сюда.

XXIX.

Но еще горячѣе былъ пріемъ другому читавшему о покойномъ, не старому, съ истою наружностью петербургскаго литератора. Она когда-то восхищалась его статьями. Александръ Ильичъ ставилъ его высоко лѣтъ десять назадъ, а теперь никогда и не называлъ его.

И послѣ чтенія крикамъ и вызовамъ не было конца.

Когда Антонина Сергѣевна встала и обернулась лицомъ къ публикѣ, то ей вдругъ почудилось, что это тотъ Петербургъ, о которомъ она мечтала долгіе годы, что идетъ все та же полоса жизни, что ничто не мѣшаетъ ей слиться

съ этою массой, не утратившею никакихъ вѣрованій и упованій, ничѣмъ не поступившейся въ своихъ завѣтныхъ идеалахъ.

Въ антрактѣ, между двумя отдѣленіями вечера, она двинулась за толпой къ выходу. И такъ ей захотѣлось встрѣчи съ „хорошимъ человѣкомъ", искренняго разговора, захотѣлось самой излиться, слушать что-нибудь молодое и смѣлое, убѣдить себя, что не все еще погибло, что не обречена она весь конецъ жизни бродить среди „поваленныхъ гробовъ"—эти слова сейчасъ только были произнесены съ эстрады.

Въ комнатѣ рядомъ съ передней, гдѣ курили, она присѣла на одинъ изъ боковыхъ диванов.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ ее окликнули.

— Антонина Сергѣевна! Васъ ли я вижу?

Сразу она въ слабо освѣщенной комнатѣ не узнала Ихменьева и удивилась, что онъ здѣсь, въ Петербургѣ.

— Какъ я рада!—вырвалось у нея.—И вы...

Она не договорила.

Ихменьевъ помѣстился подлѣ нея, все такой же сгорбленный, съ краснымъ носикомъ, въ неизмѣнной черной парѣ, и такъ же перевилъ ноги и сталъ утюжить ладонью одно изъ колѣнъ.

— Васъ пустили?—тихо и быстро спросила она.

— На двѣ недѣли. Генералъ Варыгинъ что-то сталъ любезенъ,—говорилъ онъ нѣсколько въ носъ, что у него всегда выходило, когда онъ понижалъ тонъ. — Должно-быть, вашего тутъ меда было, Антонина Сергѣевна.

— Моего?—переспросила она и смутилась.

Передъ Ихменьевымъ ей было стыдно. Онъ имѣлъ право смотрѣть на нее, какъ на трусливую и двоедушную барыньку, тайную сообщницу теперешнихъ видовъ и посягательствъ своего супруга.

— Я такъ смекаю. А на меня вы не пеняете за то, что я больше къ вамъ не являлся? Такъ, право, лучше будетъ.

Ей надо было перемѣнить разговоръ.

— Какой вечеръ!—тихо воскликнула она.—Я такъ рада, что попала. Просто глазамъ не вѣришь.

— Миражъ, Антонина Сергѣевна, миражъ.

— Какъ миражъ?—почти съ болью въ голосѣ выговорила она.—Посмотрите на молодую публику. Эти вызовы, овацiи...

— Ни къ чему, ни къ чему!..

— Ни къ чему? — переспросила она и не стала возражать.

Сердце у ней сжалось и въ головѣ пошли опять роиться печальныя мысли.

— Развѣ это напускное? — чуть слышно спросила она подъ топотъ густой толпы, двигавшейся взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Кто говоритъ напускное!—отвѣтилъ Ихменьевъ, понижая тонъ.—Ахъ, Антонина Сергѣевна, извѣрился я въ овацiи, въ крики и вызовы! Дешевый это товаръ. Вездѣ кричатъ, всѣмъ дѣлаютъ овацiи. Завтра половина этой самой молодежи будетъ бѣсноваться и выкатывать господина Фигнера и госпожу Медею-Мей до изнеможенiя. Настоящiй-то Петербургъ вы теперь познали,—тотъ, гдѣ вашъ мужъ начинаетъ свое поступательное движенiе...

— Зачѣмъ вы это говорите?

У ней чуть не навернулись слезы.

— Зачѣмъ? Хочу помочь вамъ стряхнуть съ себя ненужныя, старомодныя иллюзiи. Съ ними вамъ придется невмоготу.

Онъ еще никогда не былъ съ нею такъ смѣлъ. Она притихла и слушала.

— Извините, что я такiя вещи задѣваю... Жалко мнѣ васъ до чрезвычайности, Антонина Сергѣевна, давно жалко... Знаете, тамъ, въ губернiи, нашъ братъ слишкомъ съ собой носится, мнительность, обидчивость въ себѣ развиваетъ и разговоры-то ведетъ все поскудно-субъективнаго характера. А въ настоящiй моментъ я про себя не думаю и не пожелаю вамъ докучать... Васъ мнѣ жалко!.. Вотъ вы попали сюда, голова закружилась, „забытыя-то слова“ зазвучали у васъ въ ушахъ, вся душа затрепетала... и вы готовы вѣрить, что возрожденiе общества таится подъ пепломъ, что оно близко? Миражъ! Это я вамъ говорю, а мнѣ выгоднѣе было бы увѣрять васъ, что вы не ошибаетесь... Изведете вы себя, и больше ничего. Вамъ борьба не по силамъ... ни съ Александромъ Ильичемъ, ни съ тѣмъ мiромъ, куда онъ окончательно вступилъ.

„Не по силамъ“,—повторила она мысленно и еще ниже опустила голову.

Толпа продолжала гудѣть около нея, но связь съ нею уже пропала... Ей стало такъ горько, что она взглянула на Ихменьева и не могла воздержаться отъ словъ:

— Зачѣмъ такъ добивать!

— Простите!.. Лучше! Мнѣ спасибо скажете. На вашемъ мѣстѣ я отводилъ бы душу однимъ путемъ...

— Какимъ?—стремительно спросила она.

— Пользоваться вашими связями и, когда можно, помочь горюну... не мнѣ,—оговорился онъ съ усмѣшкой.— Я за себѣ клянчить не буду... Есть не мало людей въ милліонъ разъ худшемъ положеніи... Я совсѣмъ на чистоту скажу... Мужу вашему передъ вами совѣстно... Онъ не будетъ злобствовать, если вы, помимо его, облегчите участь икса или игрека... Вѣдь, если я не ошибаюсь, сестра ваша за господиномъ Нитятко?

— Да.

— Чего же лучше! Вы въ какихъ съ нимъ отношеніяхъ?

— Мнѣ съ нимъ еще ловчѣе, чѣмъ съ другими. Онъ недурной человѣкъ.

— И мы о немъ такъ же наслышаны.

Переждавъ съ минуту, когда ихъ конецъ комнаты сталъ пустѣть, Ихменьевъ тутъ же разсказалъ ей цѣлую исторію, назвалъ имя „горюна“, далъ ей нѣсколько совѣтовъ, какими „подходами“ надо дѣйствовать.

— Зачѣмъ вамъ карты свои выкладывать?—говорилъ онъ, когда комната совсѣмъ уже опустѣла.—Храните свой символъ вѣры, но не отдавайтесь на съѣденіе, ведите свою линію втихомолку.

— Я и такъ замолчала!

— Пользуйтесь всѣми этими людьми и не пугайте ихъ. Въ губерніи супругъ вашъ долго не останется... Онъ летитъ выше!... И прекрасно! Сердцемъ вы никогда не очерствѣете. А у горюновъ будетъ еще одна умѣлая заступница... Однихъ чувствъ мало, Антонина Сергѣевна, надобны связи, возможность пускать въ ходъ машину...

Онъ протянулъ ей руку и пожалъ, и тотчасъ же поднялся.

— Простите! Изъ-за меня опоздали на второе отдѣленіе... Да теперь уже господа лицедѣи будутъ читать... И ихъ станутъ выкатывать! Уже не въ память о покойномъ, а за то, что позабавили!

Встала и Антонина Сергѣевна, и въ залу ее больше не тянуло... Разговоръ съ Ихменьевымъ легъ новымъ пластомъ на ея душу, но она смутно сознавала, что онъ правъ. Такъ умно и смѣло никто еще за нее вслухъ не думалъ.

XXX.

Въ каретѣ ей пришла мысль проѣхать къ сестрѣ. Она могла еще застать ее, если даже она и собралась куда-нибудь на вечеръ: раньше двѣнадцатаго часа Лидія не выѣзжала.

И мужъ ея, навѣрное, дома.

Разговоръ съ Ихменьевымъ заставилъ ее подольше остановиться мыслью на личности Виктора Павловича Нитятко и своихъ отношеніяхъ къ нему.

Онъ сухъ и, на ея взглядъ, ограниченъ, но не суетенъ, не золъ, любитъ свою жену съ затаенною страстностью сильнаго характера, считается „образцово-честнымъ“ человѣкомъ, работящъ до-нельзя. И черезъ него можно дѣлать добро.

Но только это добро надо дѣлать умѣючи, выжидать благопріятной минуты, знать, въ какомъ тонѣ говорить.

А она сознавала, что въ ней нѣтъ никакого умѣнья ладить съ такими людьми... Она жизнь свою провела въ преклоненіи передъ однимъ человѣкомъ и хранила въ душѣ трепетную вѣру въ его идеалы, сторонилась всего, что было враждебно ея символу вѣры, и теперь, наканунѣ полнаго нравственнаго банкротства, чувствовала себя безпомощной выйти изъ колеи, какъ женщина своей эпохи, какъ любящая жена и мать.

Такъ или иначе надо жить! Она не уйдетъ отъ мужа. Да и какой мотивъ, серьезный въ глазахъ всѣхъ, кто будетъ судить ея поведеніе, выставитъ она?.. То, что Александръ Ильичъ, взявшись за умъ, желаетъ попасть въ сановники и поскорѣе загладить грѣхи юности?.. Объ этомъ ей не съ кѣмъ слова сказать по душѣ: ни съ матерью, ни съ сестрой, ни даже съ кузиной, ни съ кѣмъ изъ тѣхъ, кого они будутъ принимать у себя и къ кому ѣздить. И она видитъ впередъ, что черезъ годъ, много черезъ два, мужъ ея очутится въ Петербургѣ... Почетная должность въ губернскомъ городѣ — только переходная ступень. Не будетъ ли ей здѣсь полегче? Она можетъ отказываться отъ выѣздовъ, выговорить себѣ тихій образъ жизни, быть ближе къ дѣтямъ, создать себѣ свой внутренній міръ. Въ губернскомъ городѣ они постоянно съ-глазу-на-глазъ. Тамъ она—первая дама въ городѣ.

Но и здѣсь...

Антонина Сергѣевна не могла рѣшить, гдѣ ей будетъ

хуже, гдѣ лучше. Да и томительно ей стало заниматься одною собой, своимъ душевнымъ довольствомъ. Можетъ-быть, она посмотрѣла на все слишкомъ односторонне?.. Литературный вечеръ, съ какого она ѣхала такою подавленной и унылой, далъ же ей вначалѣ совсѣмъ другое настроеніе. Его разсѣялъ разговоръ съ Ихменьевымъ...

Такъ ли все печально и безысходно? И не тотъ ли самый Ихменьевъ указалъ ей на дѣятельную роль — помогать „горюнамъ", пользоваться связями, дѣлать тихое, скрытое добро, для котораго нужна настоящая выдержка и гражданская доблесть?

Да и на мужа развѣ она не можетъ вліять, если будетъ вести себя съ тактомъ, если помирится съ тѣмъ, что уже есть?

Ей припомнился во всѣхъ подробностяхъ визитъ мужа къ ея матери, то, что и какъ говорилъ онъ князю Егору Александровичу. Вѣдь честолюбіе ея мужа, предполагая, что въ немъ дѣйствуетъ только одно честолюбіе, все-таки выше сортомъ, чѣмъ брюзжанье князя, его надменное равнодушіе къ своему отечеству!..

Этотъ разговоръ возбудилъ въ ней надежду, вызвалъ упрекъ себѣ за слишкомъ придирчивое отношеніе къ мужу. Она еще разъ устыдилась сцены, бывшей въ ея комнатѣ передъ выборами. Послѣдняя недѣля въ Петербургѣ истерзала ее... Лушкина, ея гости, тонъ и колоритъ разговоровъ, ѣдкое чувство душевнаго одиночества, дѣти, ихъ выправка, противъ которой она уже безсильна,— все это требовало отпора, воздѣйствія, активной роли, или приходилось отказаться и ей отъ своего прошлаго и обречь себя на страдательное прозябаніе, полное презрительнаго чувства къ самой себѣ...

Голова ея горѣла, когда карета остановилась у подъѣзда зданія, гдѣ мужъ Лидіи имѣлъ такую обширную казенную квартиру.

Отъ швейцара она узнала, что господа дома и собираются ѣхать на вечеръ.

Ихъ экипажъ уже дожидался у подъѣзда.

— И Викторъ Павловичъ ѣдетъ?— спросила она швейцара.

— Такъ точно.

Было уже половина двѣнадцатаго.

— Лидія Сергѣевна одѣваются,—доложилъ ей курьеръ.

— А Викторъ Павловичъ?

— Они въ кабинетѣ... Сейчасъ тоже будутъ одѣваться.

Къ Лидіи она прошла черезъ нѣсколько большихъ, захолодѣвшихъ комнатъ, съ сухою отдѣлкой, и застала ее въ спальнѣ, передъ трюмо. Горничная укалывала ей что-то на корсажѣ.

Ея пышныя плечи и бѣлая твердая шея выставлялись изъ плюшеваго лифа темно-золотистаго цвѣта. Коса лежала низко; въ волосахъ, слѣва отъ пробора, трепетно искрилась брильянтовая булавка, въ видѣ мотылька, съ длинными крыльями.

Появленію сестры Лидія не удивилась, занятая осматриваніемъ туалета и прически.

— Мы ѣдемъ,—сказала она, подставивъ ей, на секунду, свой красивый лобъ.

— Я васъ не задержу,—выговорила Антонина Сергѣевна, почти сконфуженная, и присѣла на табуретъ.—И мужъ твой ѣдетъ?

— Онъ еще за бумагами... Довольно! Можете идти,— сказала Лидія горничной и взяла на туалетѣ маленькую пуховку.

Горничная вышла.

— Ты развѣ хочешь съ нимъ говорить?... По дѣлу?

— Почему же?—почти испуганно выговорила Антонина Сергѣевна.

— Я его насилу вытащила... C'est stupide de travailler comme cela... Да. Но только Викторъ Павловичъ хоть и будетъ сановникомъ, а, все-таки, il n'a pas de charge honorifique...

Лидія немного выпятила губу.

— Ты что же этимъ хочешь сказать? — спросила ее сестра, догадываясь, куда она клонитъ.

— Ахъ, Нина, ты все въ своихъ идеяхъ... Пора ихъ бросить! Мой мужъ тоже съ какими-то scrupules, которыхъ я не признаю... Идетъ въ гору. И не добивается всего, на что онъ имѣетъ право. Ты понимаешь. On n'est pas du vrai monde, ma chère, quand on n'est pas de la maison, — и она сдѣлала жестъ. — Вотъ твой мужъ это прекрасно понимаетъ.

— Мой мужъ?

— Разумѣется... Онъ съ Викторомъ Павловичемъ говорилъ на той недѣлѣ... когда проводилъ меня. Разумѣется, Нитятко и на это не подается... Я думаю, Александру

Ильичу даже непріятно, что онъ черезъ него хотѣлъ... sonder le terrain... и высказалъ ему...

Въ ушахъ Антонины Сергѣевны зазвенѣло. Испарина выступила на лбу. Гаяринъ скрылъ отъ нея этотъ подходъ къ мужу Лидіи. Вотъ настоящая цѣль его поѣздки. Онъ разсчитываетъ вернуться домой въ мундирѣ, дающемъ ходъ „dans le vrai monde", — повторила она фразу Лидіи.

И ей стремительно захотѣлось пойти въ кабинетъ Виктора Павловича не затѣмъ, чтобы подготовить почву для просьбъ о „горюпахъ" Ихменьева, а чтобы узнать, правду ли говоритъ Лидія.

— Твой мужъ еще работаетъ?—спросила она, подавляя дрожь голоса.

— Ce serait du propre! Онъ долженъ быть готовъ. Я посылала уже сказать ему... Двѣнадцать часовъ! Va lui dire bonjour, и поторопи его... Мнѣ еще надо... Эта ужасная Паша вѣчно что-нибудь забудетъ.

Лидія позвонила и начала искать что-то на туалетномъ столикѣ.

— Да, я пойду къ нему.. Я его не задержу, — растерянно говорила Антонина Сергѣевна,—я и тебѣ мѣшать не буду... Прощай, Лидія.

— Ты не зайдешь еще.

— Зачѣмъ же?

Онѣ сухо поцѣловались. Антонина Сергѣевна торопливо вышла, но дорогѣ столкнулась съ горничной и спросила ее, какъ пройти въ кабинетъ Виктора Павловича. Горничная довела ее до площадки, гдѣ прохаживался курьеръ съ огромными черными бакенбардами.

— Его превосходительство изволятъ одѣваться. Я сейчасъ доложу.

Черезъ минуту онъ вернулся.

— Они васъ просятъ... Готовы-съ.

Въ кабинетѣ своего шурина она никогда еще не бывала.

XXXI.

— Ахъ, Антонина Сергѣевна, какъ это досадно, что вы изволили пожаловать сегодня.

Онъ быстро всталъ отъ письменнаго стола, гдѣ лежали опять два вороха бумагъ. Во фракѣ, со звѣздой, онъ смотрѣлъ представительнѣе. Его немного хмурое лицо всегда нравилось ей.

— Извините, Викторъ Павловичъ, я на минутку... Хотѣла пожать вамъ руку... Лидія что-то еще поправляетъ въ своемъ туалетѣ.

— Не угодно ли присѣсть хоть на минутку?

Вопросъ, съ которымъ она пришла къ нему, жегъ ей языкъ, но она не могла начать именно съ него, безъ всякаго подхода.

— Съ моимъ мужемъ вы уже видѣлись, — сказала она и удивилась, что у ней вопросъ этотъ вышелъ такъ непринужденно.

— Какъ же, какъ же!

Викторъ Павловичъ какъ будто усмѣхнулся,—по крайней мѣрѣ, ей такъ показалось.

— Васъ не стѣсняетъ моя папироса?—спросилъ онъ

— Нисколько!

А вопросъ продолжалъ мозжить ее.

Хитрить она рѣшительно не умѣла.

— Мнѣ Лидія что-то говорила, Викторъ Павловичъ...

У ней уже не хватало словъ... Онъ уперся въ нее глазами человѣка, только что просмотрѣвшаго нѣсколько десятковъ бумагъ.

— Ахъ, да!..

И лицо его сейчасъ же измѣнило выраженіе. Глаза стали менѣе тусклы, ротъ сложился совсѣмъ иначе.

— Насчетъ... Александра Ильича... Вамъ должна быть извѣстна... его тайная мечта.

Губами онъ сдѣлалъ мину, отъ которой ее б ило въ краску.

Это чувство она могла объяснить себѣ стыдомъ за мужа, но къ стыду присоединялось и другое: она готова была защищать мужа, выставить его передъ этимъ честнымъ и скромнымъ труженикомъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Любовь къ мужу еще не вышли итоги послѣднихъ недѣль.

— Тайная мечта?—смущенно и глухо переспросила она.

— Да, — протянулъ онъ и закурилъ папиросу. — Александра Ильича я, признаюсь, считалъ выше тѣхъ, кто гонится за побрякушками. Душевно радъ, что онъ теперь на такомъ почетномъ посту... И въ губерніи поставилъ себя чрезвычайно выгодно... Здѣсь, въ министерствѣ, на него радикально измѣнили взглядъ... и его утвержденіе прошло безъ запинки... Понимаю его желаніе—зарекомендовать себя съ наилучшей стороны и воспользоваться

предводительствомъ для дальнѣйшаго хода... Но сейчасъ добиваться того, что имѣютъ столько ничтожныхъ, пустыхъ шаркуновъ...

Онъ остановился, поднялъ голову и потише спросилъ:

— Вѣроятно, Лидія одобряетъ его? И жаловалась вамъ, что я самъ до сихъ поръ не хлопочу о томъ же?

— Да,—выговорила все такъ же глухо Антонина Сергѣевна.

— Она, небось повторяла вамъ свою любимую фразу... насчетъ того, кто „du vrai monde“ и кто нѣтъ?

— Для нея это выше всего.

— Но не для васъ, Антонина Сергѣевна. Съ лѣтами и вы, конечно, отказались отъ нѣкоторыхъ увлеченій прежними идеями вашего мужа... Но я увѣренъ, что вы выше всякой такой мелкой суеты, и при той дружбѣ, какая всегда была у васъ съ Александромъ Ильичемъ, вы бы могли воздержать его.

— Но развѣ вы, Викторъ Павловичъ,—вдругъ заговорила она, охваченная волненіемъ отъ нѣсколькихъ, боровшихся въ ней, чувствъ,— развѣ вы не считаете Александра однимъ изъ тѣхъ людей, которые идутъ на извѣстный компромиссъ не изъ личныхъ только цѣлей?.. Я отъ васъ не скрою... Въ слѣднее время... я не совсѣмъ его понимаю... Между нами нѣтъ прежней глубокой солидарности, но я не въ правѣ обвинять его... Онъ преслѣдуетъ, быть-можетъ, свою высшую идею...

Дальше она не пошла въ оправданіи его. Она чувствовала, что говорила даже не изъ желанія выгородить его, а скорѣе изъ боязни все потерять, послѣднюю надежду на то, что между ею и мужемъ есть еще хоть остатокъ прежней душевной связи.

Въ тонѣ Виктора Павловича она прочла приговоръ мужу. И ему больно за Александра Ильича,—ему, человѣку служебной карьеры, никогда не знавшему ничего, кромѣ чиновничьихъ своихъ обязанностей. Но онъ имѣетъ право уважать себя... Прошлое его вяжется съ настоящимъ... Онъ честенъ, стоитъ за законъ, строгъ къ себѣ, пользуется властью не для суетныхъ услажденій сословнаго или свѣтскаго чванства.

Будь она поближе къ этому мужу своей сестры, говори она ему „ты“, она кинулась бы къ нему на шею съ рыданіями и выплакала бы свое горе, непонятное ни Лидіи, ни ихъ матери, никому изъ тѣхъ, кого она видитъ здѣсь.

Онъ бы ее понялъ больше, чѣмъ мужъ ея, и вотъ это-то и колыхало всю ея душу. Даже онъ, кого она считала всегда сухимъ чиновникомъ, и тотъ ближе къ ней.

— Вы говорите, Антонина Сергѣевна, высшую идею?— и въ тонѣ его она заслышала искренность.—Сомнѣваюсь... Я бы желалъ для него—именно теперь—больше выдержки и настоящаго чувства достоинства. Онъ на прекрасной дорогѣ и можетъ, не прыгая особенно ни передъ кѣмъ, заставить говорить о себѣ, признать свой умъ, знанія, жизненный опытъ, характеръ. У насъ, вѣдь, страна гораздо больше демократическая, чѣмъ думаютъ обыкновенно... Поглядите... Самыя вліятельныя мѣста занимаютъ люди только себѣ обязанные, безъ громкаго родства, безъ предварительныхъ успѣховъ въ высшемъ свѣтѣ.

Онъ, говоря это, какъ бы намекалъ и на самого себя. И онъ, хотя и вышелъ изъ сословнаго училища, но совсѣмъ уже не мѣтилъ въ важные бары, носилъ смѣшноватую фамилію „Нитятко“, былъ сынъ доктора, сдѣлавшаго служебную карьеру въ Петербургѣ. И все, что онъ говорилъ, было не только умно, но и не лишено благородства.

„Стало-быть, — думала она, — можно же и на службѣ не продавать себя, а преслѣдовать идею, на обстановку своего официальнаго положенія смотрѣть какъ на необходимость, которая всегда будетъ существовать при какомъ угодно общественномъ строѣ“.

Таковъ Викторъ Павловичъ Нитятко, убѣжденный, что онъ служитъ отечеству вѣрой и правдой; онъ смотритъ на свою службу, какъ на данное жизнью средство приносить пользу... и не гадательно, не въ видѣ безплодныхъ протестовъ подъ шумокъ или газетныхъ препирательствъ, а прямо, путемъ мѣропріятій, которыя проводитъ онъ же въ видѣ докладовъ и записокъ.

Глаза ея остановились на двухъ кипахъ бумагъ. Она въ первый разъ въ жизни поглядѣла на нихъ съ почтительнымъ чувствомъ.

И тутъ же она вспомнила объ Ихменьевѣ. Отчего бы не воспользоваться минутой и не передать ему исторію, выслушанную сегодня вечеромъ? Но ее слишкомъ наполняли своя душевная тревога, собственный интересъ, вопросъ всего смысла и достоинства ея личной судьбы, гибель ея чувства къ человѣку, глазами котораго она до сихъ поръ смотрѣла на дѣйствительность.

Она ничего не разсказала Виктору Павловичу и, поспѣшно вставая, проговорила:

— Вамъ пора.

За дверью раздался голосъ Лидіи:

— Я готова!.. Victor!.. Il est grandement temps de partir!..

— И я готовъ, — отвѣтилъ онъ, чуть-чуть возвысивъ голосъ.

Въ жену свою онъ продолжалъ быть тайно влюбленнымъ и во всемъ уступалъ ей, кромѣ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей.

— Благодарю васъ... Викторъ Павловичъ.

Она крѣпко пожала его руку.

— Вы не посѣтуете на меня, я знаю...

Защищать мужа ей больше уже не хотѣлось. Она застыла въ тяжкомъ чувствѣ обиды за него и сознанія того, что все пойдетъ такъ, какъ желаетъ того самъ Александръ Ильичъ, а ея внутренній міръ обреченъ на скорое и окончательное крушеніе.

Лидія стояла въ дверяхъ, блистая своими плечами, и смотрѣла на мужа, какъ смотрятъ на дѣтей, которыхъ не слѣдуетъ брать туда, куда ѣздятъ большіе.

XXXII.

Второй часъ ночи. Опять она одна, въ своей комнатѣ, раздѣленной, какъ и тамъ, въ розовомъ предводительскомъ домѣ губернскаго города, на двѣ половины высокою драпировкой. И такъ же, какъ тамъ, въ ночь бурной сцены, она лежитъ въ фланелевомъ халатикѣ, на кровати. Вся квартира замерла. Въ передней сонный лакей ждетъ возвращенія Александра Ильича съ вечера.

Да, сомнѣваться больше нечего! Она знаетъ, съ чѣмъ онъ „подъѣзжалъ“ къ мужу сестры ея. Это неизящное слово „подъѣзжалъ“ употребила она сейчасъ, когда записывала въ дневникъ,— она ведетъ его съ прошлаго года,— итоги своего супружества. Онъ вернется изъ Петербурга готовымъ и не на такія сдѣлки.

Дальше она не станетъ ничего записывать въ толстую тетрадь съ замочкомъ, лежавшую за перегородкой, на письменномъ столикѣ, подъ лампой. Надо было провести черту и проститься со всѣмъ, чѣмъ жила она двадцать лѣтъ, съ того дня, какъ познакомилась съ опальнымъ сосѣдомъ—Александромъ Ильичемъ Гаяринымъ.

Неужели все это было *такъ*, затѣи отъ деревенской скуки, мода, дурь, въ родѣ теперешнихъ увлеченій ея кузины, княгини Мухояровой? Петербургъ въ какія-нибудь двѣ недѣли научилъ ее уму-разуму. Не въ ней одной дѣло, не въ ея душевномъ банкротствѣ. Нигдѣ ничего нѣтъ, за что она могла бы схватиться. Все уплываетъ, превращается въ безформенный туманъ.

Ей жалко самоё себя. Какъ она смѣшна и старомодна съ ея „направленіемъ“! Какое запылившееся комическое слово! Чего она возмущается? На какомъ основаніи считаетъ себя особенною женщиной, съ непоколебимымъ символомъ вѣры? Развѣ она сама его выработала, этотъ символъ вѣры?

Барышней встрѣтила она красиваго молодого человѣка, съ ореоломъ чуть не мученика. Онъ былъ для нея запретный плодъ. И до знакомства съ нимъ она почитывала книжки либеральныхъ русскихъ журналовъ тайкомъ отъ матери. Отъ него она всѣмъ заимствовалась. Она была его эхомъ, послушною ученицей, близорукою, наивно вѣрующею въ голубиную чистоту и несокрушимость его идеаловъ.

И вотъ, когда жизнь обнажила его истинную природу, она и очутилась въ пустомъ пространствѣ. Зачѣмъ вовремя не сумѣла она распознать, куда идетъ жизнь? Теперь уже поздно локти кусать. Тѣ тошные „faux-frais — *лжерасходы*“, о которыхъ она догадалась слишкомъ поздно, заполонятъ ее... Она вѣдь не убѣжитъ отъ мужа, отъ дѣтей, отъ роли предводительши, а потомъ и петербургской сановницы... Никуда не убѣжитъ...

Тихія слезы долго текли по щекамъ Антонины Сергѣевны и уже успѣли засохнуть на ея впалыхъ щекахъ. Она продолжала лежать неподвижно, въ полузабытьи, полномъ жалости къ себѣ, а подъ конецъ и къ мужу своему. Взрывъ стыда и негодующей гадливости послѣ ея визита къ мужу сестры стихъ подъ роемъ холодящихъ мыслей, послѣ того, какъ она дописала свое прощаніе съ тѣмъ, что *было*, и, разбитая, прилегла на кровать.

Онъ не устоялъ противъ жизни, противъ властолюбивыхъ инстинктовъ своей природы. Но полный ли онъ отступникъ? Отрекся ли онъ отъ послѣдняго луча той правды, которую человѣкъ съ душой можетъ хранить въ себѣ въ какомъ угодно общественномъ положеніи? Состраданіе къ темной массѣ, обиженной судьбою, велико-

душіе, вкусъ къ добру, терпимое пониманіе молодыхъ увлеченій,—развѣ все это умерло въ немъ?

Она не хотѣла произносить безповоротный приговоръ и надъ *человѣкомъ*, который могъ остаться въ честолюбцѣ.

Отъ легкаго стука въ дверь она подняла голову. Кажется, она заснула, но не больше, какъ на пять минутъ, и не сразу вспомнила, что лежитъ она еще одѣтая и что, должно-быть, очень поздно.

„Это онъ!"—смущенно и почти радостно вскричала она про себя и быстро спустила ноги съ довольно высокой кровати.

— Tu ne dors pas? Puis-je entrer?—раздался вопросъ Гаярина изъ-за пріотворенной двери.

— Oui, oui!—торопливо отвѣтила она и на ходу изъ-за перегородки поправила рукой волосы.

И то самое ѣдкое, пронзающее чувство, съ какимъ она ѣхала сегодня отъ мужа Лидіи, поднялось опять въ ней на нѣсколько секундъ.

Проходя мимо письменнаго стола, она захлопнула тетрадь дневника, оставленную открытой, и подсунула ее въ уголъ, подъ бюваръ: про ея дневникъ Александръ Ильичъ ничего не зналъ.

— Я видѣлъ въ двери свѣтъ,—продолжалъ онъ по-русски и вполголоса.

Вошелъ онъ осторожно, взялъ ее за руку, поцѣловалъ въ лобъ и сѣлъ въ широкое кресло у самой двери.

Она оставалась стоя и глядѣла на него. Въ бѣломъ галстукѣ и даже въ бѣломъ жилетѣ по старой модѣ, входящей опять въ употребленіе, онъ былъ чрезвычайно молодъ, лицо ясное и улыбка перебѣгала отъ красиваго рта, полускрытаго усами, къ глазамъ, смягчая ихъ острый, стальной блескъ.

Во всемъ его существѣ она чувствовала полное удовлетвореніе и сейчасъ же догадалась, что онъ чего-то добился,—вѣроятно, на томъ раутѣ, откуда пріѣхалъ.

— Тебя можно поздравить?—спросила она.—Ты такъ чѣмъ-то доволенъ.

Фраза могла бы выйти язвительной, но звукъ получился печальный, въ немъ слышались почти слезы.

Александръ Ильичъ протянулъ свою бѣлую руку съ тонкими, суховатыми пальцами, точно хотѣлъ остановить ее на ходу.

— Мы можемъ и не заживаться въ Петербургѣ... J'aurai tout ce qu'il me faut...

Ея вопросъ скользнулъ по нему. Онъ ничего не распозналъ ни въ голосѣ, ни въ выраженіи лица жены.

Что-то вдругъ толкнуло Антонину Сергѣевну къ мужу. Какъ бы она прижалась къ нему!

„Брось, — прошептала бы она ему, опуская голову на его плечо, со слезами душевнаго облегченія.—Брось, милый! Уѣдемъ въ деревню! Откажись отъ должности!.. Будь прежнимъ Гаяринымъ!“

Но слова эти не выходили у нея изъ горла. Она облокотилась о высокую спинку кресла и стояла надъ нимъ въ полъоборота, отведя лицо въ другую сторону.

У ней вышло совсѣмъ другое.

— Tu auras,— сказала она, нарочно по-французски, — ta charge honorifique, — Лидія повторяетъ, вѣдь, что безъ этого нельзя быть „de la maison“.

Онъ и этого точно не понялъ, улыбка блуждала по губамъ и глаза мягко блестѣли.

— Нина, — онъ продолжалъ все еще вполголоса, — я, мой другъ, не хочу утомлять тебя, поздно...

— Нѣтъ, ничего... Если ты зашелъ говорить... Я тебя слушаю.

— Слушать недостаточно... Пора и понять!

— Я боюсь,—выговорила она сдавленнымъ звукомъ, — боюсь понять тебя.

— Это иронія, Нина? Напрасно!

Голову Александръ Ильичъ поднялъ и смотрѣлъ на нее вбокъ, но не сурово.

— Напрасно!—повторилъ онъ.— Мѣсяцъ тому назадъ... тамъ... вотъ въ такую же пору, ты меня оскорбила, назвала ренегатомъ... И еще чѣмъ-то! Я не хочу возвращаться къ этому. Я забылъ... Я могъ бы уйти въ самого себя, въ законное чувство задѣтой гордости... Но я стою за бракъ, за супружескій союзъ!.. Безъ уваженія, а, стало, и безъ взаимнаго пониманія онъ немыслимъ!

Еще ниже опустила она голову, позади его спины, и не хотѣла смотрѣть на него, чтобы ничто не измѣнило ей... Вѣдь онъ пришелъ не каяться, а произнести объяснительную рѣчь. Въ немъ все теперь установлено. Назадъ ему ходу нѣтъ...

— Ты меня слушаешь, Нина?—отеческимъ тономъ спросилъ онъ.

— Слушаю!.. — прошептала она, но не повернула къ нему головы.

— Ты до сихъ поръ не можешь разстаться съ образами, созданными твоею фантазіей, твоею восторженною головой!.. Человѣкъ въ сорокъ лѣтъ и мальчикъ въ двадцать!..

„Да, это эволюція, я знаю", — думала она, и холодъ сжималъ ей сердце.

— Мы съ тобой теперь съ-глазу-на-глазъ,—скажи мнѣ: развѣ я былъ когда-нибудь злоумышленникомъ противъ всего соціальнаго строя?.. Я даже не конспирировалъ!.. Это тебѣ прекрасно извѣстно.

Она не возражала.

— Увлекался идеями извѣстнаго сорта? Да!.. Мечталъ о всемірномъ братствѣ и равенствѣ, болталъ, и за это поплатился и потерялъ нѣсколько лѣтъ въ безвкусной и безплодной жизни въ деревнѣ. На первыхъ порахъ я сознательно, а отчасти по тогдашней модѣ, братался съ народомъ, жалъ и косилъ, носилъ мужицкую рубашку, прощалъ недоимки... И опять болталъ всякій вредный вздоръ... Вредный! Я это говорю прямо, не боюсь ничьихъ обличеній! Я и сейчасъ желаю добра мужику... Я отъ него не отказываюсь... Но я отказываюсь принижать себя до него... А до меня ему далеко.

Фраза вырвалась у него гораздо сильнѣе и горячѣе, чѣмъ все предыдущее.

Но Антонина Сергѣевна притихла подъ вкрадчивые звуки его оправдательной рѣчи. Ей опять захотѣлось вѣрить ему... Почему же онъ не можетъ такъ чувствовать?.. Съ мужикомъ онъ до сихъ поръ не бездушенъ, честностью въ дѣлахъ онъ извѣстенъ во всей губерніи, не прочь принять участіе во всемъ полезномъ, что затѣвалось въ городѣ.

— Только теперь, — продолжалъ онъ, одушевляясь, и голосъ его сталъ проникать въ ея душу,—я и могу дѣйствовать съ авторитетомъ, какъ представитель цѣлаго сословія.

— Да, — чуть слышно перебила она. — Оставайся на твоемъ посту... если тебѣ нужно вліяніе, власть. Но зачѣмъ?...

Она не договорила. Александръ Ильичъ понялъ ее на полсловѣ.

— Я знаю, какой упрекъ ты мнѣ кинешь. И не ты

одна. Даже почтеннѣйшій шуринъ твой, Викторъ Павловичъ Нитятко, въ своемъ половинчатомъ чиновничьемъ фрондерствѣ! Тщеславіе! Лакейство! — кричите вы. Пора же, мой другъ, понять, что мнѣ необходимо похоронить свое прошедшее... А для этого средство одно: заставить всѣхъ молчать!

Тутъ онъ всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

— Я слишкомъ дорогою цѣной поплатился за пустѣйшіе, въ сущности, грѣхи юности. Повторяю еще разъ: злоумышленникомъ я никогда не былъ и не желаю, чтобы обо мнѣ сложилась легенда, которая вредила бы моей теперешней дорогѣ.

— Дорогѣ, — беззвучно повторила за нимъ Антонина Сергѣевна.

— Да, дорогѣ! У насъ нельзя дѣлать ни добра крупнаго, ни крупнаго зла, не занявъ извѣстнаго положенія. Это элементарно. Не служебное только положеніе. Но и въ томъ слоѣ, который не одна твоя сестра называетъ „le vrai monde“. Что мнѣ за дѣло до общественнаго мнѣнія! Гдѣ оно у насъ?.. Въ газетахъ, что ли? Имъ скажутъ: „цыцъ!“—и кончено. Власть должна быть въ рукахъ. Фактическая власть... Не для своихъ мелкихъ цѣлей,—я не корыстолюбецъ,—а для дѣла.

Глаза его получили опять стальной острый блескъ, щеки поблѣднѣли, голова откинулась назадъ. Голосъ вздрагивалъ.

Она сидѣла на ручкѣ кресла и нервно переводила дыханіе. Точно молоткомъ по головѣ били ее эти возгласы властнаго человѣка, почуявшаго, что передъ нимъ можетъ открыться широкая дорога цѣною уступокъ, безъ которыхъ нельзя быть тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ быть.

Ни возражать, ни соглашаться съ нимъ она не могла.

— Это, Нина, мое credo! Больше намъ нечего возвращаться къ нему... Рано или поздно ты поймешь своего мужа... Голова у тебя до сихъ поръ колобродитъ — вотъ бѣда! Ты все еще не рѣшаешься бросить твою безплодную игру въ какую-то оппозицію... И ты только высушишь себя... Женщина должна жить сердцемъ... Какъ будто у тебя нѣтъ самыхъ святыхъ интересовъ?... Наши дѣти?... Добро безъ фразъ и тенденціозности?... Чѣмъ твой мужъ будетъ вліятельнѣе, тѣмъ больше средствъ дѣлать такое добро.

„Дѣти,—готова она была крикнуть и уже подняла голову,—я вижу, что̀ изъ нихъ выйдетъ. Они твои, а не мои дѣти. Добро?... Какое?... Ѣздить по пріютамъ въ званіи dame-patronesse, помогать твоему ненасытному тщеславію, поддерживать связи въ высшихъ сферахъ, дѣлать визиты и присѣдать?“

Но она промолчала и опять безпомощно опустила голову.

Александръ Ильичъ взялся за боковой карманъ фрака.

— Я сохранилъ для тебѣ нумеръ газеты... и отмѣтилъ карандашомъ одно извѣстіе... Вотъ твоя область, другъ мой... Это посимпатичнѣе обветшалой игры въ оппозицію... Однако, поздно... Почивай!

Онъ приложился губами къ ея волосамъ и вышелъ изъ комнаты тихими шагами, красивый и представительный.

— Не вѣрю, не вѣрю!—говорила она шопотомъ, двигаясь машинально около письменнаго стола съ газетнымъ листкомъ въ рукахъ.

Какъ бы гладко и ловко ни оправдывалъ онъ себя, она потеряла любимаго человѣка. *Ея* Гаяринъ больше не существовалъ. Она гадливо бросила сложенный въ нѣсколько разъ листъ газеты на столъ, присѣла къ нему, взяла тетрадь дневника и раскрыла его на послѣдней исписанной страницѣ, гдѣ толстая черта виднѣлась посрединѣ. И съ минуту сидѣла, спустивъ голову въ обѣ ладони.

Потомъ правая рука ея потянулась къ газетѣ, стала развертывать и глаза искали, гдѣ отчеркнуто карандашомъ.

Это было извѣстіе въ нѣсколько строкъ, въ отдѣлѣ городскихъ происшествій, мелкимъ шрифтомъ.

Въ первый разъ Антонина Сергѣевна пробѣжала строки затуманеннымъ взглядомъ, плохо понимая. Но два слова поразили ее. „Усмотрѣна повѣсившеюся“,—перечла она и пробѣжала еще весь столбецъ. Дѣвочку, у портнихи, такъ истязала хозяйка, что она не выдержала и повѣсилась на оконной рамѣ. Дѣвочка двѣнадцати лѣтъ!..

Вотъ что хотѣлъ ея мужъ показать ей! Зачѣмъ?... Въ видѣ нравоученія?.. Обратить ее къ простому, нетенденціозному добру?

Онъ сдѣлалъ это съ умысломъ, точно въ пику ей. Но что жъ изъ этого? Развѣ это полицейское дознаніе—единственный, рѣдкій фактъ? Сотни дѣтей терпятъ ужасную долю въ этомъ пляшущемъ Петербургѣ! И кому же спасать ихъ отъ увѣчій и самоубійствъ, какъ не женщинамъ

въ ея положеніи? Какъ это отзывается прописью и какая это правда, вѣчная и глубокая, въ своей избитости.

„Высушишь себя!“ — повторяла Антонина Сергѣевна слова мужа.

Это сказалъ онъ, уже давно высохшій честолюбецъ! Но полно, не правъ ли онъ? Гдѣ ея сердце? И во что же ей теперь уйти, какъ не въ будничное добро, въ борьбу съ звѣрствомъ, грязью, нищетой и одичаніемъ?

Рука ея хотѣла было запереть тетрадь дневника, но въ ней очутилось перо, и подъ чертой она написала еще что-то. Это былъ новый итогъ жизни...

ИЗМѢННИКЪ.

(повѣсть.)

I.

Каретка, въ одну лошадь, съ шорной упряжью, въѣхала на крутой подъемъ Каменнаго моста, по скользкой мостовой. Гололедица держалась уже второй день. Кучеръ изъ финновъ, расчесанный сзади и бритый, въ темнокоричневой ливреѣ, покрѣпче собралъ вожжи въ одной лѣвой рукѣ и поддерживалъ на нихъ вороную лошадь: боялся, какъ бы она не споткнулась.

Изъ полуоткрытаго окна уныло смотрѣлъ на утреннее движеніе баринъ лѣтъ за сорокъ, въ высокой шляпѣ и пальто съ бобровымъ воротникомъ, Валерій Ивановичъ Симцовъ.

Онъ глядѣлъ въ окно изъ противоположнаго угла кареты; сидѣлъ согнувшись и на колѣняхъ держалъ толстый шоколадный плэдъ. Худощавое и продолговатое лицо носило слѣды мужской красоты: каріе глаза съ задумчивымъ выраженіемъ и большимъ разрѣзомъ вѣкъ, нѣсколько полный прямой носъ съ удлиненными ноздрями, сдавленность черепа, пышные сѣдѣющіе волосы на вискахъ и коротко подстриженная на щекахъ борода, съ пучкомъ на подбородкѣ.

Симцовъ смотрѣлъ породистымъ петербуржцемъ; въ его позѣ и опущенныхъ на плэдъ рукахъ сказывалось утомленіе; и дѣйствительно, его переполняла душевная усталость, хотя на нездоровье онъ не жаловался. Онъ старался не думать о томъ, куда ѣхалъ и какое объясненіе предстоитъ ему.

Спустились съ моста и взяли налѣво. Справа одна изъ вывѣсокъ зеленныхъ лавокъ запестрѣла своей длинной надписью. Онъ прочелъ курьезный французскій переводъ словъ: „овощи, живность и зелень“—„légumes, volaine et verdinage“,—улыбнулся и вдругъ весь выпрямился и его желтовато-блѣдныя щеки густо покраснѣли. Онъ подался впередъ, къ окну, совсѣмъ опустилъ стекло и еще разъ посмотрѣлъ на вывѣску.

„Боже мой! Неужели *тутъ* это было?“

Да, это было здѣсь, передъ этой самой смѣшной французской вывѣской зеленщика, между лавкой и набережной Екатерининскаго канала, восемь лѣтъ назадъ, въ свѣтлыя сумерки майскаго вечера...

Онъ повернулъ тогда съ моста на пролеткѣ. Ѣхалъ онъ на лихачѣ. Все было уговорено съ нянькой его Наты. Онѣ ѣхали оттуда, отъ банка. Когда ихъ пролетки встрѣтились, оба извозчика придержали лошадей, дѣвочка бросилась къ нему, ловко и стремительно перескочила, почти упала на его грудь, нянька, для отвода подозрѣнія, крикнула, лихачъ ударилъ вожжой, и они помчались по набережной, потомъ по боковой линіи, черезъ Чернышевъ переулокъ, на Фонтанку, и дальше, дальше, бѣшеной рысью.

Ната дрожала, плакала, прижималась къ отцу, обнимала его ручонками и шептала страстнымъ, прерывистымъ шопотомъ:

— Папа, папа! Дивный ты мой! Дивный! Я—твоя! Мы не разстанемся!

У него кружилась голова и духъ захватывало отъ волненія.

Какъ драгоцѣнна ему была тогда его дѣвчурка!.. Онъ, точно влюбленный, спасался съ нею отъ погони. Еще на дрожкахъ онъ поцѣловалъ ее нѣсколько разъ въ голову, въ плечо, въ ея милый полуоткрытый ротикъ... Бѣшеную ѣзду онъ и теперь какъ будто чувствуетъ, и трескъ пролетки, и мельканіе домовъ, и частые повороты изъ улицы въ улицу. Ната все прижималась къ нему, сердце ея трепетало у него подъ рукой, глаза блестѣли отъ радостныхъ слезъ. Она продолжала шептать:

— Папа!.. Дивный! Дивный!

И этотъ „дивный папа“ удалилъ ее, отослалъ въ провинцію къ кузинѣ, на воспитаніе... Да, удалилъ самъ, по

доброй волѣ. Онъ только успокаивалъ себя доводами, но и тогда самъ въ нихъ не вѣрилъ.

Развѣ мать Наты была ему тогда опасна? Онъ откупился отъ нея: она продала ему своего ребенка. Да и могла ли она начать съ нимъ процессъ, когда всѣ права были на его сторонѣ? Отъ него зависѣло доказать, какую невозможную жизнь она вела! Ея репутація была и тогда слишкомъ извѣстна. Не нужно было бы прибѣгать ни къ какимъ лжесвидѣтельствамъ; но развода онъ самъ не хотѣлъ. Ему его свобода дѣлалась страшна. Онъ боялся новаго увлеченія, за которымъ могъ послѣдовать бракъ, если бы онъ очутился разведеннымъ и съ правомъ на вторичную женитьбу.

Отъ приставаній жены, отъ ея гадостей, жалобъ, доносовъ все равно приходилось откупаться. Онъ и до сихъ поръ это дѣлаетъ! Не дальше, какъ недѣлю назадъ, онъ долженъ былъ послать ей чекъ на контору государственнаго банка, туда, въ губернскій городъ X.

Нѣтъ, онъ самъ избавилъ себя отъ дочери и такъ жестоко бывалъ наказанъ. Каждую зиму нападала на него тоска, пароксизмы острой сердечной заброшенности. Онъ утѣшался чѣмъ могъ... искалъ женской ласки, теплоты, отзывчиваго ума. Развѣ это не понятно, не допустимо, не законно наконецъ?

И на такіе вопросы теперь онъ отвѣчаетъ: нѣтъ! не законно и не допустимо!.. Понятно? Да, пожалуй... Понятно—и все-таки слабодушно, почти отвратительно.

Новая встрѣча съ женщиной, съ той, къ *кому* онъ долженъ попасть черезъ десять минутъ, вызвала это предательство передъ родной дочерью. Онъ хотѣлъ быть свободнымъ, жить опять настоящимъ холостякомъ, чтобы ничто не напоминало ему семейнаго долга, чтобы вытравить, и не изъ одного сердца, а изъ мозга, изъ памяти образъ той развратной шутихи, въ которую онъ вѣдь былъ влюбленъ, велъ ее къ алтарю, любовался ею, чувственно не охладѣлъ даже и тогда, когда она уже встала передъ нимъ во всей своей безпробудной и наивно-циничесской порочности!

Все изъ-за рокового влеченія къ тому, что старыя дѣвы изъ засидѣвшихся холостяковъ называютъ, со сладкой декламаторской дрожью: „Das ewig Weibliche“!..

Симцовъ опять отодвинулся вглубь кареты и полузакрылъ глаза. Его внезапное волненіе стихло. Но ему

вдругъ представилась зала съ покойникомъ на столѣ, среди тропическихъ растеній; клубы ладаннаго дыма ходятъ по комнатѣ. Вдоль стѣнъ и у дверей въ прихожую женскія и мужскія фигуры крестятся, поводятъ головами. Въ углу, окруженная дамами, въ траурѣ съ плерезами, та женщина, которая ждетъ отъ него объясненія именно сегодня.

— Карлъ!—окликнулъ Симцовъ въ переднее окно съ опущеннымъ стекломъ.

Вслѣдъ затѣмъ нажалъ онъ воздушную гуттаперчевую грушу. Раздался звонокъ.

Кучеръ-финнъ придержалъ лошадь.

— Заѣзжайте сначала въ Общество!

Онъ не хотѣлъ заставать панихиды. Хоть на полчаса оттянуть ту минуту, когда ему надо будетъ сказать свое слово. Она ждетъ.

Карета повернула влѣво, переулкомъ выѣхала опять на Екатерининскій каналъ, черезъ нѣсколько минутъ была на Невскомъ и взяла вверхъ, къ Адмиралтейству.

Въ директорской комнатѣ онъ не засталъ никого, и дѣлопроизводитель еще не приходилъ. Онъ сѣлъ за свое бюро, взялъ пачку листовъ, приготовленную для подписи, и задумчиво сталъ смотрѣть въ другую сторону, въ полузатворенную дверь. Отсюда ему видна была канцелярія, съ ея перилами, перегородками и конторками.

Какъ ему пріѣлась эта обстановка страхового общества!.. Но сегодня онъ смотрѣлъ на нее, какъ на что-то свое, спокойное, отводящее его отъ тревоги и недовольства. Ему виднѣлась широкая спина главнаго контролера, сидѣвшаго на проходѣ, у столика. Онъ что-то чертилъ. И курчавые волосы коротенькаго нѣмчика-бухгалтера въ очкахъ, съ круглой маленькой головой, торчавшей изъ-за гроссъ-буха. За прозрачной ясеневой перегородкой, въ кассовой будкѣ, двигалась кассирша, маленькая и пухлая дѣвушка, съ двумя модными гребенками, вколотыми въ высокій шиньонъ, завернутый кренделькомъ; а дальше, на лѣвой стѣнѣ, пестрѣютъ десятки бляхъ всевозможныхъ страховыхъ обществъ, русскихъ и заграничныхъ. Это украшеніе придумалъ одинъ изъ директоровъ. Симцову оно долго не нравилось, оскорбляло его вкусъ, но и эта металлическая пестрота сегодня занимала его, о чемъ-то говорила ему, о дѣятельной жизни, о тѣхъ безчисленныхъ интересахъ, которые завязаны въ эмблемы стра-

хованія всего: имущества отъ огня, пожизненныхъ доходовъ, капиталовъ, посмертныхъ премій... И весь міръ, всѣ пять частей свѣта покрыты этими самыми бляхами...

Дальше блестѣлъ телефонный аппаратъ. Вотъ главный контролеръ встаетъ, кладетъ карандашъ на большой листъ бумаги, входитъ за перегородку и садится къ телефону. Симцову слышно оттуда, какъ тотъ переговаривается сначала по-русски: „Возобновить?“—„Хорошо!“—„На два мѣсяца?“—„Wie gross ist die Summe?“ „Zwanzig Tausend?“ „Sehr gut“.

Текущими дѣлами заниматься не стоитъ начинать.

Симцовъ разсѣянно просмотрѣлъ двѣ-три бумаги. Онъ ничего не понималъ, что читалъ. Глаза его остановились опять, черезъ широкую арку, на конторкѣ и головѣ другого служащаго. Это былъ пожилой, сѣдѣющій брюнетъ. Онъ завѣдывалъ страхованіемъ жизни. Въ эту минуту онъ поднялъ голову, заложилъ за ухо перо и оглянулся на свѣтъ, скудно вливавшійся съ улицы.

„И Павелъ былъ застрахованъ“,—выговорилъ про себя Симцовъ.

Да, покойный мужъ той женщины, къ кому онъ медлитъ и теперь ѣхать, застраховалъ свою жизнь лѣтъ пять тому назадъ. Про это онъ сообщилъ ему же первому, какъ своему пріятелю, совѣтовался съ нимъ. Не трудно было Симцову, какъ директору общества, доставить ему выгодную страховку. Да и рискъ былъ весьма отдаленный. Котомлинъ явился на осмотръ такимъ могучимъ здоровякомъ, приземистымъ, плечистымъ, безъ всякихъ изъяновъ. Любая компанія сдѣлала бы ему льготы. А черезъ годъ схватилъ воспаленіе почекъ, сталъ хирѣть, нажилъ „Брайтову болѣзнь“; начали его посылать съ однѣхъ водъ на другія, каждая зима снова укладывала его въ постель, и вотъ онъ на столѣ, въ глазетовомъ гробу, и въ эту минуту надъ нимъ служатъ панихиду. Замолкъ навсегда онъ—такой шумный; крикунъ, спорщикъ, влюбленный въ свой умъ и смѣтку; тщеславный больше всего въ томъ, что его никто, никогда и ни въ чемъ не проведетъ.

„Никто не проведетъ!“—съ усмѣшкой и съ холодящимъ ощущеніемъ тайнаго стыда подумалъ Симцовъ. А они съ женой такъ долго и безнаказанно его проводили.

Покойный сообщилъ и женѣ, что она, по его завѣщанію, получитъ двѣ трети его страховой преміи. Осталь-

ную часть онъ оставлялъ на нѣсколько стипендій. Разумѣется, своего друга выбралъ онъ и душеприказчикомъ.

„Такъ всегда бываетъ“, — прибавилъ Симцовъ, и холодящее ощущеніе, тамъ гдѣ-то, въ глубинѣ груди, не проходило.

И *она* у него, послѣ похоронъ, а можетъ и сегодня, спроситъ: какъ велика та доля страховой преміи, которая пойдетъ ей.

Онъ не имѣетъ права не отвѣтить ей, какъ ни гадко ему будетъ останавливаться на этихъ деталяхъ.

Симцовъ позвонилъ. Въ дверяхъ показался служитель.

— Попросите ко мнѣ на минутку Ардальона Степановича.

Это былъ тотъ сѣдѣющій брюнетъ съ большой бородой, что поворачивалъ голову къ окну.

— Что угодно?—тихо и мягкимъ баритономъ спросилъ контористъ.

— Пожалуйста, Ардальонъ Степановичъ, наведите мнѣ справку: какъ велика страховая премія Котомлина?

— Котомлина? — переспросилъ контористъ. — У насъ ихъ не одинъ на эту фамилію.

— Павелъ Гавриловичъ. Отставной инженеръ, статскій совѣтникъ.

— Слушаю-съ.

— И сдѣлайте мнѣ выписку.

Контористъ ушелъ. Симцовъ откинулся на спинку своего дубоваго кресла, съ углубленіемъ для спины, и полузакрылъ глаза.

Эта страховая премія, совершенно неожиданно выскочившая въ его мозгу, еще ярче представила ему тотъ далекій кабинетъ, гдѣ ему предстоитъ объясненіе.

Готовъ ли онъ къ нему? Неужели онъ опять отдастъ свою судьбу въ руки женщины?

Но какъ же иначе!..

Вѣки его раскрылись. Онъ началъ нервно вздрагивать правой щекой. Этотъ тикъ у него всегда при душевной тревогѣ.

Какъ же иначе, когда каждый „порядочный“ человѣкъ долженъ такъ поступить? Жилъ съ женщиной тайно, при мужѣ, своемъ пріятелѣ, видѣлъ въ ней всегда преданную, ловкую, покладливую возлюбленную, страдалъ только отъ того, что обманывалъ своего товарища дѣтства, человѣка, который дѣйствительно былъ къ нему привязанъ. Быть-

можетъ, только его и любилъ, кромѣ своей жены. И вдругъ—смерть „дарующая“,—онъ такъ мысленно и выговорилъ,—дарующая имъ обоимъ свободу. Кто же мѣшаетъ, по прошествіи приличнаго срока, вступить въ бракъ? Она, конечно, не станетъ приставать къ нему грубо, но чувствуетъ онъ, что именно сегодня, наканунѣ выноса „тѣла“, она своими намеками подведетъ его къ рѣшительному заявленію.

Въ первые два дня неприличны были бы такія изліянія, но сегодня... Часъ наступилъ. Развѣ она можетъ не намекнуть на то, что мужъ, прощаясь съ ними обоими, прошепталъ тихо, но внятно:

— Валерій... поручаю Полю. Вы еще молоды...

Что же это было, какъ не приглашеніе сдѣлаться ея мужемъ?

Въ правой щекѣ Симцова продолжалось подергиваніе.

Контористъ принесъ выписку.

Симцовъ поблагодарилъ его и минутъ пять смотрѣлъ на сумму.

„Шестьдесятъ тысячъ! Двѣ трети ей—сорокъ тысячъ!..“

Но ему эти добавочныя сорокъ тысячъ были только лишній поводъ къ брезгливому чувству.

Онъ сложилъ жестковатый листокъ бумаги, сунулъ его въ карманъ, шумно отодвинулъ кресло и, съ общимъ поклономъ, ни на кого не глядя, прошелъ канцеляріей.

II.

Они остались вдвоемъ, въ угловой—родъ ея кабинета, обтянутаго поблеклой матеріей цвѣта китайской розы.

Прасковья Семеновна сѣла у столика, и ея взглядъ прохаживался сначала вдоль амфилады комнатъ, вплоть до залы, откуда доходилъ запахъ ладана, восковыхъ свѣчъ, хлорной извести... Выносъ тѣла — завтра утромъ. Отъ него идетъ уже духъ, смѣшивающійся съ остальными испареніями залы.

Въ строгомъ траурѣ, съ высокимъ креповымъ барокомъ вокругъ шеи, Прасковья Семеновна помолодѣла и похудѣла въ лицѣ; это ее красило чрезвычайно. Она начинала сильно полнѣть, особенно щеки и двойной подбородокъ огорчали ее самоё. Теперь все это сравнялось. И цвѣтъ кожи сдѣлался ровнымъ, съ чуть замѣтнымъ румянцемъ. Большіе, ласковые, сѣрые глаза смотрятъ ясно. Вѣки слегка только покраснѣли отъ слезъ за панихидами.

Прасковья Семеновна не позволяла себѣ никакихъ истерикъ, столбняковъ, криковъ. Она отстаивала службу тихо, прилично; слезы показывались на ея длинныхъ рѣсницахъ кстати. И на колѣни становилась она беззвучно, держалась прямо, подымала и опускала голову безъ всякаго лишняго нервничанья.

Симцовъ взглянулъ на нее—онъ сидѣлъ по ту сторону столика, на кушеткѣ. Профиль Котомлиной отчетливо выдѣлялся на фонѣ розоватой стѣны. Никто бы ей не далъ больше двадцати восьми лѣтъ. Онъ зналъ, что ей пошелъ тридцать второй.

Имъ обоимъ было не по себѣ, но они отлично хоронили эту неловкость. Она о чемъ-то постороннемъ только что поговорила съ нимъ. Никакого намека и никакихъ чувствительныхъ возвратовъ къ прошлому; еще менѣе упрековъ себѣ, самоосужденій заднимъ числомъ. Ничего!

Это его сначала поуспокоило, а потомъ стало колоть.

Ясно—она ждетъ... Или, быть-можетъ, рѣшила про себя: не слѣдуетъ самой задѣвать того, что онъ „обязанъ“ самъ помнить. И не только три дня, недѣлю, двѣ недѣли, а и мѣсяцъ, два мѣсяца она ничего не скажетъ ему, будетъ такъ же нѣжна, весела, когда покойника зароютъ на Волковомъ, не требовательна, нарядна и чистоплотна.

„Да, покладливая особа“,—думалъ Симцовъ, и сквозь эти мысли пронизывала его тревога о томъ, чѣмъ же онъ ее теперь станетъ занимать, если дѣло сегодня не дойдетъ до объясненія?

Но вѣдь она сама можетъ говорить за троихъ, все тѣмъ же неизмѣнно пріятнымъ тономъ, свѣтлымъ и низковатымъ голосомъ и чрезвычайно старательнымъ и хорошимъ языкомъ.

Вспомнились ему, вотъ сейчасъ, выходки юмора ея покойнаго мужа, какъ тотъ, бывало, балагуритъ со своимъ „первымъ другомъ“.

— Поля—очень удобная жена, придираться нечего... Но потѣха, когда она, въ гостиной, разговариваетъ съ посторонними, а то такъ и со мной, если я ей дамъ разойтись у себя въ кабинетѣ. Видѣлъ ты, Валерій, какъ умненькія дѣвочки, лѣтъ шести, играютъ въ визиты? Посадитъ такая дѣвочка двухъ дамъ на диванъ и начинаетъ за нихъ діалогъ... И все такъ, какъ у большихъ, самыми отборными фразами. И все—въ сурьезъ... Или представляетъ, какъ барыня пріѣхала въ лавку и спра-

шиваетъ: „Какая цѣна?“—„Пятьдесятъ рублей“.—„Ахъ, это слишкомъ дорого,—возьмите сто“.—Такъ и моя Поля.

Котомлинъ, въ своемъ мужскомъ самомнѣніи, считалъ ее именно такой дѣвочкой, играющей въ куклы, а всегда ходилъ по ея указкѣ, не замѣчая того; и умиралъ онъ: гнѣвный, раздражительный, ругатель, скептикъ и даже циникъ—съ кроткимъ чувствомъ къ ней, признательный, умиротворенный.

„Однако, надо же сдѣлать какую-нибудь диверсію“,—перебилъ Симцовъ свои мысли.

Молчаніе черезчуръ затянулось.

— Мой другъ,—раздался голосъ Прасковьи Семеновны,—вы,—они были на „ты“ только у него на квартирѣ,—не поѣдете больше въ ваше Общество?

Слово „Общество“ напомнило ему справку, только что наведенную о страховой преміи.

Онъ всталъ, досталъ листокъ изъ кармана и, молча, подалъ его Котомлиной.

— Что это?

Она приласкала его глазами и протянула полную, бѣлую руку.

— Выписка о страховой преміи.

— Еще успѣется.

— Но слѣдуетъ сдѣлать заявленіе. Вы мнѣ поручите эти формальности, какъ душеприказчику.

Прасковья Семеновна грустно усмѣхнулась, но все-таки спросила:

— Развѣ сумма большая?

— Вамъ идутъ двѣ трети; кажется, сорокъ тысячъ.

— Ну, и слава Богу!—она облегчила себя вздохомъ,—и прекрасно, что это не полмилліона, и даже не сто тысячъ. Меньше будетъ злыхъ толковъ и обвиненій.

И опять взглядъ, ласковый и значительный, далъ ему почувствовать, что она во всемъ полагается на него и ничего не требуетъ; знаетъ, что никто ее не обидитъ—всего менѣе онъ, „ея Валерій“, бывшій всегда такимъ рыцаремъ и джентльменомъ.

Деньги у ней будутъ. Состояніе есть и у нея, свое собственное—цѣлый домъ. Оставлено довольно и мужемъ, кромѣ страховой преміи, въ видѣ родового имѣнія, въ пожизненное пользованіе, и дачи въ полную собственность, и процентныхъ бумагъ. И ея Валерій, хоть и не богачъ, но человѣкъ съ отличнымъ заработкомъ. Онъ ей гово-

рилъ не разъ, что своихъ двадцати тысячъ не проживаетъ, хоть дочь и жена стоятъ ему каждый годъ не одну тысячу.

Все это прошлось въ хорошо устроенной и красивой головѣ Прасковьи Семеновны, причесанной къ лицу, съ мелкими кудельками, плотно прилегавшими ко лбу и вискамъ, и съ завитыми волосками на ея бѣломъ затылкѣ, гдѣ, у праваго уха, замѣтно нѣжилось родимое пятнышко.

Жена его?.. Вотъ о комъ имъ придется говорить прежде всего... Она ему въ этомъ поможетъ... Если, кстати—и сегодня можно будетъ коснуться этого предмета, и, разумѣется, безъ всякихъ слезъ, возгласовъ, легко, съ улыбкой пониманія, какъ испытанный другъ!

Такою она всегда была... Они сошлись незамѣтно... Когда-то его влекло къ ней сильно. То было, всего болѣе, чувственное влеченіе; такъ онъ теперь объясняетъ его. Не одно чувственное... Къ ней притягивала и грація. Лѣтъ пять тому назадъ, когда они впервые бросились другъ другу въ объятія, она была въ полномъ цвѣту. И все въ ней успокаивало и ласкало его, уже издерганнаго и неудачной женитьбой, и борьбой изъ-за дочери, и другими сближеніями съ женщинами... Она не рисовалась, не плакала, не выставляла себя жертвой — щадила его пріятельское чувство къ мужу, когда стала показывать ему, что на немъ остановился ея выборъ. Мужъ относился къ ней какъ самодовольный, властный мужчина, долго считалъ ее малолѣткомъ, хотя и подчинялся ей, незамѣтно для самого себя; но любилъ ее только, какъ красивую и пышную „бабу“—такъ онъ звалъ всѣхъ женщинъ.

Прасковья Семеновна шла за него очень молодой, петербургской дѣвушкой, безъ всякаго колебанія, потому что онъ считался хорошимъ, умнымъ человѣкомъ и выгоднымъ женихомъ. Она мирилась и съ тѣмъ, что его наружность считали всѣ очень некрасивой и даже смѣшной.

А когда пришла пора любить, она полюбила и привлекла къ себѣ мужнина пріятеля, сдѣлала это такъ „благородно“, по ея понятіямъ, что и его совѣсть успокоила не больше, какъ въ два свиданія.

— Чѣмъ же вамъ волноваться, другъ мой? — говорила она ему своимъ металлическимъ голосомъ.—Я васъ полюбила—я и должна нести вину.

Когда на него находили вновь припадки встревоженной совѣсти, она и не думала вторить ему.

— Ты только разсуди, — говорила Прасковья Семеновна. — Я не могла остаться вѣрна мужу... Рано или поздно, я полюбила бы и отдалась бы другому. Развѣ я нахожу въ немъ отголосокъ на все, что во мнѣ есть лучшаго, на то, что и тебѣ нравится, Валерій?.. Другая бы на моемъ мѣстѣ просто ушла...

— И это было бы честнѣе!..—сказалъ онъ ей тогда же.

— Можетъ-быть! — возражала она, нисколько не смущаясь.—Какъ на чей взглядъ! А я говорю:—нѣтъ! Мужъ, по-своему, ко мнѣ очень привязанъ и привыкъ. Для него это былъ бы большой ударъ... особенно при теперешней его болѣзненности. Нѣсколько лѣтъ жизни я у него отняла бы такимъ поступкомъ. Вы съ нимъ стали бы врагами... Ты считалъ бы себя обязаннымъ жениться на мнѣ; ты не свободенъ, твоя жена откупилась бы только страшно-дорогой цѣной, а то и совсѣмъ бы не отпустила тебя...

И онъ начиналъ соглашаться съ ея доводами. Весь тогдашній разговоръ припомнился ему теперь, даже переливы ея болѣе молодого тогда голоса звучали у него въ ушахъ...

— Да я и не хочу никакихъ жертвъ отъ тебя. Я не спекуляцію дѣлала, а просто стала твоей... Ревновать къ мужу ты меня не будешь, Валерій!..

И она вѣрно угадала. Какъ онъ ни допытывался у себя, возмущаетъ ли его то, что любимая женщина, хотя бы и законно, но все-таки принадлежитъ другому,—онъ не настолько страдалъ отъ этого, чтобы такое чувство повело къ разрыву съ ней или съ его пріятелемъ... Онъ зналъ, что Прасковья Семеновна только терпитъ своего мужа. Къ тому же нездоровье его все возрастало... Онъ дѣлался равнодушнѣе къ ней, какъ къ женщинѣ. Ему нуженъ былъ уходъ за нимъ, домашній комфортъ, улыбка ловкой и тактичной жены, отъ которой всегда шелъ воздухъ здоровья, свѣжести, тонкихъ духовъ,—изящной подруги, прекрасно одѣтой и причесанной, сдѣлавшейся вдобавокъ до крайности выносливой и нетребовательной...

А съ нимъ, съ Симцовымъ, Прасковья Семеновна, чѣмъ сильнѣе закрѣплялась ихъ связь, тѣмъ все становилась пріятнѣе въ дружбѣ. Она полюбила чисто-пріятельскія бесѣды съ нимъ о его самыхъ сокровенныхъ испытаніяхъ,

узнала все про жену, про дочь, про его порыванія къ ласкѣ женщины, про жертвы, какія онъ имъ приносилъ, и обиды, еще не зажившія въ его сердцѣ...

Она не хитрила, не клеветала на своихъ бывшихъ соперницъ, не ревновала его ни къ прошедшему, ни къ будущему, которое вставало въ видѣ его дочери — уже взрослой дѣвушки... Она умѣла залѣчивать его раны, какъ никто до нея; находила какое-то особенное удовольствіе въ разговорахъ о его любовномъ прошломъ—и всегда во всемъ становилась на его сторону, безъ лести, безъ слащавости, безъ излишняго преклоненія передъ его личностью, что́ ему было бы противно.

— Тебя никто не понималъ,—десятки разъ твердила она,—никто, мой бѣдный Валерій... Участь всѣхъ благородныхъ людей, съ твоимъ роковымъ влеченіемъ къ женщинѣ!..

И она не прямо, но довольно прозрачно давала ему понять, что встрѣча съ ней—для него чистое благодѣяніе... Остаться въ душевномъ одиночествѣ онъ не въ силахъ... Опять налетѣлъ бы онъ на какую-нибудь негодницу или пустую бабенку, или истеричку, и нѣсколько лѣтъ жизни убилъ бы на тяжелыя, нелѣпыя связи... Сама судьба послала ему ее, Прасковью Семеновну... Съ ней онъ ни разу не поссорится...

Симцовъ долженъ былъ сознаться, что за цѣлыя пять лѣтъ между ними не всплыло даже никакой мелкой размолвки и ни разу также его связь съ этой женщиной не подала повода къ чему-нибудь, не то что ужъ непріятному, а хоть немножко неловкому въ его дружескихъ сношеніяхъ съ мужемъ.

Все это прошлось по его душѣ... Но отъ всего этого Симцовъ не сдѣлался ближе къ своей любовницѣ...

Ему захотѣлось, чтобы она сейчасъ сказала что-нибудь такое, на что́ онъ отвѣтилъ бы рѣшительно...

Но Прасковьѣ Семеновнѣ ничего не нужно было рѣшительно...

— Мой другъ,—заговорила она послѣ паузы, которая прошла для него въ возвратѣ къ ихъ прошедшему,—вамъ нѣтъ надобности оставаться у насъ... сегодня.

Она подошла къ нему и положила свою бѣлую руку съ ямочками на его правое плечо.

Онъ чуть замѣтно вздрогнулъ.

Въ эту минуту изъ залы донеслось чтеніе псаломщика,

и ему показалось, что онъ распозналъ запахъ покойника. Ему стало почти физически тошно. А отъ Прасковьи Семеновны пахло его любимыми духами—„испанской кожей“...

Смѣсь физическихъ ощущеній съ нравственнымъ брезгливымъ чувствомъ вызвала въ немъ почти невыносимо-тягостное настроеніе...

И его Прасковья Семеновна поняла по-своему... Но она не могла понять, что самое прикосновеніе ея руки было для него, въ эту минуту, непріятнымъ.

„Вотъ такъ и будетъ до смерти, — быстро началъ думать онъ,—отъ нея не уйдешь. И все такъ же будетъ мягко, удобно... Если захочетъ меня обмануть и взять офицера или тенора, сдѣлаетъ это такъ, что я ни въ жизнь не догадаюсь“...

А рвануть онъ не имѣлъ силъ... Да и какой найти поводъ?..

Придраться къ тому, что въ залѣ, на столѣ, въ глазетовомъ гробу лежитъ тѣло того, кто былъ, при жизни, жертвой ихъ обмана?.. Но вѣдь это покажется подогрѣтымъ повтореніемъ тѣхъ вспышекъ совѣсти, которыя давнымъ-давно замерли въ немъ.

Она въ правѣ будетъ сказать ему прямо въ глаза, какъ она ни сдержанна, что онъ воспользовался „трупомъ“ ея мужа только затѣмъ, чтобы убѣжать отъ нея... Вѣдь она ничего отъ него не требуетъ и ни къ какой неприличной сценѣ нѣжности его не призываетъ, тутъ — въ угловой, въ двѣнадцати аршинахъ отъ гроба?..

Безпомощность и малодушіе овладѣвали Симцовымъ.

— Вы разстроены, Валерій!.. — потише сказала она и чуть слышно прикоснулась своими тонкими пальцами къ его сѣдѣющимъ кудрямъ.—Не ѣздите вы опять въ Общество... Дайте себѣ отдыхъ... До завтра посидите у себя... И мнѣ одиночество будетъ полезно.

„Все тебѣ—полезно“,—почти со злостью подумалъ онъ, и тутъ же взялъ ея руку, поцѣловалъ притворно-горячо, желая этимъ жестомъ скрыть свое настоящее чувство.

Она подвела его къ дверкѣ и выпустила въ коридоръ, чтобы избавить отъ необходимости идти мимо покойника.

III.

Въ своей холостой квартирѣ, на Надеждинской, гдѣ онъ такъ хорошо—и даже роскошно—устроился, Симцовъ бродилъ изъ комнаты въ комнату.

Сумерки давно надвинулись; онъ не зажигалъ свѣчъ и

не звонилъ человѣку, чтобы засвѣтилъ лампу. Его огромный кабинетъ со скульптурнымъ потолкомъ и рѣзными шкапами, поднимавшимися почти до потолка, ушелъ въ полутьму. Здѣсь и тамъ блѣднѣли бюсты, мраморныя женскія головки, золото переплетовъ тянулось блестящими рядами.

Онъ подошелъ къ одному изъ шкаповъ. На средней полкѣ—онѣ стояли открытыми, безъ стеколъ—началъ онъ разглядывать заглавія, прищуривая слегка глаза.

„Бокль, Исторія цивилизаціи"...—прочелъ онъ вслухъ, и голосъ его упалъ.

Эта книга—въ одномъ изъ русскихъ переводовъ—всколыхнула въ немъ, еще сильнѣе, горькое чувство, заставившее его, передъ тѣмъ, бродить по своей квартирѣ. Давно ли это было, когда „Бокль" служилъ ему лозунгомъ. Прошло уже четверть вѣка. И не одинъ Бокль!.. Симцовъ тогда готовилъ себя въ серьезные ученые или, по меньшей мѣрѣ, въ публицисты съ солидной подготовкой.

Магистерскій экзаменъ былъ рѣшенъ. Цѣлый годъ честной работы. Диссертація уже выяснилась... На нее онъ назначалъ еще годъ...

Гдѣ это все?.. Кто онъ теперь? Петербуржецъ изъ директоровъ страхового общества, старѣющій бонвиванъ, Валерій Ивановичъ Симцовъ, „добрѣйшій малый", по выраженію сотенъ его знакомыхъ,—„простофиля и баричъ", по оцѣнкѣ многихъ настоящихъ дѣльцовъ, человѣкъ, который довольствуется двумя окладами по десяти тысячъ, когда, при своихъ связяхъ, могъ бы быть уже въ милліонныхъ дѣлахъ.

Да, вотъ онъ что! И привели его къ такому положенію женщины. Никто больше.

Еще никогда этотъ жизненный итогъ не вставалъ предъ нимъ такъ строго и съ такой побѣдной ясностью... За научной работой пошли страсти... Или, лучше, одно влеченіе... Оно привело сначала къ браку, а потомъ жизнь повернулась своей затягивающей стороной. Надо было брать то, что текло навстрѣчу. И вотъ онъ —дѣлецъ поневолѣ, сначала брезгливый и недоумѣвающій...

Печальная женитьба затянула въ цѣлый рядъ сдѣлокъ, дала самые жестокіе удары, разбила всякую возможность домашняго „очага", превратила чувство къ своему ребенку въ какую-то запретную страсть, повела къ недугу

одиночества. Тоска по женщинѣ все разрасталась. Сколько было сдѣлано усилій стряхнуть съ себя этотъ недугъ... Ничто не помогло!..

Въ сосѣдней комнатѣ, гостиной, раздались осторожные шаги человѣка. Онъ внесъ лампу и поставилъ ее на бронзовый консоль.

— Если кто придетъ—прикажете принимать?—спросилъ камердинеръ въ дверь.

— Нѣтъ, никого! — порывисто отвѣтилъ Симцовъ, и тотчасъ же поправился:—Артемія Андреевича—примите.

— Слушаю; а въ кабинетѣ зажечь лампу?

— Не надо.

Шаги камердинера стихли. Симцовъ перешелъ изъ кабинета въ гостиную, заставленную мебелью, и оглядѣлъ ее, стоя въ портьерѣ.

И ему представилось нѣсколько женскихъ фигуръ изъ разныхъ годовъ его одинокой жизни. Ната, дѣвочкой-подросткомъ, передъ отправленіемъ ея на югъ, рѣзвилась по этой гостиной. Сюда же приходили и другія женщины, до его связи съ Котомлиной.

Симцовъ отвернулся, почти со стыдливымъ жестомъ, къ двери и попалъ въ надвинувшуюся темноту кабинета.

Но и здѣсь, и въ высокой и просторной комнатѣ—женскіе образы преслѣдовали его.

Книги стояли рядами въ роскошныхъ переплетахъ, но онъ все рѣже и рѣже въ нихъ заглядывалъ. Когда читалъ, то больше вслухъ, романъ или интересную статью, и всегда какой-нибудь женщинѣ. Вонъ матовый блескъ идетъ отъ низкой бронзовой лампы, около диванчика... Подъ него садился онъ и читалъ той, кто помѣщалась съ нимъ тутъ же, или въ углу, у окна — любимое мѣсто его пріятеля, поэта и юрисконсульта, Артемія Андреевича Алексѣева. Про него сейчасъ спрашивалъ Егоръ, камердинеръ.

Симцовъ прозвалъ его Люціемъ, когда перечитывалъ поэму Майкова. И съ тѣхъ поръ это прозвище привилось въ кругу ихъ общихъ знакомыхъ. Онъ — худой, черноглазый, съ южнымъ типомъ, не то сербскимъ, не то итальянскимъ, съ живописными усами и высоко поднятымъ клокомъ волосъ надъ лбомъ, бѣлымъ и задумчивымъ.

Раздался звонокъ. Симцовъ радостно подумалъ:

„Это Люцій!“

Его-то ему и нужно было теперь, чтобы сейчасъ же излиться. Люцій еще никогда не слыхалъ отъ него такихъ рѣчей, какія накипѣли въ немъ.

— Здравствуйте, душа моя! — заслышался въ дверяхъ грудной голосъ, съ легкимъ налетомъ притупленнаго звука.

Они были на „вы“, но ихъ дружба, въ послѣдній годъ, какъ-то сама собою, вступила въ новую фазу, теплой нѣжности.

— Только не о дѣлахъ!— почти крикнулъ Симцовъ.

Артемій Андреевичъ служилъ юрисконсультомъ и въ его Обществѣ.

— Боже избави!—откликнулся Алексѣевъ.

Онъ въ полутемнотѣ подошелъ къ пріятелю и потрепалъ его по плечу. Симцовъ зажегъ на столѣ двѣ свѣчи подъ абажуромъ.

Люцій ходилъ по кабинету тихими, короткими шагами, немного подгибалъ ноги въ колѣняхъ и смотрѣлъ вкось на Симцова.

На его красивой, бритой и худощавой щекѣ усъ лежалъ густой полосою.

По выраженію его глазъ, Симцовъ догадался, что у него опять мигрень.

— Голова болитъ?—нѣжно спросилъ онъ пріятеля.

— Болитъ...

— Но вѣдь это несносно, Люцій!.. Такія постоянныя страданія... Неужели нѣтъ средствъ?

— Еще не придумано, Сима,—нѣвуче отвѣтилъ Люцій.

— Сигара моя не безпокоитъ васъ?

— Нѣтъ...

— Не можетъ быть, чтобы не было средствъ!

— Это наслѣдственный недугъ... Мнѣ заѣзжій консультантъ изъ Парижа говорилъ. Помните, что пріѣзжалъ лѣчить Носова отъ тифа и не вылѣчилъ. Оглядѣлъ меня генеральскимъ взглядомъ, разспросилъ о родителяхъ, и когда узналъ, что отецъ страдалъ подагрой, потрепалъ меня по плечу и сказалъ: „Cher monsieur, c'est la goutte métamorphosée... C'est héréditaire!“

— Какой вздоръ! То подагра, а то мигрень!

— А выходитъ, что такъ. Я повѣрилъ... Лучше мучиться съ вѣрой, чѣмъ безъ вѣры.

И онъ тихо разсмѣялся.

— Солнца вамъ надо, тепла...

— Охъ, это предразсудокъ!

— Солнце-то предразсудокъ?

Симцовъ разсмѣялся. Голосъ и тонъ Люція щекотали его пріятно. Онъ не могъ съ нимъ спорить или подозрѣвать его въ рисовкѣ. Люцій говорилъ всегда искренно, даже и все то, что Симцовъ называлъ парадоксами.

— Ахъ, Сима! Солнце, солнце!.. Не могу я его выносить въ большомъ количествѣ... Ну, жилъ я на югѣ, въ Біаррицѣ, въ С.-Себастьянъ ѣздилъ и въ Пиринеяхъ пилъ воды... Лежишь у себя въ номерѣ, на постели, цѣлый день... Жара! Томленіе! обливаешься весь!.. Богъ съ нимъ, съ солнцемъ!...

— Да вѣдь вы—поэтъ?

— Не знаю,—отвѣчалъ Люцій и вздохнулъ.

Симцовъ опять разсмѣялся.

— Поэтъ, и не любитъ солнца!..

— Вотъ и подите... Я—южанинъ, а люблю Петербургъ, его бѣлыя ночи, его мглу. Люблю лампу подъ абажуромъ, тишь кабинета, поменьше вашего, гдѣ все уютно, гдѣ такъ и хочется быть среди своихъ книгъ, гравюръ, бюстовъ, разныхъ вещицъ, гдѣ привыкаешь къ нимъ все больше и больше, какъ къ живымъ существамъ. Люблю каминъ, и даже просто камелекъ, съ сизымъ, мигающимъ огонькомъ.

Опять мелодія Люціева голоса забаюкала Симцова. Ему хотѣлось излиться передъ этимъ милымъ человѣкомъ, но надо было выворачивать до дна свою душу. Онъ медлилъ. На него находило сладкое малодушіе.

— Бѣжать бы изъ этого гнилого болота!—вырвалось у него, точно противъ воли.

— Некуда бѣжать! Нельзя бѣжать, Сима,—раздался голосъ Люція изъ темнаго угла.—Вездѣ, за границей, забираетъ тоска... Нѣтъ никакой связи...

— Сладкая сентиментальность! И здѣсь никакой, ни съ кѣмъ связи... кромѣ двухъ-трехъ человѣкъ.

— Ахъ, Сима, въ жизни только двѣ вещи и есть: неизбѣжность смерти и чувство къ женщинѣ...

— Ха-ха!..—раздался почти злобный взрывъ смѣха.

— Да, душа моя. Если бъ не было ея граціи, ея трепетнаго сердца, того сладкаго обаянія, которымъ она туманитъ намъ глаза и отводитъ отъ скорби всего человѣчества,—жизнь была бы немыслима!..

— Будто?!

Симцову снова захотѣлось разсмѣяться, но онъ сдержалъ себя.

Люцій уже прилегъ на низкое кресло, въ видѣ коротkаго античнаго ложа, прикрытое старинной матеріей.

Его голосъ звучалъ такъ же тихо, но теплѣе и яснѣе.

— Немыслимо было бы, Сима,—повторилъ онъ.—Больше ничего нѣтъ, кромѣ этихъ двухъ тайнъ — разрушеніе и созиданіе: смерть и любовь!

— Эхъ, полноте вамъ! Что за мистическій пессимизмъ!..

На сердцѣ Симцова все гуще накипала обида жизни, всѣ частыя и лишнія жертвы, принесенныя женщинѣ, въ погонѣ за миражемъ любви.

— А вы не чувствуете тяжести страданія, вѣчнаго, безплоднаго?

Вопросительная фраза Люція оборвалась на болѣе высокомъ звукѣ.

— Смерть—самая простая вещь. Только глупое воспитаніе дѣлаетъ изъ нея пугало. Я не народникъ, но надо учиться у мужика и у солдата, какъ слѣдуетъ умирать... А женская любовь!..

Симцовъ не договорилъ. Онъ вскочилъ съ мѣста и заходилъ по кабинету.

Рѣчь его полилась тогда злобно и бурно.

Онъ еще никогда такъ не исповѣдывался своему пріятелю. То, что онъ молча перебиралъ въ кабинетѣ, когда глядѣлъ на полки книгъ и бродилъ изъ гостиной, по столовой, по спальнѣ—всѣ холодящіе итоги, смѣшанные съ жалостью къ себѣ, къ тому человѣку, который могъ бы создать нѣчто, уйти въ науку, въ высшія мозговыя наслажденіи—толпились на губахъ его.

Онъ почти задыхался, такъ стремительно, страстно лилась его рѣчь.

Люцій закурилъ папиросу. Изъ темнаго угла его большіе глаза свѣтились сочувственнымъ огонькомъ.

Онъ ни разу не прерывалъ Симцова, далъ дойти ему до послѣднихъ выходокъ противъ того, что самъ возводилъ въ единственную усладу и плѣнительную тайну жизни.

И въ отвѣтъ онъ сталъ, не предупредивъ Симцова, чье онъ стихотвореніе читаетъ, произносить вздыхающими, элегическими звуками свою думу, набросанную имъ надняхъ, еще необдѣланную, внезапно вызванную въ его памяти исповѣдью пріятеля:

Если грустно тебѣ—можно горю помочь,
Только фею-мечту призови!
Въ этотъ мигъ на землѣ гдѣ-то лунная ночь,
Кто-то шепчетъ о вѣчной любви!
Богъ любви не сгораетъ въ чудесномъ огнѣ,
Онъ не умеръ, онъ въ сердцѣ чужомъ...
И подумай, зачѣмъ онъ, подобно волнѣ,
Вѣкъ поетъ и не скажетъ о чемъ?
И зачѣмъ на устахъ опьяняющій пылъ,
А на сердцѣ молитвы безъ словъ,
И порывъ къ чудесамъ отдаленныхъ свѣтилъ,
И прилетъ очарованныхъ сновъ?..
Въ эту тайну вглядись... и разсѣется прочь
Мгла, покрывшая думы твои:
Въ этотъ мигъ на землѣ гдѣ-то лунная ночь.
Кто-то шепчетъ о вѣчной любви! *).

Симцовъ стихъ и присѣлъ въ кресло, за однимъ изъ низкихъ шкапчиковъ, такъ что ему не видно было Люція.

Не напускной пессимизмъ, не слащавая чувственность слышались ему. То было особое, новое настроеніе людей, которые приводились ему младшими братьями. Онъ не хотѣлъ съ ними соглашаться, не понималъ ихъ. Въ этихъ полупечальныхъ звукахъ было что-то лелѣющее и человѣчное, и жалкое, и смѣлое, и обаятельное по своему призыву къ „вѣчной любви“, по преклоненію передъ ненавистной ему въ ту минуту „вѣчно-женственной“ стихіей.

— Повторите! Повторите! Пожалуйста!—попросилъ онъ порывисто, когда голосъ Люція смолкъ, точно растаялъ.

— Извольте, Сима.

Поэтъ прочелъ стихотвореніе еще разъ, тѣмъ же тономъ, съ тѣми же, будто вздыхающими, переливами голоса.

Послѣ небольшого молчанія, Люцій заговорилъ еще тише, чуть слышно, какъ бы въ забытьи. Симцовъ впалъ тоже во что-то среднее между дремой и забытьемъ и сладко сознавалъ свою душевную разбитость. Ему не хотѣлось двигать ни однимъ членомъ. Онъ полузакрылъ глаза и тихо дышалъ.

— Повѣрьте, Сима,—слышался ему голосъ Люція, скрытаго отъ него въ своемъ темномъ углу. — Только этимъ вы измѣряете путь жизни. Потери, обиды, ревность, безуміе... вся позорная неволя, налагаемая женщиной, весь адъ... Только тутъ и жизнь. Придетъ минута, Сима, она придетъ. Не зовите ее, Бога ради, не зовите! Она вѣдь неизбѣжна, какъ смерть. Придетъ — и тогда все поблек-

*) Это стихотвореніе не принадлежитъ автору.

нетъ, посѣрѣетъ, замретъ, впереди нѣтъ уже больше огонька, что̀ заманивалъ васъ предательски. Онъ чуть мелькаетъ. Вотъ онъ взвился въ послѣдній разъ, ловите его... Онъ только и являлся нашему великому учителю — Пушкину, его божественной эллинской душѣ... Какой прощальной улыбки ждетъ онъ?.. Съ какой надеждой подводитъ свои итоги? Вы знаете... Зачѣмъ я стану повторять здѣсь?

Мысль Симцова вдругъ пробудилась. Люцій не убаюкалъ, а расшевелилъ въ немъ его исконную жажду. Ему не хотѣлось соглашаться съ поэтомъ; себя онъ считалъ глубоко правымъ... Если поддаться этой растлѣвающей жалости къ себѣ, къ женщинѣ, ко всему человѣчеству— опять начнется то же... а тамъ, вдали—позорная неволя, о которой сейчасъ вдохновенно шепталъ поэтъ.

IV.

Вошелъ камердинеръ.

— Валерій Ивановичъ, — доложилъ онъ осторожно. — Васъ дама желаетъ видѣть...

„Господи!—вскричалъ про себя Симцовъ.— Это—Полина!.. Зачѣмъ?“

Люцію была извѣстна его связь съ Котомлиной, хотя они никогда не говорили прямо о ней. Но все-таки Симцову сдѣлалось неловко и непріятно.

— Прасковья Семеновна? — спросилъ онъ, выходя въ гостиную.

— Никакъ нѣтъ... Вотъ ихъ карточка.

Симцовъ прочелъ:

„Аполлинарія Кирилловна Симцова“.

„Жена!“

Первое малодушное движеніе свое—не принять — Симцовъ подавилъ. Человѣкъ его не посмотрѣлъ на карточку... Да онъ врядъ ли и зналъ, что у барина есть жена. Жилъ онъ у него только второй годъ.

Симцовъ быстро вернулся въ кабинетъ, и въ дверяхъ сказалъ камердинеру:

— Попросите въ столовую.

Онъ притворилъ за собой дверь и оглянулся:

— Люцій!

— Кто это, Сима?

— Жена моя...

— Какая жена?

— Ахъ, Люцій!...

— Да я совсѣмъ забылъ, душа моя...

Это признаніе было выговорено такимъ искреннимъ звукомъ, что Симцовъ тихо разсмѣялся...

— Я долженъ ее принять!..

— Угодно, чтобы Люцій удалился?.. Хорошо. Мнѣ бы полежать немного.

— Пройдите въ мою спальню...

— Конференція долго продлится?

— Не знаю.

— Если нужна будетъ консультація — вы знаете: я къ вашимъ услугамъ.

Люцій лѣниво поднялся и пошелъ къ дверямъ въ коридоръ.

— Спасибо, Люцій!

— Не за что, милый...

Этотъ двухминутный разговоръ полушопотомъ пріободрилъ Симцова.

Въ гостиной онъ позвонилъ.

— Попросите эту даму сюда..

Онъ сѣлъ къ камину.

Лучше ему выдержать предстоящее объясненіе въ мягкомъ креслѣ. Она не уѣдетъ раньше, какъ черезъ часъ... да и то врядъ ли...

Заслышался изъ столовой звонкій, грудной, очень сочный голосъ.

Симцовъ невольно вздрогнулъ. Этотъ голосъ остался все тотъ же. Когда-то, около двадцати лѣтъ тому назадъ, онъ его заставлялъ волноваться сладкимъ чувственнымъ волненіемъ первой молодости. Голосъ вылеталъ изъ мраморной груди блистательной дѣвушки, рослой, съ роскошной косой, съ раскатистымъ смѣхомъ, увлекавшей своимъ пылкимъ, яснымъ темпераментомъ.

„Увлекавшей“?!

Въ гостиную вошла крупная, еще довольно стройная дама. Ея пышный бюстъ и талія, перетянутая золотымъ кушакомъ, придавали всей ея фигурѣ моложавость. Она была въ пестромъ платьѣ съ шитьемъ, кружевами и разными балаболками. На головѣ, нѣсколько набокъ, сидѣла высокая шляпа съ перьями и большимъ бантомъ, въ видѣ щитка...

Симцовъ разсматривалъ, по мѣрѣ того, какъ она приближалась, это огрубѣвшее, теперь только курьезное лицо, съ толстымъ вогнутымъ носомъ, подрумяненныя щеки,

точно нащипанныя морозомъ, брови, подкрашенныя слишкомъ старательно, темный ободокъ вокругъ рѣсницъ и бѣлые еще зубы, короткіе и образующіе два угла у рѣзцовъ, завитые волоса свѣтло-каштановой чолки и даже маленькую родинку на пухлой щекѣ, собственно не родинку, а искусственно зарисованную бородавку, которая не сошла отъ ляписа.

— У васъ есть гости?—спросила Аполлинарія Кирилловна, еще на ходу и по-французски.

У ней былъ заграничный выговоръ, не утратившій своей красивости, съ поддѣльной горловой вибраціей звука: „г“; по-русски она совсѣмъ не картавила. Съ выговоромъ этимъ она выѣхала изъ Швейцаріи, гдѣ, въ Женевѣ, воспитывалась въ пансіонѣ одной ученой пожилой дѣвицы — парижанки...

— Мы можемъ говорить свободно... намъ мѣшать не будутъ...

Они были на „вы“, на обоихъ языкахъ... Этого тона строго держался онъ.

Симцовъ впередъ зналъ, что она явилась за деньгами— за экстреннымъ пособіемъ, сверхъ того, что онъ посылаетъ ей вотъ уже болѣе десяти лѣтъ...

„Неужели она знаетъ про смерть Котомлина?“ — спросилъ онъ себя внезапно, прежде чѣмъ она сдѣлала ему вопросъ про эту смерть.

— Я не думала попасть въ Петербургъ. Это такъ неожиданно... Наша дочь здорова? Давно вы получили отъ нея письмо?

Фразы Аполлинарія Кирилловна сыпала чрезвычайно легко и звонко, такъ что ея голосъ, сохранившій чистодѣвическія вздрагиванія, разносился по гостиной и кабинету.

Она знала, что упоминаніе о ихъ дочери ему всегда крайне непріятно, но у ней это могло выскочить такъ, безъ всякаго злого умысла...

Не отвѣчая на ея послѣдній вопросъ, Симцовъ спросилъ ее:

— Чѣмъ могу быть полезенъ?

Онъ давно принялъ за правило держаться съ нею самой изысканной, педантической учтивости...

Но этимъ нельзя было вразумить Аполлинарію Кирилловну.

Черезъ минуту она опять вернулась къ дочери.

— Большая особа? Не правда ли? Я о ней спрашиваю не за тѣмъ, чтобы отнимать ее у васъ.

Громкій грудной смѣхъ ея разнесся опять по комнатамъ.

— Она въ такомъ возрастѣ — ее нельзя отнимать, — сдержанно замѣтилъ Симцовъ и перемѣнилъ позу.

Аполлинарія Кирилловна уже перескочила къ другому предмету, но Симцовъ зналъ, что это „сорочье скаканье“ не помѣшаетъ ей подойти довольно ловко къ тому, съ чѣмъ она пріѣхала, что сидитъ у ней въ головѣ.

„Сколько ей?.. Поскорѣй бы говорила!“—съ брезгливой нетерпѣливостью думалъ онъ.

Такіе внезапные пріѣзды могутъ продолжаться еще много лѣтъ... До самой его смерти. Почему же онъ не откупится отъ нея навсегда?.. Вѣдь она имѣетъ на него права, а онъ ее долженъ терпѣть и терпитъ, по собственной слабости, или изъ тайной боязни чего-нибудь скандальнаго... Она можетъ отыскать дочь, затѣять тамъ, гдѣ Ната воспитывается и живетъ, глупую и пошлую исторію, броситься, ни съ того, ни съ сего, къ губернатору, къ прокурору. Положимъ, у нея репутація самая некрасивая, но она не опорочена по суду, ни у кого нѣтъ формальнаго права считать ее продажной женщиной. У ней есть рента отъ мужа... Онъ уплачиваетъ ей по условію... Живетъ она по виду, который тѣмъ же мужемъ выданъ ей...

И такія отношенія протянутся до самой его смерти... Но они непремѣнно осложнятся. Когда она постарѣетъ, она будетъ безпокоить дочь, если не для денегъ, то по своей шумной навязчивости, или ударится въ высокія чувства. До выхода Наты замужъ, начнется опять раздираніе этой родительской грамоты. Кто знаетъ, быть-можетъ, Ната—какъ дѣвушка съ нынѣшними взглядами—увидитъ въ матери чуть не жертву.

И это возможно...

— А вы, навѣрно, не догадываетесь, — на всю комнату заговорила, почти закричала Аполлинарія Кирилловна, — зачѣмъ я къ вамъ явилась?

— Немножко...—сквозь зубы протянулъ онъ.

Она встала, выпрямилась, подперла себя въ бока своими полными и еще красивыми руками, откинулась бюстомъ и расхохоталась.

Перекаты ея хохота навѣрно разбудили Люція, если онъ заснулъ.

Объ этомъ съ досадой подумалъ Симцовъ.

— Я дѣлаю блестящую партію!.. честное слово!..

Ея нѣсколько грузный шагъ отдавался глухими звуками по пушистому ковру.

— Поздравляю васъ...

— Но вѣдь я не свободна!

И опять хохотъ.

Первое чувство Симцова было — радость. Выходитъ замужъ!.. Чего же лучше?! Навсегда вырѣзаетъ болячку... Но это можетъ быть самой плутовской уловкой?.. Вытянуть отъ него пособіе, наболтать, начать писать разныя небылицы и чрезъ годъ возобновить эту мистификацію.

— Да, блестящую партію,— продолжала она, расхаживая по гостиной,—и черезъ полгода, если все пойдетъ быстро, я—губернская предводительша.

— Поздравляю!—повторилъ онъ, уже охваченный своими сомнѣніями.

— Не думайте, что это пустяки! Это очень серьезно... Я вамъ все разскажу.

Она подошла къ креслу, придвинула его къ мѣсту, шумно сѣла, приняла пріятельскую позу, уперлась обоими локтями о колѣни и начала ему передавать исторію своей недавней побѣды, пространно, съ ужимками шаловливой дѣвочки, прерывала свой разсказъ взрывами смѣха, дотрогивалась до его плеча и даже до одного изъ его колѣнъ и безпрестанно спрашивала:

— А? Каково?! Вотъ мы какіе пожары производимъ въ сердцахъ! Недурно?!.

Симцовъ слушалъ безъ оживленія, безъ досады, безъ интереса, но его сомнѣнія разсѣивались. Все это могло весьма и весьма случиться: пожилой предводитель дворянства, вдовецъ, бездѣтный, немного уже пришибленный первымъ легкимъ параличомъ, но еще съ остатками красоты „un ex-beau“ — попросту старѣющій развратникъ — могъ подъ веселую руку найти пикантность и въ такой женщинѣ... Почему же нѣтъ?..

Претендентъ ея теперь съ ней въ Петербургѣ. Онъ вполнѣ надѣется на порядочность ея мужа и его полное согласіе. У него большія связи—и служебныя, и родственныя... Добиться развода ничего не будетъ стоить.

— И вотъ это главное—вамъ, Валерій, вся эта процедура ничего не будетъ стоить... Ха-ха-ха! Это васъ удивляетъ? Ни одной полушки! Вы отъ этого отвыкли? Бѣд-

ненькій! Но вѣрьте, послѣдній вашъ переводный вексель, дѣйствительно, былъ послѣдній... Честное, благородное слово!.. Отъ васъ мы ничего не требуемъ—ни онъ, ни я... Ничего!.. Я уже считаюсь его невѣстой... Простите, что я на это не спросила вашего разрѣшенія.

Ея игривость дѣлалась заразительно-добродушной, и онъ даже изумлялся про себя, какое богатство наивныхъ и чистосердечныхъ звуковъ она пронесла сквозь свою загрязненную жизнь.

„Неужели я не радъ?“—спросилъ онъ себя подъ шумъ ея все еще не умолкавшихъ рѣчей. Такъ-таки и не радъ? Но вѣдь это—подарокъ судьбы... Не явись она—ему самому слѣдовало бы не сегодня—завтра...

Онъ тутъ только вспомнилъ, что передъ нимъ новая любовная перспектива, новая жизнь, съ полнымъ обладаніемъ той женщиной, которая до смерти его пріятеля только тайно принадлежала ему. Еще не дальше, какъ сегодня утромъ, онъ готовился къ рѣшительному объясненію съ нею... И оно настанетъ—не черезъ недѣлю, такъ черезъ мѣсяцъ. Онъ самъ первый нравственно обязанъ предложить ей бракъ... А какъ бы онъ могъ осуществить его, этотъ бракъ, иначе, какъ откупившись отъ Аполлинаріи Кирилловны? Да и сомнительно, согласилась ли бы она и за большія деньги? Можетъ-быть, какой-нибудь адвокатикъ, изъ ея любовниковъ, далъ бы ей совѣтъ не соглашаться, а пользоваться пожизненной рентой, что̀ гораздо безопаснѣе съ ея натурой и транжирствомъ.

„Но отчего же я не радъ?“ — почти со стыдомъ спрашивалъ Симцовъ, пока Аполлинарія Кирилловна все говорила.

Онъ принудилъ себя сознаться, что „долженъ“ быть радъ... Уже одно то хорошо, что изъ его существованія выпадаетъ такая особа, что онъ окончательно можетъ избавить дочь отъ новыхъ сношеній съ подобной матерью...

— Что̀ же вы на все это скажете? — вскричала она и сдѣлала такое сильное движеніе всѣмъ своимъ мясистымъ корпусомъ, что у ней что-то лопнуло въ туалетѣ.

Она сейчасъ же это замѣтила, пощупала рукой, расхохоталась и вскочила съ кресла.

— Вотъ это прекрасно!.. У васъ, конечно, нѣтъ горничной?

— Нѣтъ!

— Ничего! Я пройду въ спальню...

Симцовъ замѣтилъ:

— Въ спальнѣ... неудобно!..

— Ха-ха! Есть женщина?

Онъ ей объяснилъ, кто тамъ.

— Ничего! Этотъ вашъ другъ стало—адвокатъ?

— Адвокатъ.

— И прекрасно! Онъ меня извинитъ, если я его потревожу... Пускай здѣсь приляжетъ или въ кабинетѣ... Мы его заставимъ сейчасъ же дать намъ совѣтъ... и всѣ законы... Ахъ! Главное-то я вамъ не сказала!—остановилась она на полпути.

— Что такое?..—съ нѣкоторымъ безпокойствомъ спросилъ Симцовъ.

— Мнѣ все равно—за кѣмъ признаютъ вину... за мной или за вами... Пожалуй, хоть за мной... Мой женихъ говоритъ, что запрещеніе вступать въ бракъ — чистые пустяки... Мы ѣдемъ за границу и тамъ первый попавшійся греческій попъ насъ обвѣнчаетъ... Ха-ха!.. Господи! да, кажется, у меня просто отстегнулась подвязка... Тѣмъ лучше для вашего друга... онъ можетъ остаться на кровати... Прикажите человѣку посвѣтить.

Она пошла къ передней, что-то сказала камердинеру, еще разъ разсмѣялась. Потомъ до слуха Симцова долетѣлъ гулъ веселаго разговора съ Люціемъ, а черезъ двѣ минуты показалась въ портьерѣ изъ кабинета фигура поэта.

— Сима!..—тихо окликнулъ онъ возбужденнымъ шопотомъ.—Это и есть супруга?..

— Это и есть!..

— Да она прекурьезная.

— И очень!..

— Проситъ меня остаться на часокъ, а васъ проситъ угостить насъ чаемъ.

— А мигрень?

— Легче.

— Вы согласны остаться?

— Согласенъ... Вѣдь и въ ней есть что-то.

— Въ комъ?

— Да въ вашей женѣ.

— Что еще?

— Да то же, das ewig Weibliche!

Симцовъ не разсердился потому только, что онъ не могъ сердиться на Люція.

V.

Они сидѣли позднѣе, въ столовой, тѣсноватой комнатѣ, заставленной дубовой мебелью, со множествомъ тарелокъ и блюдъ по стѣнамъ.

Люцій разливалъ чай. Его боковой взглядъ переходилъ отъ Симцова къ его женѣ. Тому было не по себѣ отъ затянувшагося визита жены. Но Люцій нѣтъ-нѣтъ да взглядывалъ на него и такими молчаливыми обращеніями какъ бы говорилъ ему:

„Все пройдетъ... Все вѣдь и прошло. Развѣ можно стыдиться за предметъ прежнихъ увлеченій, какія бы они ни были? Развѣ женщина не хранитъ въ себѣ великой тайны? Теперь и пуста, и перезрѣла, и подкрашена, и рѣзко хохочетъ... А было время, когда къ ней тянуло!.. И за это надо благодарить!“

Симцовъ мало принималъ участія въ общемъ разговорѣ. Аполлинарія Кирилловна въ одну минуту сошлась съ Люціемъ; узнавъ, что онъ стихотворецъ, начала читать вслухъ стихи, больше французскіе, изъ его любимаго поэта Ришпэна, что̀ ему очень понравилось. Онъ хвалилъ ея голосъ и отличное французское произношеніе. Декламація чередовалась съ разсказами о ея заграничномъ воспитаніи, о Парижѣ, объ Остенде, о губернскихъ нравахъ; у нихъ нашлись и общіе знакомые съ Люціемъ; обращалась къ нему, какъ къ юристу, просила помочь ей по бракоразводному дѣлу. О согласіи мужа она говорила уже какъ о вещи рѣшенной. Симцовъ слушалъ и не возражалъ. Люцій, полушутя, отвѣчалъ на ея вопросы, назвалъ ей двоихъ извѣстныхъ ходатаевъ по такимъ дѣламъ. Онъ обѣщалъ ей прислать ихъ адресы.

— Я стою въ Hôtel de France, номеръ шестнадцатый,— кинула она черезъ самоваръ и въ сторону мужа, точно приглашая и его.

„Скоро ли это кончится?“ — взглядомъ спросилъ Симцовъ Люція и чуть было не посмотрѣлъ на свои карманные часы.

„Будьте кротки, Сима,—отвѣчали ему завеселѣвшіе глаза Люція.—Все улаживается въ вашу же пользу...“

Но вотъ Аполлинарія Кирилловна сдѣлала движеніе какъ будто она желаетъ встать.

Это такъ только показалось Симцову.

— Угодно еще?—спросилъ ее Люцій, указывая на ея

пустую чашку своимъ худымъ и блѣднымъ указательнымъ пальцемъ.

— Полчашки! Вы такъ вкусно наливаете... Monsieur Тимоѳеевъ...

— Алексѣевъ!—кротко поправилъ ее Люцій.

— Pardon, у меня куриная память!.. Такъ, не правда ли, Валерій — Симцовъ внутренно съежился отъ этого тона жены — вовсе не обязанъ брать вину на себя? Ему это нужнѣе, чѣмъ мнѣ.

— Почему?—чуть слышно спросилъ Люцій.

— А какъ же!.. Вѣдь у него есть... вы знаете...

Она подмигнула черезъ столъ.

— Онъ живъ или умеръ... ея благовѣрный?—спросила она Симцова.

Надо было отвѣчать. Разсердиться—совсѣмъ не кстати... Люцій все знаетъ, да и она, быть-можетъ, явилась, уже провѣдавъ про смерть Котомлина.

Люцій изъ скромности опустилъ голову.

— Котомлинъ скончался, — твердо и сухо выговорилъ Симцовъ.

— А! Вотъ какъ!.. Давно?

— Третьяго дня... Завтра похороны...

— Какъ же вы... не тамъ?..

Она опять подмигнула подкрашеннымъ глазомъ и наморщила крыло своего жилистаго носа.

Ему ничего не хотѣлось отвѣтить ей, но присутствіе Люція стѣсняло его; общій тонъ былъ легкій, добродушный. Нарушить его выходкой или угрюмымъ видомъ—нелѣпо... Дать понять ей, что послѣ извѣстія о смерти мужа его любовницы, нельзя продолжать въ томъ же духѣ—ему не удавалось.

— Какъ все это кстати... для васъ,—продолжала она, не дождавшись отвѣта на предыдущую фразу,—вы мнѣ... vous me devez une fière chandelle, mon ami, — докончила она и со смѣхомъ встала.

„Неужели уйдетъ?“ — почти съ дѣтскою радостью подумалъ Симцовъ.

Оба мужчины встали вслѣдъ за нею.

— Monsieur...

— Алексѣевъ!—подсказалъ невозмутимо Люцій.

— Такъ я васъ жду... послѣзавтра, даже завтра... Позвольте на васъ разсчитывать... А васъ, Валерій Ивановичъ, я не буду безпокоить. Ха-ха! Если къ вамъ

явится отъ меня какой-нибудь... какъ это говорятъ... аблакатъ?.. Вы не сердитесь на меня... Нельзя же! Надо пройти черезъ всѣ мытарства.

Они проводили ее до передней и, вернувшись въ гостиную, сѣли другъ противъ друга около камина.

— Что скажете, Люцій? — все еще тихо выговорилъ Симцовъ.

Ему было почти стыдно оттого, что онъ не можетъ быть вполнѣ искренен съ Люціемъ. Тотъ, конечно, и не подозрѣваетъ, по чистотѣ своихъ помысловъ, что свобода, представшая передъ его другомъ въ видѣ этого развода, она-то именно и смущаетъ его.

Признаться въ этомъ—жутко. Таить—не хорошо.

Люцій закурилъ папиросу—четвертую изъ пяти, которыя позволялъ себѣ въ день, протянулъ худыя ноги и шутливо вздохнулъ.

— Сима, вѣдь ваша жена права. Vous lui devez une fière chandelle.

— Въ какомъ смыслѣ?

Вопросъ звучалъ двойственно.

— Свобода, душа моя... Сколько лѣтъ вы тяготились этимъ опостылымъ союзомъ. Кажется, это не мистификація. Она уже слишкомъ заряжена своимъ новымъ бракомъ...

— Она всегда заряжена.

— Пользуйтесь...

Тутъ-то и нужно бы излиться передъ нимъ... Чего же прямѣе, послѣ той тирады противъ женщинъ, въ кабинетѣ?

Языкъ Симцова былъ скованъ. Зайдешь слишкомъ далеко и выдашь себя — свое затаенное чувство. Люцій — жрецъ культа женщины; передъ нимъ вдвое щекотливѣе обнажать свое возмущеніе противъ тираніи этого культа... А если уже говорить, то говорить прямо, рѣзко, безъ малѣйшей утайки, съ сознаніемъ своего права на протестъ, на этотъ внезапный бунтъ... Но никакой бунтъ не извиняетъ его поведенія. „Поведеніе!“ повторилъ онъ про себя и нервно завозился въ креслѣ.

— Люцій!—окликнулъ онъ жалобной нотой.

— Сима?

— Неужели не лучше рѣзнуть разомъ, чѣмъ испытывать постоянное выгораживаніе какого-то выдуманнаго долга?.. Чувство—властно, неудержимо... оно царитъ съ

тиранствомъ и болью... Не поддаться ему нельзя, когда кровь не уходилась, или силенъ идеалъ, то, во что̀ мы сами одѣваемъ первую попавшуюся бабенку. Но выполнять долгъ, быть рабомъ его потому только, что такъ дѣлается, или женщина не желаетъ тебя выпустить... Это тиранство, нелѣпое и возмутительное!

Онъ и не взвидѣлъ, какъ выдалъ себя. Все тутъ было: жалоба, бунтъ противъ женщины, желаніе уйти, не исполнить своего долга.

Но Люцій не спѣшилъ откликнуться. Кажется, онъ и не понялъ, слѣдя за какой-нибудь своей мыслью, что за чувство прорвалось во фразѣ его друга...

— Освобожденіе—сладкая вещь,—наконецъ вымолвилъ онъ и обратился лицомъ къ Симцову.—Когда наступаетъ минута и нѣтъ плѣненія, того, что налагаетъ женщина... Кто можетъ творить, для того такой моментъ становится рѣшающимъ.

Онъ сдунулъ пепелъ съ папиросы, прибралъ ноги и проговорилъ нѣвуче, съ тихой радостью:

„Прошла любовь, явилась муза
И прояснился темный умъ.
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ“...

— Чье это?—окликнулъ Симцовъ.

— Сима! *чье?* Срамъ какой! Вы забыли это?

И онъ оттянулъ все слово.

— Я ничего не помню!

— Какъ, и дальше не помните?

„Погасшій пепелъ ужъ не вспыхнетъ...
Я все грущу; но слезъ ужъ нѣтъ,
И скоро, скоро бури слѣдъ
Въ моей душѣ совсѣмъ утихнетъ!“

— Ну, Пушкина, что ли?

— *Что ли*... Прощаю вамъ, во имя пестрыхъ волненій сегодняшняго дня! А изъ какой строфы, изъ какой главы—я не хочу васъ обижать, не спрашиваю: откуда... Это было бы оскорбленіемъ.

— Не знаю, не помню,—рѣзковато сказалъ Симцовъ.

— Строфа пятьдесятъ девятая, предпослѣдняя въ первой главѣ...

Симцовъ успѣлъ овладѣть собой. Нѣтъ, онъ не можетъ обнажать себя передъ Люціемъ, хотя тотъ, по широкой своей терпимости, по особому всепрощенію поэта-песси-

миста, все бы понялъ и не сталъ бы читать ему нравоученій.

— Неужели вы, Сима, не довольны такимъ совпаденіемъ обстоятельствъ?—спросилъ Люцій.

— Я ничего не говорю, — хмуро отвѣтилъ Симцовъ и поднялся.

Ему стало еще тяжелѣе. Онъ въ состояніи былъ наговорить этому милому человѣку какихъ-нибудь если не явныхъ колкостей, то ненужныхъ и, пожалуй, обидныхъ вещей... А вѣдь вина его только въ томъ, что онъ здѣсь очутился...

— Право, все уладится,—продолжалъ Люцій, доканчивая папиросу.—Сима, не записывайтесь въ старики... умоляю васъ, душа моя... Такъ или иначе... съ новымъ ярмомъ или въ свободномъ сожительствѣ, но затяните эту полосу жизни, затяните... Вы слышали:

Онъ закрылъ глаза, откинулъ голову на мягкій валекъ кресла и проговорилъ:

„Если грустно тебѣ, можно горю помочь,
Только фею — мечту призови!
Въ этотъ мигъ на землѣ, гдѣ-то въ лунную ночь
Кто-то шепчетъ о вѣчной любви".

— Бракъ—могила любви!..—проговорилъ Симцовъ и отошелъ къ лампѣ поправить абажуръ.

— Ха-ха!—вдругъ, странно—Симцову показалось даже совсѣмъ некстати—разсмѣялся Люцій и тоже всталъ.

— Что жъ тутъ смѣшного?..

— Вы не знаете... Бракъ — могила любви!.. Я защищалъ дѣвицу, покусившуюся на жизнь женатаго человѣка; онъ былъ съ ней въ связи и бросилъ. На судѣ она приводила его соблазнительныя рѣчи. Онъ ходилъ къ ней и жаловался на прѣсноту своего супружества и все повторялъ ей фразу, которую, кажется, считалъ своего сочиненія: „бракъ—могила любви"! Ха-ха!

— Вотъ что,—выговорилъ Симцовъ и застыдился того, что слова его такъ глупо прозвучали.

— Прощайте, Сима... вы подавлены наплывомъ ощущеній!.. Утро вечера мудренѣе.

Симцовъ быстро подошелъ къ Люцію, взялъ его обѣими руками за его сухощавый, гибкій станъ и привлекъ къ себѣ.

— Простите, другъ Люцій, простите, я сегодня гнусно настроенъ... Спасибо!..

— Отдыхъ и одиночество нужны Симѣ.

Люцій выдвинулся изъ гостиной тихо, своей колеблющейся походкой, немного подаваясь въ колѣняхъ. Симцовъ проводилъ его до передней и вернулся въ кабинетъ.

Онъ былъ такъ разбитъ, что легъ на диванъ съ ногами. Ему хотѣлось забыться сейчасъ же. Но сонъ не шелъ.

Неожиданный смѣхъ Люція и разсказъ про защиту дѣвушки, стрѣлявшей въ соблазнителя, который прикрывался фразой „бракъ—могила любви“,—оставили въ его душѣ новый слѣдъ.

„Эту дѣвушку навѣрно оправдали,—думалъ онъ, лежа съ закрытыми глазами, но снова съ возбужденной головой.—Навѣрно оправдали“...

И сейчасъ же мысль его перескочила отъ той, неизвѣстной ему дѣвицы, къ женщинѣ, которая, по доброй волѣ, отдалась ему когда-то, прожила съ нимъ въ тайной связи, сдѣлалась его сообщницей, сама невозмутимо обманывала мужа и ему помогала въ этомъ честномъ дѣлѣ, и теперь „законно“ будетъ требовать вознагражденія, прикрытія ихъ сообщничества... Онъ еще не старый мужчина, онъ можетъ еще мечтать о новыхъ встрѣчахъ и повторять элегіи Люція; а она считаетъ по-своему, по-женски, съ гораздо болѣе тонкимъ, непогрѣшимымъ расчетомъ. Ей за тридцать лѣтъ, она наклонна къ полнотѣ, черезъ три-четыре года пропадетъ стройность, и пропадетъ окончательно; лицо обрюзгнетъ... Ей нужно торопиться... Пользоваться свободой она не станетъ. Даже и мечтать объ этомъ она не будетъ. У ней темпераментъ чувственный, но ровный, болѣе ласковый, чѣмъ страстный. Всего сильнѣе будетъ она бояться того, чтобы не попасть въ руки какого-нибудь молодого хищника, если бы она осталась на свободѣ...

Да, она будетъ добиваться брака упорно, хотя и съ большимъ тактомъ и ловкостью.

„Выстрѣлитъ?“—вдругъ спросилъ онъ себя и въ щекахъ почувствовалъ приливъ крови.

„Можетъ быть... Теперь такъ расшатаны всѣ отношенія, взгляды и чувства, что и такая гармоническая особа прибѣгнетъ къ револьверу“...

Онъ не докончилъ этой мысли и выговорилъ вслухъ:

— И ее навѣрно оправдаютъ!

„Неужели я начинаю трусить, подло трусить?“

Онъ приподнялся, сложилъ руки на груди и глазами уперся въ одну изъ полокъ книжнаго шкапа.

Нѣтъ, онъ не труситъ, но что бы ни случилось—револьверъ, скандальное дѣло или даже потеря добраго имени—въ эту минуту все, все казалось ему болѣе сноснымъ, чѣмъ связыванье своей судьбы до самой смерти съ женщиной.

Отъ одной освободиться, чтобы выносить другую, безъ поэзіи, безъ страсти, безъ душевной нѣжности и безъ жалости къ ней?!

Да, онъ не любитъ ее, не жалѣетъ даже. И теперь, съ-глазу-на-глазъ съ своей совѣстью, говоритъ, весь захолодѣлый, съ влажнымъ лбомъ и нервнымъ ощущеніемъ въ спинѣ:

„Все, все лучше *этого!*“

А кабинетъ, съ его шкапами и дорогими переплетами, надвигался на него и точно хотѣлъ его сокрыть отъ женщины...

VI.

Ровно черезъ недѣлю Симцовъ сидѣлъ въ правленіи своего „Общества“, одинъ, повидимому, поглощенный работой.

Но это только казалось. Онъ думалъ совсѣмъ о другомъ.

Вотъ и Котомлина свезли на кладбище, на шести лошадяхъ, съ гербами и страусовыми перьями, съ орденами на бархатныхъ подушкахъ; произнесены были двѣ рѣчи. Долженъ бы и онъ говорить, но онъ не рѣшился. Это многихъ удивило, да и Прасковьѣ Семеновнѣ, кажется, не очень понравилось. И остальные дни этой недѣли прошли въ разговорахъ съ нею, осторожныхъ, вялыхъ, сладковато-безцвѣтныхъ. Ни одного раза они не взяли другъ друга за руку... Она, повидимому, одобряла такую сдержанность, должна была находить ее чрезвычайно порядочною. Они еще успѣютъ предаться любви...

Говорили они о предметахъ дѣловыхъ... Чаще всего о квартирѣ... Срокъ, по контракту, написанному на ея имя, выходитъ только къ ноябрю слѣдующаго года. Сдавать ее отъ себя не было надобности, хотя Прасковья Семеновна говорила, что квартира „непомѣрно дорога“. Приходилось оставаться одной въ этихъ большихъ комнатахъ...

Она взяла бы компаньонку, но это неудобно... Онъ не сталъ спрашивать: „почему неудобно?“

Такъ проживетъ она въ этой квартирѣ до ранней весны. Тогда они поѣдутъ за границу. Прасковья Семеновна прямо не предлагала ему такой поѣздки вдвоемъ, но онъ могъ догадаться по разнымъ намекамъ... Разумѣется, упоминалось о Лаго-Маджіоре и шалѐ на Женевскомъ озерѣ, надъ Монтрё... Поѣздка взяла бы три-четыре мѣсяца. На такой отпускъ онъ имѣетъ право. Вернутся—и тогда она сдастъ квартиру... А онъ расширитъ немного свою, можетъ, на той же площадкѣ, взять еще небольшую квартиру... Она знаетъ, что такая квартира часто пустуетъ...

А тамъ, ровно черезъ годъ, когда она сниметъ свой трауръ, можно будетъ и обвѣнчаться...

И неужели это *будетъ*?..

Онъ скрываетъ отъ нея пріѣздъ Аполлинаріи Кирилловны, скрываетъ съ тайнымъ страхомъ—какъ бы она не узнала. Но узнать ей трудно...

Къ нему являлся повѣренный жены. Надо начинать дѣло. Онъ и тутъ было попятился назадъ, но повѣренный не обратилъ вниманія и началъ говорить съ нимъ, какъ съ участникомъ въ сдѣлкѣ, давно давшимъ свое полное согласіе.

Хотя онъ и стыдилъ себя минутами за такое малодушное поведеніе, а не могъ чувствовать иначе. Внутренній голосъ все громче говорилъ въ немъ противъ владычества женщины... Симцовъ былъ наканунѣ кризиса... Но ему это давалось туго, точно борьба съ цѣпкою болѣзнью; она забралась въ глубину органовъ и упорствуетъ, не боится лѣченья. Даже и въ этомъ тугомъ и слабодушномъ протестѣ сознавалъ онъ рабство, въѣвшееся въ него долгими годами...

Вотъ что наполняло его, когда онъ, разсѣянной рукой, перелистывалъ бумаги и подписывалъ листы.

— Валерій Ивановичъ! Мое почтеніе!— окликнули его.

Онъ поднялъ голову. Передъ нимъ у камина кланялся ему небольшого роста молодой человѣкъ, съ нѣмецкимъ обликомъ, курчавый, русый, очень старательно одѣтый. Одной рукой держалъ онъ шляпу, отъ которой шелъ блескъ—такъ она лоснилась,—а другой—мягкій портфель.

— А, Шульцевъ! Здравствуйте!..

Это былъ архитекторъ ихъ „Общества“. Симцовъ смотрѣлъ на него, какъ на самый удавшійся продуктъ рус-

ско-нѣмецкой жизни Васильевскаго острова. У него и фамилія-то очутилась съ русскимъ окончаніемъ. Ужъ, конечно, этотъ архитекторъ не зналъ и никогда не будетъ знать такого душевнаго состоянія, какое теперь гложетъ его. Шульцеву нѣтъ еще тридцати лѣтъ, но врядъ ли можно найти другого, болѣе увѣреннаго въ себѣ, мужчину, да и вообще человѣка „своего времени". Онъ такъ и самъ называлъ себя.

Иванъ Ѳедоровичъ считаетъ себя кореннымъ русскимъ, по убѣжденіямъ, съ совершенно новымъ оттѣнкомъ любви къ своему отечеству. Онъ составилъ себѣ нѣчто среднее между московскими охранительными началами и петербургскимъ духомъ постояннаго протеста. Въ спорахъ съ Симцовымъ онъ мягко обижается, когда тотъ говоритъ ему:

— Да вы просто переодѣтый нигилистъ!

Но Симцовъ давно знаетъ, что Иванъ Ѳедоровичъ—не нигилистъ, а представитель „своего поколѣнія". Къ его кореннымъ качествамъ въ Симцовѣ разрастается съ каждымъ днемъ непреодолимое чувство, похожее на злобную гадливость.

Всего сильнѣе коробитъ его: безукоризненность, механическая точность, зубоскальство, понадерганное изъ мелкихъ газетъ, что-то, на его вкусъ, до-нельзя ограниченное и пошло самодовольное...

Что бы вы ни сказали при Иванѣ Ѳедоровичѣ и ему подобныхъ, какую бы пустую подробность ни привели въ разговорѣ, они сейчасъ дадутъ свою „поправочку"

Вы говорите кому-нибудь:

— Поѣздъ этотъ—въ часъ десять минутъ...

— Одиннадцать!—поправляетъ васъ Иванъ Ѳедоровичъ, и непремѣнно вынетъ при этомъ часы.

Идея, взглядъ, оцѣнка, сколько-нибудь новые, принадлежащіе вамъ лично, Шульцевъ сейчасъ же—въ свой пробирный тигель, и все тѣмъ же невозмутимымъ тономъ объявляетъ вамъ:

— Нѣтъ-съ, это не восемьдесятъ четвертой пробы!

Подъ шумокъ, въ классахъ гимназій и спеціальныхъ училищъ, возросла и сложилась, къ великому огорченію Симцова, цѣлая генерація такихъ практиковъ, у которыхъ на все готовый ярлычокъ съ рецептомъ... Національная политика и внутреннее управленіе, еврейскій вопросъ и хищенія въ банкахъ, оперетка и судъ присяжныхъ, — все у этихъ Ивановъ Ѳедоровичей разнесено

въ графы и уложилось въ приговоры, гдѣ стародавнее мужское хищничество и старовѣрское умничанье подняли опять голову и, безъ всякаго стѣсненія, заявляютъ о себѣ то строгимъ тономъ, то съ примѣсью краденыхъ прибаутокъ.

И въ эту минуту человѣкъ исчезнувшей и попавшей въ опалу эпохи страдалъ въ Симцовѣ, при видѣ Шульцева, еще болѣе и потому, что онъ сознавалъ ихъ воображаемую, если не настоящую силу во всемъ, что̀ женщина, ея роковое вліяніе на судьбу человѣка, добровольное рабство, связанное съ ея культомъ.

И давно уже въ Симцовѣ накоплялась эта непріязненность къ поколѣнію Шульцевыхъ, дѣльныхъ и положительныхъ молодыхъ людей, которые почти слыхомъ не слыхали о какомъ-нибудь идеалѣ, жертвѣ, увлеченіи, страсти... Можетъ-быть, въ его презрительной брезгливости сидѣло сознаніе того, что *эти* проживутъ гораздо умнѣе, въ прочномъ довольствѣ собой, въ полномъ обладаніи своими солидными свойствами, съ ихъ узкимъ филистерствомъ и надоѣдливой точностью, съ мелкимъ духомъ поправки чужихъ ошибокъ и всезнайствомъ.

— Шульцевъ? — громко-насмѣшливо спросилъ Симцовъ.—Почему вы не женитесь?

Архитекторъ отложилъ бумагу, которую просматривалъ съ карандашомъ въ рукѣ, улыбнулся, выпустилъ струю дыма и выговорилъ съ непередаваемой интонаціей:

— Еще не насталъ моментъ!..

— Не боитесь, что васъ заберетъ какая-нибудь... интрига?..

— Меня?.. Хе-хе!..

Въ этомъ „хе-хе!..“ было что-то глупое и непоколебимое, почти клоунское въ своей серьезности.

— Такъ вы—неуязвимы?

— Женскій полъ—это вопросъ жизненной обстановки.

Шульцевъ обвелъ глазами комнату такъ, какъ онъ, вѣроятно, дѣлалъ, когда оцѣнивалъ имущество и соображалъ, къ какому разряду страхованія причислить домъ, въ смыслѣ опасности отъ огня...

— Обстановки?.. — повторилъ Симцовъ, продолжая насмѣшливо смотрѣть на архитектора.

— Совершенно вѣрно!.. Прежде съ ними носились... Возводили ихъ въ какое-то божество, въ идолы!..

Иванъ Ѳедоровичъ разразился на всю комнату. Смѣхъ

у него былъ звонкій и ядрёный, точно крупный горохъ, просыпанный по полу.

„Поговори, поговори!“—сердился про себя Симцовъ.

— Все это—одна распущенность... До извѣстныхъ лѣтъ человѣкъ долженъ работать здòрово,—Иванъ Ѳедоровичъ любилъ акценты настоящаго русака, — чтобы никакая дрянь—ни дѣтворà, ни бабьи болѣсти тебѣ не мѣшали. А лѣтъ за тридцать обзавестись домкомъ... И чтобы моя жена знала свой шестокъ!..

Онъ такъ произнесъ слово „моя“, что Симцову послышалось, сквозь эту архи-русскую рѣчь, звукъ бюргера, хлопающаго кружкой по залитому пивомъ столу кнейпы, восклицая:

— *Mein* Weib, *mein* Bier, *meine* Kneipe!..

— Разумѣется, — уже съ явной насмѣшкой въ голосѣ выговорилъ Симцовъ.

Но по Шульцеву явно насмѣшливая интонація только скользнула.

— Я противъ всѣхъ этихъ курсовъ, и бабьей литературы, и разныхъ глупыхъ модностей! Это одинъ пустякъ! И вредный пустякъ!.. Вы, Валерій Ивановичъ, я знаю, стоите за женскій трудъ, а какой толкъ? Хоть бы и у насъ?—онъ кивнулъ головой на дверь въ контору.—Каждая только и думаетъ о томъ, какъ бы ей какого бухгалтера или контролера заполучить въ мужья, а если нельзя, то хоть въ покровители.

Симцовъ нахмурилъ лобъ. Архитекторъ не испугался. Онъ начиналъ уже поговаривать такъ и съ директоромъ, зная, что его репутація растетъ и ему любое общество дастъ хорошій окладъ.

— Женскій трудъ тутъ ни при чемъ, — выговорилъ Симцовъ.

— И весьма! Только сбивать цѣну мужчинамъ и разводить второсортную работу во всемъ, въ родѣ прахòвого жидовскаго товара!..

— Да я не объ этомъ,—ужъ немного раздраженно возразилъ Симцовъ. — Такъ вы увѣрены, что для васъ лично не существуетъ никакой опасности со стороны женщинъ? Вы отвѣчаете за себя?

— Всенепремѣнно! Ха-ха!

Опять его ядрёный смѣхъ разсыпался по обширной комнатѣ.

„Этакое животное!“—выбранилъ его про-себя Симцовъ,

и ему сдѣлалось физически тяжело отъ присутствія Шульцева.

„Вотъ такъ генерація!“—почти гнѣвно думалъ онъ, закуривая сигару. Ему уже невыносимо стало разговаривать; онъ даже изумился: зачѣмъ онъ заговорилъ съ нимъ на такую тему?

По-дѣтски захотѣлось ему видѣть этого увѣреннаго въ себѣ и самодовольнаго петербуржца въ какой-нибудь петлѣ, захлестнутой рукой женщины...

Улыбка стала блуждать по губамъ Симцова; дымъ сигары обволакивалъ его лицо, рука перелистывала бумаги. Отъ стола, гдѣ работалъ Шульцевъ, доносилось до него особаго рода пыхтѣнье—громкое дыханье посомъ.

„Этакое животное!—продолжая улыбаться, во второй разъ выговаривалъ Симцовъ про себя.— И, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ онъ уйдетъ отъ всего того, что мы сумѣли нагромоздить въ нашей жизни?..“

Онъ не докончилъ своей думы.

— Кому?—раздался звонкій вопросъ Шульцева.

— Валерію Ивановичу.

Симцовъ узналъ голосъ дежурнаго артельщика.

— Что такое?—спросилъ онъ.

— Письмо вамъ, по городской...

— Подайте.

Если бы письмо было Шульцеву, тотъ сказалъ бы „подай“... Говорить „вы“ сторожамъ, артельщикамъ, всякимъ служителямъ считалъ онъ „распущенностью“.

Симцовъ, когда артельщикъ протягивалъ ему письмо, подумалъ-было:

„Отъ жены?!“

Но рука на конвертѣ не похожа на почеркъ Аполлинаріи Кирилловны. Онъ довольно долго держалъ передъ глазами конвертъ. Какъ будто бы онъ и зналъ этотъ почеркъ... Даже хорошо зналъ, или зналъ когда-то. Только рука стала менѣе тверда и буквы помельче.

Но *когда* зналъ онъ этотъ почеркъ?..

Что рука женская, Симцовъ не сомнѣвался—и это его тревожило.

Съ замѣтной нерѣшительностью надорвалъ онъ конвертъ и вынулъ оттуда письмо, на листкѣ дешевой почтовой бумаги съ линейками.

Прежде всего бросилъ онъ взглядъ на подпись, когда развернулъ листокъ, сложенный втрое.

Тамъ стояло: „Л. Босякова“.

Онъ усмѣхнулся. Фамилія показалась ему забавной.

„Босякова“? Такого звука онъ, кажется, никогда не слыхалъ. Вѣроятно, проситъ на бѣдность... Этого рода письма получалъ онъ по десятку и больше въ мѣсяцъ, и почти всегда ихъ адресовали не на его квартиру, а въ помѣщеніе общества.

„Добрый Валерій Ивановичъ,—читалъ онъ про себя и взглядывалъ на курчавую голову Шульцева,—вы меня, быть-можетъ, чуточку помните?.. Не мало времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы видались и вы принимали во мнѣ такое теплое участіе“...

„Такъ и есть,—вымолвилъ онъ про себя,—какая-нибудь старая исторія“,—но онъ все-таки не могъ сразу догадаться, кто ему пишетъ.

„Вы, конечно, не припомните фамиліи моего мужа. Я—Людмила Воронова... Теперь помните?“

Архитекторъ въ эту минуту взглянулъ на него.

— Что, Валерій Ивановичъ? Небось, какая просительница допекаетъ, честнаго труда ищетъ?..

Ему захотѣлось крикнуть:

— Да замолчите вы, пошлякъ!

Онъ даже началъ краснѣть, но ничего не отвѣтилъ, пустилъ густую струю дыма, заслонившую отъ него лицо Шульцева.

„Много воды утекло,—продолжалъ онъ разбирать руку, дѣлавшуюся менѣе четкой,—и вотъ, я уже почти старуха, перевалило за тридцать, одна здѣсь, въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, больная такъ, что не могу двинуться дальше своей комнаты, а между тѣмъ мои силы необходимы были бы...“

„Господи! Какъ это длинно!“ — вырвалось мысленно у Симцова.

„Необходимы были бы,—повторилъ онъ,—вдвойнѣ именно теперь, когда съ моимъ мужемъ стряслась бѣда, и онъ находится подъ судомъ... Я вѣрю тому, что вы, Валерій Ивановичъ, остались все такимъ же хорошимъ идеалистомъ, человѣкомъ шестидесятыхъ годовъ...“

Тутъ онъ перескочилъ черезъ нѣсколько строкъ и болѣе поспѣшно дочелъ конецъ:

„Навѣстите меня, хотя на нѣсколько минутъ... Вы сами увидите, въ какой обстановкѣ я живу... Остальное подскажетъ вамъ ваше великодушное сердце!“

„Сердце!.. Хорошій идеалистъ! Человѣкъ шестидесятыхъ годовъ!“—почти гнѣвно повторялъ онъ.

Ему припомнилось все — и Людмила Воронова, и его остывшее давно чувство къ этой дѣвушкѣ, и то, какъ онъ „развивалъ“ ее, и что изъ этого развитія вышло.

„Хорошій идеалистъ!“

Эти два слова показались ему безпощаднымъ издѣвательствомъ.

— Небось, угадалъ?—раздался вопросъ Шульцева.

Онъ заставилъ его еще сильнѣе покраснѣть, и тотчасъ ему стало стыдно своей черствости. Онъ положилъ письмо въ карманъ, всталъ, взялъ шляпу и, не прощаясь съ архитекторомъ, вышелъ.

VII.

— Гдѣ здѣсь живетъ госпожа Босякова?— спрашивалъ Симцовъ у дворника.

Онъ стоялъ на тротуарѣ длиннаго проѣзда, вдоль главнаго фасада.

— Во второмъ дворѣ, квартира номеръ двадцать седьмой.

Дворникъ оперся о метлу, другой рукой указалъ въ глубь проѣзда.

Не сразу отыскалъ Симцовъ эту квартиру. Надо было походить по лѣстницамъ, довольно грязнымъ, съ запахомъ помоевъ и квашеной капусты... Спросить не у кого, номера надъ дверями не перечислены.

Въ немъ не прошло настроеніе, какое погнало его изъ директорской комнаты. Поднимаясь по одной изъ лѣстницъ, онъ все еще чувствовалъ, что „исполняетъ долгъ“... Но подбиралось и другое что-то... Старая обида мужчины.

Вѣдь то, что *было*, дѣйствительно залегло въ его прошлое, и не такое дальнее... Эта Людмила теперь почти проситъ на бѣдность, а давно ли она играла съ нимъ, затягивала его, видѣла, какъ разрастается его чувство, принимала его поддержку и увертывалась, какъ будто не понимала, что въ немъ говоритъ, несмотря на свои весьма широкіе взгляды на любовь, бракъ, отношенія половъ, не шла на полное сближеніе съ нимъ, потому что онъ ей недостаточно нравился, а у ней не хватало честности и прямоты сказать это ему на первыхъ порахъ ихъ болѣе интимнаго знакомства?..

И то вѣдь правда, что все та же Людмила знала довольно подробно, какъ онъ былъ неудаченъ въ женитьбѣ,

сколько горечи и ѣдкихъ волненій перенесъ изъ-за дочери, какъ страдалъ отъ своего одиночества... Достаточно могла она изучить его, понять, что такой человѣкъ, какъ онъ,—ему тогда шелъ всего тридцать шестой годъ,— отдайся она ему смѣло и просто,—а это не противорѣчило ея взглядамъ,—сталъ бы жить съ ней, какъ мужъ; онъ *тогда* способенъ былъ самъ энергически начать свое освобожденіе отъ Аполлинаріи Кирилловны, купить у ней разводъ. Никогда онъ не оскорблялъ эту Людмилу хотя бы косвеннымъ предложеніемъ человѣка со средствами — сдѣлаться ея тайнымъ покровителемъ. Да и она никогда не говорила ему:

„Я не буду вашей содержанкой!“

Не это удерживало ее, а то, что онъ не былъ для нея „интересенъ“... Она сначала думала только о томъ, какъ ей „развиться“ и стать на трудовую дорогу, съ его помощью, а потомъ увлеклась...

И кѣмъ? Да вотъ какимъ-то Босяковымъ, котораго онъ никогда кажется въ глаза не видалъ... И тутъ она поступила неискренно, скрывала отъ него, потому что понимала и видѣла его серьезное чувство къ себѣ... А этотъ Босяковъ взялъ ее сразу, грубо, властно, дерзостью увѣреннаго въ себѣ покорителя сердецъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она пропадала по цѣлымъ недѣлямъ.

И она сначала *жила* съ нимъ... Это несомнѣнно. И потянулась съ нимъ изъ Петербурга... Кончилось это бракомъ; а теперь вотъ...

Разрастающееся горькое чувство Симцова вдругъ улеглось, когда онъ поднялся на верхнюю площадку, совсѣмъ темную, и наткнулся ногой на что-то въ родѣ кадушки.

Ощупью нашелъ онъ звонокъ, безъ ручки, съ обмерзлымъ концомъ желѣзнаго прута.

Не сразу отворили ему.

Въ узкую переднюю, отдѣленную перегородкой отъ кухни, впустила его кухарка, хмурая, въ сапогахъ, съ заткнутой за поясъ ситцевой юбкой.

— Вамъ кого?

— Людмилу Дмитріевну Босякову.

— Жилицу?

— Да.

— Сейчасъ... Войдите... Дверь-то надо запереть...

Хмурый и даже грубоватый тонъ этой кухарки пока-

зывалъ, что „жилица“, конечно, задолжала квартирной хозяйкѣ за постой, и прислуга ей грубитъ.

Кухарка даже не сняла съ него его дорогой ильковой шубы.

Онъ искалъ вѣшалки. Ея не было.

— Пальто снимите въ комнатѣ... Калоши тутъ оставьте.

— А идти куда?

— Прямо дверь, черезъ комнату, а потомъ налѣво...

У ней нѣтъ, стало-быть, и особаго хода.

Симцовъ долженъ былъ нагнуться, когда вступалъ въ первую комнату—дверь показалась ему слишкомъ низкой. Онъ снялъ шубу, остановился передъ дверкой, слѣва, и постучалъ.

Оттуда спросили:

— Кто тамъ?

Голосъ Людмилы онъ узналъ, но звукъ его былъ гораздо слабѣе и какъ будто хриповатый.

Онъ пріотворилъ дверь и сказалъ вполголоса:

— Это я, Людмила Дмитріевна... Я, Симцовъ.

— Ахъ!.. Сейчасъ!.. Извините! Я не ожидала.

— Ничего, я подожду...

И онъ попятился въ проходную комнату.

— Минутку, добрый Валерій Ивановичъ, только одну минутку!..

Вѣроятно, она прихорашивалась... Послышались медленные, почти тяжелые шаги... Черезъ минуту, она возбужденнымъ голосомъ позвала его:

— Пожалуйте, Валерій Ивановичъ!

На кушеткѣ, служившей ей и постелью, она лежала въ блузѣ, покрытая плэдомъ, упираясь головой въ подушку.

Онъ съ трудомъ бы узналъ красавицу-Людмилу, встрѣться онъ съ ней на улицѣ. Остались только густые, немного вьющіеся свѣтло-пепельные волосы, неловко захваченные круглой гребенкой, да глаза, миндалевидные, изсиня-голубые, почти синіе, уже потерявшіе половину блеска, да прямой, длинноватый и тонкій носъ... Лицо посѣрѣло, обтянулось книзу; губы блѣдныя и потрескавшіяся; на щекахъ и на переносицѣ желчевыя пятна...

Отъ нея шелъ лѣкарственный запахъ. Изъ отложного воротника темной блузы глядѣла шея, когда-то бѣлая и твердая; теперь съ вялыми мышцами, потерявшая свою бѣлизну. Пышный бюстъ тоже исчезъ. Подъ складками

блузы чувствовалось исхудалое тѣло; только кость осталась широкая.

Людмила Дмитріевна приподнялась и сидѣла на кушеткѣ; плэда съ ногъ не скидала.

— Благодарю васъ,—выговорила она и протянула Симцову обѣ руки.—Сядьте тутъ.

Онъ присѣлъ на ничѣмъ не обитый табуретъ, невольно отвелъ взглядъ свой отъ нея и прошелся имъ по комнатѣ. Тѣсно и душно было въ ней. На одномъ окнѣ штора завернулась и прутъ стоялъ поперекъ. Правѣе, на столѣ, съ оторванной клеенкой, валялась жестянка изъ-подъ сардинокъ, картузъ съ табакомъ и гильзы.

Папиросы лежали и около кушетки, на стулѣ.

Уныло и почти неловко почувствовалъ себя Симцовъ, неловко болѣе за эту молодую женщину, чѣмъ за себя.

Ея глаза обратились къ нему съ улыбкой, но ротъ, съ поблекшими губами, не скрашивалъ взгляда. Въ немъ было что-то и заискивающее, и неподатливое.

Онъ зналъ это второе выраженіе. И въ тѣ времена, когда Людмила Дмитріевна принимала его поддержку, въ видѣ работы и даже платы за ея лекціи, онъ наталкивался на эту внутреннюю неподатливость—не только красивой дѣвушки, но и личности, которая смотрѣла на него, какъ на добраго и женолюбиваго „дилетанта“ и „эстетика“—не больше: такъ случалось ей и называть его, въ глаза...

Ни нужда, ни болѣзнь, должно-быть, не сломили еще этого взгляда.

— Что съ вами?..—спросилъ онъ, наклонившись къ ней.

Она продолжала держать его руку въ своихъ горячихъ и немного влажныхъ.

Это прикосновеніе не согрѣло его.

— Совсѣмъ калѣка, добрый Валерій Ивановичъ. Докторъ приказываетъ лежать по цѣлымъ днямъ...

Голосъ ея сталъ гораздо глуше и съ хрипотой, что̀ онъ схватилъ ухомъ еще изъ проходной комнаты.

„Какая-нибудь изнурительная хроническая женская болѣзнь“,—подумалъ онъ, и ему стало ее жалко, онъ даже успѣлъ упрекнуть себя въ сухости.

— Надо лежать, если велятъ, — выговорилъ онъ ласковѣе.

Она повернулась къ нему всѣмъ лицомъ и выпустила его руку изъ своихъ.

— Да, надо, — со вздохомъ сказала она. — А мнѣ это лежаніе—чистая петля!

Щеки ея немного покраснѣли и глаза сдѣлались влажны.

„Неужели она стала слезлива?“—подумалъ онъ и ожидалъ истерической сцены.

— Вы не знаете... мы такъ давно не видѣлись... Мужъ мой...

Она не докончила и взглянула на него вопросительно, но безъ всякаго смущенія.

— Господинъ Босяковъ?..

— Какъ вы это строго выговорили, Валерій Ивановичъ... Что же, звукъ не хорошъ, не барскій?

— Почему же?

— Да я васъ знаю: вы все такой же аристократъ...

— Будто?—спросилъ онъ тихо и съ ласковой усмѣшкой.

— Ну, да васъ не передѣлаешь... Да и не зачѣмъ было вамъ мѣняться, понятное дѣло!

Эта поговорка: „понятное дѣло“—отнесла его къ ихъ долгимъ разговорамъ и спорамъ, когда онъ развивалъ ее; потомъ видѣлъ съ каждымъ днемъ, что она ускользаетъ даже изъ-подъ его умственнаго вліянія.

— Какъ не зачѣмъ? Помните, у Пушкина:

„И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я?..“

Онъ хотѣлъ-было продолжать:

„Но здѣсь опять...
Минувшее меня объемлетъ живо“.

И не досказалъ: это была бы фальшь. Хотя минувшее и обнимало его, но только совсѣмъ не такъ, какъ онъ желалъ.

— Вотъ видите... Сѣдина въ волосы, а на умѣ все стихи... Зачѣмъ вамъ мѣняться, вы припѣваючи живете.

— Вы думаете?—спросилъ онъ, и голосъ его, противъ воли, дрогнулъ.

— А то какъ же?.. Жаловаться на судьбу... вы, Валерій Ивановичъ, всегда бывали великій мастеръ.

„Пожалуй, и это правда“,—подумалъ онъ, но ему былъ, однако, непріятенъ тонъ Людмилы Дмитріевны. Самый ея голосъ прохаживался по его нервамъ, точно грифель по доскѣ.

Оправдываться или осадить ее какой-нибудь чопорной

фразой онъ не хотѣлъ. Жалость къ ней не проходила въ немъ.

— Вашъ мужъ?..

На этотъ вопросъ она отвѣтила возбужденно.

— Его запутали... Онъ находится здѣсь... Сидитъ.

— Въ предварительномъ?

— Нѣтъ... При части!

Почти съ негодованіемъ кинула она эти два слова.

— По... какому?—тихо спросилъ Симцовъ и наклонился къ ней еще ниже.

— Знаете, самъ квартальный не разберетъ!.. Но обвиненіе вздорное... Ничего не будетъ значить выйти оттуда. Нужно простое поручительство.

Глаза ея пытливо остановились на немъ.

„Какъ она его любитъ!— подумалъ Симцовъ и прибавилъ вслѣдъ затѣмъ:—Поручитель, это, конечно, я".

Онъ такъ и поглядѣлъ на нее.

Щеки ея все разгорались... И такъ же порывисто продолжала она говорить. Про дѣло своего мужа она не дала никакихъ опредѣленныхъ подробностей.

Симцовъ слушалъ терпѣливо. Но въ немъ опять начало подниматься то горькое чувство, что̀ охватило его четверть часа назадъ, когда онъ отыскивалъ ея квартиру... Не остатокъ симпатіи къ нему звучитъ въ ея словахъ, а упорная любовь къ своему мужу, желаніе обѣлить его, хотя, по всей вѣроятности, онъ просто на чемъ-нибудь проворовался... Не будь дѣла, сама бы она и не заглянула къ нему, очутившись въ Петербургѣ. Развѣ она когда-нибудь интересовалась имъ серьезно, даже и не въ любовномъ смыслѣ, а какъ человѣкомъ извѣстной эпохи, его идеями, правилами, начитанностью? Она заставляла заниматься только собою, да иногда, вскользь, жалѣла о томъ, что онъ не свободенъ; но и въ этомъ не была искренна. И мужа своего она, навѣрно, не знаетъ, а создала себѣ миражъ... Таковы всѣ женщины, во всѣхъ ихъ отношеніяхъ къ мужчинамъ.

— Вамъ угодно,—спросилъ онъ ее,—чтобы кто-нибудь поручился за вашего мужа... чрезъ мое посредство?

— Ахъ, Валерій Ивановичъ! Какой слогъ? Посредство?.. Неужели я ошиблась въ васъ?

Ротъ ея оттянула презрительная мина. Его это кольнуло, виски его стали влажны.

Но онъ не могъ отвѣтить ей рѣзкостью или съ чопорнымъ достоинствомъ.

Она закурила въ эту минуту папиросу и пустила густую струю дыма, откинулась головой на подушку и согнула колѣна подъ плэдомъ.

— Это не похоже на прежняго Симцова!

Онъ сталъ ее успокаивать. Отъ поручительства онъ не отказывается въ принципѣ, но надо ознакомиться хоть немного съ дѣломъ. У него есть пріятель — добрый и краснорѣчивый человѣкъ. И его защиту можно будетъ добыть.

Эту успокоительную рѣчь она перебила, сказавъ, гдѣ именно содержится ея мужъ, написала ему карандашомъ записку и дала адресъ судебнаго слѣдователя.

И вдругъ ослабла, смертельно поблѣднѣла, вся вытянулась и замирающимъ голосомъ выговорила:

— Уходите! Это—припадокъ. Я разсчитываю на васъ...

Онъ позвалъ кухарку и, уходя, сунулъ ей въ руку ассигнацію.

VIII.

— И такъ, Сима, вы берете этого вагабундуса на поруки?

Люцій стоялъ у дверей кабинета съ портфелемъ.

— Да куда вы такъ торопитесь. Посидѣли бы!

— Опоздаю... У меня дѣловой визитъ къ одному пріѣзжему москвичу.

— Четыре тысячи, вы говорили?

— Четыре.

— А онъ такой, что и улизнетъ?

— Возможно...

— Но я обнадежилъ его жену.

— Сима, я васъ не осуждаю, если и поплатитесь, то во имя все того же мірового стремленія.

— Ахъ, полноте!..

Онъ могъ бы отказать Босяковой. Прямого нравственнаго обязательства онъ вѣдь не бралъ на себя... Но это будетъ похоже на месть за то, что она, крайне нуждавшаяся, тусклая и маловоспитанная дѣвушка, не отвѣтила, когда-то, на его порывъ и предпочла ему какого-то „вагабундуса“, какъ назвалъ его сейчасъ Алексѣевъ.

— Я за него поручусь.

— Превосходно! Желаете сами ознакомиться съ нимъ?

— Не особенно.

— Онъ придетъ, когда получитъ свободу, не затѣмъ, чтобы поблагодарить васъ, а чтобы попросить у васъ денежнаго подкрѣпленія. *A rivederci.*

Тихій смѣхъ Люція смолкъ за портьерой кабинета.

Симцовъ сидѣлъ въ это утро дома.

Онъ пользовался своимъ воскресеньемъ. Ему никуда не хотѣлось ѣхать. Прасковья Семеновна у родныхъ, въ подгородной деревнѣ, гдѣ прогоститъ нѣсколько дней... Отъ Аполлинаріи Кирилловны не было никакихъ новыхъ засыловъ. Можетъ-быть, она уже и улетѣла изъ Петербурга.

Въ тѣлѣ чувствовалъ Симцовъ полное спокойствіе, болѣе того, всѣ нервы были точно притуплены. Ни на что онъ не желалъ откликаться.

— Будь, что будетъ!

Эта вялость не возмущала его нисколько, скорѣе радовала. Кто бы его ни навѣстилъ, даже архитекторъ Шульцевъ, онъ невозмутимо выслушивалъ бы его, покуривая сигару и тихо улыбаясь.

Вотъ, какъ разъ, звонокъ. Онъ не измѣнилъ даже своей полулежачей позы въ большомъ креслѣ, гдѣ можно и сидѣть полулежа, и преспокойно дремать...

Его камердинеръ не торопился отпирать парадную дверь, а ему лѣнь было привстать и приложить палецъ къ пуговкѣ электрическаго звонка.

Глухіе шаги донеслись изъ передней. Кто-то сказалъ всего одно слово, дверь за нимъ захлопнули не сразу.

„Почтальонъ“,—апатично подумалъ Симцовъ и даже не спросилъ себя мысленно, отъ кого: отъ Котомлиной, отъ жены, а то, быть-можетъ, отъ Босяковой; торопитъ его, стыдитъ, пожалуй, требуетъ?

— Газеты?

— Никакъ нѣтъ! письмо... заказное...

— Расписались?

— Такъ точно.

Заказное? Стало, кто-нибудь пишетъ о дѣлѣ.

Онъ протянулъ руку и взялъ письмо съ подноса, на которомъ человѣкъ подалъ ему.

„Отъ Наты!“

Конвертъ сорвалъ онъ оживленнѣе. И съ первыхъ словъ письмо, съ крупнымъ отчетливымъ почеркомъ, начало его согрѣвать. Къ концу четвертой страницы Сим-

цовъ уже всталъ и заходилъ по кабинету; онъ долго держалъ письмо въ рукѣ и перечитывалъ изъ него отдѣльныя мѣста.

Ната просится къ нему... Она кончила курсъ въ гимназіи, поступила на мѣстные курсы, но ей тамъ не нравится... Ее влечетъ въ Петербургъ. Да и въ семействѣ его кузины ей, должно-быть, не совсѣмъ пріятно. Она прямо не жалуется, но можно понять, что у нихъ не лады. Кузина давно не писала ему... Вѣроятно, и ея долгое молчаніе не спроста. Ната съ характеромъ, прямая, горделивая, горячая натура, пишетъ какъ молодой мужчина, такимъ же твердымъ и яснымъ тономъ, какъ и ея почеркъ.

А вѣдь онъ совсѣмъ ее забылъ!.. Все рѣже и рѣже писалъ онъ ей. Видѣлся разъ въ годъ. Послѣднее лѣто и не выписывалъ ее, ѣздилъ одинъ на воды; она гостила у какихъ-то подругъ „хохлушекъ“ на хуторѣ, въ Екатеринославской губерніи, конецъ лѣта провела въ Крыму.

Краска душевнаго смущенія выступила на его щекахъ... Дочь не дѣлала ему упрековъ, но онъ самъ стыдился себя... Вотъ чего ему недостаетъ! Такой именно дѣвушки, да еще родной дочери, которую онъ малодушно удалилъ отъ себя.

Ната и поможетъ ему начать совсѣмъ иную жизнь, привяжетъ его къ себѣ заново, освободитъ его отъ другихъ женщинъ.

И разводъ съ женой представлялся ему уже не въ томъ свѣтѣ... Онъ не боялся его; не смущала его и свобода, за которой глядитъ новая неволя—бракъ съ Котомлиной... Въ чувствѣ къ Натѣ, въ жизни съ ней душа въ душу, въ каждодневномъ участіи въ ея работахъ, идеяхъ, планахъ, радостяхъ, во всемъ, что дѣвичья чистота и честность внесутъ съ собою въ его полухолостую квартиру, онъ найдетъ исходъ, и все уладится.

Сейчасъ же напишетъ онъ депешу дочери.

Онъ это и сдѣлалъ; приказалъ человѣку послать кучера. Выѣзжать онъ до вечера не будетъ, да и вечеръ лучше провести дома.

Ему не хочется портить свое теперешнее настроеніе. Куда бы поѣхалъ онъ? Обѣдать въ клубъ? Но тамъ онъ найдетъ все тѣ же лица... Вице-директоръ департамента, съ гнусавой дерзкой рѣчью, прозванный въ газетахъ „оберъ-нахаломъ“, облѣзлый генералъ изъ „моментовъ“,

съ эксельбантомъ, съ „ученымъ“ разговоромъ о „крайнемъ Востокѣ“, или другой военный, испитой и длинный, записной игрокъ, чахоточный и наводящій тоску, или адвокатикъ съ акцентомъ, липкій и тошный, съ своей безвкусной болтовней о „барынькахъ“ свѣта и полусвѣта.

И непремѣнно кто-нибудь изъ этихъ господъ очутится противъ него, за длиннымъ столомъ, будетъ мѣшать ему ѣсть, окунетъ его въ вязкую петербургскую клубную дребедень, которую всѣ эти мужчины считаютъ жизнью и карьерой. Да если и никто не подойдетъ къ нему за обѣдомъ,—одинъ видъ этой столовой, съ бѣлыми стѣнами и громадными портретами, съ конторкой экономa, около двери въ кухню, съ мелькающими синими фраками лакеевъ, удалитъ отъ того, что наполняетъ его теперь...

Онъ позвонилъ и приказалъ слугѣ сказать кухаркѣ, что обѣдать будетъ дома. Кухарка держалась больше для завтрака, но иногда онъ оставался или приглашалъ къ себѣ, къ столу. Готовила она „за повара“ и завѣдывала, кромѣ того, бѣльемъ и всѣмъ съѣстнымъ хозяйствомъ.

Тутъ же подумалъ онъ и о томъ, что кухаркѣ — женщинѣ очень трезвой и очень честной—слѣдуетъ поручить пріисканіе хорошей горничной для Наты... Вѣдь Ната можетъ пріѣхать черезъ недѣлю... А у него хоть и большая квартира, но все устроено для холостой жизни...

Гдѣ же помѣстить дочь?

Въ квартирѣ, кромѣ комнатъ, нужныхъ самому хозяину и человѣку — кухарка спитъ за перегородкой кухни, — была еще одна комната, гдѣ сложены всякія старыя вещи, чемоданы, стоитъ шкапъ съ лишнимъ платьемъ. Больше ничего не имѣлось.

Это огорчило Симцова... Но онъ предоставитъ свою спальню Натѣ. Изъ нея выйдетъ и прекрасный будуаръ, если ее перегородить красивой драпировкой... А онъ, временно, помѣстится въ той лишней комнатѣ или просто будетъ спать на широкомъ диванѣ кабинета... Спальня, какую онъ себѣ отдѣлалъ, лишняя роскошь, да и претензія. Въ кабинетѣ даже и здоровѣе спать, и диванъ такой удобный.

Онъ пошелъ въ спальню, чтобы оглядѣть ее въ мельчайшихъ подробностяхъ и сообразить, какъ устроить перегородку, въ какомъ именно направленіи. Вошелъ онъ туда и остановился у дверей... Его въ первый разъ почти заставилъ отшатнуться запахъ этой обширной и нарядной

комнаты, да и вся ея отдѣлка: бѣлая кровать съ позолотой подъ балдахиномъ, трехстворчатое трюмо, обивка изъ атласа абрикосоваго цвѣта.

Неужели онъ могъ самъ, по собственному выбору, остановиться на такой отдѣлкѣ? Да вѣдь это спальня куртизанки, а не сорокалѣтняго мужчины, занимающаго дѣловой постъ, отца взрослой дочери!..

Никогда еще, до того, ему не дѣлалось совѣстно отъ вида своей спальни... Подобная отдѣлка явилась не спроста. Она выражала главный интересъ его жизни—и такъ еще недавно, не дальше, какъ недѣлю тому назадъ. Сюда онъ привлекалъ свою тайную сожительницу... Она сидѣла на этомъ диванчикѣ и глядѣлась въ это трюмо, скромно любовалась своимъ еще стройнымъ станомъ и поддерживала его чувственное влеченіе... Она же—его любовница и будущая вторая жена — оставила въ немъ флаконъ своихъ духовъ и просила его не мѣнять ихъ, прыскать ими изъ пульверизатора... Вотъ онъ стоитъ на туалетѣ, напоминающемъ также ихъ свиданія, съ полнымъ наборомъ всѣхъ вещей для женской прически, съ зеркаломъ въ серебряной оправѣ.

И сюда онъ помѣститъ Нату? Никогда!..

Надо отдѣлать заново ту лишнюю комнату, превратить ее въ будуаръ молодой дѣвушки, изящный и цѣломудренный, обить его кретономъ весь—и потолокъ, и стѣны, и мебель, а эту кокоточную спальню просто запереть, взять изъ нея кое-что изъ мебели... Спать онъ будетъ въ кабинетѣ—это рѣшено.

И ни разу не подумалъ Симцовъ о томъ, что вѣдь зима долга, встрѣча Наты съ Прасковьей Семеновной неизбѣжна, и даже въ его квартирѣ... Онъ велѣлъ человѣку отпереть комнату, запертую на ключъ, и сейчасъ же занялся соображеніями о томъ — какъ ее отдѣлать. Ее не топили, но она смотритъ весело со своими свѣтлыми обоями и показалась ему просторной... Въ ней было два окна. Драпировать всего лучше уголъ, вправо отъ входной двери, и поставить кровать у стѣны. Мѣста останется довольно для уютнаго будуара... Воображеніе разыгралось у него: онъ уже видѣлъ всю комнату въ кретонѣ нѣжнаго цвѣта съ васильками и макомъ... ближе къ одному изъ оконъ, подъ купой растеній—небольшое дамское бюро, совсѣмъ приготовленное для письма; на стѣнахъ этажерки, въ простѣнкѣ шифоньеръ съ зеркаломъ... Онъ поста-

вилъ бы то, изъ спальни, но овладѣвшая имъ деликатность родительскаго чувства подсказала ему, что и этого дѣлать не слѣдуетъ.

Полный живыхъ и теплыхъ мыслей и заботъ вернулся Симцовъ въ кабинетъ и сейчасъ же принялся онъ за большое письмо Натѣ... Въ депешѣ его уже стояла фраза: „подробности въ письмѣ". Она и его получитъ черезъ три дня, а раньше она ни въ какомъ случаѣ выѣхать не можетъ, тѣмъ болѣе, что его кузина ничего, повидимому, еще не знаетъ о ея планѣ. Кузинѣ онъ напишетъ позднѣе, завтра, чтобы не портить себѣ всего этого дня.

Когда онъ положилъ передъ собой листикъ англійской маисовой бумаги съ его монограммой и оглянулъ свой огромный столъ чернаго дерева со множествомъ бронзы, то, съ чѣмъ онъ пришелъ въ кабинетъ, не испарялось... Да, ему только и хорошо отъ нѣжной и серьезной думы о дочери. Слѣва стоялъ фотографическій портретъ Наты, снятый года два передъ тѣмъ, въ платьѣ гимназистки и въ фартукѣ. Черты еще не вполнѣ сложились въ выраженіе взрослой дѣвушки, немного крупныя. Но ему казалось, что у ней есть сходство съ нимъ, если не въ отдѣльныхъ линіяхъ, то въ общемъ типѣ.

Милое открытое энергическое лицо... Глаза большіе, смотрятъ очень смѣло, безъ всякой рисовки и сладости; станъ уже сформированъ, плечи падаютъ мягкою округлостью. Теперь она еще подросла, развилась.

И вспомнились ему внезапно и въ цѣлой вереницѣ сцены послѣ похищенія Наты, когда она жила съ нимъ на дачѣ. Онъ ее оберегалъ, не оставлялъ одну... Нѣтъ, не сентиментальность говорила въ немъ тогда — настоящая кровная связь и радость, что вырвалъ ее изъ рукъ дрянной и хищной матери. Что бы она была, несчастная, не вырви онъ ее изъ рукъ Аполлинаріи Кирилловны?!

Этотъ вопросъ мирилъ его, хотя нѣсколько, съ самимъ собою. Вѣдь это было не плохое дѣло — спасти ребенка, дать ему воспитаніе и оградить отъ всего грязнаго и унизительнаго. Положимъ, это прямая обязанность отца, но все-таки...

Слезы прокрались на его рѣсницы. Онъ не сдерживалъ ихъ... Давно ничего настолько сладкаго, облагораживающаго и жизненнаго не испытывалъ онъ...

Перо понеслось по твердому матовому листку. Слова сами просились на бумагу. Онъ точно хотѣлъ загладить

свои рѣдкія письма послѣднихъ мѣсяцевъ и говорилъ съ Натой, какъ съ существомъ, въ которомъ вся цѣль его жизни. Онъ звалъ ее и наивно разсказывалъ ей, какъ они заживутъ и какъ онъ, на другой же день, примется отдѣлывать ея комнату... Ей нечего бояться никакого непріятнаго объясненія съ теткой... Та будетъ предупреждена его письмомъ, и дѣло обойдется такъ, какъ будто бы это—желаніе его самого: перевести ее сюда на курсы. Она найдетъ здѣсь и программы, и все. А если поступить настоящей курсисткой поздно, то она побудетъ въ вольныхъ слушательницахъ. Обѣщалъ онъ для нея познакомиться съ профессорами; свою библіотеку вмѣстѣ со всѣмъ кабинетомъ будетъ предоставлять ей по цѣлымъ днямъ.

Одного листка ему недостало. Онъ исписалъ восемь страницъ.

IX.

— Господинъ Босяковъ! — доложилъ Симцову камердинеръ въ концѣ той же недѣли.

Этотъ визитъ не былъ для него неожиданностью.

Алексѣевъ освободилъ мужа Людмилы изъ-подъ предварительнаго ареста. Симцовъ поручился за него въ четырехъ тысячахъ; онъ сдѣлалъ это второпяхъ, отвѣтилъ запиской, поглощенный приготовленіями къ пріѣзду Наты и устройствомъ ея помѣщенія.

Когда онъ сказалъ человѣку:—„Просите сюда“,—онъ почувствовалъ, что зашелъ слишкомъ далеко въ своей обязательности...

„Къ чему это?“ — подумалъ онъ и лишній разъ упрекнулъ себя въ малодушіи.

Но дѣло уже сдѣлано. Въ дверяхъ стоялъ мужъ Людмилы.

Симцовъ, со своего мѣста, за письменнымъ столомъ, быстро оглядѣлъ его. Точно будто онъ гдѣ-то и когда-то видалъ его. Но когда?..

И вспомнилъ. Разъ пошелъ онъ проводить Людмилу до ея квартиры. Надъ городомъ стояли бѣлыя петербургскія сумерки. Онъ довелъ ее до воротъ, и они остановились. Ихъ рукопожатіе затянулось.

Подъ воротами шелъ въ ту минуту мужчина, взглянулъ на него, но Людмилѣ не поклонился. Онъ успѣлъ разгля-

дѣть лицо. Людмила не подала и виду, что этотъ господинъ шелъ къ ней.

Да, это былъ Босяковъ. Съ тѣхъ поръ онъ сильно постарѣлъ, кажется ниже ростомъ; темные волосы такъ же длинны, но на маковкѣ просвѣчиваетъ лысина. Симцовъ припомнилъ и мясистый книзу носъ съ вызывающимъ выраженіемъ, и ротъ большой, прикрытый усами и широкой бородой, свѣтлѣе волосомъ, чѣмъ голова... Глаза—подслѣповатые, высматривающіе.

Приди такой „господинъ“ къ нему проситься въ артельщики, въ общество, онъ бы его не принялъ... Ему не понравилось даже и то, какъ онъ одѣтъ: съ умышленной небрежностью—въ черномъ потертомъ сюртукѣ и сѣрыхъ клѣтчатыхъ панталонахъ.

Симцову, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о встрѣчѣ подъ воротами, запала опять въ душу старая обида: Людмила могла предпочесть *его* такому Босякову.

Но онъ сказалъ довольно мягко:

— Прошу покорно.

И указалъ ему рукой на стулъ, по ту сторону стола.

Босяковъ чуть слышно крякнулъ, на особый ладъ тряхнулъ волосами, сѣлъ и сейчасъ же сказалъ низкимъ голосомъ:

— Папироску позволите?

— Пожалуйста!—отвѣтилъ Симцовъ и пододвинулъ къ нему японскій подносикъ съ разными сортами папиросъ.

Тотъ выискалъ себѣ самую толстую и крѣпкую, при чемъ посапывалъ довольно громко.

— Вотъ пришелъ васъ поблагодарить, — началъ Босяковъ, когда затянулся раза два. — По милости вашей погуливаю по Питеру.

— Очень радъ, — выговорилъ Симцовъ какъ можно мягче.

— Да-съ. Не Богъ знаетъ какая сладость, особливо, если шубка находится во временномъ заточеніи, на Казанской улицѣ.

Короткій и дребезжащій смѣхъ обнажилъ его дряблыя десны и мелкіе, плотно сидящіе зубы.

— Вы въ чемъ же? — съ невольнымъ участіемъ спросилъ Симцовъ.

— Въ пальтицѣ, да въ плэдѣ.

Это балагурство уже дѣлало Симцова нервнымъ.

— И то еще хорошо,—продолжалъ Босяковъ,—что, по

неимѣнію при частяхъ арестантскаго мундира, сидѣлъ въ собственномъ костюмѣ, а не въ сермяжномъ пиджакѣ съ цвѣтнымъ воротникомъ, да въ тесемочныхъ лаптяхъ съ портянками... Изволите имѣть понятіе о портянкахъ?..

Вслѣдъ за этимъ вопросомъ Босяковъ оглянулъ кабинетъ, съ его высокимъ потолкомъ, богатыми шкапами, гардинами и бюстами.

— Какъ же вы содержались?.. Въ одиночномъ заключеніи?

— Нѣтъ-съ, въ обществѣ одного джентльмена, древняго рода и отмѣнныхъ талантовъ по части опорожненія общественныхъ сундуковъ. Нашъ даровой гарни былъ переполненъ...

Продолжать все въ томъ же тонѣ Симцову рѣшительно не хотѣлось.

— Чѣмъ же могу служить? — спросилъ онъ, чтобы перейти къ чему-либо дѣловому, фактическому.

— Валерій Ивановичъ — васъ вѣдь такъ величать? — вы, кажется, съ ѳника, на меня особый штандъ-пунктъ имѣете, такъ же, какъ и тотъ прелюбодѣй слова, котораго вы мнѣ прислали?..

— Кто же это?

— Да вотъ тотъ... Интересный брюнетъ... Присяжный повѣренный... Какъ бишь его?..

— Господинъ Алексѣевъ?..

— Именно... Съ дѣломъ моимъ онъ достаточно не ознакомился, а, между прочимъ, началъ меня пытать...

— Что вы говорите! Пытать?..

— Пытать, говорю я, то-есть наводить на добровольное признаніе: „повинись, говоритъ мнѣ, милый человѣкъ, что ты совершилъ пакость, наказуемую поѣздкой въ мѣста не столь отдаленныя“... И даже свою скептическую теорію нравственности началъ разводить... Кажется, и стихъ какой-то цитировалъ...

— Онъ — даровитый и въ высокой степени умный человѣкъ и мой другъ, — съ удареніемъ выговорилъ Симцовъ.

— Не отрицаю ни того, ни другого; только не могу же я, въ угоду этому гуманному и даровитому джентльмену, выставить себя червоннымъ валетомъ...

— Я не навязываю вамъ ничего,—закончилъ Симцовъ сухо.

— Мы найдемъ и другихъ... виртуозовъ слова... А не то такъ и совершенно отъ нихъ откажемся...

— Какъ вамъ будетъ угодно...

— А за симъ, почтеннѣйшій Валерій Ивановичъ, вы не изумитесь, если я прибѣгну къ вамъ за временнымъ кредитомъ... Послѣ продолжительнаго сидѣнія... въ казенномъ гарни, я теперь яко нагъ, яко благъ... Долженъ ютиться въ той комнаткѣ, которую вы удостоили своимъ посѣщеніемъ на-дняхъ, и гдѣ бывшая пріятельница ваша, Людмила Дмитріевна, продолжаетъ все хворать и хворать хронически...

Усмѣшка Босякова, когда онъ произносилъ слова „бывшая пріятельница ваша", не ускользнула отъ Симцова. Въ самыхъ словахъ было что-то безцеремонное и подзадоривающее.

— Ваша жена чѣмъ же собственно страдаетъ?— спросилъ Симцовъ, стараясь не впасть въ раздраженный тонъ.

— Женскіе недуги... Вамъ не особенно лестно будетъ услыхать, что у ней такое, какъ по-латыни называется... Вѣдь вы эстетикъ и Людмилу знали красавицей. Такъ лучше ужъ иллюзію сохранить.

Симцовъ не могъ сдержать брезгливаго движенія рта отъ тона Босякова.

— Мнѣ ее очень жаль,—сумѣлъ онъ выговорить.

— А меня, выходитъ, не жаль?.. Или за прошлое не совсѣмъ довольны?..

И онъ прищелкнулъ языкомъ.

Симцовъ всталъ. Намекъ былъ слишкомъ прозраченъ:

„Вы, молъ, когда-то, баринъ, грибъ съѣли, имѣли виды на мою жену, а она возьми, да и предпочти меня, разночинца,—вы же остались при печальномъ интересѣ".

— Господинъ Босяковъ, — сказалъ Симцовъ, выходя изъ-за стола,—ваша жена достойна поддержки... И я готовъ, чѣмъ могу, облегчить ея положеніе.

— А мнѣ на руки не соблаговолите дать подкрѣпленіе? Валерій Ивановичъ, если честныхъ, трудовыхъ людей поддерживать, такъ надо это дѣлать безъ всякихъ заднихъ мыслей... Вы теперь на Людмилу видовъ имѣть не можете... Она подурнѣла... больная, безъ ногъ. Можетъ-быть, вы уже и раскаиваетесь въ томъ, что связались: взяли меня на поруки, да еще кредитъ должны оказать ея мужу? Лучше ужъ на чистоту говорить... Брезгливыхъ благодѣяній я не желаю... Мнѣ и ваша порука бу-

детъ въ тягость, если тутъ нѣтъ настоящаго добраго намѣренія... Можно и опять въ государственныя меблированныя комнаты!..

Симцовъ продолжалъ сдерживать себя, какъ ему ни хотѣлось сразу обрѣзать нить этого разговора.

— Я откликнулся на просьбу вашей жены, — выговорилъ онъ съ нѣкоторымъ напряженіемъ, — и насильно я никому не желаю оказывать поддержки...

— Да вы, Валерій Ивановичъ, не извольте такъ выгораживать ваше джентльменское обличье...

Глаза Босякова досказали остальное:

„Ты, молъ, для сохраненія своего великодушія, собираешься насъ съ женой облагодѣтельствовать, а у самого давно кошки скребутъ на сердцѣ. Эхъ, ты!“

Въ возбужденномъ негодованіи, взволнованный этимъ разговоромъ, Симцовъ не слыхалъ, что въ передней раздался звонокъ и кто-то вошелъ въ гостиную, сначала сѣлъ къ камину, потомъ опять всталъ. Шаги были скорѣе женскіе, чѣмъ мужскіе.

Если не окрикъ на Босякова, то что-то совсѣмъ не мягкое готово было соскочить съ его губъ, но въ эту минуту онъ взглянулъ въ сторону двери въ гостиную.

Прикрытая наполовину тяжелой портьерой, стояла Прасковья Семеновна. Ея высокая, креповая шляпка и длинный, такой же креповый, вдовій вуаль настолько измѣняли ея голову и лицо, сдѣлавъ ихъ очень молодыми, что онъ не сразу узналъ ее.

Она взглянула на него выразительно. Взглядъ этотъ говорилъ:

„Я тутъ побуду, въ гостиной, или пройду въ столовую... Доканчивайте вашъ разговоръ“.

И она нѣсколько секундъ подождала его отвѣтнаго взгляда или кивка головой.

Но это внезапное появленіе Котомлиной заставило его покраснѣть и сдѣлать нервное движеніе рукой, точно будто онъ хотѣлъ крикнуть Босякову:

„Да оставьте же меня въ покоѣ!“

— Вотъ что, Валерій Ивановичъ,—кончилъ тотъ пріятельскимъ тономъ, — наше положеніе вамъ извѣстно... Людмилѣ нужна дорогая консультація... Я теперь съ волчьимъ паспортомъ... Работишки у васъ не придется клянчить... Не отпускайте меня съ пустыми руками.

Этому выпрашиванію денегъ Симцовъ почти обрадо-

вался, и, въ то же время, почувствовалъ, какъ онъ смущенъ тѣмъ, что Котомлина, уже скрывшаяся изъ-подъ портьеры, слышала слова Босякова.

Онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, досталъ поспѣшно и даже съ легкой дрожью въ пальцахъ нѣсколько бумажекъ и отдалъ ихъ Босякову.

— Мерси! — выговорилъ тотъ и засовалъ бумажки въ жилетный карманъ.

Кажется, онъ еще не думалъ уходить сейчасъ, но Симцовъ началъ наступать на него, молча, съ такимъ видомъ, что нельзя было не догадаться о желаніи выпроводить его.

— Часъ добрый, Валерій Ивановичъ!.. А отъ вашего защитника увольте... Мы сами себя защитимъ... До скораго свиданія!

Босяковъ пятился къ двери задомъ, но успѣлъ на ходу дотянуть свою папиросу и бросить окурокъ въ пепельницу... Можетъ-быть, онъ слышалъ женскіе шаги, пожалуй, и то, что кто-то постоялъ въ портьерѣ... Симцовъ былъ уже и тѣмъ доволенъ, что Прасковья Семеновна не вошла... Онъ удивлялся вообще ея посѣщенію въ такой часъ... Онъ ждалъ ее черезъ два дня... Со смерти мужа она не навѣщала его... Такіи свиданія были не нужны и не приличны. Теперь она измѣнила взглядъ.

Все это мелькало у него въ головѣ, пока Босяковъ не исчезъ изъ-за портьеры. Симцовъ подождалъ еще минуту, прислушиваясь къ скрипу его сапогъ, и, только послѣ звука запертыхъ на крючокъ наружныхъ дверей, вышелъ въ салонъ.

Тамъ не было Котомлиной. Онъ свободнѣе вздохнулъ.

Она показалась изъ столовой, но не сразу пошла къ нему навстрѣчу, а точно подумала: не бросится ли онъ къ ней, не привлечетъ ли къ себѣ на грудь. Но ничего такого онъ не сдѣлалъ. Вышло даже нѣчто неловкое, точно они стѣснены или боятся чего-нибудь. И эти нѣсколько секундъ, когда ихъ раздѣляла гостиная, протянулись во взаимномъ оглядываніи.

X.

— Не ожидали, мой другъ?

Вопросъ Прасковьи Семеновны звучалъ кротко и какъ будто немного грустно.

Она подошла къ нему довольно близко.

„Поцѣловать ее въ лобъ, или нѣтъ?“ — спросилъ себя Симцовъ и ограничился рукопожатіемъ.

— Я думалъ, вы телеграфируете.

Это „вы“ ее не задѣло. У него въ квартирѣ они никогда не говорили другъ другу „ты“—въ гостиной.

— А у васъ сейчасъ былъ проситель,—продолжала она потише и присѣла къ камину.—Что это за тонъ у этого господина?.. Я бы сказала какой-то... шантажистъ... Выгнанный служащій, вѣроятно?

— Нѣтъ... мужъ одной больной женщины, которую я знавалъ еще дѣвицей... И вотъ я долженъ покаяться вамъ въ глупости: я взялъ этого господина на поруки. Онъ сидѣлъ въ предварительномъ заключеніи.

Почему онъ ей признался въ этомъ? Чтобы задержать какое-то объясненіе, съ которымъ она навѣрно пріѣхала къ нему?

Онъ самъ бы не отвѣтилъ вполнѣ опредѣленно.

— На поруки? — переспросила она. — Значитъ, вы за него поручились... въ какой-нибудь суммѣ?

— Да, не въ очень значительной!

— А вдругъ онъ убѣжитъ?..

Въ этихъ вопросахъ Симцову почудилось что-то, отзывающееся супружескимъ любопытствомъ или тревогой за денежныя потери—*жены*, а не возлюбленной. Прежде, и много разъ, та же женщина, бывшая съ нимъ въ тайной связи, хоть и очень деликатно, но узнавала про его интересы, иногда даже остерегала его. Но тогда онъ смотрѣлъ на это какъ на доказательство нѣжной заботы. Теперь оно звучало иначе.

— Не на Богъ знаетъ какую сумму,—почти нехотя повторилъ онъ.

— Вы слишкомъ слабы, другъ мой, — сказала Прасковья Семеновна. — Какъ же позволять такому господину говорить въ подобномъ тонѣ?.. Да еще послѣ того, какъ вы оказали ему благодѣяніе... Жена его... кто же она была?

— Бѣдная дѣвушка... курсистка...

— Вы ее поддерживали? Изъ доброты... или немножко увлекались ею?..

Улыбка скользнула по ея красивому рту, и глазами она усмѣхнулась.

— Какъ вамъ сказать?..

Съ этими словами Симцовъ опустился на кресло.

— Ну, да это вѣдь было очень давно, Валерій, до нашего знакомства?..

— О, да!

Кажется, онъ краснѣетъ. Съ ея губъ все еще не сходитъ тихая, снисходительная усмѣшка.

— Нельзя, мой другъ, такъ позволять себя эксплоатировать.

— Да я вѣдь...

Онъ положительно смущался. И его тонъ, кажется, въ первый разъ дѣлался такимъ приниженнымъ. Точно его поймали на какой-нибудь непозволительной шалости. Обидно ему сдѣлалось отъ звуковъ его голоса, но онъ не могъ быстро овладѣть собою.

— Это ваше дѣло. Но знаете, мой другъ, почему я навѣстила васъ, не предупредивъ?..

— Почему, Полина?

Ему никогда не нравилось это уменьшительное—и почти противно стало оттого, *какъ* онъ произнесъ его.

— Я уѣхала отъ своихъ раньше, чѣмъ предполагала... Мнѣ стало тяжело...

„Ну, пойдутъ слезы“, — подумалъ скорѣе съ радостью Симцовъ, *за то*, что онъ не обязанъ будетъ продолжать разговоръ на тему своихъ отношеній къ женѣ господина Босякова.

— Почему?—совсѣмъ тихо переспросилъ онъ.

— Сказать ли вамъ правду... Валерій?.. Моя мать, въ первый разъ, начала говорить со мною—конечно, больше намеками, чѣмъ прямо — о моихъ отношеніяхъ съ вами...

„Такъ и есть!“—вскричалъ онъ про себя.

— Она узнала о нихъ не отъ меня. Мнѣ всегда было тяжело имѣть отъ нея такую тайну... Но maman безпредѣльно добра. Она боится за меня.

Симцовъ готовъ былъ вскричать:

„За васъ боится?.. За вашу неопытность?“

— Можно ли мнѣ быть съ вами совершенно искренней?

— Что за вопросъ, Полина?

— Maman боится нареканій... И большого увлеченія съ моей стороны...

— Увлеченія?.. Кѣмъ же?—наивно спросилъ онъ.

— Ахъ, Боже мой, вами... Валерій!..

Она должна была бы засмѣяться, будь этотъ разговоръ

при жизни мужа; но лицо ея не мѣняло своего затуманеннаго выраженія.

— Что за мысль?

— Это очень понятно, мой другъ... И она была молода... Она разсуждаетъ такъ: если я, при жизни мужа, отдала вамъ свое сердце, то на свободѣ у меня можетъ закружиться голова.

„Отчего же ты прежде не говорила такихъ вещей?“— тревожно подумалъ онъ, и недоброе чувство сжало ему грудь. Сколько разъ она своей манерой съ нимъ, на тайныхъ свиданіяхъ, показывала ему, какъ она далека отъ какихъ-нибудь притязаній... Тогда не было никакой „maman“... А теперь, когда она можетъ жить, какъ и съ кѣмъ ей угодно, и все прикрывать отъ пересудъ свѣта, вдругъ пошли косвенные укоры совѣсти, намеки и недомолвки.

Но разсердиться онъ положительно не смѣлъ.

— Если бы не квартира моя,— продолжала Прасковья Семеновна,— то я бы уѣхала, на конецъ зимы, на югъ Франціи, а вы бы могли взять отпускъ позднѣе, къ веснѣ...

И она вопросительно взглянула на него.

„Уѣзжайте!“—радостно отвѣтили бы его глаза, если бы онъ не держалъ ихъ нарочно опущенными.

Эта поѣздка за границу значила на языкѣ Прасковьи Семеновны: „возьми на себя трудъ, мой другъ, распорядиться квартирой, и рѣшимъ сейчасъ же, какъ намъ быть: удержать ли мою, какъ наше будущее супружеское помѣщеніе, или ограничиться твоей холостой квартирой, достаточно обширной?“

Она и добавила вслухъ:

— Вы понимаете, Валерій, та квартира... очень удобная, хоть и дорогая, напоминала бы... люди такъ злы... и для насъ обоихъ...

Смыслъ былъ достаточно ясенъ. Это значило прямо: „мы вѣдь женимся, это рѣшено—и остались только подробности“.

Но когда же *это* было рѣшено? Объясненія у нихъ не происходило еще до сегодня... Ни однимъ словомъ, ни однимъ порывомъ или великодушной фразой не обмолвился онъ передъ ней со смерти ея мужа. Стало-быть, она не сомнѣвалась ни минуты, и теперь хочетъ только сдѣлать все какъ можно приличнѣе... И вотъ сейчасъ это будетъ

безповоротно покончено. Онъ переживаетъ послѣднія минуты своей холостой полусвободы... Какъ быть?!

Потъ выступилъ у него на лбу. Никогда еще не находился онъ въ такихъ тискахъ и такъ не презиралъ себя за свое малодушіе... Ну, и скажи сейчасъ:

„Нѣтъ, я не могу жениться! Я усталъ, я слишкомъ израсходовалъ свои душевныя силы на женщинъ... Я никого теперь не люблю страстно, но если бы я къ вамъ и не охладѣлъ, то и тогда я не рѣшился бы на новый бракъ! Дѣлайте со мной, что̀ вамъ угодно, но я не могу!“

Пропуститъ онъ эту минуту — и потянется новая трусливая комедія съ уклончивостью и двоедушіемъ.

Но языкъ не повиновался. Родъ темнаго инстинкта подсказывалъ ему, что такъ лучше, что можно довести эти отношенія до измора, *какъ*—онъ еще не видѣлъ ясно, но можно—не черезъ мѣсяцъ, такъ черезъ полгода...

И эта поѣздка за границу вдругъ представилась ему спасительнымъ якоремъ. Что̀ можетъ быть лучше?

Онъ выпрямился, покраснѣлъ отъ внезапнаго облегченія, провелъ платкомъ по вискамъ и заговорилъ быстро и горячо.

Если она находитъ поѣздку лучшимъ средствомъ все смягчить и прикрыть,—то сто̀итъ ли ей безпокоиться о квартирѣ?.. Онъ беретъ на себя всѣ хлопоты и расходы, сдастъ ее до срока контракта, на выгодныхъ условіяхъ, отъ ея имени, а вещи поставитъ въ складъ.

— Мнѣ совѣстно, — перебила его Прасковья Семеновна, — у васъ, Валерій, и такъ много дѣла... Но мы еще обсудимъ все... Раньше мѣсяца я не уѣду или, по крайней мѣрѣ, двухъ недѣль... А въ мое отсутствіе вы приведете все въ порядокъ... Вѣдь мы, какъ безпечныя дѣти, не подумали еще о главномъ. Ваша жена жива, и ее не легко будетъ склонить къ тому, чтобы она возвратила вамъ свободу.

„Господи!—началъ опять волноваться Симцовъ,—и какимъ изысканнымъ языкомъ говоритъ она... Хоть бы не тянула такъ!“

Сказать о томъ, съ чѣмъ пріѣхала его жена—было необходимо, но онъ этого не сдѣлалъ, взялъ ее за руку, поцѣловалъ, придвинулся къ ней и держалъ руку.

— Не безпокойтесь, милая,—и голосъ его сдѣлался ему противенъ отъ фальши и сладости, — все будетъ сдѣлано въ ваше отсутствіе.

Но надо же выказать хоть какое-нибудь огорченіе по поводу предстоящей разлуки.

— И къ Пасхѣ—я съ вами!

Это была уже сознательная ложь; въ первый разъ онъ такъ обманывалъ кого бы то ни было.... Въ своихъ сношеніяхъ съ женщинами держался онъ строгой честности, доводилъ джентльменство и деликатность до послѣднихъ предѣловъ. А теперь онъ лгалъ, хитрилъ и проводилъ женщину, съ которой нѣсколько лѣтъ былъ въ связи, которой безъ счету разъ изливался въ лирическихъ порывахъ... И вотъ она сидитъ передъ нимъ, вѣритъ ему, пришла сюда съ цѣлью ловко рѣшить вопросъ о бракѣ, а сама попалась впросакъ, не догадывается, что онъ уже давно возмутился: не противъ ея одной, а противъ всѣхъ женщинъ, кого любилъ, кѣмъ увлекался, кому отдавалъ свои душевныя силы.

И это его уже не возмущало, а какъ будто радовало... Наконецъ-то онъ взялся за умъ, обходится съ женщинами, какъ давно слѣдовало съ ними обходиться, пускаетъ въ ходъ хитрость, не идетъ во всемъ прямо грудью впередъ, наивно, глупо позволяя себя за каждый чувственный или сентиментальный порывъ связывать по рукамъ, превращать въ колодника.

Глядитъ онъ на нее прямо и улыбается. И она улыбается ему, повернула свое тонкое лицо въ полъ-оборота, и вдовій вуаль закрылъ часть лѣвой щеки, и волоски вьются ниже уха... Она ждетъ, чтобы онъ поцѣловалъ ее въ родинку на этой лѣвой щекѣ, разгорѣвшейся отъ мороза.

Онъ это и сдѣлалъ. Поцѣлуй вышелъ и нѣжный, и довольно звучный.

Прасковья Семеновна опустила рѣсницы и стыдливо оправилась.

Никогда еще женскіе „фасоны“ не были для него такъ ясны!.. Передъ кѣмъ соблюдаетъ она приличіе? Передъ самой собой?.. Оттого, что похороны мужа были меньше мѣсяца назадъ? Но вѣдь у ней на душѣ все такъ ясно и уравновѣшено, и никакихъ укоровъ она себѣ не дѣлаетъ; если бъ не хлопотала объ уваженіи „свѣта“, то преспокойно уѣхала бы съ нимъ сейчасъ за границу и даже переселилась бы къ нему... И за бракъ она стоитъ потому только, что такъ удобнѣе и приличнѣе.

— Но есть и еще одна деталь,—чуть слышно выговорила она, точно съ желаніемъ сейчасъ приподняться.

Симцовъ первый всталъ. Поднялась и она.

— Что такое?—спросилъ онъ и взялъ ее за обѣ руки; она очень любила эту ласку.

— Ваша дочь, Валерій!..

Уже ни секунды не колебался онъ скрыть отъ нея пріѣздъ Наты... Онъ случится черезъ недѣлю... Что за нужда! Все-таки онъ не скажетъ ей, что отдѣлалъ для дочери комнату, что Ната будетъ жить у него, въ этой самой квартирѣ.

Не выпуская ея рукъ изъ своихъ, онъ придвинулся къ ней и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Не смущайтесь ничѣмъ,—выговорилъ онъ съ легкой, успокоительной усмѣшкой.— Вы тысячу разъ правы... защищая себя отъ всякихъ толковъ и пересудъ... Мы будемъ видаться исключительно у васъ. Не правда ли?

И онъ заглянулъ ей въ глаза. Она нагнула голову и прошептала самыми лучшими своими нотами:

— Благодарю. Сегодня я не предупредила васъ. Мнѣ такъ хотѣлось васъ видѣть... Извините!

Тонъ кроткой и признательной жены слышался въ ея словахъ.

Симцовъ довелъ ее, держа подъ руку, до передней, самъ падѣлъ ей шубку, теплыя ботинки, самъ заперъ дверь, и когда вернулся къ себѣ, то упалъ на низкій диванъ, громко вздохнулъ и закрылъ лицо руками. И долго не отнималъ онъ ихъ...

XI.

Въ пріятномъ и немного жуткомъ волненіи ходилъ Симцовъ по платформѣ Николаевскаго вокзала. Черезъ шесть минутъ ожидали курьерскаго поѣзда.

Ничего подобнаго онъ еще не переживалъ прежде. Точно онъ совсѣмъ преобразился. Вотъ-вотъ покажется грудь паровоза, и паровозъ этотъ привезетъ дѣвушку, которая поможетъ ему, съ сегодняшняго дня, поставить большой и побѣдный крестъ на своемъ прошедшемъ.

Глаза его остановились на молодомъ офицерѣ, въ шинели съ бобровымъ воротникомъ и бѣлой фуражкѣ. Тотъ кутался въ воротникъ, ходилъ маленькими шагами и взглядывалъ вдоль полотна.

„И ты ждешь,—думалъ Симцовъ, почти съ чувствомъ

жалости, — и я знаю, кого ты ждешь! Такъ ожидаютъ только любовницу, женщину, съ которой состоишь въ тайной связи. Она ѣдетъ къ тебѣ на нѣсколько дней, подъ предлогомъ хлопотъ по дѣламъ мужа... Она старше тебя. Вотъ сейчасъ выскочитъ она изъ вагона и вся вспыхнетъ отъ чувственнаго прилива крови и протянетъ тебѣ руку свѣтскимъ жестомъ, а глазами страстно обласкаетъ"...

Офицеръ нетерпѣливымъ жестомъ поднялъ плечи подъ шинелью, повернулся на каблукѣ и спросилъ одного изъ артельщиковъ:

— Опоздалъ поѣздъ?

— Никакъ нѣтъ.

„Ты весь — порывъ и ожиданье, — продолжалъ думать Симцовъ,—и поѣдешь съ ней въ каретѣ. Поцѣлуи, объятія, ласкательные возгласы, смѣхъ или неизбѣжное напоминаніе о томъ, чѣмъ она тебѣ пожертвовала и жертвуетъ!.. Шутка сказать! Своей репутаціей. Она обманываетъ мужа... И поэтому ты обязанъ быть ея рабомъ до тѣхъ поръ, пока она сама не охладѣетъ къ тебѣ. Но съ тобой это случится раньше, чѣмъ съ нею. Дай срокъ, и для тебя настанетъ часъ, когда ты не будешь знать, какъ тебѣ уйти отъ нея... а, быть-можетъ, и отъ всѣхъ женщинъ!"

Гулкій свистокъ паровоза уже вползъ подъ своды дебаркадера. Симцовъ разомъ встрепенулся и остановилъ артельщика.

— Идите за мной!—торопливо бросилъ онъ ему.

Сердце у него защемило. Онъ быстро повернулъ къ переднему концу поѣзда, гдѣ спальный вагонъ. Но оттуда выскочила та самая дама, которую поджидалъ офицеръ въ бѣлой фуражкѣ. Симцовъ брезгливо воззрился на эту даму, лѣтъ тридцати, напудренную и съ двумя пучками взбитыхъ, свѣтлыхъ волосъ, торчащихъ изъ-подъ шляпки.

Онъ почти бѣгомъ кинулся къ слѣдующимъ вагонамъ.

— Папа, здравствуй!

Голосъ Наты прозвучалъ такъ легко и звонко.

Онъ держалъ на своей груди рослую, статную дѣвушку въ темномъ пальто, съ мерлушковымъ воротникомъ и въ низенькой шапочкѣ мужского покроя. Она была немного ниже его ростомъ, съ пышной грудью и крупными чертами лица.

Отъ волненія Симцовъ совсѣмъ не видѣлъ ея лица. У

него на глазахъ были слезы. Нѣсколько разъ обнялъ онъ ее и повторилъ:

— Вотъ ты и со мной, вотъ ты и со мной!

— Пора!—отвѣтила Ната весело и такъ же звонко. — Возьмите,—отдала она свой сакъ артельщику.

— Ты въ спальномъ?—спросилъ заботливо Симцовъ.

— Нѣтъ! Терпѣть не могу! Я — въ креслахъ. Да это ты требовалъ, чтобы я въ первомъ непремѣнно. А этотъ поѣздъ противный. Все какіе-то...— и она наморщила свой крупный носъ, такой же вытянутый, какъ у ея матери.

Валерій Ивановичъ остановилъ взглядъ на носѣ Наты. Онъ довольно красивъ, но сходство съ носомъ Аполлинаріи Кирилловны впервые выяснилось передъ нимъ. Прежде онъ считалъ свою дочь очень похожей на себя: и складомъ, и лицомъ. А теперь сходство съ матерью рѣзко металось въ глаза. Тотъ же почти ростъ и нѣсколько вздернутыя, широкія плечи, и пышная грудь точно такихъ очертаній, какъ у Аполлинаріи Кирилловны двадцать лѣтъ тому назадъ, въ возрастъ Наты. Глаза, вогнутый носъ, цвѣтъ волосъ и даже выраженіе рта—все отзывалось этимъ сходствомъ.

Оно кольнуло его болѣзненно.

— Много у тебя багажа? — спросилъ онъ поскорѣе, чтобы не останавливать мысли на этомъ непріятномъ сходствѣ.

— Одинъ сундукъ.

Ната аккуратно достала изъ сумки портмонэ, вынула оттуда багажный билетъ и отдала его артельщику.

— Поскорѣе, — сказалъ онъ торопливо, — и скричите тамъ, на крыльцѣ, человѣка Симцовыхъ... Ему и отдадите сундукъ.

Дочь Валерій Ивановичъ взялъ подъ руку, освободилъ ее отъ плэда и еще какой-то коробки и повелъ, оглядывая ее сбоку.

Ната, на ходу, перебирала плечами, шла слишкомъ помужски и какъ-то вбокъ. Это перебираніе кольнуло Валерія Ивановича почти такъ же непріятно, какъ и сходство съ ея матерью.

Онъ успѣлъ подумать:

„Хороша также и кузина!.. Кажется, я ничего не жалѣлъ на учителей. Неужели нельзя было дать ей другую походку?“

Въ послѣдній разъ, когда они видѣлись, онъ что-то не

замѣчалъ этого перебиранія плечъ и слишкомъ большихъ шаговъ. Хоть бы эта „ужасная“ походка похожа была немного на манеру ходить долгоногихъ англичанокъ... А то и того не было.

„Это курсы сдѣлали“,—подумалъ онъ и отвелъ взглядъ отъ колеблющагося туловища своей дочери.

Въ каретѣ Ната заговорила съ нимъ быстро, возбужденно, два раза поцѣловала его въ щеку звонкимъ поцѣлуемъ и задала ему нѣсколько вопросовъ. Ея тонъ дышалъ большой искренностью, но выборъ словъ не совсѣмъ ему нравился... и южное произношеніе прорывалось кое-гдѣ; она употребляла и провинціальные обороты. Буква „г“ звучала уже „по-хохлацки“, какъ про себя отмѣтилъ Симцовъ.

Но все это скользило по немъ. Онъ хотѣлъ наполнить себя чувствомъ отцовской радости. Вѣдь его Ната сидитъ тутъ, около него, и пышетъ здоровьемъ и молодостью. Что за нужды — она немножко не тѣхъ манеръ и не такой выправки, о какихъ онъ мечталъ. Это несущественно.

Опять его тронутый взглядъ обратился на нее.

Ната поглядѣла черезъ переднее стекло на спину ливрейнаго кучера.

— Это твоя собственная карета? — спросила она отца.

— Да, милая.

— Зачѣмъ ты такъ ѣздишь?

— Въ шорахъ?

— Да, въ шорахъ?.. У насъ, въ Кіевѣ, только богатые жиды такъ щеголяютъ.

— Удобнѣе, въ одну лошадь.

— Ты у меня франтъ!

Она наклонилась къ нему близко лицомъ и засмѣялась своими большими глазами.

Сходство выраженія съ Аполлинаріей Кирилловной снова укололо его.

Дорога показалась ему слишкомъ долгой. Онъ хотѣлъ очутиться съ ней на квартирѣ, ввести ее въ ея комнату, еще разъ обнять и расцѣловать.

И онъ сталъ говорить ей, какъ онъ устраивалъ для нея помѣщеніе.

— Твоей горничной ты будешь довольна. Очень милая дѣвочка... Комнатой также.

— Зачѣмъ мнѣ горничную?

— Какъ зачѣмъ?..

— Глупости какія!.. Кухарка у тебя есть — этого довольно. Я вѣдь безъ затѣй.

— Какъ же можно!—почти испуганно выговорилъ Симцовъ.

„Это она такъ, хвалится своимъ демократизмомъ".

Ната была старательно одѣта, не безъ изящества; въ довольно модномъ зимнемъ пальто, и шапка на ней сидѣла ловко. Симцовъ замѣтилъ, что всѣ свои вещи держитъ она чисто. Воротничокъ и манжеты должна была перемѣнить сегодня, въ вагонѣ.

— Я сама.

— Ну, хорошо, ну, хорошо, — успокаивалъ Симцовъ, держа ее за руку съ длинными и красивыми пальцами.

Они повернули съ Невскаго.

— У тебя большая квартира? — спросила Ната, обернувшись къ нему своимъ веселымъ и открытымъ лицомъ.

— Для насъ двоихъ хватитъ. Твоя комната, я ужъ тебѣ писалъ, заново отдѣлана; а если тебѣ покажется тѣсно въ ней, я могу уступить тебѣ и еще другую. Самъ я могу спать въ кабинетѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего этого не нужно!—прервала его Ната и опять прильнула къ его плечу.

Съ такой дѣвушкой онъ конечно помолодѣетъ душой. Отъ всей ея нѣсколько плотной фигуры, отъ ея свѣжихъ щекъ, отъ блеска ея черныхъ и большихъ глазъ вѣяло чѣмъ-то ничуть не похожимъ на тѣ виды женственности, какіе онъ встрѣчалъ въ своей жизни. Да, это несомнѣнно новое и болѣе здоровое поколѣніе.

— Ты не думай,—заговорилъ онъ, лаская ее глазами,— что собираешься жить у брюзги. У меня нѣтъ никакихъ привычекъ стараго холостяка. Работай, гуляй, заводи знакомства, какія тебѣ пріятны... Если хочешь, будемъ, иногда, вмѣстѣ бывать въ театрѣ. Тѣ вѣдь французскаго театра совсѣмъ не знаешь?

— Нѣтъ,—небрежно спросила Ната,—а что?

— Это будетъ для тебя новое и пріятное удовольствіе.

— Ну, папа, скажу тебѣ откровенно: ко всякому парле-франсе я довольна равнодушна.

— Однако, ты.. говоришь по-французски? При тебѣ была года два-три твоя швейцарка?

— Тетя постоянно требовала, чтобъ я болтала; въ эти послѣдніе два года мнѣ мало приводилось. На вечера я

ѣздить не любила, а съ мужчинами, которые поинтереснѣе, смѣшно говорить по-французски.

— Этотъ языкъ, — замѣтилъ Симцовъ, — самъ по себѣ стоитъ, чтобы его хорошенько знали.

— Я читаю, что нужно. Мнѣ гораздо полезнѣе нѣмецкій, да онъ мнѣ туго давался, даже учебники по естественнымъ наукамъ должна съ лексикономъ...

Симцовъ на это ничего не сказалъ и подавилъ въ себѣ самомъ досаду на то, что его дочь небрежно отнеслась къ знанію новыхъ языковъ. А теперь она врядъ ли будетъ заботиться о томъ, чтобы блестяще выражаться по-французски.

Все, что говорила Ната, было высказано ею безъ раздраженія, но безповоротнымъ тономъ. Если она, живя у тетки, должна была кое-въ-чемъ подчиняться порядкамъ, которые ей не нравились, то теперь съ отцомъ она ведетъ себя совершенно по-пріятельски. Скрытности и недовѣрія нѣтъ никакого. Такою будетъ она постоянно и во всѣхъ случаяхъ жизни.

— Вотъ мы и пріѣхали! — вскричала Ната, и выглянула изъ открытаго окна кареты. — Батюшки, какой великолѣпный подъѣздъ!

Швейцаръ выбѣжалъ къ каретѣ и сталъ высаживать барышню. Ната не допустила его, и сама выскочила на тротуаръ.

Она окинула быстрымъ взглядомъ лѣстницу и роскошныя сѣни съ каминомъ и съ богатымъ ковромъ.

На первой площадкѣ, гдѣ ее догналъ Симцовъ, немного запыхавшійся, она шепнула ему:

— Ко мнѣ сюда никто съ курсовъ ходить не будетъ.

— Почему такъ? — спросилъ Симцовъ, не мѣнявшій полушутливаго тона.

— Въ этакія грандеры... Никогда!

На второй площадкѣ онъ позвонилъ. Въ передней встрѣтили камердинеръ и новая горничная, въ иностранномъ чепчикѣ, съ рыжеватой, взбитой на лбу, чолкой, худощавая, не очень уже молодая дѣвушка, съ длинной таліей, затянутой въ корсетъ. На ней было темное шерстяное платье и только что надѣтый фартукъ.

— Вотъ твоя камеристка, — указалъ на нее Симцовъ Натѣ и прибавилъ по-французски: — она мнѣ особенно рекомендована.

— Пожалуйте мнѣ, барышня,— выговорила горничная

тѣмъ петербургскимъ тономъ дрессированной женской прислуги, въ которомъ постоянно сказывается сознаніе своего умѣнія служить.

Натѣ ни голосъ, ни видъ горничной не очень понравились. Она даже сразу себя почувствовала немного стѣсненной съ этой „камеристкой“, и владѣй она бойчѣе французскимъ языкомъ, она тутъ же бы попеняла отцу: зачѣмъ онъ, кромѣ кухарки, нанималъ особую прислугу для нея.

Феша не дала ей стянуть и мѣхового пальто, несмотря на то, что Ната два раза сказала ей:

— Не нужно, я сама.

Симцовъ отворилъ дверь въ помѣщеніе дочери и оставилъ ее настежь отворенною.

— Вотъ, мой другъ, твоя комната. Ты видишь, — у тебя будетъ особый ходъ.

Въ свою спальню онъ ее не повелъ, но тотчасъ предложилъ ей позавтракать, какъ только она у себя оправится съ дороги.

Чувство отраднаго прощанія со старымъ опять наполнило его.

XII.

Сколько лѣтъ не сидѣлъ онъ такъ за завтракомъ съ-глазу-на-глазъ съ Натой? Было это въ другой столовой, въ другой квартирѣ.

Тогда они скрывались съ ней, точно сбѣжавшіе влюбленные. Бывало, при каждомъ неожиданномъ звонкѣ, оба вздрагивали, а Ната часто вскакивала съ мѣста и собиралась стремительно бѣжать въ коридоръ, оттуда въ темную, угловую комнату, и тамъ забиться за дверь...

Зато въ первыя недѣли сколько было страстнаго напряженія въ ихъ взаимномъ чувствѣ. Можетъ-быть, продолжай онъ, какъ отецъ, бояться, что Нату у него отнимутъ, онъ никогда бы не удалилъ ее по доброй волѣ.

Но все это теперь — прошедшее. Вотъ она сидитъ передъ нимъ, въ своемъ свѣтло-шоколадномъ клѣтчатомъ платьѣ съ пелеринкой. Ея умная голова наклоняется, и онъ любовно ласкаетъ взглядомъ красивую маковку съ густыми волосами, отъ которыхъ идетъ пріятный блескъ. Она здѣсь въ его квартирѣ—хозяйка. Никто уже не можетъ напугать ихъ. Ни отъ какого звонка она не побѣжитъ прятаться за дверь темной угловой комнатки.

„А вдругъ звонокъ,—подумалъ онъ противъ своей воли, — и явится Аполлинарія Кирилловна или Прасковья Семеновна?..“

Поджидая Нату, занятый отдѣлкой ея комнаты, онъ ни разу не поставилъ рѣшительнаго вопроса: предупредитъ ли дочь о томъ, что ея мать здѣсь, въ Петербургѣ, пріѣхала хлопотать о разводѣ? Этотъ разводъ, вѣроятно, только успокоилъ бы Нату за него; но ему не хотѣлось, даже и въ эту минуту, предупреждать Нату. Онъ объяснилъ такую уклончивость нежеланіемъ портить первыя минуты разговоромъ объ Аполлинаріи Кирилловнѣ. Въ письмахъ Наты, за послѣдній годъ, никогда не бывало вопросовъ о матери. Если здѣсь случится надобность — онъ скажетъ.

Насчетъ Прасковьи Семеновны онъ просто ничего не отвѣтилъ себѣ.

Завтракъ прошелъ въ большихъ разговорахъ о планахъ Наты, ея будущихъ работахъ, нѣкоторыхъ пріятельницахъ, о дружескомъ кружкѣ студентовъ и адвокатовъ, гдѣ она проводила свои вечера вопреки желанію тетки. Для Симцова такъ необычно было слушать про все это, что онъ не замѣчалъ, какъ Ната ѣстъ и вообще держитъ себя за столомъ, иначе онъ нашелъ бы, что кое-какія ея привычки не безупречны на его вкусъ: часто ѣла она съ ножа, салфетку клала сбоку, не развернутою и только иногда утиралась ею.

Кофе подали имъ въ кабинетъ.

Онъ смотрѣлъ на дочь, какъ она переходила отъ одного шкапа съ книгами къ другому, нагибалась къ нимъ своимъ пышнымъ бюстомъ и слегка прищуривала глаза, когда хотѣла разобрать заглавіе на корешкѣ книги. То перебираніе плечами, которое онъ замѣтилъ въ ней еще въ вокзалѣ, продолжалось. Но онъ не хотѣлъ поддаваться своей впечатлительности.

„Что за бѣда,—думалъ онъ,—моя дѣвочка зажилась въ провинціи. У ней немного размашистыя движенія; это пройдетъ. Да и кто же виноватъ... Я самъ“.

Ната обернулась лицомъ въ его сторону.

— Всѣ эти книжки мнѣ извѣстны,—заговорила она,— онѣ не идутъ дальше конца шестидесятыхъ годовъ. Ты, должно-быть, пересталъ читать съ тѣхъ поръ?

Она засмѣялась и сдѣлала ему знакъ головой.

— Да, мой другъ,—почти сконфуженно отвѣтилъ онъ,—

немножко я поотсталъ. Вотъ мы съ тобой составимъ списокъ. Выбирай, что тебѣ угодно будетъ.

— А шкапы какіе! Ты — аристократъ и большой эстетикъ!..

Слово „эстетикъ“ произнесла Ната съ удареніемъ, напомнившимъ ему почти такую же интонацію Людмилы и ея мужа.

„Что за бѣда,—продолжалъ онъ успокаивать себя.—Она жила въ молодомъ кружкѣ. Тамъ, въ провинціи, до сихъ поръ, должно-быть, подшучиваютъ въ такомъ вкусѣ. Здѣсь, въ Петербургѣ, это уже старомодно. Она, какъ умная дѣвушка, скоро это замѣтитъ“.

Ната своей грузной походкой, въ скрипучихъ ботинкахъ, на толстыхъ подошвахъ, подсѣла къ нему на низкій диванъ, вытянулась и положила ему одну руку на плечо.

— Послушай,—начала она тономъ старшей сестры, — ты долженъ очень много проживать съ такой шикозной обстановкой.

Слово „шикозная“ задѣло его почти болѣзненно. Онъ перебилъ Нату и вполголоса сказалъ ей:

— Брось, пожалуйста, это слово.

— Какое?

— Шикозный.

— Почему?—спросила Ната просто, не обидѣвшись.

— Оно дурного тона. Отзывается армейскимъ офицеромъ.

— Ну вотъ еще, папа... Не все ли равно!

И въ ея глазахъ онъ прочелъ:

„Какъ тебѣ не стыдно обращать вниманіе на такіе пустяки“.

— И потомъ... видишь что, мой другъ,—продолжалъ Симцовъ, — надо вообще воздерживаться отъ словъ, составленныхъ Богъ знаетъ какъ... Что такое это прилагательное *шикозный?* Корень тутъ—слово шикъ, а окончаніе—*озный*; опять-таки противное духу русскаго языка.

— Все равно: шикозный, шикарный!.. — перебила его Ната и откинулась головой на низкую подушку дивана.

— Шикарный тоже банальное слово.

— А какъ его замѣнить?

— Да какъ угодно: изящный, модный, ловкій...

— Понятное дѣло, — перебила его Ната и положила

ногу на ногу, — можно было бы найти подходящій переводъ, да не стоитъ времени тратить.

Возгласъ „понятное дѣло“ опять задѣлъ Симцова. И онъ напомнилъ ему жаргонъ Людмилы. Съ трудомъ удержался онъ отъ замѣчанія или просьбы: бросить привычку повторять безпрестанно нѣкоторыя поговорки.

— Ты сколько же зарабатываешь?—спросила Ната, продолжая начатый разговоръ.

— Не мало...

— Тысячъ пятнадцать?

— Даже и побольше.

— Я тебѣ много стоила. Это меня часто стѣсняло. Здѣсь я хотѣла бы зарабатывать сама хоть на туалетъ... Ты мнѣ доставишь работу?

— Если серьезно заниматься на курсахъ, то когда же успѣть? Въ этомъ нѣтъ никакой надобности, мой другъ,— успокоительно и нѣсколько строго прибавилъ онъ.

— Почему?—рѣзче возразила Ната.—Не желаешь себя компрометировать, что дочь твоя будетъ давать уроки или работать по вечерамъ въ конторѣ? Такъ ужъ это— мое дѣло, отецъ! Свободы дѣйствій ты меня, надѣюсь, не станешь лишать?

— Хорошо, увидимъ,—ласково откликнулся Симцовъ и поцѣловалъ ее въ лобъ.

Ната не унималась. Щеки ея быстро покрылись румянцемъ. Она отошла отъ него, точно не хотѣла, чтобы его ласка настроила ее въ другомъ духѣ.

„Ой-ой, какая она у меня задорная“, — подумалъ Симцовъ, и у него прокралось чувство боязни за то, какъ бы ему не пришлось чаще, чѣмъ онъ желаетъ, спорить и бороться съ дочерью.

— Понятное дѣло,—начала Ната и, заложивъ руки на спину, стала широкими шагами ходить по кабинету,— посмотри, какъ ты живешь: у тебя роскошная отдѣлка, и мнѣ ты устроилъ будуаръ, точно я свѣтская франтиха... Ко всему этому я, признаться сказать, довольно равнодушна; но если за собой не слѣдить, то въ одинъ годъ совсѣмъ избарствуешься...

— Да вѣдь тебѣ, мой другъ,—прервалъ ее Симцовъ,— надо будетъ догнать твоихъ здѣшнихъ однокурсницъ и подготовиться къ поступленію въ настоящія слушательницы; я справлялся—раньше будущаго учебнаго года этого сдѣлать нельзя.

— Да знаешь что, отецъ, я думаю, что мнѣ не стоитъ поступать вольной слушательницей этихъ... бестужевскихъ курсовъ.

— Почему же нѣтъ?

— Придется тратить время на такія лекціи, которыя я еще разъ буду слушать, когда поступлю въ медички.

— А развѣ ты это окончательно рѣшила?—спросилъ Симцовъ.

— Обязательно!

И это слово „обязательно“, сдѣлавшееся въ Петербургѣ жаргоннымъ словомъ, даже у городовыхъ, непріятно рѣзнуло его. Но онъ еще не рѣшался сдѣлать ей замѣчанія, такъ же, какъ про любимую ея поговорку „понятное дѣло“.

Одного получаса довольно было, чтобъ заставить его немножко съежиться. Онъ видѣлъ, что не можетъ попасть въ тонъ этой дѣвушки. Ему хотѣлось бы совсѣмъ другого, чего-нибудь болѣе затягивающаго въ милую задушевность молодого существа, способнаго вызвать полное сочувствіе преданнаго друга и отца.

Ната хорошая дѣвушка—это онъ видѣлъ. Но отчего же съ ней ему дѣлается все менѣе и менѣе ловко? Не отъ того ли, что она сейчасъ, какъ только попала на зарубку своихъ занятій и своихъ убѣжденій, превратилась въ студента, живущаго только своими студенческими идеями и заботами?

„Неужели,—спрашивалъ себя Симцовъ,—первый день нашего свиданія не вызываетъ въ ней другихъ порывовъ, ласкъ, настроеній души?..“

Но онъ не задавалъ себѣ вопроса, чего онъ желалъ въ этихъ „настроеніяхъ души“... Не ту же ли все женственность, отъ которой рѣшилъ убѣжать?

Симцовъ мало сталкивался съ женской учащейся молодежью; но сближеніе съ Людмилой, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, многое объяснило ему въ жизни всѣхъ этихъ независимыхъ дѣвушекъ, влюбленныхъ въ идеи или ставящихъ выше всего свободу и самостоятельность своихъ вкусовъ, занятій, желаній. Но и въ такихъ „интеллигенткахъ“, какою казалась ему на первыхъ порахъ Людмила, было все-таки же больше женскаго; подъ угловатостями и даже рѣзкостями тона онъ скоро почувствовалъ все тотъ же вѣчный инстинктъ женщины, влекущій ее къ существу другого пола—источникъ ея силы и слабости; та-

кія, какъ Людмила, никогда не забывали, что онѣ женщины, хотя снаружи все у нихъ сводилось къ заработку, къ стремленію „стать на свои ноги“, къ толкамъ о разныхъ „проклятыхъ“ вопросахъ. И, увлекаясь Людмилой, онъ все-таки же не могъ не разглядѣть, что она совсѣмъ не предана душою своимъ высшимъ „интеллигентнымъ интересамъ“, что это скорѣе мундиръ, а подъ нимъ все тѣ же преобладающія свойства женскаго пола. И она, и, вѣроятно, многія изъ ея подругъ сами себя обманывали, брали отъ званія трудовой, интеллигентной дѣвушки то, что было имъ полезно, или же предавались дилетантству, когда позволяли это матеріальныя средства.

Ната не того поколѣнія. Ей нѣтъ еще двадцати лѣтъ, а она уже никого не хочетъ пускать къ себѣ въ душу иначе, какъ съ собственнымъ строгимъ контролемъ. Видомъ она—молодая женщина, согласная чисто одѣваться, но ни въ чемъ не проглядываетъ ея женственность, кромѣ упорнаго отстаиванія всего, что она сама считаетъ вѣрнымъ и симпатичнымъ. И вотъ будетъ она учиться медицинѣ, не смущаясь тѣмъ, нравится это отцу или нѣтъ, и уйдетъ съ головой въ книжки, лекціи, анатомическіе препараты, въ работы по лабораторіямъ и клиникамъ. Можетъ ли онъ во всемъ этомъ быть ея товарищемъ? Всѣмъ сердцемъ желалъ бы онъ закрѣпить ихъ связь на такой именно почвѣ; но онъ уже чувствуетъ, что Ната въ этомъ нуждаться не будетъ. По тому тону, какимъ она сказала ему сейчасъ о книгахъ его библіотеки, онъ видитъ, что она смотритъ на него, какъ на нѣсколько отсталаго барина, давно не подновлявшаго своей начитанности.

Чтобы быть настоящимъ товарищемъ дочери, ему пришлось бы самому превращаться въ студента медицины. А развѣ это возможно? Если онъ мечтаетъ о томъ, чтобы, покончивъ со своими увлеченіями и любовными связями, предаться умственной жизни, то совсѣмъ въ другомъ направленіи.

Ната пойдетъ своей дорогой и, много-много, между ними установится пріятельское сожительство въ одной квартирѣ, съ разговорами за обѣдомъ или за вечернимъ чаемъ.

Безъ влеченія къ мужчинѣ не проживетъ такая здоровая, сильная и пылкая дѣвушка. Но и тутъ ея выборъ обойдется безъ его отцовскаго вліянія...

— Ты вѣдь не въ этомъ кабинетѣ спишь? — спросила вдругъ Ната, поднимаясь отъ небольшого столика, гдѣ она нашла какую-то книжку журнала, развернутую на серьезной статьѣ, и зачиталась.

Симцовъ въ мечтахъ о томъ, какъ онъ устроитъ у себя Нату, застыдившись отдѣлки своей собственной спальни, рѣшилъ-было совсѣмъ запереть ее и почивать въ кабинетѣ, но онъ этого не исполнилъ. Ему показалось слишкомъ малодушнымъ такое поведеніе. Онъ прибралъ только нѣкоторыя вещи на туалетномъ столикѣ, такъ, чтобъ видъ этой спальни не вызывалъ никакихъ щекотливыхъ соображеній и вопросовъ.

— Нѣтъ, мой другъ,—отвѣтилъ онъ медленно, подавленный своими думами о дочери и ихъ будущихъ отношеніяхъ.—Моя спальня—тамъ.

Онъ указалъ рукой на дверь, задрапированную между двумя большими книжными шкапами.

Ната встала и подошла къ двери. Это любопытство было бы совершенно естественно въ каждой другой молодой дѣвушкѣ, но Симцовъ сумѣлъ объяснить его тѣмъ, что ей уже скучновато съ нимъ.

— Ты, пожалуйста, не стѣсняйся,—быстро заговорилъ онъ.—Тебѣ надо хорошенько разложиться, привести все въ порядокъ.

— Успѣю,—лѣниво протянула она, и звукъ ея голоса еще болѣе убѣдилъ его въ томъ, что и Натѣ не совсѣмъ ловко съ нимъ, что ея первоначальная возбужденность очень скоро опала въ этой удобно и роскошно отдѣланной квартирѣ, гдѣ онъ мечталъ начать съ нею обновленную жизнь.

— Батюшки!—раздался громкій возгласъ Наты.

Она приподняла портьеру и смотрѣла во внутрь его спальни.

— Неужели ты тутъ спишь?

— Да,—проговорилъ Симцовъ, стараясь выдержать совершенно спокойный тонъ.

— Ахъ, папа, да это только у французскихъ кокотокъ такія спальни бываютъ!..

Онъ покраснѣлъ, и ему очень хотѣлось остановить ее замѣчаніемъ, хотя бы мягко.

— Тройное зеркало, — говорила Ната весело и нѣсколько задорно. — И какой атласъ! Я даже и названія не знаю этому цвѣту. А кровать!.. Ха-ха-ха!..

Она подбѣжала къ нему, взяла его за обѣ руки и низко наклонила къ нему лицо.

— Я тебя стѣснять буду. Если у тебя такой будуаръ, навѣрно и романы водятся... Поди, съ француженками?

Ему хотѣлось сказать: „Ната, какой у тебя тонъ?“ Но тонъ былъ очень милый, точно будто она ровесница ему, или даже старшая сестра, дѣльная женщина, сознающая, что отъ такого эстетика и вивёра нельзя другого и ожидать.

Неловкость Симцова затянулась бы, если бъ Ната вдругъ не сказала ему:

— Ну, теперь надо тебѣ въ должность. Изъ-за меня нечего лѣниться. Поѣзжай, а я разберусь и немножко сосну. Дорогой я плохо спала.

Она его поцѣловала въ голову и даже на особый ладъ потрепала по плечу, и своей нѣсколько грузной походкой, все съ тѣмъ же передергиваніемъ плечъ, удалилась къ себѣ.

„Вотъ оно что“, — сказалъ про себя Симцовъ и долго не могъ подняться съ мѣста.

XIII.

Извозчикъ подсадилъ его въ троечныя сани, около Аничкова моста. Они поѣхали легкой рысцой вверхъ по Невскому, побрякивая бубенчиками.

Симцовъ сидѣлъ въ углу, прислонившись къ высокой спинкѣ бѣлыхъ саней, нахлобучилъ мѣховую шапку и совсѣмъ ушелъ лицомъ въ воротникъ шубы.

Что онъ такое дѣлаетъ? Нанялъ, точно юнкеръ, лихача-троечника и отправляется, да еще въ дообѣденный часъ, къ женщинѣ, которая подбила его ѣхать на тройкѣ въ загородный ресторанъ.

Онъ былъ за тысячу верстъ отъ всякаго любовнаго похожденія. Недѣля жизни съ дочерью потребовала гораздо бо́льшей выправки, чѣмъ онъ ожидалъ. Но все-таки онъ усиленно уходилъ въ этотъ новый видъ существованія.

И вдругъ прилетѣла въ Петербургъ его старая пріятельница, прислала за нимъ, и онъ почему-то не уклонился отъ этого свиданія. У него явилось даже какое-то злобное любопытство: неужели она можетъ ему еще и теперь нравиться? Онъ сталъ припоминать всѣ ея прежніе пріѣзды въ Петербургъ. Тогда жилось гораздо легче. Она была настоящая вакханка. Въ связи съ ней было что-то

игривое и задорное, часто доходившее до изящнаго цинизма...

Нѣсколько словъ, написанныхъ ею на карточкѣ, сразу пахнули на него молодой порочностью. Онъ сначала какъ будто испугался, но все-таки отвѣтилъ съ посыльнымъ, что будетъ. И ему тутъ же ужасно захотѣлось видѣть ее, и уйти, хоть на нѣсколько часовъ, отъ теперяшняго его положенія. Онъ точно все готовится къ тяжелому экзамену. До сихъ поръ не сказалъ онъ Натѣ, что Аполлинарія Кирилловна—въ Петербургѣ, что она хлопочетъ о разводѣ... Такое объясненіе онъ умышленно откладывалъ. И то, что связывало его съ другой женщиной, рѣшилъ скрывать во что бы то ни стало. Онъ видѣлся съ тѣхъ поръ раза два съ Прасковьей Семеповной и просилъ ее, въ ея же интересахъ, ограничиться свиданіями съ нимъ у ней въ квартирѣ. Она это приняла довольно хорошо, но самыя свиданія тяготили его чрезвычайно. Онъ подѣтски ждалъ чего-нибудь неожиданнаго, такого внезапнаго повода, который толкнулъ бы его впередъ и заставилъ произвести разрывъ.

Ни подъ какимъ видомъ не согласился бы онъ на знакомство дочери съ своей возлюбленной. Онъ уже предчувствовалъ, что Ната на всѣ его отношенія глядитъ другими глазами, и въ ихъ разговоры уже закралась неловкость, происходящая отъ его боязни натолкнуться на ея недовольный или протестующій тонъ, а передѣлывать онъ ее не желалъ, да и не смогъ бы.

И вотъ онъ ѣдетъ въ тройкѣ, точно кутила средней руки, заѣзжающій за дешевой кокоткой, въ тотъ часъ, когда только что зажглись фонари. Ему бы надо посильнѣе пристыдить себя, но онъ не могъ этого сдѣлать. Потребность въ какой-то душевной „диверсіи“ заговорила въ немъ.

— Вы къ генеральшѣ?—спросилъ его швейцаръ отеля на Морской, когда онъ быстрыми шагами и, все еще кутаясь, проходилъ по сѣнямъ.

Симцовъ отвѣтилъ только наклоненіемъ головы.

Стало-быть, „генеральша“ предупредила швейцара насчетъ господина, который пріѣдетъ на тройкѣ.

Генеральша уже больше шести лѣтъ, какъ вдовѣетъ, но и раньше она не стѣснялась своимъ замужествомъ. Она даже никогда не упоминала о супругѣ, и Симцовъ

зналъ только стороной, что онъ былъ дѣлецъ въ провинціи—директоръ какого-то земельнаго банка.

Очень скорымъ шагомъ поднялся онъ въ бель-этажъ и вошелъ въ дверь прямо противъ лѣстницы.

— Это вы, Симцовъ? Я заждалась.

Она неизмѣнно звала его по фамиліи и никогда не бывала съ нимъ на „ты".

Въ гостиной номера стояла передъ нимъ не очень большого роста женщина, скорѣе худощавая, чѣмъ полная, смуглаго овальнаго лица, съ цыганскими, изсиня-черными глазами и большой, курчавой чолкой на лбу, ярко и пестро одѣтая, со множествомъ браслетъ на обѣихъ рукахъ. Толстоватыя губы ея крупнаго рта выдѣлялись краснымъ пятномъ даже въ полусвѣтѣ комнаты.

При денномъ освѣщеніи Симцовъ разглядѣлъ ее нѣсколькими часами раньше. Она какъ-то ссохлась въ лицѣ, щеки не бѣлила и не румянила, а губы положительно красила. Это его сначала покоробило, но глаза были все тѣ же, въ нихъ пробѣгали змѣйки все того же ненасытнаго огня.

Эти глаза и подбили его на кутежъ, отъ котораго онъ сначала-было сталъ серьезно отговариваться. Но и теперь, въ сумеркахъ, при двухъ свѣчахъ, стоявшихъ на письменномъ столѣ, его не потянуло къ ней такъ, какъ бывало прежде.

— Да вы хоть бы догадались поцѣловать меня,—съ низкимъ, нѣсколько груднымъ смѣхомъ сказала она.—На морозцѣ вѣдь это менѣе удобно.

Этотъ безцеремонный вызовъ стряхнулъ съ него двойственность его настроенія.

— Ѣдемте, ѣдемте,—заторопилъ онъ ее самъ, началъ надѣвать на нее бархатныя, мѣховыя ботинки и укутывать большимъ, оренбургскимъ платкомъ. Ему сдѣлалось опять такъ же легко съ ней, какъ бывало въ ея пріѣзды, всегда неожиданные.

Дорогой ему вспомнился тотъ ресторанъ на берегу Малой Невы, куда мчала ихъ теперь тройка. Это было ранней весной. Лужайка съ пригоркомъ въ бокъ, отъ подъѣзда, только что зазеленѣла. Они присѣли на разостланный плэдъ. Ея собачка прыгала вокругъ и радостно лаяла на солнце.

Уже тогда эта женщина щеголяла свободой своего чувства и той особой откровенностью, которая кажется

инымъ чѣмъ-то очень смѣлымъ и честнымъ. Послѣ пылкихъ ласкъ, она говорила:

— Я за себя ручаться не могу. Пройдетъ мѣсяцъ, и я охладѣю къ вамъ.

И тогда, на этой лужайкѣ, сидя у ея ногъ, онъ совершенно искренно спросилъ ее:

— А вы не боитесь, что васъ зарѣжутъ или застрѣлятъ?

— Кто?—спросила она, и ея цыганскіе глаза съ синеватыми бѣлками вызывающе остановились на немъ.

— Кто?—Конечно, не такой человѣкъ, какъ я, и не въ тѣхъ лѣтахъ. Какой-нибудь очень молодой и злобный мужчина, не прощающій, особенно женщинѣ постарше его, вашихъ понятій о свободѣ чувства.

— Поживемъ—увидимъ,—отвѣтила она со смѣхомъ и потянулась къ нему своей смуглой и горячей щекой.

Тогда эта своенравная женщина, увѣренная въ своей безнаказанности, влекла его къ себѣ. Онъ способенъ былъ простить ей любовный вызовъ, только бы она его не ставила въ какое-нибудь унизительное положеніе передъ другимъ мужчиной. Но она являлась въ Петербургъ урывками... Иногда она какъ бы просила у Симцова совѣта. И онъ не отказывалъ ей, дѣлалъ это почти тономъ старшаго брата и гораздо больше остерегалъ ее, чѣмъ выказывалъ законную щепетильность.

Она опять пріѣхала покутить въ Петербургъ и заставила его отправиться съ ней на тройкѣ обѣдать въ тотъ самый ресторанъ...

Прошло пять лѣтъ съ ихъ весенней partie fine. Съ тѣхъ поръ только разъ была она въ Петербургѣ, но тогда онъ самъ уклонился отъ свиданія съ ней. Года два тому назадъ прислала она ему изъ-за границы свой портретъ въ костюмѣ альпійской туристки, съ большой палкой въ рукахъ, въ шляпѣ съ широкими полями, бросавшими тѣнь на ея южное лицо. Фотографія была, конечно, ретушована, но все-таки онъ нашелъ, что она смотрѣла на этомъ портретѣ все такой же молодою, съ тѣми же продолговатыми глазами и стянутыми вѣками и вызывающей улыбкой крупнаго рта. Костюмъ придавалъ ей даже нѣкоторую моложавость... Она осталась вдовой. По крайней мѣрѣ хоть въ этомъ сдержала она свое слово.

Онъ ей говаривалъ не разъ:

— Вы такъ щеголяете вашей честностью, тамъ, гдѣ можно было бы придержать свою откровенность. Но вотъ

въ чемъ вамъ не трудно было бы остаться честной: вы ни подъ какимъ видомъ не должны выходить замужъ.

— Да я и не собираюсь, — обыкновенно отвѣчала она ему.

— Такія женщины, какъ вы, не могутъ обманывать мужей, не дѣлая ихъ въ то же время несчастными.

И съ этимъ она соглашалась. Она не думала никогда обижаться или оправдываться, или играть въ сентиментальность. Теперь, сидя съ нею рядомъ въ саняхъ, онъ не смотрѣлъ на ея лицо, укутанное платкомъ, а останавливался подолгу мыслью на прежнихъ впечатлѣніяхъ отъ этой женщины, вплоть до портрета въ костюмѣ альпійской туристки.

Онъ самъ мало говорилъ дорогой, только слушалъ ея разсказы, все на ту же любовную тему, точно будто не прошло и нѣсколькихъ дней съ ея послѣдняго пріѣзда.

Генеральша не сдавалась передъ жизнью, передъ своими почти сорока годами. Все такъ же, какъ и прежде, ея лозунгомъ было—полное освобожденіе отъ всякихъ узъ, налагаемыхъ серьезной привязанностью.

— Вотъ видите, — добродушно и весело крикнула она ему, когда они переѣхали Троицкій мостъ, — никто меня еще не зарѣзалъ и не повалилъ изъ револьвера. Вы, душенька, стращали меня зря.

Полное освобожденіе женщины въ лицѣ его пріятельницы, въ эту минуту, сердило его на особый ладъ. Онъ такъ малодушно, съ такими осторожностями и неловкостями приводитъ въ исполненіе свой планъ, за который ему нечего краснѣть ни передъ кѣмъ; а вотъ эта, почти сорокалѣтняя вакханка до старости будетъ собирать дань со всѣхъ мужчинъ, какіе ей нравятся, и, дѣйствительно, сохранитъ полную свободу отъ всякаго обязательства и нравственнаго стѣсненія!..

— Дайте срокъ, — не выдержалъ онъ и отвѣтилъ ей, не боясь мороза, — кончите какимъ-нибудь Альфонсомъ, пройдохой-гимназистикомъ или заѣзжимъ гипнотизаторомъ.

— Спасаться буду, но не раньше какъ черезъ десять лѣтъ.

Симцовъ опять замолчалъ и сталъ спокойнѣе слушать свою пріятельницу. Когда тройка подъѣзжала къ ресторану, онъ подумалъ даже, что будь у него здѣсь, въ Петербургѣ, хоть одинъ близкій человѣкъ, съ такимъ дерзкимъ отношеніемъ къ жизни, какъ эта генеральша, хотя

бы даже и она сама, онъ гораздо скорѣе и рѣшительнѣе перерѣзалъ бы всѣ нити своего прошлаго. Онъ совсѣмъ уже не думалъ объ ней, какъ о женщинѣ, съ которой ѣхалъ обѣдать въ отдѣльномъ кабинетѣ. Въ немъ уже незамѣтно накопилась опять потребность излиться, безъ всякихъ смягченій и выгораживаній разсказать этой женщинѣ, какъ онъ хочетъ поставить крестъ на всемъ, что не тихая и чистая жизнь около своего молодого друга— дочери.

Пускай генеральша будетъ надъ нимъ подтрунивать, дѣлать скабрезные намеки, говорить, что его теперешняя добродѣтель не что иное, какъ брезгливое старчество.

Татары выбѣжали на крыльцо и повели ихъ въ верхній этажъ. Генеральша шла впередъ, очень шумно и размашисто, точно будто бы она мужчина, который будетъ все самъ заказывать и за все платить. Симцовъ поднимался за ней, съ опущенной головой и съ боязливой мыслью о томъ, какъ бы не вышло какой непріятной встрѣчи. Его дама на ходу распоряжалась насчетъ кабинета, обозначивъ, какой именно она желаетъ имѣть, и стала разспрашивать о хозяинѣ и еще о чемъ-то.

Симцову уже были извѣстны всѣ ея мужскія замашки. Онъ ожидалъ даже неизбѣжнаго разговора о платѣ по счету. Можетъ-быть, на этотъ разъ она пойдетъ еще дальше и будетъ настаивать на томъ, чтобы онъ совсѣмъ отказался отъ своей доли, такъ какъ приглашала его она.

Комнату онъ узналъ, она была все съ той же обивкой мебели темнымъ трипомъ, съ большимъ окномъ направо, у котораго стоялъ столъ, съ тѣмъ же широкимъ дивапомъ въ глубинѣ комнаты, противъ входной двери.

Генеральша, какъ только вдвинулась въ кабинетъ, сейчасъ же пришла въ еще болѣе взвинченное настроеніе. Для нея самый воздухъ этой комнаты, съ запахомъ пыли и вчерашнихъ соусовъ, былъ пріятнѣе всякихъ благоуханій. Она порывисто начала снимать съ головы платокъ, разбросала по комнатѣ ботинки, шубку, муфту, бросилась на диванъ съ ногами и крикнула на весь коридоръ:

— Ухъ! какъ здѣсь славно!..

Онъ совсѣмъ отсталъ отъ ресторанныхъ кабинетовъ, и присутствіе лакея-татарина стѣсняло его.

— Душенька! — крикнула ему генеральша. — Сядьте сюда. Такъ нельзя!

. . . . . .

XIV.

— Вотъ и папа!

Въ столовой, за самоваромъ, сидѣла Ната съ Люціемъ. Они уже болѣе получаса пили чай и бесѣдовали. Поэтъ сначала не нравился ей, и она его про себя называла „рисовальщикомъ“; въ этотъ вечеръ онъ ее подкупалъ изящной мягкостью своего тона.

— Сима, я васъ заждался!

Всего менѣе желалъ Симцовъ застать дома ихъ обоихъ. Онъ вошелъ въ столовую съ такимъ гадливымъ чувствомъ къ самому себѣ, что не могъ даже связать двухъ словъ.

— Тебѣ нездоровится?—спросила его Ната.

Глаза Люція, обращенные къ нему, повторили этотъ вопросъ.

— Нѣтъ, ничего; дай мнѣ чаю.

Весь онъ былъ себѣ гадокъ...

Симцовъ опустилъ голову и старался не смотрѣть ни на дочь, ни на Люція. Вся его теперешняя семейная обстановка отзывалась жалкой и недостойной комедіей. Онъ испытывалъ чувство унизительнаго страха передъ дочерью. Если бы вся картина его поведенія раскрылась передъ нею, что бы она въ ней вызвала?.. Нынѣшнія дѣти безпощадны въ своихъ приговорахъ. Они могутъ, точно безстрашный хирургъ, вырѣзывать у себя самихъ живое мясо родственныхъ привязанностей, коль скоро пропало уваженіе и не на чѣмъ основать свою кровную связь.

Быть-можетъ, возьми да разскажи онъ ей все самъ, съ глубокой правдой, безъ всякой пощады къ себѣ, дочь помогла бы ему, если бы въ ней широта ея взглядовъ на человѣческія страсти и слабости превозмогла такое же гадливое чувство, какое онъ самъ имѣлъ къ себѣ въ ту минуту.

— Хороша погода?—спросила его вдругъ Ната.

— Мягкая,—отвѣтилъ онъ, не поднимая головы.

— А что, если бы проѣхаться на тройкѣ? Здѣсь гдѣ-то можно кататься съ горъ. Какъ это называется?—обратилась Ната къ Люцію.

— Аркадія,—подсказалъ Люцій.

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога!—почти закричалъ Симцовъ и порывисто всталъ съ мѣста.—Въ другой разъ, завтра... послѣзавтра... Сегодня я утомленъ.

— Да, ты, папа,—весело спросила Ната,—немножечко кутнулъ сегодня?

— Quelle idée!..—вырвалось у Симцова по-французски, и онъ тотчасъ же почувствовалъ, какъ это восклицаніе было смѣшно.

— Сима,—мягко окликнулъ его Люцій, оборачивая къ нему голову, въ тотъ уголъ столовой, куда онъ отошелъ, — мнѣ бы не хотѣлось васъ сегодня еще больше разстраивать.

— Что такое? — спросилъ Симцовъ тономъ человѣка, которому въ эту минуту ровно ни до чего нѣтъ дѣла, кромѣ его душевнаго разстройства.

— Можно говорить при васъ о дѣлахъ?—спросилъ Люцій Нату.

— Пожалуйста, если папа не желаетъ отъ меня скрывать. Мужчины всегда смѣются надъ нашей наивностью въ дѣлахъ. Понятно, съ нами старшіе никогда о нихъ не говорятъ, а потомъ начнешь изучать совсѣмъ другія вещи. Вѣдь, согласитесь, вотъ вы—адвокатъ, у русской женщины есть вѣдь по закону большая самостоятельность насчетъ ея имущества?

Люцій усмѣхнулся и шутливо выговорилъ:

— Когда выйдете замужъ, можете взять мужа къ себѣ въ приказчики, а то такъ выгнать его изъ собственной квартиры.

— Вотъ видите!—радостно вскричала Ната.

— Зато онъ вытребуетъ васъ къ себѣ отовсюду, коли захочетъ—то и по этапу.

— Я это слыхала,—возмущенно отозвалась Ната.

— И разныя другія есть отношенія супруговъ между собою. Я на этомъ даже изъ гражданскаго права сбился на экзаменѣ и долженъ былъ переэкзаменоваться.

— А гдѣ все это стоитъ, въ какомъ томѣ? — спросила Ната очень серьезно.

— Развѣ вы собираетесь читать?—все такъ же шутливо продолжалъ Люцій.

— Да ужъ это мое дѣло, вы только скажите.

— Въ десятомъ томѣ свода законовъ.

— Въ десятомъ? Я запишу.

Симцовъ ходилъ маленькими шагами въ сторонѣ отъ стола. Ему непріятно было то, что Люцій хочетъ говорить о какомъ-то дѣлѣ тутъ же, при дочери, вмѣсто того.

чтобы увести его въ кабинетъ и сказать съ тѣмъ чувствомъ, какое у него обыкновенно бывало:

„Сима, излейтесь мнѣ. Вамъ нужно излиться".

— Вотъ видите ли, мой милый Сима, повеликодушничали вы съ тѣмъ вагабундусомъ...

— Съ какимъ?—тревожно спросилъ Симцовъ.

— Да съ мессиромъ Босяковымъ.

— Съ какимъ Босяковымъ?

У Симцова совершенно вышибло изъ памяти эту фамилію.

— Да мужъ той дѣвицы, которую вы когда-то развивали.

Ната насторожила уши.

— Это что же такое было, отецъ? — спросила она довольно спокойно, но звукъ ея вопроса только увеличилъ тревожность Симцова.

— Ну, принималъ я участіе, — нехотя выговаривалъ Симцовъ, — въ одной молодой дѣвушкѣ... Она искала работы...

— Ты, надѣюсь, не увлекалъ ее?

— Кажется, она кокетничала съ вашимъ папой,—подсказалъ Люцій.

— Ну и что же?—подталкивала Ната.

Люцій взглянулъ на своего друга черезъ самоваръ.

— Сима, я за васъ доскажу. У васъ, навѣрно, что-нибудь болитъ, только вы скрываете. Видите ли, особа эта, по имени Людмила, принимала безкорыстную поддержку Симы, но была увлечена нѣкимъ Босяковымъ, онъ же и вагабундусъ; на нашемъ жаргонѣ: джентльменъ этотъ—вороватый; поймался онъ окончательно въ подлогѣ, сидѣлъ здѣсь; волоокая Людмила нашла ходъ къ великодушному сердцу Симы, который поручился въ четырехъ тысячахъ.

— Взялъ его на поруки?—спросила быстро Ната.

— А вамъ эти порядки развѣ извѣстны?

— Еще бы!—вырвалось у Наты.

Ея глаза сдѣлались блестящѣе.

— А, быть-можетъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ не простой...

Она искала слова.

— Кавалеръ индустріи?—подсказалъ ей Люцій.

— Это бываетъ! Подлогъ,—повторила она про себя.— Это дѣлаютъ, чтобы выручить товарища.

— Увы и ахъ! Господинъ Босяковъ никого не выручалъ, а только поднадулъ вотъ еще разъ Симу.

— Онъ убѣжалъ?—спросилъ Симцовъ.

— Скрылся, душа моя, скрылся. И даже написалъ мнѣ письмо, гдѣ есть разныя пріятности и по вашему адресу.

— Вотъ это прекрасно!—вскричалъ Симцовъ и остановился посреди столовой.

Это извѣстіе, само по себѣ непріятное, дало ему новое раздраженіе, но уже не противъ самого себя, а противъ Людмилы, ея мужа и вообще молодыхъ людей.

— Вотъ это прекрасно!—и Симцовъ разсмѣялся.

— Тебѣ очень жалко денегъ, отецъ? — спросила Ната.

— Конечно, жалко,—отвѣтилъ онъ, и ему стало вдругъ легче, тонъ его показывалъ, что теперь онъ уже стряхнулъ съ себя свое подавленное и боязливое настроеніе передъ дочерью.—Конечно, жалко,—повторилъ онъ,—глупо брошенныхъ денегъ!

— Послушай, — перебила его Ната, и звукъ ея голоса доложилъ ему, что она станетъ возражать и протестовать. — Одно изъ двухъ, отецъ: или ты хотѣлъ оказать большую услугу женщинѣ, любящей своего мужа, или ты сдѣлалъ это такъ... повеликодушничалъ, порисовался.

— Я рисовался? Это забавно!

Въ первый разъ Симцовъ начиналъ сердиться. Онъ сердился и на Люція за эту некстати сообщенную новость о побѣгѣ Босякова, а еще больше сердился на тонъ дочери, на эту несносную манеру обо всемъ судить, не останавливаться ни передъ чѣмъ и слишкомъ мало думать: кому она говоритъ, имѣетъ ли она право такъ безцеремонно разбирать каждый поступокъ своего отца?

— Тутъ нечего умничать,—сказалъ онъ въ первый разъ такъ рѣзко, что Люцій взглянулъ даже на него вопросительно.—Каждый дѣлаетъ глупости. Жена этого мазурика ослѣплена имъ. Я ее не виню, но сказать по правдѣ: не слѣдовало рисковать порядочной суммой денегъ изъ-за ея прекрасныхъ глазъ.

— Ты это такъ сказалъ, отецъ,—подхватила Ната, вся разгорѣвшись, — точно въ тебѣ говоритъ досада за прошлое...

— За какое прошлое?—рѣзко спросилъ онъ.

— Я не знаю, можетъ-быть, ты за ней ухаживалъ, а она взяла да вышла за какого-то Босякова.

Эти слова Наты перенесли его сейчасъ же къ сценѣ съ самимъ Босяковымъ въ его кабинетѣ. И мужъ Людмилы сказалъ ему почти то же, что и дочь. Злобное и

мстительное чувство укололо его въ эту минуту. „Да, всѣ женщины на одинъ покрой, — порывисто думалъ онъ.— Что бы вы для нихъ ни дѣлали, во всемъ видятъ хищничество и самолюбіе мужчины...“

— Можетъ-быть,—глухо оборвалъ Симцовъ.

Онъ долженъ былъ сдержать себя, чтобы не вышло какой-нибудь непріятной сцены.

— Да знаете что, господа, — продолжала все такъ же возбужденно Ната.—Въ васъ обоихъ слишкомъ много барства. Денегъ вы, пожалуй, дадите на бѣдность или вотъ поймаетесь насчетъ залога, но вы не войдете въ жизнь ни такой Людмилы, ни ея несчастнаго мужа.

— Несчастнаго, несчастнаго!—оборвалъ ее Симцовъ.— Ты сама не знаешь, что говоришь. Люцій, пойдемте въ кабинетъ. Этому пустоболтанію конца не будетъ.

Симцовъ вышелъ первый изъ столовой. Люцій притихъ и вбокъ глядѣлъ на Нату. Она усиленно вытирала блюдечко полотенцемъ. Высокая ея грудь поднималась и опускалась и ноздри были расширены.

— Такъ я, по-вашему, буржуй?—спросилъ онъ тихо и хотѣлъ приласкать ее взглядомъ.

— А то кто же?

— Я буддистъ,—отшутился Люцій, вставая изъ-за стола.—Напрасно брюскируете папеньку,—шопотомъ прибавилъ онъ. — Сима нѣжной души человѣкъ и ваше пониманіе для него дорогого стоитъ.

— Сомнѣваюсь.

Люцій сдѣлалъ жестъ рукой, какъ бы приглашая ее успокоиться, и беззвучно выдвинулся изъ комнаты.

Ната долго вытирала блюдечко и чашку. Краска сходила съ ея щекъ. Въ глазахъ не было уже задорнаго блеска. Она досадовала на себя, но еще больше непріятно ей было за отца. Она не ожидала, что онъ способенъ былъ на такую старческую раздражительность, что онъ отъ нея многое скрываетъ, оттого и ведетъ себя неровно, странно и тревожно.

Она такъ раздумалась, что и не замѣтила, какъ прошла цѣлая четверть часа. Ее вывелъ изъ раздумья разговоръ въ передней. Уходилъ Люцій; Симцовъ провожалъ его. Дверь въ переднюю была полуотворена.

— Завтра я вызванъ къ Аполлинаріи Кирилловнѣ,— донеслась до Наты совершенно отчетливо фраза Люція.

— Для консультаціи?—спросилъ Симцовъ.

— Вечеромъ, на чашку чаю.

„Аполлинарія Кирилловна,—быстро спросила себя Ната,—моя мать здѣсь?“

XV.

Симцовъ проводилъ пріятеля и вернулся въ кабинетъ. Его раздраженіе улеглось, и ему стало совѣстно за себя. Но вѣдь и Ната не была права: нельзя же такъ поднимать голосъ и вторгаться своимъ авторитетнымъ мнѣніемъ въ то, чего она хорошенько не знаетъ.

Онъ все-таки осудилъ самого себя и очень бы желалъ приласкать ее; только безъ всякихъ лишнихъ объясненій. Что жъ дѣлать! Натура! Поколѣніе!.. Если ему приходится съ ней совсѣмъ не такъ легко, какъ онъ мечталъ, то вѣдь и она, быть-можетъ, про себя испытываетъ уже нѣкоторый гнетъ.

Онъ сѣлъ на свое любимое кресло около столика съ двойнымъ подсвѣчникомъ, но его тянуло къ дочери. Еще минуты двѣ, и онъ пошелъ бы къ ней въ комнату, думая, что ея давно уже нѣтъ въ столовой.

Изъ-за портьеры показалась фигура Наты.

— Ты ко мнѣ?—спросилъ Симцовъ, скрывая свое волненіе.

Ната перешла отъ двери къ его креслу скорыми шагами, протянула ему руку, крѣпко пожала, потомъ нагнулась и поцѣловала его въ голову.

— Ты не сердись, — заговорила она съ добродушной угрюмостью.—Я—грубіянка... Зато—что на умѣ, то и на языкѣ. Кабы я при тебѣ росла, папа, конечно, у меня былъ бы другой тонъ. Но ты немножко самъ виноватъ. Я привыкла считать тебя идеальнымъ человѣкомъ. А бояться—я тебя никогда не боялась...

— Хорошо, хорошо, — тронутымъ звукомъ повторилъ Симцовъ, ужасно обрадованный этой исповѣдью Наты, и привлекъ ее къ себѣ.

Онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ ее въ щеку. Ему хотѣлось приласкать ее какъ маленькую дѣвочку, и потомъ такъ же поисповѣдоваться ей во многомъ томъ, что теперь таилось въ немъ и вызывало вспышки раздраженія.

Ната, не сходя еще съ его колѣнъ, поглядѣла ему въ глаза съ болѣе сосредоточеннымъ выраженіемъ.

— Ты мнѣ скажешь правду? — спросила она вдругъ и потянулась встать

— Что такое?

Опять тревога овладѣла Симцовымъ: онъ зачуялъ снова „принципіальный“ разговоръ.

— Про какую Аполлинарію Кирилловну говорилъ тебѣ въ передней твой другъ. Это мать моя?

Симцовъ не рѣшился солгать и отвѣтилъ наклоненіемъ головы.

— Такъ она здѣсь? Живетъ постоянно?

— Пріѣхала по дѣлу.

— Неужели ты нарочно скрывалъ отъ меня?

— Я... не скрывалъ, но и не видѣлъ особенной надобности тебя тревожить, мой другъ; долгъ мой состоялъ въ томъ, чтобы ограждать тебя отъ всякаго прикосновенія съ личностью, которая и безъ того чуть-было не разбила нашу съ тобой жизнь.

Выговаривая все это, Симцовъ тяжело дышалъ.

Ната стояла уже поодаль отъ дивана, сложивъ руки на груди и продолжая пристально смотрѣть на него.

— Послушай, отецъ, — Ната заходила по кабинету и щеки ея разгорѣлись, — зачѣмъ ты такъ брезгливо говоришь о ней? Развѣ ты ея до сихъ поръ боишься?

— Нисколько.

Симцовъ сдѣлалъ даже энергическій жестъ головой.

— И если она здѣсь, въ Петербургѣ, то отчего же бы мнѣ и не повидаться съ ней?

Глаза дѣвушки смотрѣли на него пытливо и опять съ тѣмъ же неуловимымъ оттѣнкомъ снисходительной усмѣшки, точно будто она гувернантка, а онъ ея воспитанникъ.

— Съ какой же стати? Между вами нѣтъ ничего общаго.

Ему довольно было выговорить и эти слова.

Какъ?! Его Ната, та дѣвочка, что онъ похитилъ у матери по уговору съ ней самой, и тогда еще инстинктомъ понявшая, какова ея мать, теперь такъ разсуждаетъ; почти съ упрекомъ говоритъ ему о его брезгливомъ чувствѣ къ женщинѣ, что̀ ихъ обоихъ заставляла такъ долго страдать.

— Теперь все сгладилось,—продолжала Ната и нахмурила немного брови, тономъ разсудительной, старшей сестры.—Мать моя не могла сдѣлать тебя счастливымъ, и мнѣ у ней было не хорошо. Ты по-своему былъ, конечно, правъ.

Онъ молчалъ.

— Пожалуйста, не скрывай отъ меня, папа. Это не достойно тебя. Она здѣсь по какому-нибудь дѣлу съ тобой?

Ему надоѣло изворачиваться, и онъ сказалъ ей сухо, но спокойно, что ея мать нашла себѣ жениха, собирается выходить за него замужъ и хлопочетъ о разводѣ, на который онъ далъ свое согласіе.

— Теперь вы оба свободны. Этотъ разводъ — кто его первый предложилъ, она или ты?—горячѣе спросила Ната.

— Она.

Симцовъ опять началъ себя сдерживать.

— Вотъ видишь.

— Ей это нужно было.

— Да вѣдь и тебѣ также нужно... Или можетъ быть нужно,—поправилась она. — Ты еще не старый. Можешь полюбить.

„Догадывается ли она или нѣтъ о Котомлиной?“ — быстро подумалъ Симцовъ, и неувѣренно, исподлобья взглянулъ на дочь.

— Все это прекрасно, Ната,—заговорилъ онъ, стараясь быть какъ можно мягче,—но къ чему же тебѣ становиться опять между нами? Вотъ болѣе восьми лѣтъ, какъ я ограждалъ тебя всячески...

— Отъ чего? — съ внезапною живостью спросила дѣвушка.—Отъ прикосновенія къ моей матери? Напрасно.

— Напрасно?—съ невольнымъ раздраженіемъ переспросилъ Симцовъ.

— Когда ты боялся за меня, пожалуй, иначе нельзя было сдѣлать... А потомъ я выросла. Вотъ ужъ больше трехъ лѣтъ, какъ я смотрю на себя вовсе не какъ на дѣвчонку!..

Ната сѣла на кресло, прислонилась затылкомъ къ спинкѣ его, вытянула ноги, опустила рѣсницы и стала говорить медленнѣе, нервнѣе; голосъ ея вздрагивалъ.

— Вотъ видишь, отецъ... Я тебя не обвиняю въ томъ, что ты меня лишалъ материнскихъ ласкъ; только напрасно ты самъ такъ малодушничалъ. Часто мнѣ бывало тяжеленько въ домѣ тети. Ты думаешь, съ ней легко было выжить вотъ почти до двадцати лѣтъ. Я никогда не хотѣла вмѣшивать тебя ни въ какія дрязги, возстановлять противъ твоей родственницы, а вѣдь она просто губернская барыня съ претензіями...

— Ната!—перебилъ Симцовъ. — Къ тебѣ она искренно привязалась.

— Можетъ-быть, не спорю. Она добрая... Только я передъ такой добротой, папа, не могу преклоняться. На двѣ трети въ ней барства, даже если хочешь—чванства. Тетя хотѣла сдѣлать изъ меня губернскую барышню. У ней вѣдь одинъ идеалъ: женскія головки изъ англійскихъ кипсековъ! И у насъ, какъ я только подросла и стала своимъ умомъ жить, постоянно были несогласія. Ей не нравилось все: какъ я говорю, хожу, одѣваюсь, чешусь, съ какими подругами знакома пріятельски, какія книжки читаю и о чемъ разговоры веду. Три года, папа, не шутка... На лѣтнихъ каникулахъ только и отводила душу. А въ зимніе вечера, бывало, сидишь-сидишь у себя въ комнатѣ, къ гостямъ выходить не хочется, на сердцѣ точно все сосетъ. Понятное дѣло, хотѣлось прильнуть къ другой женщинѣ, хотя бы она была и не Богъ знаетъ какой безупречной жизни, да помоложе, полегче характеромъ, снисходительнѣе. Я не стану отъ тебя скрывать, сколько разъ я думала: можетъ-быть, мать моя поняла бы меня гораздо лучше...

Голосъ Наты оборвался. Симцовъ былъ и взволнованъ, и какъ бы пораженъ тѣмъ, что она говорила. Упреки самому себѣ уже не являлись больше. Какова бы ни была его кузина, все-таки, живя при ней, Ната спаслась отъ многаго горькаго и даже грязнаго, чего навѣкъ не смоешь съ души...

— Что же дѣлать, — выговорилъ онъ менѣе кротко, чѣмъ бы самъ хотѣлъ,—развѣ я не понималъ, Ната, чего жизнь лишила тебя, но я по совѣсти не могъ не оградить тебя.

— Теперь что же разбирать, — оживленнѣе заговорила Ната.—Это старыя дрожди! А посмотрѣть на мою мать—отчего же не посмотрѣть? Повторяю: бояться нечего ни тебѣ, ни мнѣ. Открещиваться отъ нея слишкомъ не великодушно. Я про нее ничего не знаю, какъ слѣдуетъ. Но, положимъ, она—особа подозрительныхъ свойствъ...

— Тебѣ и не слѣдуетъ разбирать это,—нѣсколько строже выговорилъ Симцовъ.

— Почему такъ?

— Она мать твоя.

— Такъ я и ожидала!— вскричала Ната, выпрямилась въ креслѣ и подобрала ноги. — Какъ тебѣ не стыдно, отецъ! Это только во французскихъ романахъ упражняются въ такихъ фразахъ. Отлично знаютъ другъ друга, ника-

кихъ порядочныхъ чувствъ не имѣютъ, а чуть что — и сейчасъ: „она мать твоя!“ или: „онъ твой отецъ!“ Одно изъ двухъ: или ты давно ей все простилъ и смотришь на нее, какъ на женщину, которую мнѣ не стыдно назвать матерью, или ты ее все еще презираешь, и презираешь, имѣя на это право. А коли такъ, то къ чему же тутъ фразы? Я, какъ дочь, должна знать: стоятъ ли уваженія мои родители. Положимъ — не стоитъ кто-нибудь изъ нихъ. Но зачѣмъ же намъ съ тобой кичиться тѣмъ, что мы безупречны?

Симцовъ, по мѣрѣ того, какъ говорила Ната, мысленно возражалъ на каждый ея доводъ. Онъ не могъ или, лучше, не хотѣлъ соглашаться съ ней, хотя почти со всѣмъ согласился бы, говори не она, а посторонняя женщина.

— Я, мой другъ, не стану тебѣ насильно препятствовать. Ты имѣешь право повидаться съ твоей матерью. Не думаю только, чтобы это свиданіе принесло тебѣ какое-нибудь нравственное добро.

Эту суховатую и нѣсколько книжную фразу Симцовъ выговорилъ почти съ усиліемъ. Онъ уже чувствовалъ, что дочь ускользнула отъ него, что въ такихъ вопросахъ ему не направить ее по-своему.

— Да послушай, папа... Ты воображаешь, что я не встрѣчалась уже съ разными женщинами... достаточно порочными?

— Гдѣ же?

— Да въ домѣ тети, твоей кузины.

— Не думаю, мой другъ.

— А я тебѣ говорю—да. Она принимала разныхъ барынекъ изъ мѣстныхъ аристократокъ... и всѣ въ городѣ отлично знали, въ томъ числѣ и я, что такая-то вотъ мѣняетъ своихъ возлюбленныхъ, какъ перчатки.

— Ната!..

— Полно меня останавливать, мнѣ скоро двадцать лѣтъ! И про такіе нравы знаешь уже пятнадцатилѣтней дѣвчонкой. А кто въ мои лѣта притворяется, что ничего не видитъ и не понимаетъ, та просто вретъ. И что же? Я со всѣми этими дамами была знакома, сначала присѣдала имъ, потомъ пожимала руку и цѣловалась и ѣздила къ нимъ на вечера съ тетей. Да скажу тебѣ прямо: если бъ даже я теперь случайно познакомилась съ какой-нибудь завѣдомо легкой особой, я нисколько бы не стала отъ нея сторониться.

— Что ты говоришь, Ната?

— Я считаю такую брезгливость чистымъ фарисействомъ!

Она встала и прошлась по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Симцовъ сидѣлъ безмолвный и подавленный.

— Вотъ почему,—закончила она,—я не стану избѣгать свиданія съ моей матерью. И ты поступишь очень странно, если укроешь ее отъ меня.

Съ этими словами она вышла.

XVI.

Симцовъ больше уже не разбиралъ своего поведенія. Онъ былъ похожъ на запутавшагося дѣльца или на человѣка, который поставилъ на извѣстный номеръ все свое состояніе и дожидается поворота рулетки. Точно всякая способность къ анализу оставила его. Какъ бы онъ ни поступилъ, по прежнимъ своимъ понятіямъ и правиламъ—будетъ непремѣнно хуже. Вѣрнѣе всего: переждать, застыть въ своей умышленной инерціи.

Онъ избѣгалъ всякаго объясненія съ женщинами. Людмила Босякова порывалась къ нему, вѣроятно, оправдывать своего сбѣжавшаго мужа, а можетъ-быть и просить денегъ на поѣздку въ то мѣсто, куда онъ скрылся; Симцовъ усиленно защищалъ отъ нея входъ въ свою квартиру. Аполлинарія Кирилловна раза два-три приглашала его къ себѣ и черезъ Люція, и прямо. Онъ написалъ ей письмо, гдѣ убѣдительнѣйше просилъ назначить ему свиданіе только тогда, когда это будетъ безусловно необходимо для бракоразводнаго дѣла. Послѣ разговора съ Натой о матери, онъ совсѣмъ съежился, ушелъ въ себя, избѣгалъ всякаго намека на Аполлинарію Кирилловну, упрашивалъ Люція ни подъ какимъ видомъ не проговориться ей о пріѣздѣ дочери, и заходить къ нему въ правленіе, чтобы не сталкиваться съ Натой.

Прасковья Семеновна какъ будто совсѣмъ для него не существовала, хотя онъ навѣщалъ ее черезъ день. Разговоры ихъ были чисто дѣловые. Они толковали о сдачѣ ея квартиры и о поѣздкѣ за границу. Для него уже ничего не стоило надѣвать на себя личину и заботливо обсуждать съ нею всякія подробности ея заграничнаго маршрута. Теперь окончательно было рѣшено, что она поѣдетъ раньше, въ началѣ поста. То и дѣло всплывало въ немъ почти злобное чувство, глядя на то, какъ эта

ловкая женщина ни о чемъ не догадывается и продолжала считать его „своимъ“.

Послѣ посѣщенія матери, она сама стала очень сдержана, точно поступила на положеніе цѣломудренной невѣсты и желала вызвать въ немъ этой сдержанностью, а потомъ разлукой на мѣсяцъ, на два—прежніе порывы.

Чтобы не задергивать больше самого себя, Симцовъ старался, бывая у Прасковьи Семеновны, совсѣмъ не думать ни о дочери, ни о женѣ; а когда ему представлялся вопросъ, что нельзя же играть все въ прятки, онъ или ничего себѣ не отвѣчалъ, или говорилъ, что всякая случайность, даже самая непріятная, не ухудшитъ дѣла.

Въ своемъ кабинетѣ онъ сидѣлъ все охотнѣе и охотнѣе, любовно оглядывалъ шкапы съ книгами, съ терпѣливой надеждой ждалъ того момента, когда всѣ прежнія связи будутъ порваны. Онъ начиналъ уже отдѣлять себя и отъ Наты. Самое лучшее — предоставить ей полную свободу, но и самому требовать того же, заключить съ ней родъ пріятельскаго контракта. Они будутъ жить подъ одной кровлей, сходиться за обѣдомъ, завтракомъ и чаемъ, избѣгать всякихъ споровъ, сообщать другъ другу только вещи интересныя, изъ того, что каждый изъ нихъ прочтетъ или прослушаетъ въ теченіе дня.

Въ этомъ именно направленіи думалъ онъ, сидя все въ томъ же креслѣ у маленькаго столика и зная, что его никто не потревожитъ. Наты не было дома. Никакого особеннаго приказанія насчетъ пріема онъ не отдавалъ камердинеру. Аполлинарію Кирилловну онъ давно уже не велѣлъ принимать, даже и въ утренніе часы.

Раздался звонокъ, на который онъ не обратилъ вниманія. Вѣроятно, Ната, вернувшаяся съ лекціи.

— Госпожа Котомлина,—доложилъ человѣкъ по обыкновенію вполголоса, остановившись въ портьерѣ.

— Вы сказали, что я дома?

— Такъ точно.

Выбранить человѣка не за что было; принять ее, значитъ — рисковать встрѣчей дочери съ Прасковьей Семеновной.

Но какой же тутъ особенный рискъ... Онъ, какъ дѣловой человѣкъ, имѣетъ поводъ принимать у себя всякихъ дамъ.

И его наполнила почти дѣтская радость отъ упорнаго сознанія того, что онъ непремѣнно покончитъ со всѣми женщинами.

Визитъ свой Прасковья Семеновна сейчасъ же объяснила, точно будто хотѣла предупредить его. Дѣло было спѣшное и все насчетъ сдачи ея квартиры. Нужно дать отвѣтъ сегодня вечеромъ, а вызывать его она не хотѣла. Онъ посовѣтовалъ ей покончить безъ проволочки, такъ какъ условіе очень выгодное. Она почти не присаживалась, не снимала ни шляпки, ни мѣхового боа, и вдругъ присѣла поближе къ нему, взяла за руки и тихо выговорила:

— Валерій, скажите мнѣ, что вообще съ вами?

„А вдругъ вернется Ната?“—выскочилъ вопросъ въ головѣ Симцова.

Скрывать то, что Ната тутъ, въ его квартирѣ, было почти невозможно; но и сказать объ этомъ сейчасъ же— языкъ не повиновался ему.

Можетъ-быть, этотъ разговоръ пройдетъ благополучно. Ната на лекціяхъ и врядъ ли вернется раньше обѣда. Да и зачѣмъ ей знать объ отношеніяхъ его къ Котомлиной, если онъ рѣшилъ разорвать эту связь? Къ чему загрязнять ея взглядъ на жизнь, хотя бы она по своимъ теперешнимъ понятіямъ и стояла за полную искренность отца съ взрослою дочерью.

У ней свой кодексъ морали, у него—свой.

Но лицо Прасковьи Семеновны слегка затуманилось.

— Мнѣ кажется, мой другъ, — заговорила она, — что вы со мною не такъ искренни, какъ прежде!

— Что за мысль!..

— Что же такое произошло съ тѣхъ поръ, какъ скончался мой мужъ?

— Ровно ничего!..

— Если у васъ какія-нибудь дѣловыя непріятности, заботы—почему же не сообщить ихъ мнѣ? Или, можетъ-быть, вы списались уже съ женой, и она хочетъ воспользоваться вашимъ желаніемъ быть свободнымъ. Почему вы не поручите этого мнѣ?

— Вамъ?..

— Я не испугалась бы. Тутъ дѣло все въ деньгахъ... Если васъ затрудняетъ что-нибудь... къ чему же я тутъ? Вѣдь это нашъ общій интересъ. Мы оба обезпечиваемъ себѣ нашу будущность. Я отъ души готова принести всякую жертву.

— Что вы, что вы!.. — почти съ ужасомъ воскликнулъ Симцовъ.

Какъ женщина была сильнѣе его въ эту минуту! Для нея все ясно. Она идетъ прямо къ цѣли и не хочетъ даже подозрѣвать его въ какомъ-нибудь малодушномъ обманѣ. Съ такой же ясностью и смѣлостью проводила она еще недавно покойнаго мужа и въ этомъ пятилѣтнемъ обманѣ была также сильнѣе своего любовника.

— Да почему же нѣтъ, Валерій?—спросила Прасковья Семеновна и нагнулась къ нему бюстомъ.

— Это моя обязанность,—проговорилъ Симцовъ, и ему собственный голосъ слышался чьимъ-то чужимъ.

— Вотъ и насчетъ вашей дочери... Если вамъ почему-нибудь не совсѣмъ ловко писать ей о вашемъ желаніи назвать меня женою, а сдѣлать это экспромтомъ для нея вы тоже не хотите—я могла бы ее подготовить. Для меня это не составитъ никакого труда. Отчего мнѣ не завязать съ ней переписку? Она молода, отзывчива; я сумѣю найти дорогу къ ея сердцу.

— Полноте, это совсѣмъ не нужно!

Симцовъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

„Нельзя же тянуть дальше,—говорилъ онъ самъ себѣ,—ты можешь поставить себя въ самое унизительное положеніе. Ната вернется, войдетъ въ кабинетъ, и тогда что?“

Ему вдругъ захотѣлось очутиться именно въ такомъ унизительномъ положеніи, чтобы его ложь была обнаружена передъ этой женщиной рѣзко, безъ всякой возможности какой бы то ни было отговорки. Это было бы самымъ лучшимъ средствомъ или поводомъ къ разрыву.

Но такая ли женщина Прасковья Семеновна, чтобы возмутиться безповоротно? Нѣтъ. Она найдетъ исходъ, великодушно проститъ ему его сознательный обманъ, будетъ даже объяснять его деликатностью чувствъ своего Валерія, желаніемъ пощадить обѣихъ женщинъ, избавить ихъ отъ всего щекотливаго и неловкаго.

— Вѣдь Ната все тамъ, у вашей кузины? — спросила Котомлина и встала.—Дайте мнѣ ея адресъ. Изъ-за границы я начну съ ней переписку, и повѣрьте, мой другъ, она будетъ подготовлена и найдетъ во мнѣ не мачиху, а баловницу, старшую сестру.

У него невольно вырвался подавленный вздохъ: не нужно было отвѣчать прямой ложью на вопросъ — гдѣ теперь Ната.

— Знаете, что я вамъ скажу, Валерій? — Прасковья

Семеновна взяла муфту со столика и тихими шажками пододвинулась къ двери въ гостиную.—Вы до сихъ поръ подъ впечатлѣніемъ смерти вашего пріятеля. Я не скрываю, на васъ она подѣйствовала сильнѣе, чѣмъ на меня. Нельзя такъ... Сколько разъ вы говорили мнѣ: жизнь не ждетъ. Помните, есть такія слова Пушкина изъ его лицейской годовщины. Время безпощадно... Нельзя прошедшему отдавать столько душевныхъ силъ.

„И вотъ такъ она стала бы меня отчитывать до самой моей смерти“,—думалъ Симцовъ и стоялъ съ опущенной головой у своего кресла.

Прасковья Семеновна была уже у дверей въ гостиную.

— Встряхнитесь, Валерій, — доносился до него ея голосъ,—такъ нельзя.

Онъ догналъ ее, взялъ за руку и прошелъ съ ней черезъ всю гостиную.

Ему опять стало хорошо оттого, что онъ ускользнулъ, не далъ ей никакого правдиваго отвѣта ни насчетъ жены, ни насчетъ дочери. Все равно, онъ уйдетъ отъ нея. Зачѣмъ же станетъ онъ передъ ея отъѣздомъ переживать безплодную борьбу, рискуя, быть-можетъ, попасть опять въ петлю?

У двери въ переднюю его начала безпокоить возможность встрѣчи Наты съ Прасковьей Семеновной.

Вдругъ звонокъ, и что тогда?

Довольно поспѣшно отперъ онъ ей дверь и вполголоса повторилъ:

— Все обойдется, все обойдется.

Она ушла. Симцовъ самъ заперъ дверь и вернулся въ кабинетъ нервный, но облегченный отъ тягостнаго чувства ожиданія встрѣчи Наты съ Прасковьей Семеновной.

Не прошло и пяти минутъ, какъ въ передней раздался звонокъ, сильный, торопливый.

„Неужели это опять она забыла что-нибудь?—подумалъ Симцовъ и весь съежился. — Надо будетъ положить разъ навсегда до отъѣзда Котомлиной за границу, чтобъ свиданій больше не было на его квартирѣ“.

Онъ не пошелъ отпирать и ждалъ въ гостиной.

Вбѣжала Ната, прямо въ пальто и шапкѣ.

XVII.

— Я встрѣтила сейчасъ,—заговорила она,—около нашего подъѣзда, одну даму... Ея портретъ, тотъ, большой,

надъ письменнымъ столомъ у тебя въ кабинетѣ. Какъ ея фамилія?

— Госпожа Котомлина.

Симцовъ перешелъ уже отъ чувства радости за то, что дочь не встрѣтилась съ Прасковьей Семеновной, къ новому тревожному настроенію.

„Зачѣмъ она меня спрашиваетъ?“—подумалъ онъ, желая поскорѣй рѣшить, какимъ тономъ вести ему этотъ разговоръ съ дочерью.

Ната сѣла, все еще въ пальто и шапкѣ, на одинъ изъ диванов.

— Знаешь что, папа, — начала она, смотря на него исподлобья, — я потому такъ спрашиваю тебя объ этой дамѣ, что слышала, совершенно случайно, въ аудиторіи, цѣлую исторію... Называли тебя и эту госпожу.

— Ну, и что же?

Губы Симцова слегка дрогнули.

— Понятное дѣло, я не намѣрена вмѣшиваться въ твои интересы, но не скрою отъ тебя—мнѣ было больно.

— Что такое?—почти пролепеталъ Симцовъ.

— Можетъ-быть, это и сплетня... Говорили про твой романъ съ этой Котомлиной. Даже были намеки очень некрасивые. Я не хочу ихъ повторять здѣсь. Говорили, что ты былъ близкимъ пріятелемъ ея мужа и долго, нѣсколько лѣтъ. Онъ только что, кажется, умеръ?

— Да, недавно.

Симцовъ почувствовалъ, что ему надо сѣсть.

— Повторяю тебѣ, папа, я не хочу вторгаться насильно въ твои сердечныя дѣла... чего-нибудь допытываться. Но мнѣ будетъ до гадости непріятно еще разъ услыхать что-нибудь подобное. И позволь мнѣ теперь же сказать совершенно откровенно... Если во всемъ этомъ есть хоть немножко правды, зачѣмъ ты не оградишь твоего добраго имени. Или, быть-можетъ, ты такъ увлеченъ этой женщиной, что думаешь жениться на ней?

Чего же легче было бы ему отвѣтить дочери, будь онъ хоть немного помужественнѣе? Но ему показалось невозможнымъ исповѣдоваться передъ Натой и въ своемъ прошедшемъ, въ долгой любовной связи съ Котомлиной, и въ такомъ же долгомъ обманѣ ея мужа. А теперь еще невозможнѣе сказать ей, что онъ не желаетъ загладить бракомъ это дурное дѣло. Въ эту минуту онъ былъ слишкомъ далекъ отъ мысли, что дочь скорѣе способна допу-

стить такой разрывъ съ женщиной, которую онъ пересталъ любить, чѣмъ пятилѣтній обманъ своего пріятеля.

— Повторяю тебѣ еще разъ, папа,—вскричала Ната,— я тебя не допрашиваю. Мнѣ кажется, каково бы ни было твое прошедшее съ этой госпожой, если ты ее любишь, отчего тебѣ не жениться? Тебѣ твой бракъ... съ моей матерью—давно въ тягость. Она возвратитъ тебѣ свободу.

Ната встала, подошла къ нему, положила ему руку на плечо и наклонила къ нему голову.

— Ты ужъ не думаешь ли, папа, что меня такой новый бракъ разстроитъ или огорчитъ?

„Точно обѣ согласились!“—про себя воскликнулъ Симцовъ. Его кольнуло сознаніе, до какой степени обѣ онѣ сильнѣе его. Но развѣ изъ-за этого станетъ онъ затягивать на своей шеѣ новую петлю? Пускай каждая изъ нихъ по-своему права. Быть съ ними искреннимъ онъ не въ состояніи.

— Ты, кажется, не расположенъ говорить со мной объ этомъ, — закончила Ната. — Когда вздумаешь—поговори. И, право, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Мнѣ кажется, твоя обязанность: сказать мнѣ хоть то, что̀ есть фактическаго въ такихъ сплетняхъ о тебѣ.

Эти слова дочери задѣли его за живое. Симцовъ всталъ, выпрямился и сдѣлалъ неопредѣленный жестъ правой рукой.

— Оставь мнѣ мое прошедшее, — началъ онъ. — Оно мнѣ принадлежитъ, Ната, и я въ немъ не обязанъ отдавать тебѣ отчета. Если найдется въ немъ что-нибудь неловкое или даже нехорошее, повѣрь, я не стану себя оправдывать и давно осудилъ себя строже, чѣмъ ты это сдѣлаешь.

— Это уклончивый отвѣтъ!—вырвалось у Наты.

Она была уже на пути къ двери въ гостиную.

— Можетъ-быть! — возразилъ онъ, и голосъ его дрогнулъ.—Можетъ-быть! Но какую же роль хочешь ты брать на себя. Роль судьи въ моихъ отношеніяхъ къ женщинамъ?

— Не ко всѣмъ, а къ одной... вотъ къ той, что̀ у тебя сейчасъ была.

— Я не имѣю права,—еще горячѣе возразилъ онъ,— вводить тебя въ такія отношенія...

Слова начинали забѣгать у него одно за другое. Онъ краснѣлъ и боялся, какъ бы не вышло у нихъ тяжелой сцены.

Ната обратилась къ нему всѣмъ лицомъ, стоя у двери, и на ея щекахъ тоже сталъ показываться румянецъ.

— Какъ тебѣ угодно, отецъ,—выговорила она, и по ея крупному рту просилась усмѣшка. — Только такъ нельзя рѣшать вопросы морали... Ты только о себѣ говоришь, а я тебѣ говорю о томъ: какъ мнѣ быть? Я могу опять услыхать что-нибудь подобное. Это вопросъ уже не одной твоей совѣсти, но и моей также.

— Ты должна сказать, — почти крикнулъ Симцовъ, — что твой отецъ честный человѣкъ, и что ты не желаешь, чтобъ про него такъ говорили! Вотъ и все!

Онъ круто повернулся, отошелъ къ шкапу и сталъ къ нему лицомъ, точно ища книгу.

Ната тоже повернулась къ двери и крикнула ему:

— Хорошо! Такъ и буду знать, папа!

И ему показалось, что она прибавила къ этимъ вопросамъ сдержанно, зло иронической смѣхъ.

Ему захотѣлось крикнуть:

„Негодная дѣвчонка!“

Но онъ испугался и застыдился такого взрыва и усиленно сохранилъ то же положеніе—лицомъ къ шкапу.

Скрипучіе шаги Наты прошлись по ковру гостиной. Потомъ все смолкло. Она заперлась въ своей комнатѣ. Симцовъ сейчасъ же отошелъ отъ шкапа и сталъ шагать по кабинету большими шагами. Еще ничего подобнаго у него до сихъ поръ не выходило. Онъ такъ разстроился, что почти заплакалъ. Въ одинъ день два такихъ объясненія... Его душило. Онъ почти убѣжалъ изъ квартиры.

У себя Ната прошлась возбужденными шагами нѣсколько разъ, заглянула за перегородку, гдѣ стояла кровать, посмотрѣла на шкапъ съ зеркаломъ, гдѣ вся комната отражалась со своимъ свѣжимъ и красивенькимъ убранствомъ.

До сихъ поръ ей эта комната почти нравилась. А тутъ ей стало вдругъ все такъ противно. Къ чему такая отдѣлка? Отецъ желалъ сдѣлать ей приманку, точно собачонкѣ какой, задобрить ее разными „финтифлюшками“, чтобы полегоньку прибрать къ рукамъ и передѣлать ее окончательно на свой ладъ.

Развѣ не достаточно „раскусила“ она его теперь, въ этомъ разговорѣ о матери! Вотъ онъ какой! Въ настоящемъ-то видѣ, безъ прикрасъ... Да и онъ ли одинъ? Всѣ мужчины таковы!

Ната остановилась передъ зеркаломъ и посмотрѣла на свое лицо. Оно было сердитое и красное. И кто настроилъ ее? Родной отецъ. Человѣкъ, который считаетъ себя „идеалистомъ , „носителемъ идей 60-хъ годовъ“ и не знай еще чѣмъ! Въ его лицѣ она чувствовала что-то такое, отъ чего женщина — всякая женщина, молодая или старая—должна защищаться весь свой вѣкъ, если желаетъ создать изъ себя что-нибудь самостоятельное. И ей стало въ то же время жаль свою мать. Мужской эгоизмъ всегда ужасенъ! И что за злопамятность! Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ они разошлись, какъ отецъ пользуется полной свободой. Не можетъ быть, чтобъ ея мать не имѣла никакихъ человѣческихъ чувствъ? Такихъ „изверговъ“ очень мало на свѣтѣ... И она была бы рада взглянуть на свою дочь. Да если та и осталась, попрежнему, дурной женщиной, что за высокомѣріе и самодовольство такъ уничтожать чужую личность, смотрѣть на нее, точно на зачумленную, на презрѣнную парію?

Въ эту минуту Ната была рѣшительно ближе къ матери, чѣмъ къ отцу, просто какъ къ женщинѣ. Всѣ женщины должны составлять одинъ могущественный союзъ, сплотиться противъ мужчинъ.

И ей теперь ужасно душно въ этомъ хорошенькомъ будуарѣ, вообще во всей этой роскошной квартирѣ, гдѣ она должна будетъ, до окончанія ученія на курсахъ, оставаться безъ настоящей свободы, при возможности столкновеній съ отцомъ!.. Мысль о томъ, не уѣхать ли ей за границу, впервые блеснула въ ея головѣ. Полной свободы у ней не будетъ здѣсь, при отцѣ. Нужды нѣтъ, что онъ ни въ чемъ ее не стѣсняетъ, что онъ гордится даже такимъ „либерализмомъ“. Наблюдать за тѣмъ, что она дѣлаетъ и куда ходитъ, онъ не станетъ. Но чуть дѣло дойдетъ до чего-нибудь болѣе крупнаго... Полюбитъ ли она или завяжетъ дружбу съ подругой „на жизнь и на смерть“—навѣрно, онъ не одобритъ ея выбора.

„Папа—аристократъ“,—выговорила мысленно Ната, и усмѣшка почти пренебрежительной горечи прошлась по ея полнымъ губамъ.

Подругу надо будетъ выбирать непремѣнно изъ самыхъ „приличныхъ“, чтобъ изящно была причесана и корсетъ чтобъ обрисовывалъ ея талію. Онъ „эстетикъ“ и до сихъ поръ. Желаетъ нравиться всѣмъ, и старымъ, и молодымъ...

А что будетъ, если выборъ ея сердца падетъ на какого-нибудь „лохматаго“, какъ уже не разъ, хоть и мягко, выражался отецъ! Ната задавала этотъ вопросъ совершенно отчетливо. До сихъ поръ она только дѣвочкой влюблялась въ подростковъ-гимназистовъ и рано стала стыдиться всякихъ увлеченій. Но теперь она знаетъ, что безъ любви не проживешь. Можетъ-быть, она успѣетъ кончить курсъ и безъ всякой встрѣчи съ мужчиной, который привлечетъ ее, можетъ-быть, и на этихъ дняхъ случится рѣшительная встрѣча.

Если бъ отцу и понравился молодой человѣкъ ея выбора, то и тогда она была бы точно въ тискахъ въ этихъ нарядныхъ комнатахъ, гдѣ все ей говорило о томъ, что она барышня, живущая на даровыхъ хлѣбахъ у богатенькаго отца, неспособная еще поддерживать себя на собственный заработокъ.

И непремѣнно начались бы споры изъ-за того, кто ей полюбится, съ отцомъ. Мягкость отца—въ сущности весьма обидная для молодежи ея поколѣнія. Тотъ, кого она полюбитъ, будетъ совсѣмъ другого тона. Иначе это не можетъ случиться... Да къ нимъ никто и не ходитъ, кромѣ этого Алексѣева. Она его до сихъ поръ не понимаетъ и ей кажется, что онъ рисуется. Стало, выборъ ея падетъ на кого-нибудь въ кружкѣ подругъ, когда расширится ея курсовое знакомство.

Да и самые курсы приводили ее въ смущеніе. Всѣ говорятъ, что ихъ закроютъ, и въ будущемъ году пріемъ прекратится. Такъ зачѣмъ же начинать здѣсь? Болѣе чѣмъ вѣроятно, что ей и не удастся поступить въ „медички“, а одними естественными курсами она не желаетъ ограничиваться.

Это ей кажется такъ, забавой... Нѣтъ никакой прямой дороги впереди, по окончаніи курса, никакихъ опредѣленныхъ „правъ“. Въ аудиторіяхъ она нашла не мало дѣвицъ, показавшихся ей слишкомъ элегантными. Такія поступаютъ изъ моды или отъ „даровыхъ хлѣбовъ“. Не этого она хочетъ...

Одна медицина способна забирать васъ всю, давать въ руки живое дѣло и доставлять, если вы не „дубишка“, вѣрный и даже большой заработокъ.

Вонъ, въ Парижѣ, русская студентка первая добилась докторскаго диплома, и ее, съ торжествомъ, приняли въ

ученое общество... Поди, сколько она теперь зарабатываетъ!

Ната, стоя посреди своей комнаты, еще разъ оглянула ее строгимъ взглядомъ, и ей еще сильнѣе захотѣлось вонъ изъ-подъ отцовскаго крыла. Да и любви ей не нужно до тѣхъ поръ, пока она не станетъ окончательно на свои ноги, пока не будетъ у ней своего, мужского заработка.

Въ передней раздался громкій звонокъ. Симцовъ уже давно ушелъ. Его человѣкъ воспользовался этимъ и побѣжалъ, поблизости, посидѣть въ портерной съ пріятелемъ. Отворила горничная Наты—Ѳеша.

И эта Ѳеша не нравилась ей. Точно она была къ ней приставлена наблюдать надъ ея манерами, туалетомъ и обхожденіемъ.

То и дѣло позволяла она себѣ говорить:

— Барышни Майергофъ, у которыхъ я жила, такъ не надѣвали.

Ната давно бы ее обрѣзала, если бы не принципъ обращаться съ прислугой крайне гуманно.

Изъ передней доходилъ гулъ разговора. Женскій, звонкій голосъ покрывалъ глухое произношеніе Ѳеши.

„Навѣрно пускаетъ свои тоны“,—подумала Ната о горничной и невольно стала прислушиваться, чтобы вмѣшаться... Можетъ-быть, кто-нибудь къ ней зашелъ, а Ѳеша умничаетъ и не желаетъ принять подъ тѣмъ предлогомъ, пожалуй, что „барышня отдыхаетъ“.

— Когда же Валерій Иванычъ вернется? — раздался вопросъ.

Голоса Ната не узнавала.

— Не могу вамъ сказать,—церемонно отвѣчала Ѳеша.

— Кто же дома?

— Барышня, но онѣ заняты.

„Такъ и знала!“—добавила про себя Ната.

— Какая барышня?

— Наталья Валерьяновна.

Ната терпѣть не могла, чтобы ее звали „Валерьяновна“—точно нервныя капли.

— Быть не можетъ!.. Ната здѣсь?

Возгласъ былъ такой сильный, возбужденный, что Ната не выдержала и быстро отворила дверь въ переднюю.

XVIII.

Тамъ стояла Аполлинарія Кирилловна.

Она не дала Натѣ опомниться, сейчасъ узнала ее и стремительно подошла къ ней.

— Ната! Mon enfant!

Отъ этого возгласа Ната вся вздрогнула. Ее схватило за грудь. Она не то чѣмъ-то возмутилась, не то ей захотѣлось плакать.

Мать уже обнимала ее, и при этомъ на особый ладъ смѣялась.

— Вотъ ты какая большая! — вскричала Аполлинарія Кирилловна, увлекая ее къ окну.

Горничная съ недоумѣніемъ смотрѣла на эту сцену.

— Отца твоего дома нѣтъ, или онъ только запирается, не принимаетъ?

— Нѣтъ, онъ ушелъ, кажется.

Смущеніе Наты прошло очень быстро, но ей не было неловко съ этой женщиной, ее стѣсняло только присутствіе горничной.

— Ты живешь здѣсь? — спросила ее Аполлинарія Кирилловна по-французски и прибавила, подмигнувъ правымъ глазомъ:—А твой отецъ вѣдь скрылъ отъ меня это.

Ната хотѣла-было сказать ей: „Нѣтъ, я знала, что вы въ Петербургѣ“, но промолчала.

— Знаешь что,—продолжала ея мать по-французски,—здѣсь намъ будетъ не такъ удобно. Намъ нужно же немножко познакомиться другъ съ другомъ. Поѣдемъ ко мнѣ!

Аполлинарія Кирилловна сказала это шопотомъ, точно она хотѣла тайно подговорить дочь къ бѣгству отъ отца.

У Наты блеснуло воспоминаніе дѣтства, какъ она дѣвочкой томилась, точно въ плѣну, у этой самой женщины, и какъ отцу удалось, наконецъ, похитить ее.

Но это былъ только мимолетный образъ. Она застыдилась такого дѣтскаго чувства. Чего ей бояться этой женщины? Непріятное ея возбужденіе противъ отца еще не прошло. Отчего же ей самой не узнать хорошенько—что за личность ея мать, а для этого нужно быть совершенно свободной въ своихъ дѣйствіяхъ.

— Ѣдемъ?—все тѣмъ же полутаинственнымъ шопотомъ спросила Аполлинарія Кирилловна.

Ната, ничего не отвѣчая, сдѣлала движеніе головой и быстро сказала горничной:

— Къ обѣду я, быть-можетъ, не вернусь.

Она нарочно это сказала, чтобы самой уже не безпокоиться и располагать своимъ днемъ. Одѣлась она поспѣшно, не допуская горничную, и когда онѣ вышли на лѣстницу, Аполлинарія Кирилловна весело вскричала:

— Вотъ ты какая милая! Да и что жъ намъ дѣлить? Ты не ребенокъ, я тебя запереть не могу.

Ната промолчала на эти слова матери. Она подумала:—„А если сейчасъ встрѣтится съ нами отецъ, неужели выйдетъ сцена?“ И приготовилась отвѣтить ему, высказать ему свою самостоятельность, сдѣлать такъ, что онъ стушуется.

У подъѣзда взяли онѣ извозчика. Аполлинарія Кирилловна, какъ сѣли въ сани, заговорила съ дочерью тономъ старшей пріятельницы, и Ната незамѣтно втянулась въ разговоръ.

Горничная доложила Симцову, что барышня уѣхала съ какой-то дамой и просила къ обѣду ее не ждать. Фамилію этой барыни она не могла сказать, но на разспросы Симцова описала ея наружность. Онъ призналъ въ этихъ примѣтахъ Аполлинарію Кирилловну.

— Эта дама,—выговорилъ онъ съ дрожью въ голосѣ,—сама спросила барышню?

— Нѣтъ-съ, барышня вышли въ переднюю, и та барыня бросились къ ней, обняли и все что-то такое говорили съ ней по-французски; барышня одѣлись и пошли вмѣстѣ, а вамъ просили доложить насчетъ того, что къ обѣду ихъ не ждать.

Симцовъ ожидалъ чего-нибудь послѣ сцены съ дочерью, но не такой „пошлости“,—какъ онъ выразился про себя.

Конечно, Ната не убѣжала къ матери, — это было бы слишкомъ безсмысленно. Но она желаетъ его исправить и въ то же время пристыдить. Все значеніе ея поступка предстало передъ нимъ въ видѣ нравственной пощечины, которую дочь давала ему.

Онъ такъ заволновался, что мѣста себѣ не находилъ, поджидая Нату къ обѣду.

„Неужели, — думалъ онъ, безпрестанно взглядывая на стѣнные часы, — она дѣйствительно останется тамъ обѣдать? Съ кѣмъ? Въ какой обстановкѣ? Съ возлюбленнымъ Аполлинаріи Кирилловны или съ какимъ-нибудь ерыгой-

адвокатомъ по бракоразводнымъ дѣламъ, а то и съ первымъ попавшимся маскарадным кутилой?..“

Нѣтъ! Такой обиды снести нельзя. Эта „дѣвчонка“ сознательно и дерзко растоптала все, что было чистаго въ ихъ кровной связи. Свои чувства къ ней онъ пронесъ какъ нѣчто цѣломудренное и неприкосновенное сквозь всѣ тѣ гадости, какія подстраивала ему, еще не такъ давно, эта самая Аполлинарія Кирилловна, и Ната съ вызывающимъ и возмутительнымъ эгоизмомъ поставила выше всего свое озорство.

Симцовъ уже видѣлъ и въ дочери тотъ же женскій темпераментъ, вносящій всюду нравственный ядъ, тревогу, вредный или оскорбляющій вздоръ. Если уже въ этомъ вопросѣ онъ такъ печально столкнулся съ нею, то что же будетъ во всемъ остальномъ?

Пробило шесть часовъ. Онъ приказалъ человѣку подождать еще минутъ десять-пятнадцать. Ната все не являлась.

Около семи сѣлъ онъ за столъ, почти ни до чего не дотрогиваясь, только вмѣсто одной выпилъ двѣ чашки чернаго кофе, ушелъ въ кабинетъ, не зажигалъ тамъ свѣчей и въ темнотѣ лежалъ на диванѣ. Протянулось больше часу. По рѣзкому звонку въ передней онъ узналъ приходъ Наты. Быстро вскочилъ онъ съ дивана и зажегъ свѣчи на маленькомъ столикѣ. Онъ не хотѣлъ себя сдерживать. Никакихъ „деликатностей“ дочь его не заслуживала. Но и двигаться изъ кабинета онъ не желалъ.

Ната почти вбѣжала къ нему, опустилась въ кресло, около письменнаго стола, и дурачливымъ тономъ окликнула:

— Ты на меня дуешься, папа?

Такой окликъ былъ слишкомъ „нахаленъ“. Отвѣчать на него онъ даже не смогъ.

— Ну, послушай,—продолжала Ната, вытягивая ноги,— никакихъ тутъ трагедій не нужно; я тебѣ прямо скажу, что я познакомилась заново съ моей матерью. Она была здѣсь, увлекла меня къ себѣ. Ей-Богу, папа, нельзя ее брать въ серьезъ. Вотъ сейчасъ я обѣдала у ней съ ея женихомъ. Онъ души въ ней не чаетъ. Отчего же имъ и не жениться? Ты на это согласіе далъ; мнѣ все разсказали. Даже съ тебя никакого выкупа не берутъ. Ха-ха-ха!

„Да они ее подпоили?!..“—почти съ ужасомъ спросилъ себя Симцовъ.

— Ты долго будешь такъ непристойно паясничать?— выговорилъ онъ, и сталъ подступать къ ней маленькими шагами.

— Я, паясничать? — переспросила Ната и выпрямилась.—Я тебѣ уже сказала, отецъ, что никакихъ трагедій не желаю. Мой взглядъ на мать тебѣ извѣстенъ. Ты продолжалъ прятать ее отъ меня.

— Ты смѣешь бросать мнѣ такой упрекъ?—глухо спросилъ Симцовъ.

Въ эту минуту дочь была ему почти ненавистна. Въ ея лицѣ, пышномъ бюстѣ, въ тонѣ, а въ особенности въ голосѣ было что-то физически возбуждавшее его желчь.

— Такъ я не желаю разговаривать,— вскричала Ната, и встала съ кресла съ рѣзкимъ жестомъ правой руки.

— Нѣтъ, сиди и слушай меня! — крикнулъ онъ, взялъ ее за руку и силой усадилъ въ кресло.

Ната закусила губы, лицо ея все потемнѣло, и она, сидя въ креслѣ, уперлась сжатыми кулаками въ обѣ мягкія ручки кресла.

Симцовъ задыхался. Говорилъ онъ гнѣвно и прерывисто. Поведеніе дочери выставилъ онъ ей какъ самую кровную обиду для него и какъ доказательство ея бездушнаго озорства.

Ната не прерывала его, сидѣла съ опущенной головой и чуть слышно дышала черезъ носъ. Обыкновенно краснѣющая въ горячихъ спорахъ, она быстро и сильно поблѣднѣла.

— Стало-быть,—наконецъ, сказала она, когда онъ отошелъ въ уголъ комнаты,—я совершенная дрянь и не заслуживаю ни одной сотой тѣхъ благодѣяній, какія ты мнѣ оказываешь?

— Пойми меня!—закричалъ уже почти со слезами Симцовъ,—не заставляй меня страдать въ подобныхъ вещахъ!

— Твои страданія вымышлены,—отвѣтила Ната, складывая руки на груди привычнымъ жестомъ,—это все предразсудки, романтизмъ.

„Замолчи, дерзкая!“— чуть-было не крикнулъ Симцовъ, но онъ уже ослабъ: всякая лишняя рѣзкость, сказанная имъ самимъ, еще больнѣе поранила бы его.

— Я себя защищать не буду,—продолжала Ната, точно вслухъ разсуждая сама съ собой.—Если я тебя оскорбила, то безъ умысла. Мы просто не сходимся, и тебѣ не прожить со мной въ ладу въ одной квартирѣ. Не

прими того, что я сейчасъ тебѣ скажу, за дерзость, но, право, отецъ, мнѣ будетъ слишкомъ тяжело жить на твой счетъ, пока я учусь, и, при всемъ моемъ желаніи, не доставлять тебѣ никакой утѣхи.

Онъ долженъ былъ сознать, несмотря на то, что все у него внутри дрожало,—свободу и благородство словъ Наты. Она не заплакала, не старалась его тронуть жалобой на несправедливость къ себѣ; она только допускала, что ея поведеніе неумышленно могло огорчить и даже оскорбить его. Но все-таки подъ этимъ лежалъ какой-то твердый пластъ упорнаго характера. Онъ долженъ былъ уступить въ ней не одной дочери, но и женщинѣ, да и при постоянныхъ уступкахъ, держа ее около себя, онъ будетъ расходывать свои душевныя силы на борьбу съ женскимъ темпераментомъ.

— Зачѣмъ ты создаешь самъ себѣ пугало?— спросила послѣ того Ната. — Все можно такъ легко уладить. Ты долго боялся за меня, теперь я никому принадлежать не могу. Раздора между тобой и матерью я не поселю. Я не промѣняю тебя на нее.

— Нѣтъ, ты это дѣлаешь! — позволилъ себѣ Симцовъ послѣдній возгласъ, и грузно опустился на диванъ.

— Полно, папа, зачѣмъ говорить вещи, недостойныя тебя? Но если ты хочешь, чтобы я всегда и во всемъ ставила тебя высоко, покажи, что у тебя на все великодушный взглядъ. Право, тамъ, у моей матери, за обѣдомъ, говорили про тебя съ большимъ сочувствіемъ. Я теперь знаю, въ чемъ дѣло, насчетъ той барыни, про которую сплетничаютъ при мнѣ. Вещь самая простая. Она тебя полюбила, мужъ ея былъ какой-то брюзга, дѣлецъ. Теперь она свободна. Ты на ней женишься. Мать говоритъ даже, что она не прочь ее успокоить... Пускай та не боится никакихъ подвоховъ съ ея стороны. Да и отъ меня тебѣ не будетъ никакихъ сценъ и непріятностей. Вѣдь рано или поздно намъ нужно познакомиться. Она сдѣлается моей мачихой; сойдемся мы или нѣтъ—это другой вопросъ, но къ чему же все это укрывать, дѣлать изъ самыхъ простыхъ житейскихъ отношеній смѣшныя деликатности?.. Я тебя прошу, и даже требую, чтобы изъ-за меня ты не портилъ себѣ жизни: принимай кого тебѣ угодно, позволь и мнѣ также водить знакомство съ кѣмъ захочется. Ахъ, папа, папа, — кончила Ната глубокимъ вздохомъ,—неужели твои сверстники, люди шестидесятыхъ годовъ, всѣ такіе головастики?..

Вопросъ ея звучалъ мягкой укоризной. Опять говорила съ нимъ старшая сестра, которая послѣ его бурной выходки первая сдержала себя и дала почувствовать, что съ ней надо ладить, и что ему самому слѣдуетъ стряхнуть съ себя весь свой ненужный задоръ идеализма и щепетильности.

Симцовъ чувствовалъ, что онъ разбитъ. Сцена родительскаго гнѣва перешла въ поученіе, выслушанное имъ отъ той самой „дерзкой дѣвчонки“, которую онъ собирался расказнить съ высоты своего оскорбленнаго достоинства.

— Покойной ночи, отецъ,—сказала Ната, медленно идя къ двери.—Еще разъ, не пеняй на меня за неумышленную вину. Будетъ тебѣ со мной тяжеленько — скажи. Да я и сама первая помогу тебѣ. Зачѣмъ намъ ссориться. А ничего не подѣлаешь: я упрямая. Ужъ если ладиться съ женщиной, такъ лучше съ молодой женой. По крайней мѣрѣ не обидно будетъ.

„Господи!—вскричалъ про себя Симцовъ.—Неужели она же заставитъ меня жениться?!“

XIX.

Въ отдѣльномъ купэ вагона перваго класса сидѣли они вдвоемъ. Симцовъ смотрѣлъ на Прасковью Семеновну, на ея нѣсколько порозовѣвшее, интересное лицо и все еще стройную фигуру, которую плотно обтягивала плюшевая шубка на цуху, безъ мѣха.

Онъ провожалъ ее до Гатчины. Ея отъѣздъ устроился такъ ловко и удобно, точно будто она сама давно все поняла въ его чувствѣ къ ней. Ближайшимъ поводомъ было то, что квартиру пришлось сдавать тотчасъ же.

Въ послѣдніе дни передъ ея отъѣздомъ она вела себя съ нимъ, какъ благовоспитанная невѣста, не желающая ни однимъ неумѣстнымъ словомъ или движеніемъ нарушить высшее приличіе, обязательный трауръ, какой нужно сохранить нѣкоторое время въ память мужа. Но въ спокойствіи и ясности Котомлиной Симцовъ видѣлъ полную увѣренность Прасковьи Семеновны въ томъ, что она съ нимъ какъ бы повѣнчана.

Разговора о женѣ и дочери онъ избѣгалъ, сказалъ только разъ, что добиться развода ему не будетъ стоить ни большого труда, ни большихъ расходовъ. О дочери онъ упорно молчалъ, и теперь, сидя на триповомъ диванѣ и глядя съ принужденной улыбкой на свою „невѣсту“,

онъ почти по-дѣтски радовался такой выдержкѣ. Ему совсѣмъ не было совѣстно. Еще не такъ давно, полгода тому назадъ, онъ пришелъ бы въ негодованіе отъ подобнаго „коварства“. Правда, за два дня до отъѣзда Прасковьи Семеновны, ему пришла злобная мысль—вотъ тутъ, въ купэ вагона, между Царскимъ Селомъ и Гатчиной, объявить ей, что онъ порываетъ съ ней и дѣлаетъ это безъ всякихъ оправданій, что она можетъ ѣхать куда ей угодно, выходить замужъ или оставаться въ интересномъ вдовствѣ. Это объясненіе онъ смаковалъ цѣлый день, точно въ отместку за долгое чувственное рабство, въ какомъ держала его женщина. И не одно только это хотѣлъ онъ вложить въ свое заявленіе. Онъ показалъ бы ей, что всякое ея обаяніе исчезло, что видитъ ее насквозь и со смерти мужа игралъ съ ней комедію, то-есть поступалъ такъ, какъ мужчинѣ слѣдуетъ поступать съ женщинами во всякихъ любовныхъ дѣлахъ.

Потомъ онъ оставилъ этотъ планъ, нашелъ его черезчуръ грубымъ, а можетъ-быть, не надѣялся выполнить такую программу и предпочелъ другой, болѣе удобный путь. Онъ написалъ письмо и отправилъ его наканунѣ отъѣзда Прасковьи Семеновны въ Вѣну, poste restante. Она прочтетъ это письмо въ самый день пріѣзда туда. Въ письмѣ онъ не счелъ уже нужнымъ бравировать ее, держался элегическаго тона, разсказалъ довольно просто, какой въ немъ произошелъ душевный переворотъ. Не къ ней одной онъ охладѣлъ, а ко всѣмъ женщинамъ. Мужское самолюбіе продиктовало ему и нескромный намекъ на послѣднюю встрѣчу съ генеральшей. Онъ и самъ себя нѣсколько разъ спрашивалъ: „полно, не отъ преждевременнаго ли старчества произошла съ нимъ перемѣна?“ И генеральша понадобилась ему, чтобы доказать противное. Нѣтъ, онъ еще не старикъ, не изжившійся развратникъ, который впалъ въ равнодушіе оттого, что ушли всѣ силы и погасли инстинкты. Онъ хочетъ кончить жизнь по-другому и предоставляетъ ей вѣрить или не вѣрить въ искренность такой „измѣны“.

Въ этомъ письмѣ Симцовъ еще разъ говорилъ, что разводъ съ первой женой нисколько его не смущаетъ. Будь онъ въ прежнихъ чувствахъ, до возвращенія ея изъ-за границы все было бы уже сдѣлано. Не хотѣлъ онъ упоминать и о дочери, выгораживать себя, увѣрять, что отнынѣ онъ ей одной посвятитъ свою жизнь.

Письмо вышло, по его мнѣнію, довольно задушевное и смѣлое, хотя и такое, которое всякая женщина въ правѣ назвать предательствомъ и гадостью.

Но что ему до этого за дѣло. Онъ уже покончилъ съ прежнимъ рыцарствомъ. Все его предательство только въ томъ, что онъ скрывалъ отъ этой женщины свои новыя чувства и довелъ ее до увѣренности въ полномъ успѣхѣ ея брачнаго плана. Но это—самозащита. Развѣ онъ что-нибудь обѣщалъ ей? Или дѣйствительно скомпрометировалъ ея положеніе? Или затянулъ ее въ какое-нибудь непріятное дѣло? Не только снаружи, даже и въ дѣйствительности не произошло никакой перемѣны въ ея положеніи. Она еще молодая, свободная, красивая и богатая женщина. Поѣздка за границу—самый лучшій отдыхъ и выигрышъ времени, будь она только вдова, тоскующая о мужѣ, или любовница, выжидающая срокъ выйти прилично замужъ. Теперь ея натура видна ему такъ, какъ никогда. Прасковья Семеновна не изъ тѣхъ женщинъ, кого измѣна или простое равнодушіе любимаго мужчины кладутъ въ гробъ или лишаютъ разсудка. Она утѣшится скорѣе, чѣмъ сама думаетъ. И ея выборъ падетъ на красиваго, еще молодого мужчину, моложе его, съ такимъ складомъ характера, какой ей нужно. И случится это всего скорѣе за границей, въ какомъ-нибудь курортѣ. Она можетъ осчастливить и бѣдненькаго, но представительнаго итальянскаго маркиза или прусскаго майора, живущаго на пенсію.

Поѣздъ придетъ сейчасъ въ Гатчино. Имъ остается не больше десяти минутъ. Симцовъ не чувствовалъ никакой неловкости. Въ немъ все такъ перегорѣло и ушло въ прошедшее, что онъ способенъ былъ проститься съ Прасковьей Семеновной совершенно по-просту, по-мужски, почти по-пріятельски. Всякое злобное чувство къ ней показалось бы ему безсмысленнымъ.

— Я такъ рада, мой другъ,—заговорила она, держа его за руку,—все у насъ идетъ хорошо. Никакихъ тревогъ и не нужно. Буду вамъ писать часто, можетъ-быть, даже каждый день, но вы не обязаны дѣлать то же. Разъ въ недѣлю небольшое письмо или даже карту. Я и тѣмъ буду довольна.

Слушая это, Симцовъ подумалъ: будь она сестра его, кузина или просто пріятельница, о чемъ сталъ бы онъ съ ней переписываться?!.. Женскій умъ, самъ по себѣ,

выдохся для него. Идей онѣ не любятъ, даже и тѣ, что притворяются и толкуютъ постоянно о разныхъ вопросахъ. Настоящей дружбы имъ не надо. Это чувство выше ихъ инстинктовъ. Одинъ добрый и умный мужчина стоитъ, какъ другъ, сотни женщинъ, и мужчина непремѣнно одинокій, свободный отъ возни съ женщинами. И Люцій не способенъ уже на такую дружбу, которую древніе греки возводили въ культъ и воспѣвали въ одахъ и элегіяхъ.

И вспомнился ему разсказъ одного утомленнаго жизнью и неудачными привязанностями, тогда еще молодого писателя, сосѣда его по коридору въ водолѣчебномъ заведеніи, въ горахъ, близъ Цугскаго озера. Тотъ впалъ въ маразмъ, и долго даже энергическая метода Пристница не могла укрѣпить его задерганные нервы. Онъ вступилъ въ переписку съ одной парижской знаменитостью на тему своего душевнаго разброда и показалъ разъ Симцову письмо блестящаго академика, написанное очень просто и сочувственно. Одна фраза сохранилась въ памяти Симцова и выскочила теперь, точно изъ какого ящика, и встала передъ его мысленными глазами: „Choisissez un ami, ayez un chien; les femmes ne valent pas ni un élan généreux, ni une noble souffrance“. „Да!—повторилъ про себя Симцовъ, разсѣянно пожимая руку своей спутницы,—заведу друга и хорошую собаку“.

— Станція Гатчино,—кинулъ кондукторъ, проходя по коридорчику, мимо отдѣльныхъ купэ. — Поѣздъ стоитъ пять минутъ.

Симцовъ и Прасковья Семеновна поднялись разомъ.

Она нервнѣе пожала его руку, взглянула быстро на полузадвинутую дверку, припала къ нему на грудь и прошептала:

— До свиданія, Валерій... За все благодарю тебя, будь остороженъ, не студись... Пасху мы встрѣчаемъ вмѣстѣ.

Онъ поцѣловалъ ее въ щеку и ничего не сказалъ.

— Если твоя дочь будетъ проситься съ тобой за границу—отчего тебѣ не взять ее. Ты знаешь, я—не эгоистка!

И на это онъ ничего не отвѣтилъ, а нагнулся и поцѣловалъ ея руку.

— Иди, ты останешься! Второй звонокъ былъ!

Еще одно рукопожатіе, и Симцовъ очутился на платформѣ, отошелъ къ перилamъ, приподнялъ шляпу и отвѣтилъ на поклонъ Прасковьи Семеновны.

Поѣздъ удалился замедленнымъ ходомъ. Изъ него вышло нѣсколько пассажировъ, но никто не остался на платформѣ. Погода была хмурая, приходилось дожидаться обратнаго поѣзда. Но онъ не подумалъ о скукѣ этого жданья. Еще съ добрую минуту смотрѣлъ онъ вслѣдъ густой полосѣ дыма. Паровозъ увозилъ его послѣднюю борьбу съ женщиной. Не спроси его вдругъ Прасковья Семеновна о дочери, онъ способенъ былъ бы посмотрѣть на себя, какъ на человѣка, свободнаго отъ всякихъ кровныхъ связей.

Одиночество влекло его, какъ купель, врачующая отъ недуговъ, налагаемыхъ на душу женщиной.

И только въ городѣ, подъѣзжая къ своей квартирѣ, подумалъ онъ, что тамъ живетъ бокъ-о-бокъ съ нимъ молодая дѣвушка, способная портить его обновленную жизнь мыслящаго мужчины.

Онъ не могъ подавить въ себѣ жуткаго чувства, когда въ передней, на вопросъ: „барышня дома?“ — Горничная отвѣтила ему: „онѣ у васъ въ кабинетѣ—читаютъ“.

Онъ нашелъ Нату на большомъ турецкомъ диванѣ своего кабинета, поглощенною какой-то статьей толстаго журнала.

— А, это ты!

Она отложила книгу и собралась встать.

— Извини, я сейчасъ уйду, не буду тебѣ мѣшать.

Должно-быть на его лицѣ она прочла желаніе остаться одному въ своей комнатѣ.

— Сиди, сиди,—удержалъ ее Симцовъ.

Онъ застыдился немного. Какъ и всегда, Ната распознавала отлично всякое его душевное настроеніе.

— Коли у тебя есть время, — начала она, спустивъ ноги на полъ,—потолкуемъ. Я съ этимъ и вернулась съ курсовъ. Только, уговоръ лучше денегъ, папа: пожалуйста не перебивай меня, и разберемъ дѣло просто, безъ всякой сентиментальности. Мнѣ здѣсь, въ Питерѣ, нечего тратить время зря. Цѣль у меня прямая—учиться медицинѣ; а медицинскіе курсы—такъ всѣ говорятъ—рѣшено закрыть, и въ сентябрѣ пріема не будетъ.

— Да, и я это слышалъ,—тихо выговорилъ Симцовъ.

— Остается заграница. Къ нѣмцамъ мнѣ не хочется, въ Бернъ или Цюрихъ. У меня есть двѣ подруги въ Парижѣ, одна русская, другая—еврейка, обѣ очень дѣятельныя. Онѣ мнѣ пишутъ и сильно зовутъ; учиться тамъ

полная свобода—слушай лекціи, гдѣ хочешь, и въ госпитали всѣ ходы есть. Правда, изъ французиковъ-студентовъ разные пошляки норовятъ устраивать учащимся женщинамъ скандалы. Да на это глупо обращать вниманіе. Профессора отличаютъ женщинъ. Такая знаменитость, какъ докторъ Шарко, особенно благоволитъ къ русскимъ. Однимъ словомъ—игра стоитъ свѣчъ. Выйдетъ изъ меня толкъ, я добьюсь тамъ не мизернаго свидѣтельства, а настоящаго докторскаго диплома. Для поступленія на факультетъ надо быть баккалавромъ. Экзаменъ не трудный, и сдать его можно во всякое время.

Симцовъ слушалъ дочь, сидя поодаль отъ нея, съ опущенной головой. Ему нечего было возражать ей. Одно только смущало его: Ната точно насквозь видѣла его душу, и сама первая помогала ему освободить себя отъ сожительства съ нею.

— Стало-быть, въ Парижъ?—вырвалось у него.

— Да, отецъ. Ты ничего не имѣешь противъ этого плана?

У него не хватило духу прикрыть какой-нибудь чувствительной фразой внезапное и яркое довольство, овладѣвшее имъ.

Онъ прощалъ ей въ эту минуту всѣ выходки ея молодого задора. Безъ лицемѣрія и фарисейства цѣнилъ онъ въ ней честность и прямоту, находилъ ее даже, какъ молодую женщину, оригинальною и симпатичною; какъ дочь, она была ему дорога. Но уже на особый ладъ. Онъ готовъ былъ помочь ей въ каждомъ ея стремленіи, оградить ее отъ всего, мѣшающаго ея планамъ, только безвозвратно пропало въ немъ недавнее чувство надежды на новыя радости, какія внесетъ съ собою въ его домъ любимая дочь.

— Поѣзжай, — выговорилъ онъ ласково и поднялъ голову.

— Я, отецъ, не бѣгу отъ тебя; ты не думай; но, право, для тебя мое отсутствіе не такая ужъ потеря — скажи откровенно! А эта комбинація все разрѣшаетъ. Захочется тебѣ меня видѣть, пріѣдешь туда, — развлечешься. Я слишкомъ непокладливая особа, да къ тому же еще ты можешь жениться.

Симцовъ хотѣлъ было крикнуть: — никогда! но удержался.

Ната подсѣла къ нему и положила ему руку на колѣно.

— Я вѣдь это говорю безъ всякой задней мысли. Ты еще не старикъ. Та барыня, которую ты любишь, молода, у васъ могутъ пойти дѣти. Что жъ я тутъ буду торчать?

И Ната добродушно разсмѣялась.

Ей было извѣстно, что Аполлинарія Кирилловна уѣхала передъ масленицей, вмѣстѣ съ своимъ женихомъ, направивъ какъ слѣдуетъ бракоразводное дѣло, и что отецъ исполнилъ все, что отъ него потребовалъ адвокатъ ея.

— Обо мнѣ не безпокойся,—горячѣе выговорилъ Симцовъ, продолжая испытывать почти радостное настроеніе.

— Только я предложу тебѣ условіе. Курсъ нашъ отвратительный. Какъ ни жмись, а все-таки ученіе мое будетъ стоить дорого. Ты думаешь сколько?

— Тысячи двѣ въ годъ, если скромно жить.

— Положимъ, даже и полторы. Тамъ надо все время употреблять на ученіе. На заработокъ разсчитывать нельзя. Въ пять лѣтъ ты на меня истратишь до восьми тысячъ. Дай мнѣ ихъ взаймы.

— Хорошо, хорошо, — сказалъ, тихо улыбаясь, Симцовъ.

Условіе Наты дышало наивностью, отъ которой ему стало теплѣе.

— Къ весеннему семестру я бы хотѣла быть въ Парижѣ?—вопросительно выговорила Ната.

— И будешь,—быстро закончилъ Симцовъ и привлекъ ее къ себѣ.

Лучшаго исхода онъ не могъ ожидать...

XX.

Тихо въ обширномъ кабинетѣ. Изъ гостиной чуть-чуть доносится потрескиваніе каменнаго угля. Она освѣщена одной стѣнной лампой. И кабинетъ стоитъ въ полутьмѣ, пріятной Симцову. Онъ только что прошелся по всѣмъ комнатамъ своей картиры.

Уже болѣе недѣли, какъ онъ одинъ. Ната — въ Парижѣ, откуда прислала ему депешу и большое письмо въ радостномъ, возбужденномъ тонѣ. Онъ осмотрѣлъ и ея комнату, которую хочетъ превратить въ дополнительное помѣщеніе для своей библіотеки. Въ спальнѣ онъ измѣнилъ всю отдѣлку. Она уже ничѣмъ не напоминаетъ прежняго „кокоточнаго будуара“: въ ней просторно, много воздуха и мало мебели. Трехстворчатое трюмо и разныя другія вещи отправлены въ аукціонный залъ.

Вся квартира его иначе пахнетъ. Нѣтъ и слѣдовъ той парфюмеріи, какую завела въ ней Прасковья Семеновна. Да и женщинъ никакихъ нѣтъ вплоть до кухарки, отпросившейся очень кстати на побывку. Ее замѣнилъ кухонный мужикъ, умѣющій сносно изготовить завтракъ. Съ отъѣздомъ Наты разочтена была и горничная.

Ничто не должно больше волновать хозяина этой просторной, холостой, идеально-комфортабельной квартиры, ничто, исходящее отъ женщины. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ-быть и раньше, онъ будетъ разведенъ съ женою, а теперь онъ категорически заявилъ ея адвокату, что больше никуда являться по этому дѣлу не будетъ. Самый звукъ — „Аполлинарія Кирилловна“ вычеркнетъ онъ изъ своей памяти. Въ ящикѣ его письменнаго стола лежитъ и письмо другой женщины, изъ Вѣны. На него онъ смотритъ, какъ на цѣнный документъ. Въ немъ Прасковья Семеновна не измѣнила себѣ; она приняла свою отставку съ улыбкой и написала четыре страницы письма отшлифованными фразами, которыя стоили ей не малаго труда. На такую дипломатическую ноту даже и онъ не считалъ ее способной.

Никуда не тянетъ Симцова, и онъ впервые испытываетъ увѣренность въ себѣ. Нѣтъ! Это не малодушная блажь, не капризъ хандрящаго человѣка, который въ женщинѣ искалъ только забавы и чувственной приманки.

Вотъ сейчасъ долженъ зайти къ нему Люцій, принести расписку присутственнаго мѣста въ полученіи той суммы, что онъ внесъ за бѣжавшаго Босякова. Расписка представляетъ собою послѣдній символъ его недавней неволи.

Люцій явился въ назначенный часъ, безъ головной боли, съ блестящими глазами, точно оторванный отъ поэтической грёзы, отъ поиска „богатой риѳмы“, но съ дѣловымъ портфелемъ.

— Обидно,—выговорилъ онъ, нѣжно оглядывая своего пріятеля, когда подавалъ ему документъ.—Но что доказываетъ, Сима, этотъ траги-комическій эпизодъ?

— Доказываетъ,—отвѣтилъ Симцовъ съ усмѣшкой,—великій обманъ того, что вы такъ вкусно называете „Das ewig Weibliche“.

— Нѣтъ, душа моя, совсѣмъ не то. Вы—не въ рукахъ. Первый вашъ бракъ не удался, но это простая случайность. Не надо было такъ долго пользоваться вредной свободой. Въ Библіи говорится женщинѣ гдѣ-то отъ имени

Іеговы: „онъ, т. е. мужчина, будетъ господствовать надъ тобой". Но это надо понимать совсѣмъ наоборотъ. Ея господство только и законно: — она передаетъ жизнь. Я съ удовольствіемъ думаю о томъ днѣ, когда вы сядете въ вагонъ и поѣдете туда, гдѣ ждетъ васъ ваша подруга, пройдете тамъ сладостный искусъ передъ тѣмъ, какъ возложатъ на васъ вѣнцы.

„Что это за шутовство!"—хотѣлъ-было крикнуть Симцовъ, но успѣлъ сообразить, что Люцій не знаетъ еще про окончательный разрывъ его съ Котомлиной.

Пора сообщить ему, до какой степени покончилъ съ прошлымъ его другъ. Но какъ могъ онъ такъ скрытничать и съ Люціемъ? Неужели онъ и къ нему охладѣлъ? Можетъ-быть, на Люціи чуялъ онъ неизмѣнное торжество женщины и впередъ мирился съ тѣмъ, что *такого* друга ему теперь мало?..

Въ скрытности онъ не сталъ вслухъ винить себя, а безстрастно, увѣреннымъ тономъ человѣка, который ликвидировалъ свои дѣла, доложилъ онъ пріятелю про разрывъ съ Котомлиной и про свое безповоротное рѣшеніе уйти отъ женщины.

— Сима, Сима! — повторялъ Люцій все тѣмъ же звукомъ мягкаго сожалѣнія, — нельзя, душа моя, бунтовать противъ тайны жизни. Не пройдетъ полугода, какъ вы запроситесь въ новое ярмо.

Люцій какъ будто опять забывалъ то, что въ его другѣ уже совсѣмъ покончился душевный процессъ послѣднихъ вспышекъ женолюбія, что онъ „разорвалъ" съ своимъ прошлымъ.

— Съ однимъ только въ моей женатой жизни не могу я бороться: съ надвигающейся старостью, — продолжалъ Люцій со вздохомъ.

— Вы—старикъ? Кто это вамъ сказалъ?

— Знаю, что нѣтъ; но я не могу, душа моя, замолаживать себя, когда старшую дочь надо вывозить, замужъ выдавать... Начнутся неизбѣжные журъ-фиксы съ пти-жё...

„А ты лучше скажи,—продолжалъ думать Симцовъ,— на что идетъ твой поэтическій даръ?"

Онъ вслухъ докончилъ свой протестъ:

— Люцій,—заговорилъ онъ,—у васъ въ головѣ рѣютъ образы. Вамъ нужна воля, какъ птицѣ Божіей. А тутъ— работай, ищи дѣлъ! На что идутъ поэтическія силы ваши?

— Такъ, такъ, — тихо соглашался Люцій. — Все это, Сима, такъ. Но развѣ можно возставать противъ фатальности жизни? Женщина должна налагать вѣчныя цѣпи— это высшій, безысходный законъ!

— Вы сами сознаетесь!..

— Но если бъ всего этого не было, каждый изъ насъ задохнулся бы, Сима! Развѣ можно быть постоянно съ самимъ собою? Поэтическій даръ не для насъ. Мы не изъ того упругаго золота, изъ котораго скованъ былъ Пушкинъ. Онъ всѣмъ любовался, онъ всякій тяжелый итогъ жизни превращалъ въ свѣтлый образъ, въ ласкающую мелодію. А насъ хватаетъ только на нѣсколько отголосковъ, на два, на три стона, на двѣ, на три слезы...

— Софизмы, плохіе софизмы!—почти гнѣвно крикнулъ Симцовъ.—Лучшаго примѣра мнѣ не надо, Люцій,—продолжалъ онъ и близко надвинулся на пріятеля,—какъ вы сами! Я васъ старше почти на десять лѣтъ, и я говорю: стопъ! Дальше я нейду ни за одной женщиной, какая бы она ни была... Я возвращаюсь къ моему вѣчно мужскому элементу, das ewig Männliche — говорю я, передѣлывая пресловутое нѣмецкое изреченіе. Вотъ въ этотъ кабинетъ засяду я...

— Какъ въ башню изъ слоновой кости,—добавилъ Люцій,—„la tour d'ivoire“ новыхъ французскихъ пессимистовъ, пущенную въ ходъ Альфредомъ де-Виньи?..

Симцовъ кивнулъ головой и больше уже не спорилъ.

. . . . . .

Опять стихло въ кабинетѣ.

Симцовъ заперъ дверь въ гостиную на ключъ и даже спустилъ портьеру.

Его наполняло чувство жадной потребности въ одиночествѣ и безусловной свободѣ духа. Онъ почти бросился къ шкапамъ съ книгами, точно хотѣлъ обнять ихъ, зарыться въ нихъ, построить изъ нихъ стѣну, за которую засѣсть на весь остатокъ дней своихъ.

Вотъ оно—желанное освобожденіе: безъ страстей, безъ унизительныхъ тревогъ, безъ подчиненія женскому естеству... Это слово: „естество“ вставало передъ нимъ, какъ нѣчто особое, какъ живой и страшный символъ...

И отъ своей Наты онъ безповоротно освободилъ себя. Онъ въ этомъ сознается самому себѣ прямо, безъ всякихъ оправданій. Да и въ дочери есть что-то такое, съ чѣмъ у него не было силы постоянно бороться. Она забрала

бы его въ руки, вмѣшивалась бы во все: въ убѣжденія, привычки, вкусы, настроеніе. Слабостью воли онъ не стыдилъ себя. Это не слабость, а складъ натуры. Развѣ онъ воленъ былъ дать себѣ такой складъ?.. Единственное средство—уйти совсѣмъ отъ женщинъ и ихъ „обаянія“, въ чемъ бы ни проявлялось оно—въ жгучихъ ласкахъ любовницы или въ безкорыстной нѣжности родной дочери.

„Нельзя,—шептали беззвучно его губы,—нельзя быть человѣкомъ—думать, стремиться къ идеалу, поднимать свою мысль на высоты, откуда жизнь получаетъ смыслъ и занимательность, соприкасаясь съ этимъ „естествомъ“ Иначе—впереди постыдное доживаніе съ полной потерей своей личности“.

Любовно взялъ онъ одинъ изъ томовъ, развернулъ его и тутъ же сѣлъ въ кресло, пододвинулъ къ себѣ столикъ съ двойнымъ подсвѣчникомъ подъ металлическимъ абажуромъ и началъ читать, съ первой страницы, припоминая то время, когда онъ, двадцать лѣтъ назадъ, впервые знакомился съ той же книгой англійскаго мыслителя.

Тихо и торжественно дышалъ на него прохладный кабинетъ съ скульптурнымъ потолкомъ, обставленный шкапами и завѣшанный портьерами. Ни одного звука не исходило ни откуда, даже съ улицы сонная ѣзда не проникала сквозь двойныя рамы и тяжелые занавѣсы...

Онъ поднималъ, отъ времени до времени, голову и долгимъ взглядомъ уходилъ въ полутемноту обширной комнаты. Ему было хорошо. Онъ вѣрилъ, что долгій недугъ прошелъ и началась ясная полоса жизни съ одними наслажденіями духа и подготовленіемъ къ безмятежной и достойной старости...

„МОРЗЪ“ и „ЮЗЪ“.

(РАЗСКАЗЪ.)

I.

...Пахнетъ керосиномъ въ тѣсной комнатѣ, куда надо проникать черезъ темную переднюю, гдѣ почти такъ же холодно, какъ и въ сѣняхъ. Три короткихъ окна, какія бываютъ въ нижнихъ этажахъ московскихъ домовъ, всѣ обледенѣли. На дворѣ—лютый морозъ. Девятый часъ на исходѣ. Телеграфная станція доживаетъ послѣдній день стараго года.

Ясеневая перегородка съ балясинами раздѣляетъ комнату на двѣ неравныя части. По-сю сторону — столъ съ синими листками и чернильницей, да географическая карта на стѣнѣ; по ту сторону — два аппарата, конторка и столъ для пріема корреспонденцій, весь покрытый разнымъ служебнымъ добромъ. Кружки бумажныхъ лентъ лежатъ тутъ рядомъ со счетами и шнуровыми книгами. Лампа виситъ надъ столомъ и распространяетъ запахъ дешеваго керосина. Надъ этимъ столомъ наклонила голову дежурная. У одного изъ аппаратовъ доканчиваетъ отправку депешъ телеграфистъ.

Дѣвушка нагнулась низко, провѣряетъ квитанцію и кладетъ на счетахъ. Свѣтъ лампы падаетъ прямо на ея голову съ густыми русыми волосами, заложенными на маковкѣ, по модѣ. Ея товарищъ—блѣднолицый молодой человѣкъ, въ сюртукѣ новой формы, со стоячимъ воротникомъ, торопливо стучитъ ручкой аппарата и откидываетъ одну депешу за другой. Его лица не видать.

Въ комнатѣ раздаются слитые въ непрерывный пестрый

звукъ: чиканье стѣнныхъ часиковъ, щелканье счетами, тутъ-тукъ аппарата...

Сегодня день задался тяжелый. Завтра будетъ еще тяжелѣе, но и наканунѣ новаго года многіе шлютъ депеши къ ночи. Такихъ поздравленій было доставлено до пятидесяти, да и всякихъ другихъ пришлось чуть не вдвое противъ обыкновеннаго. Новогоднее возбужденіе уже сказывалось на обмѣнѣ депешъ.

Черезъ десять минутъ прекратится пріемъ, а сидѣть надо будетъ еще съ добрый часъ, если не больше. Когда телеграфистка кончитъ подсчитывать все, что уже принято, она должна еще помочь своему товарищу; онъ безъ нея не управится.

Ей холодно. Въ квартирѣ во всѣхъ углахъ дуетъ изъ половъ. Она кутается въ бѣлый вязаный платокъ. Начальство скупится; за эти деньги и нельзя имѣть порядочнаго помѣщенія. Еще двѣ комнатки, гдѣ живетъ начальница станціи, потеплѣе, а эта изъ рукъ вонъ холодна.

— Прицѣловъ! — окликнула дѣвушка, не поднимая головы.

Никто не показался въ дверкѣ, откуда обыкновенно входилъ курьеръ. Одинъ ютился при кухнѣ, другой нанималъ уголъ поблизости.

— Опять въ Сибирь уѣхалъ...—полушопотомъ выговорилъ молодой человѣкъ, повернулъ голову къ барьеру и усмѣхнулся.

— Въ Сибирь?—серьезно, почти строго спросила телеграфистка, и чуть-чуть повела головой.

— Это у насъ... на центральной, товарищъ одинъ... когда его разберетъ сонъ... въ ночное дежурство... онъ и говоритъ: „прощайте, господа, я въ Сибирь уѣхалъ!“

Онъ разсказалъ это несмѣло, немного заикался и сдерживалъ смѣхъ. Дѣвушка продолжала щелкать на счетахъ и морщить бѣлый лобъ, на который прядь подстриженныхъ и завитыхъ волосъ набрасывала тѣнь. Она прослушала то, что разсказалъ ея товарищъ, но даже не улыбнулась. Этотъ телеграфистъ, приходившій дежурить черезъ день, самъ вызвался помочь ей. Начальница станціи покормила его обѣдомъ—и только. Онъ помогалъ не начальницѣ, а ей, Надеждѣ Львовнѣ Проскуриной.

— Степановъ!—окликнула она, почти такой же нотой, какъ звала курьера,—потрудитесь разбудить Прицѣлова.

Я тутъ не могу найти одного пакета. Да и пора ему идти. Сколько у васъ готово?

— Да штукъ больше десяти, Надежда Львовна. Мразинъ долженъ скоро вернуться.

— Онъ совсѣмъ замерзнетъ, я думаю.

Телеграфистъ всталъ, прошелъ мимо нея на цыпочкахъ и юркнулъ въ дверку. Онъ былъ большого роста, худощавый, съ овальнымъ лицомъ народнаго типа и курчавыми свѣтлыми волосами. Чуть замѣтная бородка пушкомъ легла вокругъ подбородка; маленькіе и ласковые, робкіе глаза придавали ему дѣтскую моложавость. На ходу онъ гнулся. Форменный сюртукъ сидѣлъ на немъ неловко. Сапоги издавали легкій скрипъ.

Она его съ трудомъ выноситъ—этого сверхштатнаго „телеграфиста“, и сама не знаетъ, почему именно его. Степановъ передъ нею рта открыть не смѣетъ, исполняетъ половину ея работы, часто дежуритъ за нее, за ничтожную плату, по рублю въ день, да и ту иногда отказывается брать, а жалованья получаетъ меньше ея. На него она изливаетъ, вѣроятно, общее пренебрежительное чувство своихъ товарокъ къ мужчинамъ-„телеграфистамъ“. И онъ—ея „товарищъ“, но всѣ телеграфистки „изъ благородныхъ“ или съ воспитаніемъ, знающія языки, смотрятъ на мужской персоналъ немного лучше, чѣмъ на курьеровъ.

Въ Степановѣ раздражаетъ ее простоватость, говоръ съ сѣвернымъ мѣщанскимъ произношеніемъ, его дѣтски-ухмыляющееся лицо, его приниженность передъ нею. Она знаетъ, что онъ родомъ изъ крестьянскихъ дѣтей, сирота, что его пригрѣлъ одинъ начальникъ станціи, въ уѣздномъ городѣ, выучилъ грамотѣ, держалъ полувоспитанникомъ, полуразсыльнымъ, привязался къ нему и, умирая, выхлопоталъ ему переводъ въ Москву. Она знала и то, что Степанову съ великимъ трудомъ далась и грамота, и телеграфная выучка, что онъ страстно желаетъ выучиться „какъ слѣдуетъ“ (одно изъ его мѣщанскихъ выраженій) хоть одному иностранному языку, что сердце у него доброе и поведеніе образцовое. И все это еще больше отдаляетъ ее отъ него.

— Сію минуту,—доложилъ Степановъ, показавшись въ дверкѣ.

— Да что жъ онъ дѣлаетъ? — нервно окликнула дѣвушка.

— Оправляется отъ спанья.

Степановъ опять чуть слышно усмѣхнулся. Эта привычка къ смѣшливости отъ собственныхъ „пошлостей“ (такими считала она всѣ шуточки Степанова) постоянно коробила ее.

Вслѣдъ за нимъ вошелъ въ комнату курьеръ, заспанный, съ плохо бритымъ, помятымъ лицомъ, посреди котораго торчали рыжеватые усы щеткой. Во всей фигурѣ Прицѣлова было что-то очень забавное, къ чему Степановъ не могъ еще приглядѣться, хотя работалъ на этой станціи больше полугода.

Курьеръ застегивалъ верхнія пуговицы сюртука одной рукой; пальцами другой причесывалъ сбившійся на лобъ вихоръ неподатливыхъ волосъ.

— Прицѣловъ,—строго заговорила телеграфистка,—гдѣ тутъ пакетъ, такой большой, изъ синей бумаги? Я его не найду. Вамъ его не отдавали?

— Пакетъ?—спросилъ Прицѣловъ и прищурилъ глазъ, при чемъ одна ноздря у него отдувалась сильно кверху.— Какой такой пакетъ?

— Ахъ, Боже мой! Изъ синей толстой бумаги?

— Мадель Андревна куда ни на есть прибрали...

Степановъ разсмѣялся громко.

Прицѣловъ, съ тѣхъ поръ, какъ состоялъ курьеромъ при этой станціи, не иначе звалъ начальницу, какъ „Мадель“, вмѣсто „Адель“. Его отучали отъ этого, но онъ все-таки сбивался и, кажется, про себя, находилъ, что такъ и слѣдуетъ произносить. Слова „Адель“ онъ не признавалъ, а „Мадель“—было ему хорошо извѣстно.

Телеграфистка даже не улыбнулась. И Прицѣловъ, съ его шутовской физіономіей и невозмутимымъ юморомъ пьянчужки-резонера, не забавлялъ ее, а также раздражалъ. По тому, какъ Прицѣловъ говорилъ со всѣми, даже и съ начальницей — Аделью Андреевной Кранцъ, можно было чувствовать, что онъ считаетъ этихъ „барышень“— такъ чѣмъ-то въ родѣ не то гувернантокъ, не то экономокъ, допущенныхъ начальствомъ „побаловаться“. Когда онъ былъ на-веселѣ,— а это случалось частенько, — Прицѣловъ громко разсуждалъ въ кухнѣ. Онъ находилъ, что „мамзелямъ“ совсѣмъ не слѣдуетъ быть на „царской службѣ“, что онѣ заѣдаютъ только мужской заработокъ, и что начальство очень хорошо поступаетъ, отказывая имъ въ пенсіи. Въ немъ жило сознаніе своего мужского

превосходства, и онъ его доказывалъ тѣмъ, что начальница не жаловалась на него, хоть и стращала не разъ. Но онъ умѣлъ ее разжалобить, становился даже на колѣни и говорилъ разныя смѣшныя, жалобныя слова.

— Такъ вы не знаете?— еще суровѣе спросила телеграфистка.

— Ни, Боже мой!

— Отправляйтесь. Мразина нечего дожидаться. Степановъ, у васъ готовы всѣ квитанціи?

— Готовы, Надежда Львовна,—кротко откликнулся телеграфистъ.

Прицѣловъ, стуча своими смазными сапогами, съ запахомъ ворвани, долго возился у стола, за которымъ сидѣлъ Степановъ.

— Какъ вы копаетесь!—дала на него окрикъ телеграфистка.

Чѣмъ ближе минутная стрѣлка приближалась къ двѣнадцати, тѣмъ несноснѣе ей было въ этой низкой, холодной комнатѣ, съ постылой казенной обстановкой, съ запахомъ керосина и сапожной ворвани отъ сапогъ Прицѣлова. Онъ, наконецъ, убрался.

Опять тишина со щелканьемъ счетовъ и стукомъ также ненавистнаго ей аппарата „Морза“; она и его презираетъ; вѣдь она „морзистка“, только „морзистка“, т.-е. самая обыкновенная телеграфная работница, не сумѣвшая даже подняться до званія хорошей „юзистки“. Всѣ умѣютъ тукать на этомъ банальномъ „Морзѣ“, вплоть до бездарнаго, малограмотнаго Степанова.

Не такъ чувствовалъ Степановъ... Ему ужасно хотѣлось спросить ее, гдѣ она встрѣчаетъ новый годъ. Навѣрно, танцовать будетъ. Она „настоящая барышня“, и знакомыхъ у нея должно быть много. Вотъ она встанетъ, кончитъ счеты, пойдетъ домой одѣваться на вечеръ. Какъ бы ему хотѣлось видѣть ее въ бальномъ платьѣ!..

— Надежда Львовна!—тихо окликнулъ онъ ее.

— Что надо?

— Адель Андреевна гдѣ встрѣчаютъ новый годъ? Никакъ въ клубѣ?

— Я не знаю.

Отвѣтъ Проскуриной былъ такой отрывистый, что Степановъ замолкъ.

Она, какъ разъ, и думала о томъ, что ей не съ кѣмъ встрѣчать новый годъ. Приглашали ее къ одной учитель-

ницѣ, въ городскую школу—поломалась; въ клубъ Адель Андреевна ее не взяла, онѣ съ ней не очень ладятъ. А этотъ „идіотъ“ со своими разспросами... Пойдетъ къ себѣ на гитарѣ играть или въ трактирѣ спроситъ стаканъ чаю и будетъ слушать машину—и доволенъ!

Она покраснѣла отъ горькихъ и злостныхъ мыслей.

II.

Наружная дверь звякнула. Кто-то дернулъ ее очень сильно, и изъ темноты передней раздался женскій, высокій голосъ:

— Проскурина! Вы тутъ? Дежурите?

Въ комнату вбѣжала, вся закутанная пуховымъ платкомъ и напустила съ собой морознаго воздуха, маленькаго роста женщина въ суконной ротондѣ. Она начала перебирать ногами, когда остановилась у балюстрады.

— Вотъ анаѳемскій холодъ! Ноги совсѣмъ окоченѣли... Да и у васъ хоть таракановъ морозь! Здравствуйте, душечка.

— Здравствуйте, Копчикова!

Проскурина оторвалась отъ работы, немного привстала и протянула руку своей товаркѣ, съ которой сидѣли онѣ рядомъ, еще не такъ давно, на центральной станціи. Руку ея пришедшая „юзистка“ потрясла сильно и сейчасъ же сказала ей, низко наклонившись черезъ перила:

— Хотите со мной закатиться?

— Куда это?—неохотно отвѣтила Проскурина.

Копчикова оглянулась въ сторону телеграфиста, прищурила на него свои близорукіе, выпуклые глаза и окликнула:

— Степановъ! Это вы?

— Я-съ!—отозвался телеграфистъ и поклонился съ мѣста.—Съ новымъ годомъ васъ!

— Маршъ! Извольте пройтись туда... посмотрѣть, нѣтъ ли меня тамъ? Или заткните уши.

— Позвольте лучше уши заткнуть.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я васъ знаю. У васъ любопытство дьявольское... Проскурина! Чаю у васъ не водится?

— Мы недавно пили.

— Вотъ и прекрасно. Степановъ, маршъ за чаемъ!

Телеграфистъ усмѣхнулся и, добродушно тряхнувъ головой, всталъ; проходя мимо Копчиковой, онъ еще разъ поздоровался съ нею и протянулъ ей руку.

— У васъ руки холодныя! Я знаю. А я и безъ того застыла.

Когда Степановъ скрылся, юзистка вошла за балюстраду, подсѣла къ столу съ другой стороны и начала быстро спрашивать:

— Махнемъ? У васъ вечеръ свободный? Никуда не званы встрѣчать новый годъ?

Проскуриной не хотѣлось признаться, что она рискуетъ встрѣтить новый годъ у себя, послѣ дежурства, которое можетъ сегодня затянуться до полуночи. Она промолчала, но въ глазахъ ея, темно-сѣрыхъ, съ длинными рѣсницами, умныхъ и горделивыхъ, вспыхнуло любопытство.

Эта Копчикова всегда навязывалась ей на дружбу, но ее считаютъ непорядочной даже и самыя снисходительныя. Богъ знаетъ, какого она происхожденія. Лицо у нея съ дерзкимъ выраженіемъ, курносая, съ рябинками, а постоянно около мужчинъ и, по-своему, имѣетъ успѣхъ. Но какой успѣхъ!.. Удивительно даже, какъ ее терпятъ на службѣ. Еще сильнѣе щемило Проскурину и то, что „такая“ Копчикова—„юзистка“, считается дѣльнѣе ея и жалованья получаетъ больше. Двумъ языкамъ выучилась настолько, что употребляется даже для заграничныхъ сношеній.

— Такъ свободны?—переспросила Копчикова и начала скидывать съ головы платокъ.

Движенія ея были рѣзкія и некрасивыя. Все въ ней отзывалось безцеремонною вульгарностью.

— Вы видите, — выговорила Проскурина, — сколько дѣла! Должна корпѣть здѣсь, а потомъ Степанову надо помочь. Онъ одинъ будетъ копаться.

— А началка гдѣ?

— Уѣхала.

— Куда?

— Въ клубъ, кажется.

— Въ какой?

— Въ докторскій, вѣроятно.

Всѣ отвѣты Проскуриной продолжали звучать неохотой вести разговоръ, но гостья не обращала на это вниманія.

— Вотъ что, милая, — она заговорила еще быстрѣе и потише,—не хотите ли со мной въ маскарадъ?

— Куда это?

— Въ дворянскій!

— Съ какой стати!

Брезгливая черта прошлась по свѣжимъ, но узковатымъ губамъ дѣвушки, и она выпрямила станъ.

— Съ какой стати!.. Полно вамъ недотрогу-царевну изъ себя изображать! У меня домино есть. Я сама себѣ изъ чернаго сатинета сшила. И какъ лихо вышло—точно шелковый. А себѣ выберете напрокатъ. Вотъ отсюда бы прямо на Большую Дмитровку... Тамъ выберете себѣ у нѣмки и домино, и маску. Можно наладить что-нибудь или ленточку пришпилить. Ко мнѣ завернемъ, чайку напьемся, и къ самому началу угодимъ.

Она такъ скоро говорила, что даже захлебывалась. Проскурина слушала ее, и брезгливая черта не сходила съ ея губъ.

— Такъ валимъ?—почти крикнула Копчикова.

— Нѣтъ, я не могу.

— Да полноте, голубчикъ! Вотъ вы всегда такъ! Это—не по-товарищески! Вѣдь какая же сласть у себя, въ номерѣ, завалиться спать, на веселье глядя?

— Въ маскарады я не ѣзжу,—выговорила Проскурина, и снова нагнула голову и спину.

— Соблюдаете себя? А мы, грѣшныя, ѣздимъ. Какъ же можно съ нами якшаться!..

Копчикова вскочила со стула и заходила между двумя столами. Она и отъ холода была красна, а теперь еще сильнѣе покраснѣла отъ задорнаго чувства, охватившаго ее. Ей захотѣлось отдѣлать эту „важнюшку“ Проскурину. Она знаетъ, что „порядочныя“ чураются ея.

— Сами не понимаете своего интереса! — вырвалось у нея съ подергиваніемъ плечъ.

— Какого интереса?—переспросила Проскурина.

— Какого! Какого!.. Точно будто я ничего не знаю и не вижу! Намедни, на Пречистенскомъ бульварѣ, съ кѣмъ я васъ встрѣтила? Небось, мы шикарей-драгуновъ привлекаемъ!..

Проскурина чуть не крикнула ей: „Какъ вы смѣете!“—но только закусила губы и начала краснѣть.

— Я не сплетница. Что жъ! Офицерикъ джентльменистый! И мордочка у него смазливая. Желаю всякаго успѣха. Вотъ онъ навѣрно тамъ будетъ. Если гдѣ и пляшетъ на званой вечеринкѣ, то позднѣе явится. Прямой интересъ—ѣхать. А не онъ, такъ другой!

— Богъ знаетъ, что̀ вы говорите!—остановила ее Проскурина и сердито взглянула на нее, недовольная въ

особенности тѣмъ, что покраснѣла, и что Копчикова замѣтила это.

— Такъ вы рѣшительно отказываетесь? Ну, и шутъ съ вами, коли такъ!

Копчикова схватила платокъ, брошенный на балюстраду, и начала его расправлять. На головѣ ея надѣта была баранья шапочка набекрень и съ кистью.

Аппаратъ защелкалъ. Кто-то звалъ.

— Ахъ, Боже мой!—встревожилась Проскурина.—Зачѣмъ вы услали Степанова!

— Экая важность! Постойте... Это съ какой-то станціи спрашиваютъ.

Копчикова присѣла къ аппарату и взялась за ручку.

— Что такое?—окликнула Проскурина.

— Ха-ха!.. Съ вами разговоръ... по сосѣдству! Да это Карпинскій!.. Вѣдь такъ его зовутъ?.. Того, съ усиками въ колечки, какъ яблочко румянъ?.. Большой ходокъ по женской части и воображаетъ, что всѣ отъ него млѣютъ. Я за васъ отвѣчу.

— Не смѣйте!—крикнула Проскурина.

— Фертигъ!.. Готово!.. Онъ думаетъ, что это вы.

— Не смѣйте, Копчикова!

Проскурина встала съ мѣста.

— Нечего, нечего... Чудесно!.. Да онъ тоже насчетъ маскарада!..

— Я говорю вамъ... Пустите меня!..

Сильнымъ движеніемъ руки Проскурина устранила юзистку и начала дѣйствовать ручкой — нервно и отрывисто. Она должна была браться за ручку аппарата, чтобы прервать этотъ разговоръ по телеграфу, строго запрещенный служебными правилами.

— Вотъ вы какая! — заговорила Копчикова, увязывая свой платокъ. Вздернутый ея носъ смотрѣлъ дерзко и насмѣшливо.—Со мной не желаете въ маскарадъ, потому что у васъ съ такимъ фификусомъ, какъ Карпинскій, интересецъ есть!

— Ничего у меня съ нимъ нѣтъ!—почти гнѣвно перебила Проскурина, повернувшись лицомъ къ гостьѣ.—Онъ мнѣ надоѣлъ до-нельзя. Я собиралась жаловаться, если онъ не прекратитъ своихъ глупыхъ ухаживаній.

— Ябедничать хотѣли—некрасиво!

— Не ябедничать, а отвязаться отъ него.

— Такъ на это есть простое средство. Отрѣзали ему

по аппарату: вы такой-сякой! Небось, кто съ кѣмъ не желаетъ хороводиться—сумѣетъ сдачи дать... Ну-съ, коли такъ, желаю всякаго успѣха на новый годъ. Чаю я дожидаться не буду. Пускай вашъ дурачокъ самъ его выпьетъ. Я теперь знаю, Проскурина, какія у васъ ко мнѣ чувства. А я за васъ всегда горой, когда про васъ судачатъ. Теперь не буду такой дурой!

Юзистка запахнулась въ свою ротонду и шумно вышла, дернула обмерзлую дверь и хлопнула ею. Звонокъ задребезжалъ.

Не сразу перешла Проскурина отъ аппарата къ столу, за которымъ работала. Она посидѣла съ опущенными руками. На лицѣ ея—оно быстро блѣднѣло—застыло выраженіе почти физической боли.

Но она не расплакалась. Ее стало душить. Эта „ужасная“ юзистка сумѣла, въ какихъ-нибудь четверть часа, перевернуть въ ней все внутри... Да, она прошла по боковой аллеѣ бульвара, и Проскурина узнала ее сзади, когда гуляла съ тѣмъ драгуномъ. Но вѣдь это вовсе не было свиданье, а случайная встрѣча. Она надѣялась на то, что юзистка не замѣтила ихъ. И теперь этотъ разговоръ съ телеграфистомъ на аппаратѣ! Хуже ничего нельзя было и придумать. Вся центральная станція будетъ теперь „судачить“.

Она мысленно повторила и пошлое выраженіе Копчиковой: „хороводиться“—это еще лучше! Смѣть такъ выражаться о ней, подозрѣвать ее въ любовномъ „интересѣ“ съ такимъ ничтожествомъ, какъ этотъ Карпинскій, отъ котораго она не знаетъ, какъ отдѣлаться?!

— Онѣ ушли?—спросилъ Степановъ, стоявшій у балюстрады со стаканомъ чаю.

— Онѣ ушли!—передразнила его Проскурина.—„Онѣ“—такъ по-лакейски выражаться, да еще про личность въ родѣ Копчиковой!..

— Вамъ не угодно?—кротко вымолвилъ телеграфистъ.

— Нѣтъ, не угодно! Извольте садиться. Мы до полуночи не кончимъ.

И опять въ комнатѣ началось щелканье счетовъ и стукъ ручки аппарата. Лицо молодой дѣвушки приняло суровое выраженіе. Степановъ чувствовалъ, какъ она гнѣвно настроена. Онъ сдерживалъ дыханіе и желалъ провалиться сквозь землю.

Нѣтъ, онъ не посмѣетъ поднести ей подарокъ на новый

годъ, какъ разсчитывалъ, отправляясь сюда на дежурство. Въ ящикѣ стола лежала красивая коробка съ бумагой и конвертами. Нечего и думать!

Бѣдный малый не могъ сдержать вздоха, и тотчасъ же усиленно заработалъ правой рукой.

III.

„Какъ жить на тридцать пять рублей въ мѣсяцъ?“

Этотъ вопросъ представлялся Надеждѣ Львовнѣ Проскуриной каждый мѣсяцъ, при полученіи жалованья. Теперь, на праздникахъ, онъ всталъ передъ нею еще назойливѣе.

За квартиру она платитъ девять рублей. Дешевле платить невозможно. У нея маленькая комнатка, правда, теплая, но окномъ на дворъ, рядомъ съ кухней. Какъ она ни старается придать ей приличный видъ, все-таки это—дрянная, студенческая „горница“—такъ называетъ ее и хозяйка-съемщица. За соломенными ширмами желѣзная кровать—тоже студенческая койка. Тамъ же, подъ коленкоровой простыней, висятъ ея платья. Обѣдаетъ она на столѣ, покрытомъ красною ярославскою скатертью; за нимъ пьетъ и чай, за нимъ же и работаетъ. Ей часто приходится шить, чистить и штопать. На это идутъ ея свободные дни. Она могла бы наниматься дежурить за другихъ и добывать себѣ въ мѣсяцъ отъ десяти до пятнадцати рублей. Но телеграфная служба утомляетъ ее—больше своей скукой и механическимъ однообразіемъ, чѣмъ физической истомой.

Собиралась она заняться стенографіей, купила самоучитель, но изъ этого ничего не вышло. Языки она знаетъ кое-какъ, по-французски довольно бойко говоритъ, но писать не можетъ безъ ошибокъ, по-нѣмецки и того хуже.

Не туда она готовила себя. Было время — и такъ еще недавно — она стремилась на педагогическіе курсы. Въ гимназіи училась она усердно. Былъ у нея маленькій капиталъ, оставленный теткой, старой дѣвой. Вотъ на него и докончила бы она свое образованіе. Но вышло подругому.

Постоянно гложетъ ее эта роковая, непростительная глупость.

Надежда Львовна попадаетъ на эту зарубку, какъ только останется у себя въ комнатѣ, начнетъ ли шить или читать книгу. Локтя не укусишь! Увлеченіе „дѣвчонки“,

сентиментальность и рисовка! Вообразила себя призванной принести жертву. Теперь она ясно видитъ, что никакой жертвы тутъ не было, а просто влюбленность въ смазливаго и лукаваго мальчика, увѣрившаго ее, что у него талантъ, что передъ нимъ великая будущность, что ему надо ѣхать за границу, откуда онъ вернется вторымъ Мазини. И отдала всѣ почти свои деньжонки. „Мазини“ сгинулъ. Онъ самъ предложилъ ей вексель — она и того не хотѣла брать! Вѣдь онъ росъ съ нею, приходился троюроднымъ братомъ. Она вѣрила въ него какъ въ идола.

И кончилось службой на телеграфѣ—тридцатью пятью рублями, которыхъ не хватаетъ и на житье въ обрѣзъ. Одѣваться—не изъ чего. Она донашиваетъ то, что у нея было, изъ стараго туалета барышни-сироты, воспитанной если не въ роскоши, то въ довольствѣ.

Вотъ это-то „воспитаніе“ и дальнѣйшія мечты объ „интеллигентномъ трудѣ“ и дѣлаютъ ей теперешнее положеніе все тошнѣе и тошнѣе. Она и рада бы окоченѣть и на вѣкъ примириться, но не можетъ. Въ ней пропало всякое профессіональное честолюбіе. Одно время она хотѣла быть отличной юзисткой, учиться по-англійски, сдѣлаться самой дѣльной и достойной служебнаго поощренія изъ всѣхъ своихъ сверстницъ.

И это прошло. Вонъ тамъ, на центральной станціи, есть одна пожилая дѣвушка, которая ведетъ корреспонденцію на четырехъ иностранныхъ языкахъ, чего только не знаетъ, чего только не читаетъ—и все-таки жалованья ей пятьдесятъ рублей и пенсіи не будетъ. Начальницей станціи — не то назначатъ, не то—нѣтъ. Стоитъ ли!

Есть у нея еще капиталъ—наружность. Она не красавица, но рѣдко какой мужчина не поглядитъ на нее, когда отдаетъ депешу, или на улицѣ, въ церкви, на бульварѣ. Три года назадъ, она не терпѣла любезностей, думать о выгодномъ замужествѣ считала „пошлостью“, усвоила себѣ суровый тонъ съ мужчинами, ничего не считала выше свободы и умственнаго труда, и такъ хотѣла прожить всю жизнь.

И въ этомъ она была глупа. Ей пошелъ двадцать пятый. Первая свѣжесть отлетѣла. Тогда водились у нея и кое-какіе туалеты, а теперь она донашиваетъ старыя платья и не на что ей одѣться такъ, чтобы не стыдно было принять приглашеніе на плохенькій танцовальный

вечерокъ. Новый годъ встрѣчала она у себя, лежа на своей желѣзной койкѣ, и горько плакала, въ первый разъ. Повеселиться запросто, какъ приглашали ее къ начальницѣ одной городской школы, не пошла — тоже изъ ложнаго стыда: хотѣлось быть лучше одѣтой. Ѣхать въ маскарадъ съ такой особой, какъ Копчикова — значило приравнивать себя къ тѣмъ, кто ѣздитъ въ маскарады искать легкихъ похожденій. Да и не то—у нея нѣтъ лишней копейки заплатить за маску или дешевое домино.

Копчикова будетъ честить ее, пуститъ сплетню о драгунѣ. До сихъ поръ она всего три раза видѣлась съ этимъ поручикомъ Двуполевымъ. У нея есть подруги по гимназіи, семейство Старковыхъ, помѣщичья семья, проводящая зимы въ Москвѣ—не очень модная, но и у нихъ ей почти неловко бывать изъ-за туалета.

Тамъ она танцовала съ нимъ. Потомъ совершенно случайно встрѣтились они въ Голофтѣевской галлереѣ—она ходила купить иголокъ и чернаго шелку, на четвертакъ. Онъ былъ съ ней у Старковыхъ очень любезенъ, пошлостей не говорилъ, держался милаго тона, какъ съ дѣвушкой „изъ общества“; у него выразительное лицо крупнаго брюнета, съ блѣдными щеками и глазами, которые смотрятъ на васъ ласково и съ тихой усмѣшкой. Онъ носитъ тонкіе усы, падающіе внизъ, и бреется. Въ немъ ничего нѣтъ армейскаго, отзывающагося „корпусятникомъ“.

Потомъ онъ зашелъ на станцію, подалъ депешу весьма прилично. Это было при начальницѣ станціи; спросилъ о здоровьѣ, какъ знакомую, что-то разсказалъ про Старковыхъ и ушелъ, но, уходя, его взглядъ доложилъ ей, что депеша—одинъ предлогъ: лишній разъ видѣть ее.

Ей это польстило. Черезъ два дня они встрѣтились на Пречистенскомъ бульварѣ, когда Копчикова видѣла ихъ.

Было ли это свиданіе? И да, и нѣтъ. Она вспомнила, что въ Голофтѣевской галлереѣ драгунъ спрашивалъ ее, въ какіе часы она гуляетъ, и назвалъ именно Пречистенскій бульваръ, какъ самый приличный, барскій. Кажется, она сказала, что около трехъ... И вдругъ ее потянуло туда—и они встрѣтились. Его профиль особенно ей нравился, когда они шли рядомъ. Она уже чувствовала, что этотъ красивый, статный брюнетъ, хорошей фамиліи, начинаетъ сильно интересоваться ею... Во время прогулки она раза два подумала: „да почему же ему въ меня и

не влюбиться?“ — подумала это не какъ бѣдная телеграфистка, а какъ барышня изъ того „общества“, гдѣ она съ нимъ познакомилась. Говорила она съ нимъ весело, но безъ всякаго смущенія, тономъ бывалой, свѣтской дѣвицы, знающей себѣ цѣну.

Драгунъ не позволилъ себѣ ничего лишняго. Они говорили о разныхъ городскихъ новостяхъ, объ итальянской оперѣ въ театрѣ Газетнаго переулка, объ увлеченіи двумя пѣвцами-братьями—теноромъ и баритономъ.

— А вы которымъ увлечены?—спросилъ ее Двоеполевъ.

— Ни которымъ,—отвѣчала она.

— Быть не можетъ!

— Я ихъ еще не слыхала.

Она сказала это просто, не застыдилась того, что у нея не было денегъ идти въ кресла, а „верховъ“ она не любила.

— Скажите!—добродушно вырвалось у офицера.

Онъ хотѣлъ что-то еще прибавить, поглядѣлъ на нее быстро и отвелъ лицо; кажется, даже немного покраснѣлъ.

„Выдумалъ, кажется, предложить мнѣ билетъ“,—сказала она про себя и хотѣла обидѣться, но драгунъ перешелъ къ чему-то другому.

Вернувшись домой, она нашла, что обижаться было не чѣмъ. Онъ ничего ей не сказалъ, и почемъ она знаетъ, что́ у него было на умѣ?.. Ее не покоробило и то, что Двоеполевъ проводилъ ее до самыхъ Тверскихъ воротъ и на прощанье спросилъ:

— Когда же и гдѣ мы увидимся?

— Какъ-нибудь...—отвѣтила она, чуть-чуть стѣсненная.

— У Старковыхъ?

Но глаза офицера спрашивали о другомъ. Ему, конечно, хотѣлось попросить позволенія посѣтить ее. По теперешнимъ нравамъ, въ этомъ не было ничего неприличнаго или особенно смѣлаго. Трудовыя дѣвушки всѣ принимаютъ у себя. Онъ, однако, этого не сказалъ, и его сдержанность очень ее тронула.

Отказать ему она не желала, а принять — совѣстно въ такой комнатѣ, какую она нанимала, рядомъ съ кухней, на дворѣ, даже безъ дивана, съ ширмами, изъ-за которыхъ глядѣла желѣзная койка.

Надежда Львовна подшивала шелковый лоскутикъ подъ локоть рукава. Еще два-три раза надѣть этотъ лифъ—и локоть прохудится... У нея всего одно приличное платье,

но его знаютъ у Старковыхъ больше двухъ лѣтъ. Скопить на цвѣтную кофточку, которую можно было бы носить съ той же юбкой, она до сихъ поръ не смогла.

Она сдѣлала быстрый, нервный стежокъ, думая опять о Копчиковой, о телеграфистѣ Карпинскомъ, о курьерѣ Прицѣловѣ и о неизбѣжности сплетенъ на ея счетъ,— явственная морщина перерѣзала ея бѣлый, высокій лобъ.

— Барышня!—громко шепнулъ кто-то изъ-за двери.

— Что нужно? — откликнулась Проскурина такимъ же строгимъ звукомъ, какъ она откликалась на вопросы телеграфиста Степанова или курьеровъ.

— Посыльный къ вамъ.

Проскурина быстро положила лифъ на постель и оправила прическу.

— Отъ кого посыльный?—спросила она въ дверь.

— Говоритъ—вамъ записка.

Кухарка была простоватая. Проскурина не стала дальше разспрашивать ее, пріотворила дверь и увидала въ темнотѣ передней посыльнаго съ бляхой на пальто.

— Войдите!—пригласила она его къ себѣ въ комнату.

Посыльный напустилъ съ собой холоду и подалъ ей конвертъ, съ адресомъ, написаннымъ неизвѣстнымъ ей почеркомъ, красиво и старательно. О квартирѣ ея, видимо, справлялись въ адресномъ столѣ: обозначены были часть и кварталъ.

— Это вамъ, сударыня?—спросилъ ее посыльный.

— Мнѣ. Отвѣтъ нуженъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Офицеръ отдали на Кузнецкомъ. Объ отвѣтѣ они ничего не сказали.

— Вы получили, стало-быть?—краснѣя выговорила Проскурина.

— Такъ точно.

Она все-таки дала ему гривенникъ и сама выпустила его изъ сѣней.

Разрывая конвертъ, она уже знала, что это отъ Двоеполева.

Изъ конверта выпалъ на столъ розовый театральный билетъ. Она думала, что записку она уронила подъ столъ. Никакой записки не было. Билетъ — кресло итальянской оперы и афиша на тонкой бумагѣ. Шелъ „Севильскій цырюльникъ“. Оба брата — любимцы женской публики — участвовали въ спектаклѣ: одинъ въ роли Альмавивы, другой въ роли Фигаро.

Краска не сходила со щекъ Проскуриной. Она долго читала афишу и вертѣла въ рукахъ розовый билетъ. Разныя чувства боролись въ ней. Но она уже видѣла себя въ театральной залѣ рядомъ съ драгуномъ.

IV.

Первое дѣйствіе оперы кончилось. Проскурина пришла рано, когда зала, очень холодная, съ пониженнымъ свѣтомъ электрическихъ лампочекъ, стояла еще пустой. И къ увертюрѣ публики набралось не особенно много. Она ожидала совсѣмъ не того. На верхахъ виднѣлось нѣсколько молодыхъ женскихъ головъ; и въ мѣстахъ за креслами сидѣло десятка два дамъ, старыхъ или молодыхъ—она не могла разсмотрѣть.

Ея кресло было въ пятомъ ряду и стоило дорого. Когда она въ него сѣла и оглянулась съ тревогой по сторонамъ—ее уколола мысль:

„А вѣдь такъ не посылаютъ билетовъ, отъ неизвѣстнаго, порядочнымъ дѣвушкамъ“.

Ей случалось бывать приглашенной въ ложу, но даровыхъ креселъ она отъ мужчинъ еще не принимала. Если бъ Двоеполевъ очутился рядомъ съ нею — ей это было бы крайне непріятно.

Она не смотрѣла больше по сторонамъ, на ложи и кресла. Въ этотъ театръ она попала въ первый разъ. Веселаго возбужденія что-то не являлось. Рядомъ, справа и слѣва, мѣста оставались пустыми.

„Неужели онъ не придетъ, — спрашивала она себя. — Что это: деликатность или невниманіе?“

Но мысли ея получили вдругъ другой оборотъ.

„Что жъ тутъ такого особеннаго? — думала она подъ звуки увертюры,—принять билетъ отъ знакомаго? Съ какой стати дѣлаю я изъ себя какую-то недотрогу-царевну? Да изъ моихъ товарокъ по службѣ ни одна не откажется. Гдѣ же тутъ соблюдать свѣтскую чопорность, когда намъ и на мѣсто въ раекъ трудно съэкономить изъ нашихъ тридцати пяти рублей!.. Одна глупая гордость и чванство“.

Игривая, мечущая искрами южной веселости, прогремѣла увертюра. Проскурина повеселѣла и отъ нея, и отъ своихъ, болѣе свѣтлыхъ, мыслей. Она захлопала вмѣстѣ съ другими и улыбнулась итальянцу-капельмейстеру, когда онъ привсталъ съ своего высокаго кресла, обернулся и

раскланивался... Ей очень нравилась его сытая фигурка, взглядъ лукавыхъ глазъ сквозь pince-nez и очертанія его маленькой головы съ круглой лысиной на самой маковкѣ.

Но за ходомъ перваго дѣйствія она слѣдила разсѣянно и то и дѣло сдерживала желаніе повернуть голову къ проходу между креслами... Садились и въ ея ряду, но Двоеполевъ не показывался. Она нашла, что братья-пѣвцы — имъ сильно аплодировали и съ верховъ и снизу—не стоили такого пріема. Теноръ показался ей женоподобнымъ и манернымъ; баритонъ понравился какъ актеръ, но „интереснаго" она въ немъ ничего не нашла. Лица ихъ обоихъ заставляли ее думать о лицѣ драгуна. Она находила его гораздо „значительнѣе". Въ немъ было что-то дѣйствующее на нее сильнѣе, чѣмъ ихъ овальныя лица, даже и не итальянскаго типа: она не знала, что братья родомъ португальцы.

Смолкли вызовы: изъ залы потянулась публика въ буфетъ и фойе. Она знала, что фойе въ первомъ ярусѣ. Ей хотѣлось пройти туда. Что-то ее тянуло, нѣчто бо̀льшее, чѣмъ простое любопытство.

У входа въ залу фойе, справа, ее окликнули.

— Здравствуйте, Надежда Львовна!

Это былъ драгунъ. Онъ отвѣсилъ ей низкій поклонъ. Глаза его улыбались. Протягивая ей руку, онъ еще разъ нагнулъ го̀лову и чуть слышно проговорилъ:

— Какъ это удачно!

Его фраза должна была значить: „какая удачная для меня встрѣча!"

„Неужели кто-нибудь другой прислалъ мнѣ билетъ?"— спросила себя Проскурина.

Глаза Двоеполева продолжали улыбаться съ особеннымъ выраженіемъ.

„Хитритъ!"—подумала она, и не знала, пріятна ей или нѣтъ эта хитрость.

Онъ игралъ свою роль превосходно.

— Вы въ креслахъ?—громко и увѣренно спросила она его, когда они стали ходить по фойе.

— Я зашелъ въ ложу къ знакомымъ.

Даже и усмѣшка глазъ исчезла.

Онъ держался тона добраго знакомаго; голосъ его звучалъ просто и непринужденно.

„Если онъ прислалъ, это очень, очень мило",—рѣшила она, послѣ перваго оборота по залѣ.

— А вы въ креслахъ? Я видѣлъ,—сказалъ Двоеполевъ и въ первый разъ заглянулъ ей въ лицо.—Кажется, тамъ пустое мѣсто сбоку?

— Цѣлыхъ два, — отвѣтила она все такъ же бойко и увѣренно.

— Вы позволите?

Эту хитрость сочла она уже черезчуръ тонкой. Наклонивъ голову, она выговорила однако:

— Пожалуйста! Мнѣ одной скучно.

И тотчасъ они перешли къ оперѣ, къ братьямъ, къ тѣмъ „пассіямъ“, которыя теноръ вызывалъ въ нѣкоторыхъ московскихъ барыняхъ и дѣвицахъ, особенно въ купеческомъ обществѣ.

— Я думала, что они даютъ полные сборы,—замѣтила Проскурина.

— Въ этомъ году съ ними не такъ ходко, — сострилъ Двоеполевъ.

Онъ соглашался съ тѣмъ, что она говорила про ихъ наружность, особенно про тенора.

— Я впередъ зналъ,—тихо и вкрадчиво сказалъ онъ,— что вы найдете его именно такимъ...

Они стояли въ одной изъ арокъ, ведущихъ къ чайному буфету. Проскуриной ужасно захотѣлось чаю, но она не сказала ему: „сядемте“, чтобы не заставлять его платить. И онъ не предложилъ ей присѣсть — что ей опять-таки очень понравилось.

Внизъ они сошли послѣ звонка. Офицеръ поздоровался съ двумя статскими и мимоходомъ сказалъ одному военному съ лацканами на воротникѣ того же цвѣта:

— Я въ креслахъ останусь.

Она шла впереди, и ей не было неловко. Все выходило совершенно прилично, не имѣло вовсе вида любовной интрижки драгуна съ телеграфисткой.

Сѣлъ онъ рядомъ съ нею очень просто, какъ будто это вышло случайно, и во время дѣйствія не разговаривалъ; тоже раза два обернулся къ ней въ полъ-лица и спросилъ:

— Не угодно ли бинокль?

Опера все меньше и меньше захватывала ее. Но подъ музыку ей пріятно думалось... Она чувствовала себя молодой дамой, только что вышедшей замужъ. Вотъ рядомъ съ нею сидитъ ея мужъ, офицеръ, хорошей фамиліи, красивый и воспитанный; у него небольшое состояніе, и онъ

на виду у начальства. Они держатъ экипажъ; бываютъ часто въ театрахъ и всегда въ креслахъ. Ей извѣстно, что въ томъ „кругу“, гдѣ его считали хорошей партіей, не мало злословятъ, удивляются, что онъ женился на простой телеграфисткѣ. Но она этимъ не смущается. Между нею и дѣвицами Старковыми нѣтъ никакой разницы. И она барышня, и у нея бывали гувернантки, и она можетъ вести съ грѣхомъ пополамъ французскій разговоръ. Она знаетъ также, что мужчины — за нее, нисколько не удивляются тому, что Двоеполевъ влюбился въ такую красивую и видную особу... Многіе уже начинаютъ ухаживать за нею. У нихъ есть дни; полковыя дамы полюбили ее, кромѣ одной эскадронной командирши. Та не можетъ помириться съ тѣмъ, что Двоеполевъ женился по любви. Можетъ-быть, между ними и было что-нибудь... У всякаго романы водятся до женитьбы.

„А реверсъ?“ — вдругъ спросила она себя почти съ испугомъ и покраснѣла.

Она знала, что „реверсъ“, это—сумма денегъ, которую надо внести въ полковую кассу въ случаѣ женитьбы. Вѣдь она безприданница. Какой же реверсъ могла она принести съ собою жениху!..

„Онъ самъ внесъ“,—успокоила она себя и продолжала мечтать подъ музыку „Севильскаго цырюльника“.

Двоеполевъ смотрѣлъ въ бинокль на хорошенькую Розину. Это ее не смущаетъ. Она вѣритъ въ его любовь. Зачѣмъ же бы онъ и женился на ней?.. Пускай смотритъ. Вѣдь на то и существуютъ актрисы, пѣвицы и танцовщицы... Вотъ они поѣдутъ домой. Дорогой, онъ заботливо спроситъ ее:

— Надя, хорошо ли ты укуталась?

На ней — дорогая ротонда изъ тибетскихъ барановъ и оренбургскій пуховый платокъ. Мужъ нагнулся къ ней, поправилъ платокъ и тихо прикоснулся горячими губами къ ея щекѣ.

— Не хочешь ли поужинать къ Тѣстову? Свѣжей икры?

— Нѣтъ, лучше домой.

Свой рысакъ мчитъ ихъ по Театральной площади; снѣжинки залетаютъ ей подъ платокъ, и ощущеніе быстраго поцѣлуя продолжается...

Проскурина очнулась при взрывѣ рукоплесканій и вызововъ. Но рядомъ сидѣлъ красивый офицеръ и спрашивалъ ее:

– Поднимемся въ фойе?

Фраза была такая же, какую онъ могъ сказать, если бы она была его женой.

— Мнѣ хочется чаю, — сказала она и не удивилась крайней простотѣ своего тона. Такъ будетъ она говорить и тогда.

И это „тогда“ вдругъ представилось ей близкимъ и возможнымъ.

Развѣ не къ тому шло дѣло? Онъ ухаживаетъ — это ясно. Онъ обращается съ нею такъ почтительно, какъ только можно желать, если быть даже богатой невѣстой изъ дворянскаго круга. Остальное зависитъ отъ нея. Какъ она поведетъ дѣло, такъ и будетъ.

„Дѣло“! Она не хочетъ смотрѣть на это, какъ на дѣло. Двоеполевъ ей нравится. Онъ, кажется, не блестящаго ума, но не глупъ, съ большимъ тактомъ, прекраснаго тона и выказываетъ къ ней положительный „интересъ“.

Она думала словами, и слово „интересъ“ ей также не понравилось. Оно отзывалось юзисткой Копчиковой. Надо просто отдаваться теченію, не отталкивать его, не кокетничать съ нимъ, а сближаться постепенно, не забывая дѣвичьяго „себѣ на умѣ“, испытывать его, помнить, что если она позволитъ ему что-нибудь лишнее на первыхъ же порахъ, — дѣвица порядочнаго круга исчезнетъ и останется заурядная телеграфистка и офицеръ, имѣющій на нее нехорошіе виды.

Въ фойе они сѣли къ столу около прилавка. Она стала пить чай съ большимъ аппетитомъ.

— Васъ не безпокоитъ?—спросилъ онъ, вынимая серебряную папиросницу.

— Пожалуйста!

Онъ даже не прибавилъ: „вамъ не угодно?“ Стало-быть, считаетъ ее слишкомъ хорошо воспитанной, чтобы курить, хотя у Старковыхъ всѣ гостьи курятъ: дамы открыто, барышни тайно, даже затягиваются.

Ни разу не пришелъ ей вопросъ, пока они сидѣли въ буфетѣ, какъ посмотритъ на нее, пьющую чай съ драгуномъ, кто-нибудь изъ знакомыхъ. Она испытывала необыкновенное спокойствіе и увѣренность въ томъ, что тутъ ничего не было „дурного“.

Когда Двоеполевъ позвалъ человѣка расплатиться, у нея мелькнула-было мысль сказать: „я плачу за себя“, но она тотчасъ же поправила себя: „это мѣщанство, въ

обществѣ ни дамы, ни дѣвицы не платятъ за себя, да еще за такіе пустяки, какъ чашка чаю съ сухаремъ".

И она встала, тихо-веселая, увѣренная въ себѣ. Фойе опустѣло. Изъ залы уже доносились звуки оркестра.

Внизъ сошли они подъ-руку.

V.

Имъ пришлось надѣвать верхнее платье за одной и той же вѣшалкой, сбоку отъ главнаго подъѣзда. Много столпилось на проходѣ. Изъ дверей въ сѣни, то и дѣло отворявшихся, тянуло морозной струей.

Надежда Львовна нетерпѣливо ждала. Двоеполевъ прикрикнулъ на служителя:

— Поскорѣе, братецъ!

Ей подали ея старенькое пальто на ватѣ съ котиковымъ воротникомъ, вязаный платокъ и барашковую муфту. Двоеполевъ помогалъ служителю и держалъ муфту съ платкомъ, пока она застегивала пальто. Онъ могъ хорошо разсмотрѣть, какое все это старенькое. Но она не стыдилась своей бѣдности. Въ другое время ей было бы невыносимо неловко, а теперь—нѣтъ, нисколько! Въ душѣ она уже считала его выше всякой подобной суетности. Онъ не осудитъ, пойметъ, и его чувство къ ней получитъ больше теплоты; ея наружность, тонъ, манеры выиграютъ только отъ такого контраста.

Вотъ она одѣта, платкомъ покрыла шапочку и закрываетъ половину лица. Врядъ ли кто бы и узналъ ее, да она и не боится никакой встрѣчи.

И онъ въ шинели съ пушистымъ бобровымъ воротникомъ. Яркій цвѣтъ сукна на околышѣ фуражки и довольно большой козырекъ дѣлаютъ его тонкій профиль еще красивѣе.

Только что они отошли отъ прилавка вѣшалки, и Двоеполевъ, чтобы защитить ее отъ толкотни, взялъ ее подъ-руку, у другой, противоположной вѣшалки выплыли передъ нею, неожиданно и рѣзко, двѣ фигуры: юзистка Копчикова и Карпинскій, тотъ самый, что̀ пристаетъ къ ней съ своими пошлыми нѣжностями и безпрестанно переговаривается по телеграфу. Она даже закрыла глаза, до такой степени ей была непріятна эта встрѣча.

„Ахъ, ты, Господи!"—вырвалось у нея про себя.

Копчикова, въ красной кофтѣ, съ бантомъ изъ порыжѣлаго тюля, въ пестрой юбкѣ и боа̀, съ шапочкой на-

бекрень, Богъ знаетъ на кого похожа; Карпинскій, напомаженный, съ челкой на лбу, съ усиками и въ новомъ форменномъ сюртукѣ со стоячимъ воротникомъ.

— Проскурина!—рѣзко окликнула ее Копчикова.

Не поклониться нельзя. Надежда Львовна сдѣлала чуть замѣтный кивокъ и тихо сказала Двоеполеву:

— Лучше станемъ въ уголъ, пока пройдутъ.

— Мадемуазель Проскурина! — окликнулъ ее и Карпинскій и снялъ ухарскимъ жестомъ свою фуражку телеграфиста.—Изволили сидѣть въ креслахъ, а мы вотъ съ мадемуазель Копчиковой въ парадисѣ, демократично.

— Аристократка! — воскликнула Копчикова, натягивая на себя шубку и чуть не задѣла Проскурину рукавомъ по лицу.

Въ глазахъ ея и Карпинскаго блестѣла злобная и нахальная усмѣшка. Они оба готовы были наговорить ей чего-нибудь до крайности непріятнаго. Завтра же по всей центральной станціи и по всѣмъ городскимъ будетъ извѣстно, что ее поймали въ театрѣ съ драгуномъ, что она сидѣла на его счетъ въ креслахъ, что они выходили вмѣстѣ и даже подъ-руку.

Все это толпилось въ головѣ Проскуриной. Она надвинула на лицо конецъ платка и невольно прижалась къ плечу своего кавалера.

Онъ какъ будто ничего не слыхалъ и не видалъ, даже головы не повернулъ въ сторону той вѣшалки, гдѣ одѣвались Копчикова съ Карпинскимъ. Если это было сдѣлано съ намѣреніемъ, то показывало, какой онъ тонкій и воспитанный человѣкъ.

— Нѣтъ! Здѣсь ужасно дуетъ! — вырвалось у нея, и она закрыла муфтой лицо, больше для того, чтобы не видѣть противной пары. Сквозь вязаный платокъ она, къ счастію, хуже слышала ихъ голоса и безцеремонный смѣхъ.

Двоеполевъ повернулъ назадъ и провелъ ее быстро, держась бокомъ, такъ что защищалъ ее отъ толчковъ, и отъ необходимости пройти опять мимо пары сослуживцевъ.

Они скоро спустились внизъ, взяли въ узкій проходъ, черезъ который выходило меньше народу, и очутились на тротуарѣ, въ яркомъ электрическомъ свѣтѣ. Снѣжокъ мелькалъ и смягчалъ морозное дуновеніе ночи.

Надежда Львовна громко перевела духъ.

— Наконецъ-то мы на вольномъ воздухѣ!

Она не отнимала руки. Двоеполевъ провелъ ее влѣво, пропустилъ мимо нѣсколько пѣшеходовъ и взялъ къ углубленію, около воротъ театра.

— Сію минуту!—быстро проговорилъ онъ.

Онъ позвалъ посыльнаго и приказалъ ему вполголоса:

— Кучеръ Ѳеофанъ, съ Патріаршихъ Прудовъ! Тамъ, на самомъ углу Дмитровки!

Вернувшись къ ней, Двоеполевъ стукнулъ шпорами и запахнулся въ высокій бобровый воротникъ шинели.

— Сейчасъ подадутъ!..

Она даже не спросила, что̀ подадутъ: карету или сани, и чей это будетъ экипажъ? Ей хотѣлось одного — поскорѣе уѣхать и не наткнуться еще разъ на Копчикову съ Карпинскимъ. Они могли пройти въ эту сторону и опять узнать ее, заговорить, позволить себѣ шуточки, показать ея кавалеру, что она „ихъ братъ“ телеграфистка, играющая въ воспитанную барышню... Ничего она не боялась, никакой неловкости не чувствовала отъ этого ночного выхода съ офицеромъ.

Подъѣхали щегольскія сани. Офицеръ отстегнулъ полость. Надежда Львовна сѣла молча. Кучеръ повернулъ и поднялся на Дмитровку. Ей было не по дорогѣ, но она ничего не замѣтила. Она видѣла, что это его лошадь, кучеръ одѣтъ франтовски, полость медвѣжья.

— Славная ночь! — сказалъ Двоеполевъ, и его глаза блеснули изъ-подъ козырька.—Хорошо бы прокатиться.

— О, да! — вырвалось у нея, и она подставила щеки подъ пріятный снѣжный вѣтерокъ.

Сквозь молочную дымку проглядывалъ мѣсяцъ и снѣжинки кружились въ воздухѣ. Рысакъ, темной масти, похрапывая, понесся вверхъ по Дмитровкѣ, къ бульвару.

Проскурина подумала:

„Мы проѣдемъ Страстнымъ и Тверскимъ бульваромъ, а отъ Никитскихъ воротъ два шага и до меня“.

Опять она ушла въ мечты, охватившія ее въ театрѣ, когда Двоеполевъ сѣлъ рядомъ съ нею, во второмъ актѣ; и теперь ей было еще слаще; на нее нападало дѣтское забытье въ родѣ того, когда, бывало, везутъ ее, въ возкѣ, съ дѣтскаго вечера, и въ дремотныхъ глазахъ всплываютъ огни елки, игрушки, золотыя яблоки, пряники съ глазурью...

То, что̀ ей представлялось въ театрѣ, перешло въ дѣй-

ствительность. Они возвращаются изъ театра вдвоемъ, на своей лошади; онъ съ заботой и нѣжностью въ красивыхъ глазахъ заглядываетъ... Ей кажется, что на ней богатый салопъ и оренбургскій платокъ, а руки лелѣетъ соболья муфта, подбитая атласомъ, ласкающимъ руки.

— Направо! — крикнулъ онъ кучеру и запахнулся. — Трогай!

Рысакъ наддалъ рыси, и они полетѣли вверхъ по бульвару, къ Тверскимъ воротамъ. У нея стало захватывать духъ, и чувство дѣтскаго страха заставляло браться за ободокъ сидѣнья саней. Снѣжная пыль слѣпила глаза; на ухабахъ она раза два чуть слышно вскрикнула. Но бѣшеная ѣзда не мѣшала ея мечтамъ.

„Вѣдь все можетъ сдѣлаться настоящей правдой въ эту зиму, на масленицѣ. На масленицѣ бываютъ послѣднія свадьбы“.

Они мчались и мчались. Сперва мелькнулъ мимо нея памятникъ Пушкину, со снѣжными полосами на складкахъ плаща; бульваръ стоялъ безлюдный, съ инеемъ на деревьяхъ. Въ этомъ катаньѣ было для нея что-то совсѣмъ новое, и она хотѣла бы продлить его на всю ночь.

Такъ промчались они до Никитскихъ воротъ. Она молчала; переулокъ остался далеко позади, потомъ и Арбатскія ворота. Пречистенскій бульваръ показался ей очень длиннымъ. Кучеръ далъ передышку лошади, и они ѣхали потише.

— Назадъ!—скомандовалъ Двоеполевъ и тѣмъ же звукомъ прибавилъ опять:—Трогай!

И они понеслись назадъ.

Мечты куда-то исчезли. Ей захотѣлось смѣяться, даже пѣть на морозѣ. Вѣтерокъ крѣпчалъ. Конецъ ея платка развѣвался, и то открывалъ передъ ней снѣжную даль, то закрывалъ. Она обернулась къ Двоеполеву всѣмъ лицомъ. Ихъ глаза встрѣтились. Вдругъ она почувствовала быстрый поцѣлуй, который ожегъ ее и заставилъ вздрогнуть. Но она не отодвинулась, а замерла... Нѣсколько ощущеній разомъ налетѣли на нее: первое было пріятно своею неожиданностью и быстротой; оно отвѣчало ея мечтамъ, но длилось двѣ-три секунды; его замѣнили не то обида, не то страхъ, не то стыдъ. Щека сильнѣе зардѣлась подъ румянцемъ отъ мороза, и кровь ударила въ уши и виски. Такъ прошло не больше одной минуты.

— Ѳеофанъ!—приказалъ драгунъ сдержаннымъ звукомъ и нагнулся немного къ кучеру,—въ „Эрмитажъ“!

Слово „Эрмитажъ“ точно ударило ее по головѣ, въ самое темя. Она вся выпрямилась, закинула голову и крикнула:

— Какъ вы смѣете?

— Что такое? — съ искреннимъ изумленіемъ спросилъ офицеръ.

— Вы, вы...

Она не могла говорить. Ея губы дрожали и по всему тѣлу пробѣгала струйка нервной дрожи. Глаза офицера уже перемѣнили выраженіе. Они улыбались на новый ладъ.

„Я понимаю,—увидала она въ его взглядѣ,—вы хотите, милая, продѣлать комедію и соблюсти свое достоинство“.

Разомъ она поняла весь характеръ ухаживанія драгуна, поняла, какъ онъ взглянулъ на нее, съ отвращеніемъ сознала и то, что она сама кругомъ виновата: приняла даровой билетъ, держала себя съ нимъ въ театрѣ, какъ держатъ на любовныхъ встрѣчахъ, пила его чай, сѣла въ его сани, поѣхала ночью кататься. И ея мечты о замужествѣ наполнили ее ѣдкимъ стыдомъ и обидой за самоё себя.

„Подѣломъ, подѣломъ!“—повторяла она про себя.

— Помилуйте!—донесся опять до нея голосъ офицера.— Надо же поужинать! Вы должны быть голодны?

— Стой!—крикнула она кучеру.

Онъ не разслыхалъ. Сани неслись по Никитскому бульвару.

— Стой! — крикнула она во второй разъ и схватила кучера за кушакъ.

Онъ остановилъ рысака.

Проскурина отстегнула полость и выскочила изъ саней.

— Надежда Львовна! Что вы? Это смѣшно!

Двоеполевъ захохоталъ горловымъ сдавленнымъ смѣхомъ.

— Оставьте меня!

Бранное слово чуть не слетѣло съ ея горячихъ губъ, но она сдержала себя и бросилась къ тротуару.

— Mademoiselle!—доносился до нея хриповатый басокъ драгуна.—C'est impossible!..

Въ ушахъ ея стоялъ звонъ, въ груди сперлось, она все ускоряла шагъ, слезы дрожали на ея длинныхъ рѣсницахъ. И не на комъ было выместить свою обиду, крокѣ

самой себя. Ей было бы легче, если бы она разрыдалась, тутъ же, на тротуарѣ; но и этимъ она не могла облегчить своей нестерпимой душевной боли...

VI.

Рука дѣйствуетъ машинально; глаза разсѣянно разбираютъ слова депеши, которыя переходятъ все въ тотъ же надоѣдливый ритмическій стукъ. Надежда Львовна хотѣла бы погрузиться въ работу, ни о чемъ не думать—и не можетъ. Вотъ уже вторыя сутки, какъ она хочетъ забыться и по собственному желанію дежуритъ два дня сряду.

Вчера, подъ вечеръ, она должна была вынести новую обиду: Карпинскій успѣлъ наговорить ей пошлостей, по аппарату, и она вмѣсто того, чтобы сейчасъ остановить его, отвѣтила длинной тирадой, гдѣ было нѣсколько бранныхъ выраженій. На центральной всѣ теперь говорятъ про ея „интригу“ съ драгуномъ. Кончикова сегодня утромъ ввернула ей два-три шутливыхъ вопросца, тоже по аппарату. Тонъ ихъ показывалъ, что отнынѣ съ ней никто не станетъ церемониться—изъ такихъ, какъ эта неприличная юзистка.

Она такъ была раздражена этимъ, что хотѣла идти жаловаться на другой день. Пускай ее считаютъ ябедницей и доносчицей, но она не желаетъ выносить дольше подобнаго обращенія.

— Проскурина! — окликнула ее изъ внутреннихъ комнатъ начальница станціи. — Придите на минутку, когда кончите.

Передъ тѣмъ, минутъ за пять, ушелъ со станціи контролеръ, добродушный малый, завѣдующій счетною частью въ одной частной типографіи. Онъ съ ней побалагурилъ немного, спрашивалъ о какихъ-то служебныхъ пустякахъ, и когда пошелъ къ начальницѣ, то сказалъ съ усмѣшкой:

— У васъ часто въ ушахъ звенитъ, Надежда Львовна?

Она не обратила вниманія на эту фразу. Начальница, блѣдная женщина, съ сѣдѣющими волосами, въ сѣромъ платьѣ съ такой же пелеринкой, попросила ее затворить поплотнѣе дверь и заговорила съ нею вполголоса:

— Что вамъ за охота съ Карпинскимъ переговариваться? Контролеръ сейчасъ просилъ предупредить васъ. Вчера Карпинскаго поймали. Цѣлая исторія вышла. И мнѣ непріятность.

Проскурина вся вспыхнула и чуть не расплакалась.

— Я буду жаловаться! — вскричала она. — Это ни на что не похоже!

Она разсказала начальницѣ станціи, какъ этотъ телеграфистъ приставалъ къ ней уже больше полгода, дѣлаетъ ей разныя признанія въ любви и получаетъ отъ нея самые рѣзкіе отвѣты.

— Нѣтъ, вы ужъ лучше не дѣлайте этого; сами не ѣздите жаловаться, — сказала начальница и наморщила лобъ.—Я отъ себя доложу.

Между ними не было дружбы. Адель Андреевна, болѣзненная и неровная въ обращеніи, не располагала къ пріятельству, но и не обижала ее, не наваливала на нее работы и не позволяла себѣ безцеремоннаго тона.

— И контролеръ говорилъ еще, — продолжала она потише, — про эту Копчикову... Она болтаетъ Богъ знаетъ что...

Начальница не кончила и стала закуривать папиросу.

— Копчикова! Это ужасная скандалистка! — вырвалось у Проскуриной.

Плакать ей ужъ не хотѣлось; злость ее разобрала на весь этотъ телеграфный міръ, на свою постылую службу, нищенское жалованье, необходимость переносить подобныя исторіи, рисковать быть выгнанной съ должности изъ-за сплетенъ и мстительной интриги такихъ ничтожествъ, какъ Карпинскій и Копчикова.

Въ то же время почувствовала она еще острѣе ту, главную обиду — исторію съ офицеромъ, изъ-за котораго вся центральная станція считаетъ ее теперь легкой особой, и гдѣ она такъ постыдно обманулась.

И некому постоять за нее, отплатить этому драгуну, съ его вкрадчивою, коварною порядочностью и дерзкимъ цинизмомъ. Да будь у нея и братъ, развѣ она могла бы требовать черезъ него удовлетворенія за обиду! Она сама виновата, сама вела себя какъ тщеславная авантюристка, возмечтавшая, что она, какъ и быть слѣдуетъ, невѣста-приданница, изъ хорошаго общества...

Всѣ эти чувства распирали ей грудь, но она не могла излиться начальницѣ. Да и некому ей изливаться. У нея нѣтъ ни одной подруги. Со всѣми товарками по телеграфу она держалась всегда какъ горделивая барышня, ни одну изъ нихъ не подпускала къ себѣ, а въ обществѣ у нея всего-то одинъ домъ Старковыхъ. Но тамъ ее принимаютъ какъ бѣдную подругу по гимназіи—не больше, да

и не долюбливаютъ, потому что она красивѣе ихъ обѣихъ и бойчѣе на разговоръ.

Драгунъ способенъ и у Старковыхъ повредить ей, да и кто поручится: можетъ-быть, кто-нибудь изъ ихъ близкихъ знакомыхъ видѣлъ ее въ театрѣ, посмотрѣлъ, какъ они пошли вмѣстѣ съ Двоеполевымъ, и какъ она сѣла въ его сани. Жаловаться на поведеніе драгуна у Старковыхъ она не можетъ. Это было бы слишкомъ глупо и опасно.

Проскурина почти не слыхала того, что̀ ей говорила еще Адель Андреевна.

Изъ аппаратной раздался трескъ призывнаго звонка.

— Завтра я поѣду,—сказала ей начальница успокоительнымъ тономъ.

— Благодарю васъ!—почти разсѣянно бросила ей Проскурина и выбѣжала.

Будь что̀ будетъ! Ей такъ противно на службѣ, что пускай выйдетъ какая-нибудь крупная исторія и она очутится въ необходимости взяться за другую профессію. Это взвинтитъ ее, придастъ энергіи, заставитъ испробовать еще разъ свои силы, узнать доподлинно, какая ей цѣна, можетъ ли она требовать больше тридцати пяти рублей въ мѣсяцъ и добиться болѣе независимаго положенія.

Она торопливо присѣла и начала разбирать рядъ депешъ, одна другой скучнѣе и банальнѣе: поздравленія съ именинами, любовныя свиданія, вопросы, будутъ ли сегодня дома и получено ли письмо отъ Ивана Кузьмича изъ города Чухломы?

Сколько разъ ей хотѣлось вмѣсто этихъ текстовъ поставить отъ себя всякаго вздора и отослать съ курьеромъ Прицѣловымъ, отдаться озорству, въ которомъ бы можно было отвести душу и отплатить постылой службѣ.

Но вотъ что-то другое передаютъ ей съ центральной станціи. Она ощутила точно уколъ въ сердце. „Госпожу Проскурину просятъ пожаловать завтра, въ одиннадцать часовъ, для служебныхъ объясненій“.

Ея рука вздрагивала, пока она дотянула кусокъ бумажной ленты, гдѣ стояли значки этой депеши. И потъ выступилъ у нея на вискахъ.

Она встала и побѣжала къ начальницѣ доложить. Ее захватилъ страхъ, она это сознавала и не совѣстилась такого чувства.

— Надо явиться?—спросила она, и звукъ ея голоса былъ дѣтскій.

Такъ спросила бы провинившаяся дѣвчонка. Ей стало тотчасъ же обидно за себя, но она не смогла овладѣть собой, вернуться къ своей обычной гордости, къ тѣмъ мечтамъ о смѣлой и новой борьбѣ съ жизнью, которыя наполняли ее какихъ-нибудь пять минутъ передъ тѣмъ.

— Хотите, я сейчасъ поѣду. Меня примутъ. Я могу сдѣлать это, какъ будто я ничего не знала о депешѣ?— вызвалась начальница.

— Голубушка!

Проскурина прильнула къ ней и обняла.

Она почувствовала даже желаніе поцѣловать руку, но успѣла удержаться.

„Какая подлость!“ — внутренно крикнула она самой себѣ.

Начальница приняла въ ней участіе, а можетъ-быть, соблюдала свой интересъ, хотѣла заявить себя передъ высшимъ начальствомъ бдительной женщиной съ тактомъ и добрымъ сердцемъ.

Но не все ли равно, изъ какихъ побужденій будетъ она дѣйствовать! Проскурина видѣла въ ней защитницу и не могла освободиться отъ чувства подчиненности, нашла въ первый разъ, что она не въ силахъ рисковать „крупной исторіей“, которую призывала сейчасъ, что она — маленькое колесо машины, что внѣ этой машины колесо это будетъ валяться, какъ нѣчто безполезное и дрянное.

— Обойдется, обойдется,—почти материнскимъ тономъ говорила начальница.—Только вы, завтра, не возражайте ему рѣзко, не оправдывайтесь... Лучше было бы явиться въ формѣ. У васъ есть ли мундиръ?

— Нѣтъ. Вѣдь ни у кого нѣтъ...

— У меня есть. Примѣрьте. Онъ это любитъ. Вы развѣ не видите, что на насъ теперь гоненіе? Насъ только терпятъ... Прежде принимали и въ контроль, и на таможню, и въ другія мѣста. А теперь только въ телеграфѣ и держимся! Не надо это забывать, Надежда Львовна. Знаю, что такимъ, какъ вы, вдвое тяжелѣе. Вы иначе были воспитаны, не на то готовились. Все это прекрасно, понимаю. Что жъ дѣлать!.. Кусокъ хлѣба. И я не къ телеграфу себя готовила. А и за то Господа Бога благодарю, что станціей завѣдую, пока силы позволяютъ.

Начальница говорила съ ней въ первый разъ искренно. Ея слова западали въ душу Проскуриной, точно слова

духовника на исповѣди. Въ нихъ не было ничего новаго и разительнаго. Сколько такихъ же приниженныхъ разсужденій наслушалась она съ тѣхъ поръ, какъ служитъ, и считала ихъ постыдными, презирала всѣхъ, кто впадалъ въ „крѣпостную зависимость“ отъ жалкаго куска хлѣба... А въ эту минуту она всѣмъ своимъ существомъ сознавала глубокую и роковую правду очевидности.

Нечего хорохориться! Надо держать крѣпко всякій честный заработокъ. Постыднѣе мечтать о драгунахъ и дѣлаться предметомъ позорящихъ сплетенъ, по собственной винѣ.

Она испытывала ощущеніе, какое переживала въ дальнемъ дѣтствѣ, когда, бывало, мать или гувернантка разъяснятъ мягко и вразумительно, какъ она ошиблась и отъ какого зла и несчастія онѣ ее избавили.

— Такъ хотите примѣрить мой мундиръ?—спросила ее начальница съ тихой улыбкой.

— Примѣрю,—кротко выговорила Проскурина.

— Лучше будетъ. Ничего! Обойдется; только не возражайте ему, пожалуйста.

Опять раздался призывный аппаратъ. Проскурина побѣжала къ аппарату и съ новымъ чувствомъ, почти радостнымъ, начала вытягивать бумажную ленту и разбирать текстъ все такихъ же скучныхъ депешъ.

VII.

На дворѣ опять лютый морозъ. Курьеръ Прицѣловъ, уже къ полудню, отморозилъ себѣ лѣвое ухо, сильно выпилъ и валяется въ кухнѣ на лежанкѣ. Другой курьеръ не возвращался еще, а депешъ накопилось множество.

День былъ праздничный, съ именинницами. Къ седьмому часу вечера Надеждѣ Львовнѣ разломило спину. Она не ожидала такой работы. Дежурила она одна; начальница обѣдала у родственниковъ.

То и дѣло звякала входная дверь и впускала подателей. Морозный воздухъ такъ и гулялъ изъ передней въ тотъ уголъ, гдѣ стоитъ аппаратъ. Какъ она ни кутается въ платокъ, не можетъ настолько согрѣться, чтобы не чувствовать змѣекъ вдоль спины. Нѣсколько разъ принималась она пить чай, но и чай не грѣетъ.

Въ головѣ у нея нѣтъ никакихъ мыслей. Она не жалуется самой себѣ на тягость и тоску дежурства. Ей хочется одного: успѣть управиться со всѣми депешами. Ни-

кто ей не поможетъ. Она не сердится и на то, что начальница проводитъ пріятно время въ гостяхъ. Одной ей легче. Были бы только лишніе разговоры и помѣха въ службѣ.

Протянулась всего недѣля, а она уже не прежняя Надежда Львовна Проскурина, гордая барышня, свысока смотрѣвшая на всѣхъ своихъ сослуживцевъ, не желавшая мириться со своей тусклой долей.

Ничего особеннаго не произошло. Начальство ограничилось отеческимъ внушеніемъ. Карпинскому былъ сдѣланъ строгій выговоръ. Но на нее иначе стали смотрѣть. Сплетня о драгунѣ пришлась всѣмъ по-сердцу. Она знаетъ, что у нея теперь репутація не лучше, чѣмъ у Копчиковой. Да вдобавокъ ее ругаютъ всѣ за „ябедничество“. Выговоръ Карпинскому разнесся. Этого телеграфиста считаютъ „порядочною дрянью“, а все-таки называютъ ее „шпіонкой“.

Разомъ она смирилась, и чувство опасности быть выгнанной, остаться безъ *вѣрнаго* заработка еще сильнѣе овладѣло ею. Визитъ къ Старковымъ показалъ ей, что и тамъ какъ будто о чемъ-то пронюхали. Она рѣшила больше не бывать у нихъ.

Дежурить она стала съ новымъ рвеніемъ, не возмущалась, не разсуждала, не дразнила себя, а цѣплялась каждый день все сильнѣе и сильнѣе за свою работу, которую еще такъ недавно звала „идіотской“.

Дверь изъ сѣней звякнула робко.

Проскурина не подняла голову. Она скоро, но отчетливо писала карандашомъ текстъ депеши: „Соня поправляется, докторъ обѣщаетъ, что эксудатъ“...

На этомъ словѣ она немного остановилась и перечла его еще разъ на лентѣ аппарата.

„Что эксудатъ,—повторяла она беззвучно губами,—скоро всосется“.

Кто-то чуть слышно кашлянулъ. Она повернула голову и карандашъ остановился.

— А! Это вы, Степановъ!

Онъ снималъ съ себя шарфъ и клалъ его вмѣстѣ съ фуражкой на столъ. Полудѣтское лицо его, румяное отъ мороза, съ капельками слезъ на рѣсницахъ, улыбалось ей робко и выжидательно.

Она поглядѣла на него ласковѣе обыкновеннаго.

„Этотъ преданъ мнѣ“,—подумала она, и ей стало его

жаль и совѣстно за то, какъ небрежно и горделиво обращалась она съ нимъ.

— Хотите чаю? Озябли? — спросила она все еще строговатымъ голосомъ, но глаза смотрѣли на него привѣтливо.

— Не откажусь, если имѣется.

— Вы откуда?

— Шелъ поблизости, Надежда Львовна; зайду, думаю, нынче день страдный. Помогу немножко.

— Вотъ какъ!

„Добрая душа,— подумала она, — не мнѣ чета, а я его не лучше Прицѣлова третирую!“

— Позволите?—спросилъ онъ, заходя за перила.

— Пожалуйста! У меня спину разломило совсѣмъ.

Онъ обтеръ платкомъ глаза, высморкался и сѣлъ на ея мѣсто, подобравъ тихенькимъ жестомъ полы своего форменнаго сюртука.

Она вся потянулась, прошлась раза два по комнатѣ широкимъ шагомъ, потомъ сходила на кухню распорядиться чаемъ и посмотрѣть, не выспался ли Прицѣловъ настолько, чтобы отправить его въ разносъ.

Степановъ сидѣлъ и старательно передавалъ депеши.

— Пустите меня!— сказала ему Проскурина. — Не всѣ депеши переданы. Сядьте сюда.

Онъ такъ же тихо продолжалъ свою работу и на другомъ мѣстѣ. Имъ подали чаю. Оба молча отхлебывали, и одна стучала ручкой, другой задѣлывалъ пакеты.

— Надежда Львовна! — первый заговорилъ Степановъ.

Голосъ его слегка дрогнулъ.

— Слушаю,—откликнулась она весело, почти дурачливыми звуками.

— Вы, пожалуйста, теперь не извольте безпокоиться.

— О чемъ?

— Да вотъ насчетъ этого самаго... прохвоста!..

Онъ покраснѣлъ и остановился.

— Извините,—поправилъ онъ себя.—Слово у меня вырвалось нецензурное, но, право, я иначе выразиться о немъ не могу.

— О комъ это?

— Да о Карпинскомъ...

Брови ея быстро сдвинулись. Онъ это замѣтилъ и сталъ тяжелѣе дышать.

— Я не могъ выносить всей ихъ пакостной болтовни...

— Зачѣмъ вы мнѣ это говорите?—прервала она его.

— Простите... только я для успокоенія.

Она заслышала слезы въ его голосѣ. Это ее тронуло.

— Ну-те, ну-те... разскажите толкомъ.

Степановъ пріободрился, поднялъ голову и отеръ лицо платкомъ.

— Простите, что я позволилъ себѣ, не доложивъ вамъ, дѣйствовать; но вы меня, Богъ милостивъ, и оправдаете.

Это „Богъ милостивъ“ очень ей понравилось.

— Зачѣмъ такое предисловіе, Степановъ?

Ей захотѣлось даже разсмѣяться, но лицо у него было страдальческое и выражало такую безпредѣльную преданность, что, сдѣлай она жестъ, — онъ сталъ бы цѣловать слѣды ея ногъ.

„Этотъ умѣетъ любить. Этотъ не измѣнитъ“, — думалось ей.

— Я слыхалъ,—порывисто заговорилъ Степановъ,—какія онъ позволяетъ себѣ рацеи тамъ, на центральной, и въ пріятельской компаніи. Также и госпожа Копчикова. Ну, да та—особа женскаго пола... Съ ней я не могу такъ... А къ этому я пошелъ прямо и, зная достаточно, какая въ немъ душонка... Мнѣ—вы не изволили слышать — выходило хорошее мѣсто въ губернію... Я ему и говорю: уступаю, молъ, тебѣ, и чтобъ духу твоего не было на Москвѣ! Ежели на это не согласишься, такъ будешь дѣло имѣть со мною, за всѣ твои гадости. Нужды нѣтъ, что я смирный, изъ крестьянскаго сословія, а я тебя доѣду!..

— И что же онъ?—вырвалось у Проскуриной.

Она приподнялась, и глаза ея стали мягче.

— Согласился. Вотъ и все! — громче выговорилъ Степановъ и тряхнулъ головой. — Какъ я разсчиталъ, такъ оно и вышло. Еще бы!

Степановъ поднялъ и сжалъ кулакъ. Лицо его проявляло несокрушимую волю.

„Убьетъ, скажи я только слово!“—подсказала себѣ Проскурина.

— Теперь однимъ пакостникомъ меньше. Я бы не сказалъ вамъ ни слова, Надежда Львовна, если бъ не затѣмъ, чтобъ васъ успокоить. А за мою смѣлость простите.

Голова его низко была опущена надъ столомъ. Онъ ждалъ ея слова и затаилъ дыханье.

Какимъ лучомъ нежданнаго счастія озарила бы она его, если бы поцѣловала въ голову!

Развѣ онъ не стоилъ такой ласки?

— Спасибо, Сергѣй Павловичъ!—выговорила она, впервые назвавъ его по имени и отчеству.

— Вы не будете гнѣваться на меня?

Дѣтскіе глаза, боязливые и блаженные отъ прилива затаенной страсти, умильно глядѣли на нее.

Ей захотѣлось плакать.

— Что вы! — прошептала она и протянула ему руку пріятельскимъ жестомъ.

Онъ порывисто схватилъ эту бѣлую, крупную руку и жарко поцѣловалъ ее; слезы брызнули изъ его глазъ.

Она прикоснулась губами къ его волосамъ.

Ни одной секунды не подумала она о томъ, что все это, можетъ-быть, подходъ, игра въ преданность глуповатаго, но хитраго ловеласа, такого же—кто его знаетъ!—испорченнаго, какъ и офицеръ Двоеполевъ. Она почувствовала, какъ Степановъ замеръ отъ нестерпимаго счастія.

— Ничего мнѣ не надо,—шепталъ онъ,—кромѣ одного вашего взгляда. Я знаю себѣ цѣну... вижу—кто вы и кто я.

— Вы гораздо лучше меня!

И ей неудержимо захотѣлось разсказать ему свою исторію съ драгуномъ, покаяться ему въ чванствѣ, бездушіи, глупой и черствой фанаберіи обѣднѣлой барышни, презиравшей всѣхъ, кто вмѣстѣ съ нею, на одной и той же службѣ, добывалъ себѣ кусокъ хлѣба.

Степановъ тихо плакалъ, отвернувъ отъ нея голову. Онъ не могъ сразу взяться за работу. Но черезъ десять минутъ они оба дѣйствовали около аппарата, улыбались другъ другу, и ихъ разговоръ часто прерывалъ задушевный, молодой смѣхъ.

„Что жъ!..—думала дѣвушка,—отъ меня зависитъ еще больше осчастливить его. Онъ можетъ быть моимъ мужемъ; я не потеряю мѣста,—напротивъ, вдвоемъ, будетъ гораздо лучше. Я сдѣлаюсь хорошей „юзисткой“; Адель Андреевна утомится, лѣтъ черезъ пять; на этой станціи меня могутъ назначить начальницей... Сорокъ пять рублей, квартира, дрова, освѣщеніе, два курьера“...

И рука ея, твердо стуча ручкой аппарата, какъ бы ощущала прочность своего дѣла и цѣплялась за него изъ всѣхъ силъ.

Оглавленіе X тома.

стр.

Поумнѣлъ. Повѣсть 3

Измѣнникъ. Повѣсть. 134

„Морзъ“ и „Юзъ“. Разсказъ. 252

Изданія **А. Ф. МАРКСА**, въ С.-Петербургѣ.

„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.

Соч **О. К. Арнольда.** Въ трехъ томахъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ. Второе, пересмотрѣнное и значительно дополненное изданіе. С.-Петербургъ. 1893 г. Большой томъ, отпечатанный на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ 2-хъ картъ, также пересмотрѣнныхъ и исправленныхъ, изображающихъ лѣсистость: одна—Россіи по отдѣльнымъ уѣздамъ, другая—западно-европейскихъ государствъ. Содержаніе: Предисловіе къ первому и второму изданіямъ.—Введеніе.—Статистика лѣсовъ. Приложенія: статистическія свѣдѣнія и двѣ карты лѣсистости. Отпуски лѣснаго матеріала. Непорядки въ хозяйствѣ русскихъ лѣсовъ. Лѣсоохранительный законъ 4 апрѣля 1888 г. Задачи по лѣсной части въ будущемъ. Лѣсоохранительные законы въ Западной Европѣ. 12 приложеній, заключающихъ въ себѣ подлинные тексты „Положенія о сбереженіи лѣсовъ“, Правительственныхъ распоряженій, наставленій и разъясненій. **Цѣна** I-го тома **4 руб.**, съ пересылкой **4 руб. 50 коп.**

ТОМЪ ВТОРОЙ. Содержаніе: элементы лѣсного хозяйства; лѣсная почва; строеніе и жизнь дерева; хозяйство въ лиственныхъ лѣсахъ (описаніе лиственныхъ древесныхъ породъ); хозяйство въ хвойныхъ лѣсахъ (описаніе важнѣйшихъ хвойныхъ древесныхъ породъ); хозяйство въ ивнякахъ; кустарники и разведеніе ихъ для образованія живыхъ изгородей и защитныхъ полосъ; естественное возобновленіе лѣсовъ; питомникъ и древесная школа, посѣвъ и посадка лѣса; особенности степного лѣсоразведенія; орудія, употребляемыя для лѣсоразведенія; опасности, угрожающія лѣсамъ; враги, повреждающіе ихъ; порядокъ рубки въ лѣсахъ; различныя справочныя свѣдѣнія. Къ этому тому приложено 125 художественно исполненныхъ гравюръ и политипажей съ изображеніемъ древесныхъ породъ и ихъ частей, а также культурныхъ орудій, и 17 эстамповъ на мѣди. **Цѣна** II-го тома **10 руб.**, съ перес. **10 руб. 60 коп.**

ТРЕТІЙ ТОМЪ. Новое, 2-е изданіе, съ 6-ю рисунками и 2-мя картами, печатанными 4-мя красками. Этотъ томъ содержитъ въ себѣ указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣсного хозяйства какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣніяхъ; устройство лѣса, съ начертаніемъ плана хозяйства; порядокъ эксплоатаціи лѣса; учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ; условія, какія должны быть включаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу; соотвѣтственное устройство администраціи и отчетности лѣсного имущества.

Въ новое изданіе внесены всѣ необходимыя дополненія, соотвѣтствующія новѣйшимъ официальнымъ распоряженіямъ, касающимся вообще устройства лѣсовъ. **Цѣна** III-го тома **2 руб.**, съ перес. **2 руб. 50 коп.**

Всѣ три тома вмѣстѣ уступаются, съ пересылкою, за 14 руб.

ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ КНИЖКА

для лѣсничихъ и лѣсовладѣльцевъ.

Составили **О. Арнольдъ** и **Э. Нидергеферъ.**

3-е, пересмотрѣнное и дополненное изданіе.

Въ новомъ, третьемъ изданіи прибавлена не помѣщенная въ прежнихъ изданіяхъ таблица для опредѣленія плотной древесной массы въ складочной мѣрѣ дровъ; таблица V (объема бревенъ по измѣренному верхнему діаметру) составлена вновь, а взамѣнъ прежней таблицы синусовъ и косинусовъ помѣщена таблица тангенсовъ, признаваемая болѣе удобной въ употребленіи для геодезическихъ цѣлей.

Вспомогательная книжка содержитъ въ себѣ таблицы для опредѣленія площади древесныхъ основаній и кубическаго содержанія какъ цѣлыхъ стволовъ, такъ и частей ихъ; таблицы площадей сѣченія круговъ и объемовъ цилиндра; временныя массовыя таблицы (для сосны, ели, дуба, березы и ольхи) и вообще всѣ тѣ таблицы, которыя необходимо всегда имѣть при себѣ лѣсничему, таксатору, лѣсовладѣльцу и лѣсоторговцу—при устройствѣ лѣсовъ, оцѣнкѣ лѣсосѣкъ, изслѣдованіи полнодревесности деревъ и соотвѣтствующихъ имъ видовыхъ чиселъ.

Книга имѣетъ цѣлью облегчить трудъ всякому, имѣющему дѣло съ разнообразными разсчетами по лѣсному хозяйству, и сберечь время на подобные разсчеты, давая всѣ необходимыя для того данныя. Изданныя до сихъ поръ подобныя таблицы весьма неудобны по своему большому формату, вслѣдствіе чего ими не всегда можно пользоваться при работахъ, между тѣмъ какъ эта книжка издана въ форматѣ, приспособленномъ для ношенія въ карманѣ, и можетъ быть постояннымъ спутникомъ лѣсничаго и лѣсовладѣльца.

Цѣна книжки въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ **1** р., а съ пересылкою **1 р. 20** к.

Только что отпечатано и поступило въ продажу
роскошное иллюстрированное изданіе in quarto

„НАТАНЪ МУДРЫЙ“

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ
Г. Э. ЛЕССИНГА.

Съ 35 рисунками и 11 эстампами.

Переводъ съ нѣмецкаго ВИКТОРА КРЫЛОВА. Съ историко-литературнымъ очеркомъ, примѣчаніями къ переводу и библіографическимъ указателемъ.

Это роскошное изданіе „Натана Мудраго“ отпечатано на **превосходной веленевой бумагѣ, крупнымъ, красивымъ шрифтомъ** и украшено **11-ю эстампами и 35-ю рисунками**, исполненными спеціально для него или выбранными изъ наиболѣе выдающихся нѣмецкихъ изданій.

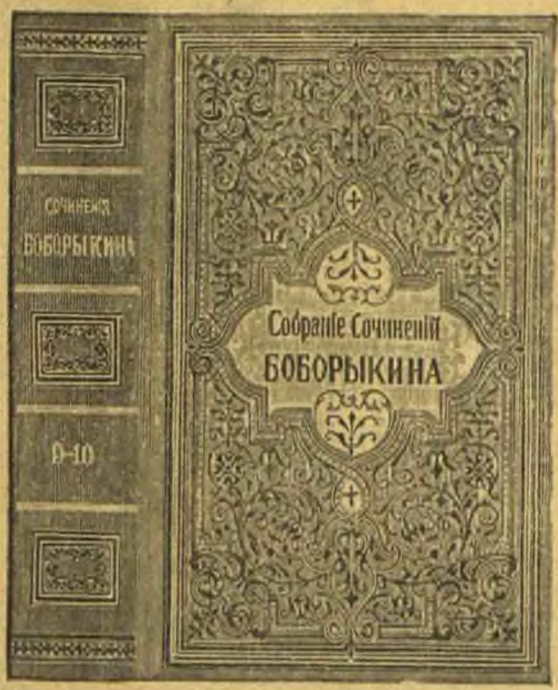
Тексту знаменитаго произведенія предпосланъ составленный В. Крыловымъ обширный историко-литературный очеркъ (состоящій изъ пяти главъ), въ которомъ говорится о жизни и дѣятельности Лессинга, какъ объ элементахъ, породившихъ „Натана“, излагается подробная исторія этого драматическаго произведенія и дается критика его внутренняго содержанія и художественнаго выполненія. Въ концѣ переводъ „Натана“ снабженъ обстоятельными примѣчаніями, объясняющими трудныя мѣста оригинала, и библіографическимъ указателемъ, который, знакомя читателя съ обширною литературою о „Натанѣ“, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ указанія на то, какъ относились къ этому произведенію самые выдающіеся нѣмецкіе писатели и ученые.

Большой томъ въ 4-ю долю листа, 404 стр. СПБ. 1897 г.

Цѣна этого роскошнаго изданія **6 р.**, съ перес. **7 р.**

Для любителей особо роскошныхъ изданій имѣется небольшое количество экземпляровъ, въ которыхъ **всѣ эстампы отпечатаны на китайской бумагѣ**, по цѣнѣ **15 руб.**, съ перес. **17 руб.**

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

6 КОЛЕНКОРОВЫХЪ КРЫШЕКЪ

на прилагаемые при „Нивѣ“ въ 1897 г.

12 томовъ соч. П. Д. БОБОРЫКИНА,

по одной крышкѣ на каждые два тома. Крышки весьма изящны и изготовлены изъ лучшаго англійскаго коленкора, съ красивыми тисненіями золотомъ и краскою. Крышки продаются только комплектами, т. е. **всѣ шесть вмѣстѣ, отдѣльныя же крышки не продаются.** Цѣна всѣмъ шести крышкамъ безъ пересылки (въ конторѣ „Нивы“ въ СПБ.) **1 р. 50 к.**, съ перес. **2 р. 50 к.**

Въ конторѣ **Н. Н. Печковской, въ Москвѣ**, Петровскія линіи, цѣна шести крышкамъ безъ пересылки 2 руб.

Съ требованіями обращаться въ **Контору изданій А. Ф. Маркса, СПБ., М. Морская, № 22**

20p.